

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для итомков на библиотечных полках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иередает в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все иометки, иримечания и другие заиси, существующие в оригинальном издании, как наиминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредирияли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заирсы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.

Мы разработали иrogramму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заирсы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заирсы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического распознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.

В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доилнительные материалы ири иомощи иrogramмы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.

Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих определить, можно ли в определенном случае исиользовать определенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает и пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск и этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com>

Case

Shelf

HARVARD UNIVERSITY

LIBRARY

OF THE

PEABODY MUSEUM OF AMERICAN
ARCHÆOLOGY AND ETHNOLOGY

TRANSFERRED FROM

Museum of Comparative Zoology
Rec. March 15, 1933

СБОРНИКЪ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХЪ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ
СТАТЕЙ
О РОССИИ И СТРАНАХЪ ЕЙ ПРИЛЕЖАЩИХЪ.

СБОРНИКЪ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХЪ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ

СТАТЕЙ

О РОССИИ И СТРАНАХЪ ВЪ ПРИЛЕЖАЩИХЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. А. ДАШКОВЫМЪ,

Директоромъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ, Почетнымъ членомъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Императорскою Обществу Испытателей природы, Императорской Академіи Художествъ и членомъ другихъ ученыхъ обществъ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Латковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1868.

26691

L.Soc. 100.987.57
Transferred from M.C.G.
Rec. March 10, 1933

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Ечатая нынѣ читанныя слишкомъ годъ тому назадъ, предъ открытиемъ Московской Этнографической выставки, антропологическая и этнографическая чтенія, касающіяся Россіи и странъ къ ней прилежащихъ, и присоединяя къ этимъ чтеніямъ краткій историческій очеркъ собиранія предметовъ для публичнаго этнографического музея *), я считаю полезнымъ объяснить здѣсь цѣль предпринятаго мною изданія.

По моему глубокому убѣженію, антропологическое и этнографическое изученіе племенъ, населяющихъ Россію, и родственныхъ русскому народу племенъ славянскихъ должно лечь въ основаніе бытовой, внутренней, культурной истории русского государства. До сихъ поръ труды нашихъ ученыхъ были обращены преимущественно на тѣ элементы и формы исторической жизни, которые были вызваны силами и духомъ велико-русского племени. Послѣдними объяснялись большою частію всѣ главныя и второстепенные явленія въ исторіи русского государства. Дѣйствительно, русское племя силою своего духа дало историческую жизнь и политическое значение обширнымъ равнинамъ восточной Европы. Оно привлекло къ этой жизни всѣ остальные племена, претворяя ихъ въ одинъ общій организмъ съ собою. Но чтобы опредѣлить всю трудность этого исторического подвига, совершенного русскимъ народомъ, уяснить ту массу усилий, которыя употреблены были имъ для того; необходимо изученіе племенныхъ свойствъ остальныхъ племенъ, которыя вошли въ составъ русского государства. Антропология и этнографія въ этомъ случаѣ явились бы вспомогательными науками для русской исторіи.

Съ другой стороны не менѣе важно этнографическое знакомство съ западными и южными Славянами: ибо только оно можетъ уяснить тѣ народныя черты въ русской жизни, которыя составляютъ общее достояніе какъ русского такъ и остальныхъ славянскихъ племенъ, а равно и тѣ черты, которыя явились вслѣдствіе самостоятельнаго развитія русского племени и отчасти вслѣдствіе столкновеній съ племенами не славянского происхожденія.

Трудами Императорскаго Географическаго Общества и его отдѣловъ, а также трудами Императорскаго Московскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи положено прочное начало для изученія нашего отечества въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Дашковскій этнографический музей, собравъ въ себѣ различныя предметы племенной жизни всѣхъ народовъ населяющихъ Россію, поставилъ себѣ задачею дальнѣйшее

*.) Будетъ напечатанъ во второй книгѣ.

пополненіе этихъ коллекцій. Этнографическій отдѣлъ Общества любителей Естествознанія принялъ на себя ученую обработку тѣхъ матеріаловъ, которые были вызваны мыслию объ устройствѣ въ Москвѣ этнографического музея. Но какъ пополненіе самыхъ коллекцій, такъ и ученая разработка этнографическихъ матеріаловъ, представляемыхъ нашимъ отечествомъ въ изобиліи, потребуютъ много труда и много времени. Необходимо было предположить этимъ трудамъ, хотя общее и краткое, разъясненіе самыхъ главныхъ и существенныхъ вопросовъ по части антропологии и этнографіи. Лекціи, прочитанныя предъ московской публикой въ марта и апрѣля 1867 года, вполнѣ удовлетворяютъ этой потребности, — и вотъ первая цѣль настоящаго изданія, соединившаго въ себѣ всѣ эти лекціи. Историческій же очеркъ собиранія предметовъ для этнографического музея вызванъ болѣе специальнуо цѣллю — указать, что уже сдѣлано этнографическимъ музеемъ и чего именно ему недостаетъ для всесторонняго знакомства съ бытомъ племенъ, населяющихъ Россію.

Но этими двумя цѣлями не вполнѣ еще будетъ достигнута главная задача нашего изданія и въ видахъ удовлетворенія этой задачи современемъ будетъ издана слѣдующая книга Сборника, которая будетъ заключать въ себѣ: отвѣтныя сочиненія на три мои преміи за изслѣдованія по этнографіи и антропологии, которые должны быть поданы въ Императорское Общество любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи къ 1-му января 1869 года. Темы предложены были слѣдующія: 1) Исторія русскихъ этнографическихъ изслѣдованій, касающихся племенъ населяющихъ Россію. Было бы желательно, чтобы при этомъ изслѣдованіи была представлена и библіографія по возможности полная, то-есть перечень этнографическихъ сочиненій и журнальныхъ статей, съ указаніемъ содержанія книгъ, наиболѣе замѣчательныхъ, и рецензій объ нихъ, картъ и матеріаловъ, касающихся этнографіи Россіи и каталоговъ существующихъ въ Россіи этнографическихъ собраній. 2) Сравнительно-историческій очеркъ этнографическихъ изслѣдованій, касающихся славянскихъ племенъ. При отвѣтѣ на эту тему желательно, чтобы были выяснены тѣ черты изъ современного быта Славянъ, которые общіи всѣмъ или многимъ славянскимъ племенамъ и которые отразились въ общемъ ходѣ русской исторіи. 3) Описаніе какого-либо инородческаго племени Россіи въ естественно-историческомъ отношеніи, согласно „общимъ инструкціямъ,“ изданнымъ Антропологическими отдѣломъ Императорского Общества любителей Естествознанія. На соисканіе премій имѣютъ право лишь сочиненія, написанныя на русскомъ языке и не печатанныя. На каждую изъ трехъ указанныхъ темъ назначены равные преміи по 500 руб. сер., которые и будутъ присуждены Обществомъ за лучшія представленные на конкурсъ изслѣдованія.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.аз.
Отъ издателя	I
✓ 1. Взіяніе очертанія материковъ и свойствъ почвы на умственное развитіе человѣка. Я. И. Вейнберга	1
✓ 2. Взіяніе климата на организмъ человѣка и на развитіе въ немъ болѣзней. И. И. Медвѣдева	15
✓ 3. Взіяніе растительного міра на культуру человѣка. А. С. Петровскаго	34
✓ 4. Значеніе крапіологии. А. П. Богданова	45
✓ 5. Объ общихъ покровахъ тѣла человѣческаго. Н. Д. Никитина	57
✓ 6. Этнографія и право. М. Н. Капустина	69
✓ 7. Человѣкъ въ области права. В. Н. Лешкова	77
✓ 8. Этнографические вымыслы нашихъ предковъ. Ф. И. Буслаева	93
✓ 9. Значеніе племенного характера въ народномъ хозяйствѣ. И. К. Бабста	102
10. Объ историческомъ движениіи русскаго народонаселенія. С. М. Соловьевъ	111
✓ 11. О велико-русскомъ племени. И. Д. Бѣляева	118
✓ 12. Потемкинъ и заселеніе новороссійскаго края. П. К. Щебальскаго	130
✓ 13. Погребальные обряды Грековъ и Скиѳовъ Босфора Киммерийскаго. К. К. Гѣрца	144
✓ 14. О законахъ музикальной гармоніи и національныхъ музикальныхъ инструментахъ, доставлен- ныхъ на этнографическую выставку. А. С. Владимірскаго	152
Приложенія къ лекціи г. Щебальскаго	169

ВЛІЯНІЕ ОЧЕРТАНІЯ МАТЕРИКОВЪ И СВОЙСТВЪ ПОЧВЫ НА УМСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЪКА.

I.

Мм. Іг.

Задача нашихъ чтений — научное подготавление публики къ предстоящей этнографической выставкѣ. Все въ природѣ обусловливается извѣстными причинами, все совершается по вѣчнымъ незыблѣмымъ законамъ. Законы эти могутъ быть угаданы или нѣтъ, но они тѣмъ не менѣе существуютъ. Въ природѣ физической одинаковая условія, однѣ и тѣ же причины производятъ одинаковыя слѣдствія. А если такъ, то мы приходимъ къ заключенію, что и быть народовъ, различіе ихъ типовъ, неравномѣрность ихъ физического и нравственного развитія должны также обуславливаться извѣстными законами.

Исторія естествознанія показываетъ намъ, что человѣкъ при изслѣдованіи явлений природы всегда переходитъ отъ общаго въ частному. Сначала явленіе поражаетъ его своей грандиозностию и онъ безотчетно платить дань удивленія природѣ: онъ безсилъ постигнуть дѣйствующія здесь причины и долгое время поддается этому обаянію. Но духъ пытливости, духъ анализа свойственъ намъ. Подобно какъ человѣкъ въ младенчествѣ ломаетъ игрушку дабы видѣть пружины, ею управляющія, такъ, по мѣрѣ духовнаго своего развитія, не ограничиваясь однимъ созерцаніемъ, онъ силится разгадать тайны творенія, постигнуть истинные причины загадочныхъ явлений природы. Мало по малу онъ приходитъ къ заключенію, что для пониманія данного явленія нужно предварительно изучать всѣ различные дѣятели, здѣсь участвующіе; и что общее тогда лишь можетъ быть вполнѣ угадано, когда всѣ частности извѣстны.

По мѣрѣ ознакомленія человѣка съ той планетой, на которой суждено ему жить, его поражало совершенное отсутствіе правильности въ очертаніи материковъ, въ расположениіи морей. Не замѣчая той симметріи, какую привыкъ онъ видѣть въ существахъ органическихъ, человѣкъ сталъ отрицать всякую связь между отдельными частями земной поверхности, сталъ видѣть въ ней одну безформенную безжизненную, массу (*rudis indigestaque moles, Ov.*) и въ самомъ дѣлѣ съ первого взгляда кажется, будто подобное возврѣніе совершенно справедливо. Взглядите на шаръ земной и глазъ вашъ едва-ли замѣтитъ хоть малѣйшую сим-

метрію; все здѣсь разбросано въ беспорядкѣ: неправильно очертаны материки, беспорядочно громоздятся горныя цѣпи, безъ всякой правильности распределены острова и полуострова, безъ всякой симметріи врѣзывается океанъ въ материки.

Кажущаяся неправильность частей земной поверхности внушила мысль, что все это явленіе чисто случайное, что между отдельными частями нѣтъ ни малѣйшей связи, что все равно — имѣютъ ли части свѣта тотъ или другой видъ. Не обращали вниманія на то обстоятельство, что подобно какъ разстоянія планетъ отъ солнца, скорости движенія ихъ и наклоненіе ихъ орбитъ къ эклиптицѣ суть элементы необходимые для устойчивости солнечной системы и находятся между собою въ строгой, органической связи, такъ и части земной поверхности, какъ произведенія одной и той же зиждительной воли Творца, должны составлять одно гармоническое цѣлое. Если намъ трудно постигнуть эту гармонію, угадать законы распределенія и очертанія частей свѣта, то отсюда еще не слѣдуетъ чтобы ея не было. Вспомнимъ, сколько прошло столѣтій, пока открыты были законы движенія небесныхъ тѣлъ, пока кажущаяся неправильности ихъ движенія нашли достойныхъ истолкователей. Такъ, между прочимъ, движеніе всѣхъ планетъ и ихъ спутниковъ съ запада къ востоку считали явленіемъ совершенно случайнымъ, пока Лапласъ не доказалъ, что это однообразное движеніе есть одно изъ условій устойчивости нашей солнечной системы.

Подобно какъ отдельная личность не можетъ существовать сама по себѣ, безъ влиянія на окружающихъ ее людей и, въ свою очередь, подчиняется ихъ взаимодѣйствію, такъ и данная страна и данный народъ вліяютъ на окружающіе ихъ страны и народы. Будучи рассматриваемо съ этой точ-

ки зреїнія, расположение материковъ является намъ не случайнымъ, но образуетъ одно дивно-стройное цѣлое, расположенное всемогущею десницею Того, Кто распредѣлилъ и свѣтила небесныя и подчинилъ ихъ дивной гармоніи. Риттеръ справедливо говоритъ, что если въ природѣ неорганической притяженіе прямо пропорціонально массамъ, то взаимодѣйствіе, оказываемое однимъ народомъ на другой, должно быть еще могущественнѣе. И въ мірѣ духовномъ существуютъ законы притяженія и отталкиванія, но законы эти познаются не математическими формулами, а читаются въ скрижалахъ народныхъ судебъ. Можно смѣло сказать, что еслибы части свѣта были выведены изъ нынѣшняго ихъ положенія, то исторія человѣчества была бы совершенна иная,—до такой степени судьбы народовъ связаны съ земнымъ ихъ жилищемъ. Подобно какъ человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, такъ и развитіе человѣчества и вся его исторія слагается изъ скелета—земной поверхности и разныхъ частей оной и изъ духа—духа народного и нравственного его развитія. Эти два элемента тѣсно связаны другъ съ другомъ и взаимно обусловливаются. Народъ участвуетъ въ космической жизни подъ совокупнымъ вліяніемъ видимой природы и разума, подъ вліяніемъ міра физического и міра нравственного.

Немного труда стбить, чтобы убѣдиться, что и на поверхности земного шара должна существовать также взаимная связь между отдельными частями, та же гармонія, которой справедливо удивляемся мы при рассматриваніи движенія небесного свода. Именно въ неправильномъ, несимметричномъ распределеніи суши и морей, въ неравномѣрности климатовъ и происходящемъ отсюда великому разнообразіи естественныхъ произведеній заключаются задатки къ болѣе

тѣсной связи между собою отдельныхъ частей свѣта, разныхъ странъ и поясовъ. Будь одна часть свѣта точной кошѣй другой въ отношеніи географическомъ и естествоисторическомъ, тогда не было бы повода ко взаимному сближенію народовъ, исчезло бы побужденіе къ географическимъ открытиямъ, къ тому неудержимому стремлению человѣка въ страны далекія, которое такъ превосходно характеризовано Гумбольдтомъ. Тогда бы каждый народъ могъ существовать отдельно, самъ по себѣ; измѣнился бы ходъ всемирной исторіи, быть можетъ исторіи не было бы вовсе. Будучи рассматриваемо съ этой точки зрѣнія, разнообразіе частей свѣта является намъ мучимъ рычагомъ, послужившимъ къ развитию человѣческихъ обществъ. Всякій народъ есть представитель своего жилища, въ народныхъ судьбинахъ отражается какъ въ зеркаль отчество каждого изъ нихъ. А если такъ, то самое жилище народовъ, самыя части свѣта не суть одни лишь механически-разграниченные куски земной коры, а искусственныя сочененія цѣльного, великаго планетнаго организма и земля является намъ космическимъ индивидуумомъ съ особенной, свойственной ему организацией, съ особеною космическою жизнью; это—*Ens suis generis* (Риттеръ).

Примѣромъ того, какъ прежній взглядъ на устройство нашей планеты былъ ошибоченъ, можетъ служить слѣдующее: долгое время смотрѣли на Океанъ, какъ на нѣчто разъединяющее, отчуждающее части свѣта другъ отъ друга и препятствующее взаимному сближенію между ихъ обитателями. Въ настоящее время взглядъ этотъ измѣнился. Многочисленные примѣры доказываютъ намъ, что не материкъ соединяетъ народы, а море служить посредствующимъ звѣномъ для сближенія частей свѣта и отдельныхъ странъ и чѣмъ таکъ на-

зывающая береговая линія длиннѣе, чѣмъ глубже вдается море въ материкъ и чѣмъ извилистѣе берегъ, другими словами—чѣмъ расчлененнѣе материкъ, тѣмъ международные сношенія болѣе облегчаются; народы сближаются между собою и вслѣдствіе этого каждая отдельная личность развивается быстрѣе; возрѣнія человѣка расширяются, онъ приобрѣтаетъ болѣе самостоятельности. Начиная съ Финикиянъ и Грековъ до жителей Великобританіи все подтверждаетъ вѣрность этого взгляда. Сношенія между Лондономъ и Нью-Йоркомъ, между Капштадтомъ и Мельбурномъ совершаются легче, чѣмъ между Москвою и Тифлисомъ. Швейцарія, до проложенія желѣзныхъ дорогъ, стояла какъ бы особнякомъ отъ остальной Европы; вспомнимъ также, какъ не полны до новѣйшаго времени были свѣдѣнія наши о Пиренейскомъ полуостровѣ: Пиренейская цѣль долгое время представляла родъ китайской стѣны для Франціи. Житель гористой Шотландіи развился иначе чѣмъ житель Англіи, столь же различенъ и житель Швеціи отъ обитателя Норвегіи относительно нравовъ, образа мыслей и политического своего развитія.

Когда же началъ человѣкъ обращать вниманіе на то огромное вліяніе, какое оказываютъ физическія условія на умственное развитіе народовъ, то стали появляться разныя ученія. Въ противоположность учению Платона, будто духовное развитіе человѣка совершенно независимо отъ окружающей его природы, Георенъ полагалъ, что человѣкъ можетъ сдѣлаться только тѣмъ, чѣмъ дѣлаютъ его физическія свойства обитающей имъ страны и обстоятельства жизни. Оба эти возрѣнія одинаково впадаютъ въ крайность. «Въ этнографіи, говоритъ Риттеръ, должна быть рѣчь о двухъ факто-рахъ: о веществѣ и о духѣ, равно какъ и въ психологіи говорится о тѣлѣ и душѣ,

потому что всѣ народы имѣютъ даръ слова, религіозныя вѣрованія, разумъ; даже самые варварскіе изъ нихъ имѣютъ свою грамматику, слѣдовательно свою духовную собственность, зиждущуюся на разумной основе.»

Гумбольдту и Риттеру обязаны мы правильнымъ рѣшеніемъ этого вопроса. Съ удивительнымъ остроуміемъ эти корифеи современного знанія показали намъ вліяніе, оказываемое природой на человѣка и обратно — воздействиe человѣка на природу. Здѣсь не мѣсто говорить о переворотѣ, совершенномъ въ наукѣ обоими этими учеными. Основная мысль Риттера — уяснить вліяніе частей земной поверхности, рассматриваемой имъ какъ часть одного органическаго цѣлаго, на духовную жизнь народовъ. Подъ гениальнымъ перомъ великаго географа характеръ и бытъ народа является какъ бы зеркаломъ, въ которомъ отражаются физическія условия мѣстности, служащей ему жилищемъ. А между тѣмъ Риттеръ никогда не теряетъ изъ виду духовную сторону бытія человѣческаго: если, по его воззрѣнію, сторона эта много зависитъ отъ природы физической, то не всецѣло; онъ во всемъ умѣеть находить нѣчто безконечное высшее, необъяснимое извѣстными намъ законами.

Для уразумѣнія вліянія, какое указываетъ жилище на человѣка, взглянемъ на особенности, представляемыя разными частями земной поверхности:

1) Три четверти земного шара покрыты моремъ, а лишь одна четверть занята сушей; столь огромное преобладаніе воды надъ сушей обусловливаетъ плодородіе почвы, обиліе рѣчныхъ системъ и, слѣдовательно, облегчаетъ международные сношения.

2) Две трети суши сосредоточены въ сѣверномъ и одна треть — въ южномъ полушаріи.

3) Земной шаръ можно пересѣчь плоскостію большаго круга такимъ образомъ, чтобы на одномъ полушаріи было максимум суши (*Landhemisphäre*), а въ другомъ максимум воды (*Wasserhemisphäre*). Центръ первого полушарія — Гибралтаръ, центръ втораго — Жильбертовы острова. Первое полушаріе поражаетъ насъ разнообразіемъ климата, второе же представляетъ вѣчное однообразіе морскаго климата. Континентальному полушарію надлежало много работать и усовершенствоваться, чтобы войти въ сношеніе со вторымъ, благодаря разнозненности частей его.

4) Старый свѣтъ опоясываетъ половину земного шара по долготѣ, новый же свѣтъ — по широтѣ; вслѣдствіе этого первый, въ общей сложности, представляетъ менѣе разнообразія, чѣмъ послѣдній.

5) Материкъ, по малой своей теплоемкости относительно воды, скоро нагрѣвается, скоро и охлаждается, вода же для нагрѣванія требуетъ много теплоты, но за то долго сохраняетъ свою температуру. Этимъ обусловливается различіе между континентальнымъ и морскимъ климатомъ. Континентальный климатъ представляетъ рѣзкіе переходы отъ теплоты къ холodu и обратно, между тѣмъ какъ морской болѣе однообразенъ, болѣе умѣренъ, безъ рѣзкихъ различій между лѣтними и зимними температурами.

Материкъ, благодаря своей обширности, различію климатовъ и изобилію естественныхъ произведеній, вырабатывается эти произведенія, умѣеть пользоваться своими богатствами, задаетъ работу своимъ жителямъ, развиваетъ ихъ умственныя способности, цивилизуетъ ихъ, потомъ сѣмена цивилизациіи и гражданственности онъ разбрасываетъ и съялкою является море. Напротивъ, островная природа не самостоятельная, а воспринимающая и усваивающая, но за то самое усвоеніе и ассимиляція здѣсь

происходить необыкновенно быстро: для остроного жителя достаточно нѣсколько десятковъ лѣтъ, чтобы совершать то, на что жителю материка потребны столѣтія.

Если, повидимому, нѣть разницы между западомъ и востокомъ, то за то мы находимъ великое различіе въ народахъ: житель востока сохраняетъ преданія старины и нравы праотцевъ; житель запада вѣчно измѣнчивъ: онъ человѣкъ бывалый, видаль многое, испыталъ много хорошаго и дурнаго, не довольствуется настоящимъ, вѣчно ждетъ новаго, лучшаго и къ нему стремится всѣми силами и помышленіями.

Подобно какъ въ жизни отдельной личности мы видимъ три возраста: младенчество, возмужалость и старость, такъ и жизнь народовъ представляеть намъ разныя эпохи умственного развитія, но продолжительность этихъ эпохъ обусловливается физическими свойствами каждой страны, зависить и отъ способности народа окрѣпнуть духовно и образовать собою одно политическое цѣлое. Въ этомъ отношеніи части свѣта получили различный удѣль. Азія, величайшая часть свѣта и богаче другихъ одаренная, уже отцвѣла. Полная драгоценныхъ историческихъ воспоминаній, почтенная старица поддерживается возмужалыми дѣтьми, получившими отъ нея свою жизнь, свою вѣру, свою исторію, свои преданія. Европа, наравнѣ съ младшей сестрой своей Америкой, является въ полномъ блескѣ умственныхъ силъ и духовной красоты. Велики обѣ сестры въ настоящемъ, полны надеждъ на будущее. Могущество ихъ отражается на Австралію, вовлеченну въ кругъ державныхъ сестеръ и жадно усваивающую себѣ зрѣлые уже плоды приносимой ей цивилизаци. Менѣе счастливый жребій выпалъ на долю Африки. Въ чредѣ другихъ частей свѣта она до сихъ поръ является слабѣйшей, и можно

предвидѣть, что и впредь цивилизація укрѣпится лишь на ея окраинахъ, ближайшихъ къ Европѣ. Центръ же ея и для будущихъ поколѣній, если, быть можетъ, и не будетъ *terra incognita*, то по крайней мѣрѣ никогда не будетъ играть значительной роли. Африка всегда рабою была, рабою и останется.

Мы сказали уже, что народъ—представитель своей страны и что народная судьбина тѣсно связаны съ географическимъ положениемъ мѣстности. Такъ полярные страны поражаютъ насъ своей монотонностью какъ относительно строенія почвы, такъ и относительно естественныхъ произведеній. Тутъ нѣть разницы между старымъ и новымъ свѣтомъ; повсюду однообразна природа, однообразно и скучно царство растительное и животное. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ этнографическія особенности народовъ, нѣть отдельныхъ, выдающихся личностей. Какъ блѣденъ лучъ солнца, освѣщающей полярные страны, такъ блѣдна и безцвѣтна жизнь обитателя этихъ странъ или, лучше сказать — это не жизнь, а прозябаніе, не жизнь, а постоянная, мучительная борьба со всѣми ужасами природы. Вся умственная дѣятельность человѣка здѣсь направлена къ тому, чтобы ограждать себя отъ упорного врага, вѣчно грозящаго ему гибелью; здѣсь нѣть наслажденій, нѣть отдыха, а одинъ лишь упорный трудъ, скучно вознаграждаемый, одна лишь страшная борьба за существованіе. Поэтому общественный бытъ, въ собственномъ значеніи, здѣсь немыслимъ, какъ немыслима самая осѣдлость; человѣкъ обреченъ здѣсь на вѣчное передвиженіе, на вѣчное перекочевываніе съ мѣста на мѣсто съ двумя домашними животными — сѣвернымъ оленемъ и собакой — вѣрными спутниками его плачевной доли. Безъ сожалѣнія оставляетъ онъ прежнее, чахлое кочевье, а новое сулитъ ему столько же труда, столько же лишений....

Совершенный контрастъ представляютъ намъ страны тропическія: тутъ вѣчное разнообразіе явлений природы и царства органическаго. Великолѣпныя растенія, не находя болѣе мѣста на землѣ, подымаются вверхъ, выются, перебрасываются съ вѣтви на вѣтвь. Повсюду жизнь и дѣятельность, повсюду природа оживлена звуками и красками. Богатѣйшая фауна на всякомъ шагу поражаетъ насъ великолѣпіемъ своихъ цвѣтовъ, красотою и разнообразіемъ формъ. Все торопится жить, все здѣсь наслаждается своимъ существованіемъ; одно тѣснить другое и спѣшить занять какъ можно болѣе мѣста на великолѣпномъ торжествѣ природы. Но именно эта роскошь, именно это изобиліе естественныхъ произведеній останавливаетъ умственное развитіе человѣка: богатство природы гнететь, подавляетъ его, не даетъ простора его изобрѣтательности, смигается надъ его усилиями, покрываетъ растеніями его искусственные произведенія. Среди подавляющей и балующей его природы человѣкъ теряетъ энергию; вслѣдствіе легкаго удовлетворенія своихъ жизненныхъ потребностей онъ мало заботится о собственности своей; нѣть законовъ, которые ограждали бы эту собственность отъ произвола и насилия, нѣть гражданственности въ собственномъ смыслѣ, а отдѣльные лишь семейства; самыя даже племена носятъ чисто семейный характеръ; нѣть учрежденій для всѣхъ обязательныхъ; всякое племя живетъ особнякомъ, удерживаетъ племенное свое различие, а при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ исчезаетъ вовсе.

Высокія страны, суровыя плоскогорія, представляя дикую, безлѣсную степь, дѣлаютъ также невозможной осѣдлую жизнь: скучные произведенія почвы скоро истощаются и нужно пріискивать новыхъ мѣстъ. Здѣсь очевидно лишь мѣсто кочующимъ на-

родамъ, какъ видимъ мы это въ средней Азіи, въ Туранѣ, въ центральной Африкѣ и Америкѣ. Высокія горы и суровыя ущелья обусловливаютъ самобытность и индивидуальный характеръ своихъ жителей; тутъ каждый предоставленъ самому себѣ, самъ долженъ умѣть побѣждать всѣ встрѣчающиеся препятствія. Тутъ большую частію преобладаетъ та сила физическая и ловкость, которой издавна отличается житель Тироля, Швейцаріи, Кавказа.

Такимъ образомъ видимъ мы, что лишь тѣ страны, кои по географическому своему положенію, умѣренному климату и пропорциональному ему количеству и качеству естественныхъ произведеній не представляютъ крайностей, не слишкомъ богаты, но и не слишкомъ бѣдны, однѣ лишь способны къ истинному процвѣтанію и только такимъ странамъ выпала счастливая доля быть по-прищемъ человѣческой цивилизаци, быть театромъ великихъ произведеній ума человѣческаго. Это особенно замѣчается тамъ, где рѣчные бассейны и моря много способствуютъ взаимному сближенію народовъ, а слѣдовательно и обмѣну идей. Дѣйствительно, всѣ великие рѣчные бассейны имѣли вліяніе на ходъ міровыхъ событий. Такъ Висла, Одеръ, Эльба, Везеръ и Рейнъ постоянно служили путями сообщенія южной Европы съ сѣверной; вдоль по бассейну Рейна происходили войны Римлянъ съ Гельветами, Галлами, Германцами и Батавами. Терраса Дуная, обращенная къ востоку, обозначаетъ собою путь, по которому двигались народы, подобно всесокрушающему напору волнъ. Это движение известно въ исторіи подъ названіемъ великаго переселенія народовъ. Гунны и Готы двинулись вверхъ по течению Дуная; этому же пути, въ позднѣйшія времена, слѣдовали Венгры и Турки.

Но если рѣчные бассейны служатъ мо-

гущественнымъ средствомъ для международныхъ сообщеній, то это свойство въ высшей степени принадлежитъ морямъ и океанамъ. Море всегда манило человѣка въ страны далекія, возбуждало его изобрѣтательность, служило звѣномъ, связывающимъ между собою народы. Благодаря Средиземному морю и огромной длинѣ его береговой линіи, благодаря его многочисленнымъ заливамъ и пристанямъ, южная Европа по справедливости считается колыбелью нынѣшней цивилизациі. Здѣсь процвѣтала Финикия съ великой своей колоніей, цвѣла нѣкогда Греція, оставивъ позднѣйшимъ поколѣніямъ недосытаемые образцы по всѣмъ родамъ умственныхъ произведеній. Здѣсь возросъ римскій колоссъ, удивлявшій весь міръ въ своемъ счастіи и несчастіи;

здѣсь процвѣтала великая средне-вѣковая республика; здѣсь и въ наше время крѣпнетъ Италія, стяжнувъ съ себѣ вѣковую разрозненность, вѣковое рабство. Часть греческаго полуострова въ первую четверть нынѣшняго столѣтія сбросила ненавистное иго пришельца и зажила самостоятельную жизнью. Предъ глазами нашими и остальная части древней Греціи, остальная порабощенная славянскія племена, крѣпкія вѣрою своихъ праотцевъ, въ непоколебимомъ сознаніи своихъ национальныхъ правъ, оказываются чудеса храбрости и отваги, встрѣчаемыя сочувствіемъ нашего отечства и болѣшей части Европы. Предъ нами разыгрывается первый актъ великой драмы, благополучного окончанія которой, быть можетъ, удастся намъ быть свидѣтелями!...

II.

Приложимъ общія разсужденія относительно вліянія очертанія материковъ и свойствъ почвы на умственное развитіе человѣка къ каждой части свѣта въ отдѣльности и разсмотримъ, въ какой мѣрѣ физическая особенности каждого материка отражаются на его обитателяхъ.

Океанія. Подобно тому, какъ весь шаръ земной можно дѣлить на континентальное и морское полушарія, такъ и южное полушаріе можно раздѣлить на двѣ части: континентальную и морскую. Въ этомъ случаѣ Океанію можно назвать океаническимъ югомъ земного шара, въ отличіе отъ Африки и южной Америки, заслуживающихъ название юга континентального.

Австралия помѣщена въ срединѣ этого континентального юга. Хотя полуостровъ Малакка и острова Суматра и Ява и представляютъ какъ бы переходный мостъ между Азіей и Австралией, но, благодаря стагнаціи китайско-манджурскаго населенія, это

обстоятельство не принесло пользы и Австралия до новѣйшаго времени оставалась чуждой Азіи. Вдали отъ всякаго непосредственного сообщенія съ прочими частями свѣта, она представляетъ особенности, какія тщетно ищемъ мы въ прочихъ частяхъ свѣта. Австралия такая же невѣдомая земля, какъ и центральная Африка; даже теперь центръ ея для насъ *terra incognita* и всѣ попытки проникнуть туда остаются безуспѣшными. Много говорено было объ обширномъ озерѣ, существующемъ будто бы въ срединѣ австралийского материка, но по незначительности рѣкъ едва ли подобное предположеніе справедливо. Здѣсь все самобытно: и растительность и животное царство и человѣческое племя, населяющее Австралию. Какъ однообразенъ морской климатъ и характеръ острововъ, составляющихъ Океанію, такъ однообразны ея жители относительно физического своего развитія, языка, обычаевъ и учрежденій.

Пришли они въроятно съ запада чрезъ переходный мостъ; есть даже основаніе предполагать, что нѣкогда Австралія непосредственно соединялась съ азіатскимъ материомъ посредствомъ перешейка, коего обломки нынѣ составляютъ большиe Зондскіе острова. Много должны были успѣвать европейцы въ наукѣ, чтобы достигнуть до того таинственного міра, который называемъ Океаніей, дабы вовлечь и его въ кругъ цивилизаціи; принять онъ былъ послѣднимъ, но за то щедро наградилъ труды воспитателей. Благодаря своему воспріимчивому, островному характеру, Океанія быстрѣе всѣхъ усваиваетъ себѣ приносимыя ей блага; то, чего другимъ странамъ удается достигнуть лишь по прошествію вѣковъ, для жителей Океаніи, дѣятельныхъ, способныхъ и въ высшей степени воспріимчивыхъ, дается въ нѣсколько десятилѣтій. Такъ 88 лѣть прошло и на тѣхъ самыхъ Сандвичевыхъ островахъ, гдѣ былъ убитъ и съѣденъ дикими знаменитый Кукъ, теперь засѣдаетъ парламентъ, красуется университетъ. Что же касается до Австраліи, то пунеть, служившій метрополіи въ прежнее время мѣстомъ ссылки преступниковъ, въ настѣящее время сталъ центромъ дѣятельности всего южнаго полушарія, а неисчерпаемые вновь-открытые золотые рудники оставляютъ далеко за собою и Азію и пресловутую Америку и привлекаютъ множество переселенцевъ со всѣхъ сторонъ.

Африка. Африка — ближайшая часть свѣта къ южной Европѣ и отдѣлена отъ неї лишь узкимъ проливомъ, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, она далѣе отъ Европы, чѣмъ Америка.

Съ понятіемъ Африки соединяется у насъ понятіе о чёмъ-то недоступномъ, знайномъ, умерщвляющемъ, полномъ ужасовъ песчаныхъ степей. Желая выразить нѣчто невыносимое, бесплодное, мы говоримъ: афри-

канскій жарь, Сахара. Африка представляеть собою одно нераздѣльное, неразчлененное цѣлое; это огромное, старое дерево, но безъ вѣтвей, безъ тѣни, безъ плодовъ. Подобно тому какъ поразительны по странности своей фактузы, эти печальные дѣти пустыни, таѣтъ грустно и странно отечество, произведшее ихъ. Горы окаймляютъ африканскій материкъ почти со всѣхъ сторонъ, уменьшая чрезъ это благодѣянія морскаго климата. Нѣкоторыя горныя цѣпи въ центральной Африкѣ, хотя и покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, но протяженіе ихъ не велико, не велико поэтому и вліяніе ихъ на климатъ. Число рѣкъ незначительно въ сравненіи съ величиною материка и не можетъ вознаградить сухость песчаной и раскаленной почвы. Истокъ двухъ величайшихъ рѣкъ и до сихъ поръ несовершенно изслѣдованъ, не смотря на всѣ усиленія отважныхъ путешественниковъ, осмѣлившихся срывать завѣсу съ таинственныхъ африканскихъ странъ. Центральная часть материка намъ все еще неизвѣстна; можно ручаться, что тамъ нѣть обширныхъ бассейновъ воды, иначе климатъ и растительность были бы иные. Описанія въ извѣстіяхъ путешественниковъ весьма плодородныхъ мѣсть, встрѣчаемыхъ внутри Африки и изобилующихъ млекомъ и медомъ, кажутся преувеличенными и въроятно зависятъ и отъ новости впечатлѣній и отъ сравненія съ пройденными безплодными степями. Вспомнимъ, какъ увлекательны были разсказы путешественниковъ, впервые посѣтившихъ Гренландію; вспомнимъ также, какимъ раемъ рисовали намъ Исландію!

Длина береговой линіи относительно площади африканскаго материка менѣе чѣмъ гдѣ-либо и вдвое менѣе береговой линіи Европы, хотя площадь послѣдней втрое менѣе поверхности Африки. Дѣленіе африканскаго материка на возвышенный и низмен-

ный оказывается скорѣе терминомъ географическимъ, чѣмъ климатическимъ. Собственно говоря, тутъ нѣтъ разницы въ поясахъ; тутъ нѣтъ ни сѣвера, ни юга, нѣтъ ни востока, ни запада; нѣтъ контрастовъ ни въ почвѣ, ни въ растительности, ни въ животныхъ. Левъ встрѣчается одинаково въ Алжирѣ, въ Сахарѣ и около мыса Доброй Надежды; гена одинаково беспокоитъ жителя Туниса и бойера; крокодилъ водится и въ Нилѣ и въ рѣкахъ южной Африки.

Какъ однообразна флора и фауна, такъ однообразно и человѣческое племя и по физическому и по умственному своему развитію; даже языкъ различныхъ негрскихъ племенъ поразительно сходенъ, отличаясь только діалектическими особенностями, зависящими, по всѣмъ вѣроятностямъ, отъ влиянія иноземцевъ, утвердившихся на окраинахъ материка. Даже у болѣе развитыхъ негрскихъ племенъ мы не видимъ государственной жизни въ собственномъ смыслѣ; эта какъ бы одна семья безталанная, безъ прошедшаго и будущаго, безъ внутренняго единства, безъ общихъ интересовъ. Какъ неподвижна песчаная степь, такъ неподвиженъ и человѣкъ; тутъ нѣтъ историческихъ преданій, нѣтъ фантастическихъ разсказовъ, ибо нѣтъ ничего загадочнаго — повсюду одно и тоже! Нѣтъ истории, нѣтъ сожалѣнія о прошломъ, нѣтъ радостей въ настоящемъ, нѣтъ надежды на будущее. Умъ африканца столь же тяжелъ, столь же неподвиженъ, столь же бесплоденъ, какъ его пирамиды. Африка всегда побѣждена была другими народами: побѣждена она была Персами, Римлянами; сыны Африки какъ товарь въ продолженіи вѣковъ вывозимы были въ другія части свѣта. Дѣти отнимались у родителей и уводимы были въ рабство, на пожизненное истязаніе. Въ настоящее время постыдный этотъ торгъ прекратился, по крайней мѣрѣ яв-

но; но племена продолжаютъ враждовать между собою и понынѣ: здѣсь раздаются лишь крики побѣдителей и вопль побѣжденныхъ, осужденныхъ на несказанныя мученія!...

Америка. Если старый свѣтъ преимущественно распространяется въ ширину, то Америка далеко распространяется въ длину — отъ сѣвера къ югу, мѣня дважды ширину свою. Пролегая по большему числу параллельныхъ круговъ чѣмъ Азія, Америка имѣеть вдвое болѣе климатическихъ поясовъ, а отъ такого климатического различія происходитъ разнообразіе естественныхъ произведеній и этнографическихъ особенностей.

Южная Америка представляетъ сходство съ Африкою по внѣшнему своему очертанію и малому развитію береговой линіи. Преграды же, представляемыя ею усилиямъ человѣка, обусловливаются не бесплодіемъ почвы, не степнымъ характеромъ, а напротивъ чрезвычайной производительностью страны. Тутъ физическая природа богатствомъ своимъ подавляетъ человѣка: онъ становится безсильнымъ оспаривать почву у богатой растительности, которая то преграждаетъ ему дорогу, то высится въ воздухѣ, образуя непроницаемый покровъ.

Обиліе рѣкъ и влажности обусловливаютъ лишь большую энергию растительного царства и разложеніе отжившихъ растеній. Такимъ образомъ въ этой мѣстности польза рѣчныхъ бассейновъ для человѣка становится отрицательною; русло рѣкъ приводить его отъ мѣсть мало обитаемыхъ въ страны, еще болѣе пустынныя, и величайший рѣчной бассейнъ въ міре становится здѣсь почти бесполезнымъ. Въ этихъ странахъ человѣкъ обреченъ на одиночество, на разрозненность интересовъ, на индивидуальную способность и энергию вести удачную или неудачную борьбу съ силами приро-

ды Каждый необдуманный шагъ влечеть за собою погибель—погибель среди самой роскошной обстановки, повидимому призывающей къ жизни и наслажденюю. Благодаря огромной цѣпи горъ замыкающей материкъ съ западной стороны, благодаря узкому перешейку, не соединяющему, а скрѣе отдѣляющему Сѣверную Америку отъ Южной, послѣдняя всегда стояла особнякомъ, безъ всякаго сообщенія съ обширнымъ сѣвернымъ материкомъ, подобно какъ находилась Африка относительно Европы. Такъ Перу, заключенная между Андами и Тихимъ Океаномъ, безъ сообщенія съ прочими частями материка, развилаась совершенно самобытно; но перуанская цивилизациѣ не оказала вліянія на прочія американскія племена.

Совершенно другое представляеть намъ сѣверная Америка, испоконъ вѣковъ назначенная для братскаго союза съ Европой. Огражденная отъ Азіи океаномъ, цѣпью горъ, а еще болѣе неподвижностю монгольского племени, она на восточной сторонѣ, обращенной къ Европѣ, представляеть наибольшее развѣтвленіе береговой линіи, наибольшее количество заливовъ. Направление пассатныхъ вѣтровъ, равно и морскихъ теченій, совершая почти круговоротъ, пролагаетъ какъ бы путь ко взаимномуближеню Сѣверной Америки съ Европой. И, дѣйствительно, еще задолго до Колумба, морскія теченія и пассатные вѣтры давали знать европейцу, что вдали, на западѣ долженъ существовать материкъ богатый дарами природы и туда стремился онъ всѣми силами своего генія. Въ орографическомъ и гидрографическомъ отношеніи сходная съ Европой, сѣверная Америка выставила предъ собою рядъ великолѣпныхъ острововъ и у прибрежья — рядъ превосходныхъ пристаней, какъ бы приглашая къ себѣ европейца. Послѣдній понялъ всю

важность открытій великаго Генуэзца; можно сказать даже, что ни однимъ открытиемъ человѣкъ не воспользовался и не усвоивалъ его себѣ столь быстро. Подобно какъ въ старомъ свѣтѣ происходило переселеніе народовъ съ востока на западъ, такъ и въ Америку начались переселенія европейцевъ, и это переселеніе, особенно въ Сѣверной Америкѣ, принесло собою не разрушение и смерть, а благодатные плоды цивилизациї. По особенному стечению счастливыхъ обстоятельствъ, сѣверная Америка населена была англо-германскимъ племенемъ и населена поздно, когда племя это стояло уже на высокой степени умственного развитія. Южная и Средняя Америка манила испанцевъ своимъ золотомъ, но приманка эта, временно обогативъ великую монархію Карла V, въ послѣдствіи стала одной изъ причинъ ея упадка и морального разложения. Напротивъ, сѣверная Америка приманивала колонистовъ сходствомъ своимъ съ метрополіей, обиліемъ своихъ пристаней, великими и многоразвѣтвленными рѣчными бассейнами, обширными озерами, необозримыми prairies. Благодаря всему этому, благодаря неистощимымъ богатствамъ, скрытымъ въ нѣдрахъ ея и вышедшихъ на свѣтѣ Божій лишь въ новѣйшее время, Сѣверная Америка постоянно привлекала и привлекаетъ къ себѣ европейцевъ, скоро сдѣлалась колоніей могущественной державы и участницей умственного и политического развитія англо-германского племени. И скоро окрѣпла колонія, перестала нуждаться въ материнскихъ заботахъ, сдѣлалась державой самостоятельной на удивленіе миру.... Неудержимъ наплыvъ европейцевъ, неудержимы успѣхи цивилизациї! Первобытные жители Америки въ глубокомъ сознаніи своей несостоятельности предъ европейцемъ, въ по-вѣряхъ своихъ самихъ себя обрекаютъ на

недолгое существование совместно съ бѣльмъ человѣкомъ. Аборигены оттѣсняются постепенно и мало-по-малу исчезаютъ съ лица земли. По прежнимъ *prairies* про-легаютъ рельсовые пути; повсюду открываются новые сокровища, а изумительное количество и протяженіе желѣзныхъ доро-гъ, уничтожая разстоянія, разносятъ эти дары природы и возводятъ повсюду равновѣсие произведеній естественныхъ и умственныхъ.

Азія. Въ противоположность съ Европой, Азія представляетъ преобладаніе мас-сы ствола надъ вѣтвями. Съ трехъ сто-ронъ омываемая моремъ, она срослась съ Европой въ одно цѣлое и въ этомъ сро-станіи нельзя не видѣть указанія на срод-ство обѣихъ частей свѣта и на обоюдную ихъ зависимость во всѣхъ естественныхъ явленіяхъ и историческихъ судьбинахъ.

Направленіе горныхъ системъ въ Азіи таково, что раздѣляя весь материкъ на три части въ физическомъ отношеніи, онѣ въ то же время совершенно отчуждаютъ одну часть отъ другой. Тутъ видимъ мы какъ бы три отдельные міра, различные между собою какъ климатомъ своимъ и есте-ственными произведеніями, такъ и харак-теромъ своего населенія. Сѣверная и сред-няя Азія, занимая большую часть матери-ка, въ политическомъ отношеніи играютъ гораздо меньшую роль, чѣмъ южная часть Азіи, издавна служившая поприщемъ величайшихъ религіозныхъ и политическихъ событій. Здѣсь колыбель человѣчества, здѣсь начало умственного его развитія, истори-ческихъ его судебъ.

Отрѣзанная отъ средней Азіи цѣпью горъ и понижаясь постепенно къ Ледовитому оке-ану, Сибирь представляетъ намъ вѣчное однообразіе полярныхъ странъ. Великіе рѣчные бассейны не приносятъ пользы, по-тому что рѣки большую часть года покры-

ты льдомъ и направляясь на сѣверъ пе-renoсятъ насъ отъ странъ мало обитае-мыхъ къ мѣстамъ вовсе непроходимымъ. Будь горная цѣпь расположена на сѣверѣ, она оберегла бы материкъ отъ гибельного вліянія Ледовитаго моря и сдѣлала бы его доступнымъ вліянію южныхъ вѣтровъ. Тогда бы и климатъ Сибири и всѣ естественные яя произведенія были совершенно иные. Въ центральной части Азіи, однообразная песчаная почва, похожая на африканскую, обусловливаетъ и великое однообразіе кли-мата и сопряженныхъ съ онимъ естествен-ныхъ произведеній. Линіи, обозначающія собою предѣлы распространенія животныхъ и растеній и представляющія въ другихъ странахъ самые разнообразные изгибы, въ средней Азіи принимаютъ направленіе почти параллельное экватору, до такой степени здѣсь однообразны климатические условия и строеніе почвы. Все это не могло не оста-ваться безъ вліянія на характеръ жителей, на ихъ нравы, обычаи и образъ жизни. Та же таинственность окружала среднюю Азію до новѣйшаго времени, какъ и централь-ную Африку: появившія немногихъ путешественниковъ, дерзнувшихъ проникнуть въ эти страны, были единственными источ-никами нашихъ сѣдѣній о средней Азіи. Не находя себѣ мѣста на родинѣ, народы ринулись на западъ, на Европу, и весь ужасъ дикаго завоеванія спослѣдовалъ за этимъ вторженіемъ. Но потокъ успокоил-ся, герои исчезли, союзы рушились, на-роды впали въ обычную свою апатію и сми-ренно перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто. Подобно тому какъ африканский мате-рикъ не способенъ выработать нѣчто само-стоятельное и вѣчно подчиняется чужо-му вліянію, такъ и центральная Азія долго оставалась неподвижной, почти забытой, пока, вслѣдствіе неотразимаго хода исто-рическихъ событій, она вовлечена была

Европой въ народную семью, сдѣлалась участницей міровыхъ событій.

На противъ, Азія по окраинамъ своимъ представляеть великия различія: каждая вѣтвь ея имѣеть свою горную цѣль, свои рѣки, свою систему вѣтровъ, свои произведенія, свои религіозныя вѣрованія, свои философскія воззрѣнія. Мы различно понимаемъ міръ китайскій, малайскій, индійскій, персидскій, аравійскій. Каждая страна представляеть свойственныя ей индивидуальности: нѣть гармоніи, нѣть единства, нѣть общихъ началъ цивилизації, могущихъ имѣть обязательную силу для всѣхъ. Отчужденный религіозными вѣрованіями и обычаями, лишенный дѣятельности, умъ человѣка здѣсь сосредоточенъ въ самомъ себѣ, а слѣдствіемъ этого, являются чудныя, фантастическая литературы произведенія и столь же фантастическая міросозерцанія. Но развивъ культурные зародыши до извѣстной степени, человѣкъ здѣсь остановился на извѣстной степени правственного совершенства и находится какъ бы въ оцѣнѣніи. Въ высшей степени невоспріимчивый, житель Азіи остановился на своихъ восточныхъ воззрѣніяхъ и даѣте не пошель. Стагнація Китая обратилась въ пословицу: манджурскіе завоеватели не принесли съ собою, да и не встрѣтили ничего нового и легко могли слиться съ побѣженными. И потому Азія есть востокъ въ собственномъ смыслѣ слова; это историческая почва, дорогая всѣмъ намъ по религіознымъ воспоминаніямъ, по великимъ преданіямъ древности. Житель Азіи поконится на лаврахъ прошлаго своего величія и сосредоточенный въ самомъ себѣ, имѣеть о себѣ самое высокое понятіе: ему нечemu учиться, нечего и не у кого заимствовать: онъ древнѣе, могущественнѣе, умнѣе всѣхъ прочихъ народовъ міра и лишь по несказанному своему великому

душию дозволяеть жителямъ тьмы — европейскимъ варварамъ — стать твердою ногою, учреждать повсюду факторіи. Его побѣдили, доказали явную несостоятельность всѣхъ государственныхъ учрежденій, горсть европейцевъ разбила огромныя его полчища — все это ничего, все совершается лишь по соизволенію великодушнѣйшаго Сына Неба, дозволившаго варварамъ по несказанному благоволенію своему также воспользоваться частію даровъ, ниспосланыхъ средоточію вселенной. Что бы не происходило въ мусульманскомъ мірѣ, все заранѣе опредѣлено рокомъ; чтобы ни дѣлалъ человѣкъ, дѣйствія его не поведутъ ни къ чему, если нѣть на то воли судьбы; всѣ успѣхи цивилизації, всѣ великие плоды ума человѣческаго ровно ничего не значать: все это такъ дѣлъ — предопредѣленіе, а противъ предопредѣленія человѣкъ безсиленъ!

Европа. Европа — совершенный контрастъ Азіи или востока. Это западъ въполномъ смыслѣ слова, вѣчно подвижный, вѣчно дѣятельный, гордый своимъ прошедшими, полный сознанія своего настоящаго, преисполненный надеждъ на будущее, въ противоположность съ неподвижнымъ востокомъ и его минувшимъ величіемъ.

Европейскій материкъ повсюда расчлененъ и расчененіе его тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе удаляется онъ отъ востока. Чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ уже становится материкъ, тѣмъ части его становятся доступнѣе для международныхъ сношеній и тѣмъ болѣе форма одерживаетъ верхъ надъ массой. Въ Европѣ мы видимъ преобладаніе вѣтвей надъ массой ствола. Поэтому почва ея представляетъ наибольшее разнообразіе на наименьшемъ пространствѣ. Береговая линія имѣеть небыковенную длину. Поверхность занимаемая внутренними морями равна половинѣ всей поверхности европейскаго материка. Сюда же присоединяет-

ся еще изобиліе рѣкъ. Европа втрое менѣе Африки, но береговая линія ея вдвое болѣе африканской и равна окружности земного шара подъ экваторомъ. Хотя береговая линія Азіи на одну четверть болѣе чѣмъ въ Европѣ, но не слѣдуетъ забывать, что поверхность Азіи слишкомъ вчетверо болѣе поверхности Европы.

Въ Азіи рѣчные системы удалены другъ оть друга или огромными пространствами или непроходимыми цѣпями горъ; въ Европѣ онѣ близки и большую частью легко соединямы другъ съ другомъ. Такъ въ Россіи могли бытъ соединены Балтійское море съ Чернымъ, Бѣлое море съ Каспійскимъ. Даже сплошная масса европейскаго материка не составляетъ преграды для международныхъ сношеній: съверъ легко дружитъ съ югомъ, востокъ съ западомъ, ибо горныя цѣпи не имѣютъ направленія, параллельно экватору какъ въ Азіи, и не параллельно меридіану какъ въ Америкѣ, а распределены по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, такъ что, несмотря на многочисленныя попытки ученыхъ, нельзя найти между ними никакой правильности.

Климатъ Европы умѣренный, вслѣдствіе большаго протяженія материка съ запада къ востоку и вслѣдствіе постоянной почти борьбы между съверо-восточнымъ и юго-западнымъ пассатами. И потому здѣсь все умѣreno, такъ что еще Геродотъ справедливо обозначалъ Европу какъ самое удобное жилище для рода человѣческаго. Тутъ нѣть той роскошной растительности, нѣть той удивительной фауны, какую встрѣчаемъ мы въ другихъ странахъ свѣта, но зато нѣть степей Сахарскихъ и Бухарскихъ, нѣть чудныхъ бразильскихъ лѣсовъ, но зато нѣть убийственнаго климата Гвіаны. Это не страна чудесъ: тутъ нѣть рая, нѣть иада. Вслѣдствіе этого, различія между обитателями съвера и юга, востока и запада

несравненно менѣе чѣмъ въ другихъ странахъ свѣта: италіанецъ безъ труда переселяется въ сѣверную Россію, житель Скандинавіи въ Грецію и Италію.

Въ Европѣ мы видимъ блестящее доказательство того факта, что на наименьшемъ пространствѣ можетъ имѣть мѣсто наибольшее духовное развитіе рода человѣческаго. Равно какъ духовный элементъ всегда и во всемъ преобладаетъ надъ элементомъ физическимъ, такъ и въ этомъ случаѣ не абсолютная величина, а величина относительная; не грубая матерія, не масса, а форма материковъ и ихъ очертаніе обусловливаютъ огромное превосходство Европы надъ прочими частями свѣта.

Вслѣдствіе великаго, нравственного своего превосходства, европеецъ царствуетъ во всѣхъ частяхъ свѣта и мало-по-малу подчиняетъ ихъ себѣ. Но тутъ видимъ мы власть не деспотическую, не насильственную, а то могучее вліяніе ума и нравственной энергіи, ту моральную власть, которая неотразимо дѣйствуетъ на слабѣшаго и менѣе развитаго, подчиняетъ его себѣ, но и въ то же время заставляетъ его не только позабывать о своемъ подчиненіи, но искать въ этомъ своего счастія, своего дальнѣйшаго преуспѣянія.

Нравственные, цивилизующія силы, дѣйствующія въ современной Европѣ, слишкомъ энергичны, слишкомъ дѣятельны и не могутъ допустить, чтобы какая бы то ни была часть свѣта продолжала коснѣть, сохраняла пассивное положеніе и не была введена въ кругъ прочихъ народовъ. И потому и Азія не можетъ долѣе оставаться тѣмъ, чѣмъ была до сихъ поръ. Относительно этой части свѣта, нашему отечеству указана Провидѣніемъ великая роль. Покоривъ себѣ Кавказъ, эту древнюю народную тропу, Россія рано или поздно создастъ путь по которому проникнетъ европ-

пейская цивилизация въ нѣдра Азіи. Мы, мм. гг., переживаемъ чудную, многознаменательную эпоху: въ нынѣшнее царствование все то, что прежде считалось труднымъ, почти невозможнымъ, совершается легко, будто само собою. Давно ли усмиренъ Кавказъ, эта многотрудная задача для прежнихъ поколѣй, и уже мы проникли въ таинственную область средней Азіи и въ то время какъ мы здѣсь бесѣдуемъ, соотечественники наши находятся у стѣнъ знаменитаго Самарканда, а въ Ташкентѣ полагается основаніе православному храму. Скоро раздастся благовѣсть въ центральной мистической Азіи,—это будетъ благовѣсть прогресса, благовѣсть лучшей будущности!...

Но вмѣстѣ съ увеличеніемъ нашихъ сношеній съ востокомъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ значенія нашего отечества на политическихъ вѣсахъ европейской политики, намъ надлежитъ заботиться объ искусственныхъ промышленныхъ артеріяхъ, долженствующихъ связать между собою огромныя пространства нашего отечества и дополнить наши водныя пути сообщенія. Бо-

лѣ чѣмъ когда-либо теперь чувствуется потребность въ желѣзныхъ дорогахъ и повсюду начинаются работы для удовлетворенія этой настоятельной потребности. По расчисленію, нынѣшнимъ лѣтомъ сто тысячи человѣкъ произведутъ земляные работы на протяженіи 1200 верстъ. Пожелаемъ же возможнаго успѣха этой стотысячной арміи, мирно трудящейся для отечества, пожелаемъ чтобы работы ихъ увенчались быстрымъ и вожделѣннымъ успѣхомъ, чтобы необозримыя пространства нашего отечества перестали быть затрудненіемъ для внутреннихъ сношеній, но чтобы между всѣми частями его возстановился живой обмѣнъ естественныхъ и умственныхъ произведеній. Тогда исчезнутъ разстоянія, богатства страны разнесутся изъ края въ край и подобно живому организму, крѣпкому и цвѣтущему при постоянномъ, быстромъ и правильномъ обмѣнѣ жизненныхъ соковъ, и отечество наше разцвѣтѣтъ и окрѣпнетъ, благодаря рельсовымъ путямъ, этимъ жизненнымъ артеріямъ государства, разносящимъ повсюду обиліе и богатство.

Я. Вейнбергъ.

ВЛІЯНІЕ КЛИМАТА

НА ОРГАНІЗМЪ ЧЕЛОВѢКА И НА РАЗВИТИЕ ВЪ НЕМЪ БОЛЕЗНЕЙ.

I.

Мм. Гг.

*Л*юди, населяющіе землю, представляютьъ безконечное разнообразіе, какъ во внѣшнихъ своихъ формахъ, такъ и въ умственномъ развитіи; но всѣ они слѣдя біблейскому указанію, подкрайпляемому преданіями всѣхъ древнѣйшихъ народовъ и многочисленными наблюденіями надъ цвѣтомъ кожи и устройствомъ череповъ, произошли отъ одного родоначальника, колыбелью которого была малая Азія. Изъ этой колыбели человѣческаго рода люди разошлись по всей поверхности земного шара. При этомъ переходѣ, въ другія мѣстности, они подвергались новымъ климатическимъ вліяніямъ, которыя дѣйствуютъ такъ могущественно, что жизнь человѣческаго организма представляетъ постоянное противодѣйствіе этимъ вліяніямъ; организмъ приспособляясь и принаравливаясь къ нимъ до нѣкоторой степени измѣняется и получаетъ особенный отпечатокъ, свойственный окружающей средѣ. Этотъ отпечатокъ или типъ, пройдя чрезъ нѣсколько поколѣній и установившійся въ теченіи времени, передается потомъ путемъ наслѣдственности, то есть родоначальники типа сообщаютъ потомству

свои внѣшнія формы. Такъ произошли главнѣйшія разновидности человѣческаго тѣла или расы, что называются различными племенами.

Но чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли климатъ дѣйствуетъ на человѣка такъ сильно и можетъ обусловить существующее разнообразіе его внѣшніхъ формъ, надо разсмотрѣть сущность этого вліянія.

Климатъ характеризуется: 1) температурою и свѣтломъ, 2) влажностю и сухостю воздуха, 3) состояніемъ погоды и временами года и дня, 4) а также всѣмъ вліяніемъ своимъ на органическую жизнь. Существенную же основу различія климатовъ составляетъ теплота, а главнѣйшимъ источникомъ теплоты служать солнечные лучи, которые приносятъ свѣтъ и теплоту, но распространяютъ ихъ неравнomoрно по поверхности земли. Тамъ, где они падаютъ перпендикулярно, вся теплота поглощается почвою земли, которая сильно нагревается; тамъ же, где они падаютъ косвенно, преломляются и отражаются отъ поверхности земли, и нагреваютъ ее менѣе. Поэтому у экватора, где лучи падаютъ отвесно, почва и вода на-

грѣвается сильно и температура тамъ постоянно высокая. Отъ экватора къ полюсамъ лучи солнца все болѣе отклоняются, падаютъ косвеннѣе, а потому и температура отъ экватора къ полюсамъ постепенно понижается, такъ что у полюсовъ море и земля покрыты вѣчными льдами и снѣгами. На основаніи такого неравномѣрнаго распределенія теплоты, дѣлать всю земную поверхность на 3 климата: 1) жаркий 2) умѣренный (два) и 3) холодный (два).

Поверхность земли, поглощая теплоту солнечныхъ лучей, нагревается въ различной степени и до различной глубины, смотря по климату. Атмосфера же, окружающая землю, нагревается отъ ея поверхности; поэтому всегда теплѣе тѣ слои атмосферы, которые непосредственно прилегаютъ къ землѣ и по мѣрѣ удаленія отъ нея дѣлаются холоднѣе. Атмосферу земли составляетъ воздухъ, вещество газообразное, имѣющее свой опредѣленный химический составъ; именно: по объему въ 100 частяхъ его заключается 20,80 кислорода и 79,20 селитрода. Сверхъ этого, какъ постоянная примѣсь, находится въ немъ кислоты угольной отъ 3 до 6 десятитысячныхъ и отъ 6 до 9 тысячныхъ водяного пара и слѣды амміака. Такой воздухъ составляетъ существенную потребность для жизни: имъ человѣкъ дышеть, а дыханіемъ поддерживается его жизнь. Главную часть воздуха и необходимую для жизни человѣка, составляетъ кислородъ; онъ, поступая въ кровь чрезъ легкія, разносится по всему организму и соединяясь съ составными частями крови и тканей, окисляя ихъ, обусловливаетъ въ нихъ тѣ измѣненія и явленія, которые составляютъ жизнь организма. Прекратите доступъ воздуха къ легкимъ или воспрепятствуйте соединенію его кислорода съ кровью, вы этимъ прекратите въ организме обмѣнъ матеріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ

прекратите и самую жизнь его. Селитродъ, какъ газъ индеферентный, не имѣть такого важнаго значенія какъ кислородъ: онъ выдыхается изъ легкихъ безъ измѣненія, почти въ томъ же количествѣ и можетъ быть замѣненъ другимъ газомъ. Но къ воздуху могутъ примѣшиваться другія, летучія, газообразныя вещества и газы образующіеся при гниеніи органическихъ веществъ, и отъ такихъ примѣсей измѣняется его вліяніе на организмъ. Воздухъ какъ вещество газообразное, вѣсомое и упругое, отъ теплоты разширяется, а отъ сдавленія и холода сжимается; при этомъ сжатіи и расширеніи, не смотря на увеличеніе и уменьшеніе его объема, количество составныхъ его частей неизмѣняется и пропорція кислорода остается также, что имѣть большое вліяніе на усиленіе и ослабленіе процесса дыханія въ различныхъ климатахъ и на различныхъ высотахъ надъ уровнемъ моря.

При неравномѣрномъ нагреваніи поверхности земли и воздухъ отъ нея нагревается различно; а неравномѣрное нагреваніе воздуха вызываетъ его движеніе, называемое вѣтромъ. У экватора сильно нагрѣтый воздухъ разрѣжается и подымается въ верхъ; и въ разряженное пространство устремляется отъ полюсовъ холодный и тяжелый воздухъ, происходитъ полярное движение воздуха, которое въ сѣверномъ полушаріи образуетъ сѣверный, а въ южномъ южный вѣтеръ. Это полярное теченіе, по мѣрѣ приближенія къ экватору, отъ вращенія земли кругомъ оси (съ быстротою 15000 верстъ въ часъ у экватора), мало по малу переходитъ въ сѣверовосточный и югово-вѣтры, приносящіе воздухъ холодный, тяжелый, сухой и богатый кислородомъ; такой воздухъ усиливаетъ процессъ дыханія. Нагрѣтый же воздухъ, поднявшись въ верхніе слои, болѣе холодные и

охлаждалась тамъ, начинаетъ спускаться; но встрѣчая подъ собою тяжелое, полярное теченіе, разширяющееся у экватора и образующее поэтому наклонную плоскость, скользить по немъ и направляется къ полюсамъ; происходитъ другое движение воздуха экваторіальное, образующее въ сѣверномъ полушаріи южный, а въ южномъ сѣверный вѣтры, которые отъ вращенія земли вругомъ оси, мало по малу, переходятъ въ югоападный и сѣверозападный вѣтры, приносящіе воздухъ теплый, легкій, влажный и мало содержащий кислорода; такой воздухъ ослабляетъ и затрудняетъ процессъ дыханія. Эти два главныхъ движения воздуха, слѣдя простому закону объясненному Дове и Гумбольдтомъ, составляютъ вѣчный круговоротъ, недопускающій чтобы гдѣ либо, въ силу мѣстныхъ условій, совершенно истратилась какая-нибудь составная часть воздуха, или гдѣ либо накопились вредныя примѣси. Слѣдовательно съ этимъ круговоротомъ тѣсно связано существование всей жизни органической и жизни человѣка. Но неравномѣрное распределеніе суши и моря, разнообразіе поверхности земли, представляющей высокія горы, углубленія, лѣса, равнины и степи, измѣняютъ эти главные вѣтры и даютъ имъ другія направленія; при чемъ сохраняется характеръ главнаго вѣтра, сохраняются свойства приносимаго ими воздуха и вліяніе его на органическую жизнь и на человѣка. Это направленіе вѣтровъ, ихъ столкновеніе и разнообразіе земной поверхности имѣютъ большое вліяніе на неравномѣрное распределеніе водяныхъ паровъ, заключающихся въ воздухѣ и на количество падающихъ дождей, что измѣняетъ характеръ не только мѣстности, но и климата. Отъ движенія же слоевъ воздуха, сгущенія паровъ и осажденія ихъ, развивается атмосферное электричество, оказы-

вающее немаловажное вліяніе на органическую жизнь и на человѣка.

Предпославши эти общія указанія о дѣятеляхъ атмосферы: свѣтѣ, теплотѣ, воздухѣ, водяныхъ парахъ и электричествѣ, перейдемъ къ вліянію климатовъ. Чтобы яснѣе и очевиднѣе выразить это вліяніе, разсмотримъ прежде климаты противуположные: жаркій и холодный. Жаркій климатъ занимаетъ земли, лежащи по обѣ стороны экватора (по 30 градусовъ въ каждомъ полушаріи); а какъ большая часть ихъ находится между тропиками, то климатъ этотъ называется тропическимъ. У экватора солнце два раза въ году, стоять въ зенитѣ, въ мартѣ и сентябрѣ; лучи его тогда падаютъ на землю перпендикулярно и въ теченіи всего года мало отклоняются отъ этого направления. Поэтому у экватора лучи солнца воспроизводятъ такое количество теплоты, что земли лежащи въ этомъ климатѣ по справедливости называются жаркими. Отличительныя черты жаркаго климата слѣдующія.

1) Постоянно высокая температура въ теченіи всего года, которая днемъ достигаетъ до 40°, а ночью понижается до 20°; средняя же температура отъ 26° до 30° тепла. Съ удалениемъ къ полюсамъ температура жаркаго климата понижается незначительно, именно на каждые 10° широты по одному градусу. Слѣдовательно во всемъ тропическомъ климатѣ, температура постоянно высокая. Почва перпендикулярно падающими лучами солнца сильно нагревается, а отъ нея нагревается и воздухъ, который всегда бываетъ разрѣженъ, легокъ, влаженъ и мало содержать кислорода. Тамъ дни и ночи равны, по 12 часовъ; но разница между температурою дня и ночи значительная, бываетъ на 20° и болѣе.

2) Другая особенность жаркаго климата, избытокъ солнечного свѣта. Отвѣсно пада-

ющие солнечные лучи, вмѣстѣ съ теплотою, приносятъ и свѣтъ, который по тѣмъ же физическимъ законамъ, какъ и теплота, отличается въ жаркомъ климатѣ своею силою и яркостію. Отъ сильного и яркаго солнечнаго свѣта, всѣ органическія ткани окрашиваются и получаютъ болѣе темный цвѣтъ; а отъ недостатка солнечнаго свѣта обезцвѣчиваются, блѣднѣютъ. Это явленіе мы отчасти наблюдаемъ лѣтомъ надъ тѣмъ измѣненіемъ цвѣта нашей кожи, которое называютъ загаромъ. Отъ вліянія яркаго солнечнаго свѣта въ жаркомъ климатѣ растенія отличаются густымъ, темнозеленымъ цвѣтомъ, а жители его всѣ темноцвѣтны.

3) Третья отличительная черта жаркаго климата, большое количество водяныхъ паровъ въ воздухѣ. Тропическія моря, сильно нагреваемыя отвѣсно падающими лучами солнца, выдѣляютъ несравненно больше паровъ нежели моря сѣверныя; то очевидно и охлажденіе ихъ должно обусловить большее количество дождей, падающихъ на землю въ жаркомъ климатѣ. Пары эти, выдѣляясь съ поверхности морей, поднимаются въ раскаленномъ воздухѣ жаркаго климата до верхнихъ болѣе холодныхъ слоевъ, гдѣ охлаждаясь сгущаются въ облака; а при сгущеніи большого количества паровъ, много развивается свободного электричества. Эти физическія явленія съ водяными парами воздуха и составляютъ причину, почему у экватора постоянно къ полудню образуются облака, которые болѣе и болѣе сгущаясь осаждаются сильными потоками дожда, сопровождающагося взрывами электричества, страшными грозами, иногда порывами вѣтра и бурями, неслыханными въ нашихъ умѣренныхъ странахъ. Подобныя атмосферныя явленія не могутъ остаться безъ вліянія на жизнь органическую и на человѣка. Мы видимъ, что воздушное электричество имѣть большое зна-

ченіе для процесса броженія и гніенія, наблюдаемъ, что при наступлении грозы ожесточаются многія болѣзни или возвращаются ихъ приступы. Но всего важнѣе для насъ то, что падающіе каждый день обширные потоки дожда, не только пропитываютъ почву, но наполняютъ всѣ углубленія на поверхности земли и образуютъ болота, которые поэтому многочисленны въ жаркомъ климатѣ, особенно у экватора. Влажность почвы, теплота и свѣтъ тропическихъ странъ, составляютъ самыя благопріятныя условія для растительности; поэтому въ тропическомъ климатѣ растенія отличаются гигантскими размѣрами и чрезвычайною сочностію ствola и листьевъ, яркостію и красотою цвѣтовъ; словомъ климатъ этотъ украшенъ богатствомъ, роскошью и красотою растительного царства, которое доставляетъ обильный материалъ для утѣщенія почвы; въ особенности, однолѣтнія и кратковременно живущія растенія, умирая, обогащаютъ ее своими стволами и листвою, отъ разложенія которыхъ выдѣляются въ атмосферу гнилостные газы. Водяные растенія тропическихъ болотъ растутъ съ такою же силою и обиліемъ и наполняютъ болота своими остатками. Въ этихъ болотахъ размножаются миріады водяныхъ животныхъ, насѣкомыхъ и инфузорій, подъ вліяніемъ существующихъ тамъ благопріятныхъ условій для ихъ размноженія, и огромными массами погребаются въ болотахъ. Эти растительныя и животныя остатки разлагаясь выдѣляютъ большія массы гнилостныхъ газовъ, которые испаряясь вмѣстѣ съ водою въ окружающую атмосферу, составляютъ болотныя испаренія, столь извѣстныя въ жаркомъ климатѣ своимъ гибельнымъ вліяніемъ на здоровье человѣка. Испаренія эти, въ химическомъ значеніи, составляютъ продукты гніенія (гнилостные газы), выдѣляющіеся при раз-

ложениј животныхъ и растительныхъ организмовъ. Химический составъ этихъ газовъ и физиологическое дѣйствіе ихъ на человѣка, наука въ настоящее время разъяснила на столько, что мы должны признать влияніе ихъ на организмъ человѣка положительно вреднымъ. Поступивши въ кровь, они или препятствуютъ доступу къ ней кислорода или уничтожая ея свертываемость, дѣлаютъ ее жидкую; могутъ дѣйствовать на кровь какъ ферменты или парализовать мозгъ и нервы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ вредно, ядовито. Но испаренія эти выдѣляются не изъ однихъ болотъ, а изъ всей почвы тропического климата, всегда влажной и богатой органическими остатками и потому имѣющей характеръ болотной почвы. На болота мы должны смотрѣть какъ на огромные резервуары органическихъ остатковъ, служащихъ источникомъ гнилостныхъ испареній. Эти то испаренія и составляютъ одну изъ главныхъ причинъ, почему жаркий климатъ такъ гибелиенъ для человѣка, и почему лучшими странами міра человѣкъ не можетъ пользоваться надлежащимъ образомъ.

4) Четвертое отличие состоять въ томъ, что въ жаркомъ климатѣ, при постоянно высокой температурѣ, повышенія и пониженія ея идутъ правильно; тамъ не бываетъ такъ-называемыхъ случайныхъ, быстрыхъ колебаній термометра, какъ у насъ или они составляютъ исключеніе, но измененіе погоды и вѣтровъ представляютъ явленія правильныя. У экватора въ полосѣ безвѣтря и грозъ, неизмѣнно солнце восходитъ на ясномъ небѣ, жаркий день обусловливаетъ восходящіе токи воздуха, накопленіе въ немъ водяныхъ паровъ; къ полудню собираются грозныя тучи, разрѣщающіяся потоками дожда съ раскатами грома. По обѣ стороны этой полосы затишья, когда дуютъ пассатные вѣтры, наступаетъ жаркое,

сухое и знойное время, при безоблачномъ небѣ; а съ затишьемъ начинается время дождливое. Мѣстами же въ жаркомъ климатѣ, при постоянно дующихъ пассатныхъ вѣтрахъ, не бываетъ дождя въ теченіи несколькиихъ лѣтъ. Такъ въ большей части степи Сахары и на песчаномъ берегу Перу вовсе не бываетъ дождя, или по крайней мѣрѣ дождь въ этихъ странахъ чрезвычайная рѣдкость; въ другихъ же мѣстахъ онъ идетъ ежедневно, какъ на Антильскихъ островахъ и на Малабарскомъ берегу. Изъ этого видно, что огромное количество воды, содержащейся въ атмосфѣрѣ тропического климата, распределено неравномѣрно, и эта неравномѣрность распределенія дождей зависитъ совершенно отъ мѣстныхъ условій; а недостатокъ воды въ атмосфѣрѣ и почвѣ имѣть большое влияніе на всю органическую жизнь и на человѣка. Мы оставляемъ въ сторонѣ эти мѣстные и весьма разнообразныя условія, а ограничиваемся нашей задачею изобразить въ главныхъ чертахъ общій характеръ тропического климата, въ отношеніи его влиянія на организмъ человѣка.

Указанные главные свойства жаркаго климата теперь могутъ объяснить намъ его влияніе на человѣка.

1) Вдыхая жаркій, разряженный и влажный воздухъ тропического климата, въ объемѣ, могущемъ поступить въ легкія, человѣкъ вводить количество кислорода недостаточное для окисленія поступающихъ въ организмъ питательныхъ веществъ. Чтобы вознаградить этотъ недостатокъ, онъ долженъ учащать дыханіе, а при учащенномъ дыханіи ускоряется и кровообращеніе. Поэтому у жителей жаркаго климата, при ускоренномъ дыханіи пульсъ частый полный, но окисленіе крови и тканей недостаточное. При недостаткѣ же въ организме процесса окисленія, мало развивааст-

ся въ немъ собственной, животной теплоты; обмѣнъ матерій совершается медленно и мало выводится чрезъ легкія водоуглеродистыхъ соединеній, въ видѣ угольной кислоты и водяного пара. Отчасти пополняется этотъ недостатокъ усиленіемъ дѣятельности кожи. При этомъ усиливается дѣятельность печени, органа вырабатывающаго и выводящаго желчь. 2) Кожа человѣка, въ жаркомъ климатѣ, подвергается вліянію перпендикулярно падающихъ солнечныхъ лучей, приносящихъ свѣтъ и теплоту. Отъ вліянія теплоты разширяются всѣ ткани, составляющія кожу, въ томъ числѣ и кровеносные сосуды, къ которымъ усиливается притокъ крови; увеличивается питаніе кожи и поступаетъ въ нее болѣе красящаго начала крови (гематоглобинъ). Дѣйствіемъ свѣта возбуждается дѣятельность периферическихъ нервовъ кожи. Отъ избытка и яркости солнечного свѣта, окрашивающаго органическія ткани, кожа человѣка окрашивается, дѣлается темнаго цвѣта; поэтому жители населяющіе жаркий климатъ всѣ цвѣтные, темновожіе и темноволосые; различные оттенки этого цвѣта, на различныхъ расахъ, зависятъ отъ первичнаго типа, образовавшагося отъ мѣстныхъ условій. Вліяніемъ яркаго свѣта тропического климата, дѣйствующаго вмѣстѣ съ теплотою, возбуждается дѣятельность кожи, отъ чего и отравленіе ея, состоящее въ выдѣленіи испарыны, увеличивается и чрезъ кожу выдѣляется изъ организма много газообразныхъ веществъ (водяной паръ, летучія жирныя кислоты, мочевина и другія продукты окисленія бѣлковыхъ веществъ).

3) Въ антагонизмѣ съ кожею находятся всѣ слизистыя оболочки организма и потому при усиленной дѣятельности кожи и увеличенномъ ея отдѣленіи, ослабляется дѣятельность слизистыхъ оболочекъ и умень-

шается ихъ отдѣленіе. Уменьшается отдѣленіе слизи, слюны, желудочнаго, кишечнаго и панкреатическаго соковъ; слизистыя оболочки бываютъ сухи; а отъ недостатка этихъ пищеварительныхъ соковъ, ослабляется процессъ пищеваренія и дѣятельность пищеварительныхъ органовъ. Поэтому у жителей жаркаго климата, при слабомъ пищевареніи и недостаточномъ окисленіи крови, происходитъ инстинктивное отвращеніе отъ пищи мясной и жирной, требующей для уподобленія крови, много пищеварительныхъ соковъ, и значительное количество кислорода для превращенія въ ткани нашего организма; и напротивъ у нихъ существуетъ расположение и потребность къ пищѣ растительной, содержащей много водянистыхъ частей и кислотъ, способствующихъ растворенію органическихъ тканей и окисленію ихъ. А для возбужденія слабой пищеварительной дѣятельности, они употребляютъ вещества пряные и острыя: горчицу, перецъ, лукъ, чеснокъ и другія, которые возбуждая пищевареніе, возбуждаютъ и нервную систему и дѣйствуя такимъ же образомъ на половые органы вызываютъ преждевременную ихъ дѣятельность и преждевременное отживаніе.

4) Такой недостатокъ пищеваренія и кровопитанія (что нормально въ жаркомъ климатѣ) неизбѣжно отражаются и на составѣ крови. Кровь жителей жаркаго климата водяниста, въ ней мало кровяныхъ клѣточекъ и бѣлковыхъ веществъ. При такомъ недостаткѣ въ составѣ крови, она доставляетъ недостаточное питаніе организму и всѣмъ его тканямъ и органамъ. Мышечная система, требующая для своего состава преимущественно бѣлковыхъ веществъ, по недостатку ихъ въ крови, развивается слабо; мышцы отъ этого у жителей жаркаго климата тонки, безсильны, ихъ волокна сухи и жестки. Нервная система и мозгъ находятся подъ

тѣми же условиями питания; кровь доставляет имъ недостаточное количество жира и въ особенности жира содержащаго фосфоръ, главнѣйшихъ ихъ составныхъ частей; отъ этого мозгъ и нервная система развиваются неправильно, недостаточно. Недостатокъ ихъ состава и организаціи выражается въ ихъ отправлениі, въ умственной дѣятельности жителей жаркаго климата, которая у нихъ развита слабо. А какъ роскошная и богатая тропическая природа, легко доставляя человѣку всѣ средства поддерживать свою жизнь, не вынуждаетъ его добывать и изыскивать ихъ силою разума, невынуждаетъ его развивать мыслящую дѣятельность, то и органъ мышленія—мозгъ, при недостаточной организаціи, остается въ своемъ первобытномъ, неразвитомъ состояніи. Отъ различной степени развитія мозга зависитъ не только форма и величина головы, но и очертаніе всей физіономіи человѣка. Величина же головы, ея форма и черты лица составляютъ типъ человѣка и по нимъ различаются племена. Слѣдовательно развитіе мозга и цѣль кожи лежать въ основаніи дѣленія человѣческаго тѣла на расы; а сами они зависятъ отъ климатическихъ условій.

Указанные весьма важныя анатомическая и физіологическая особенности, свойственные организму жителей тропического климата, объясняютъ намъ вліяніе этого климата на человѣка. Изъ этихъ особыхъ свойствъ жителей жаркаго климата вытекаетъ ихъ жизнь умственная и нравственная. Мыслящія способности у нихъ мало, слабо развиты, а при слабомъ развитіи умственной дѣятельности, животныя потребности берутъ перевѣсъ надъ духовными. При обычномъ употреблениі средствъ возбуждающихъ пищевареніе, вызывается преждевременно отправление половыхъ органовъ и усиленная ихъ дѣятельность; а

отсюда: многоженство, гаремы, нѣга и восточная роскошь, влекущія преждевременное истощеніе организма и ослабленіе всѣхъ его отправлений (impotentia), для возбужденія которыхъ прибѣгаютъ къ употребленію опіума, гашиша и другихъ наркотическихъ средствъ. Эти наркотизирующія возбужденія, окончательно подавляя умственную и физическую дѣятельность, причиняютъ преждевременное старчество и апатію. При слабомъ развитіи мышечной системы, жители жаркаго климата неспособны къ физической дѣятельности и труду постоянному, но лѣнивы и равнодушны. Изъ этихъ данныхъ слагается какъ домашняя и общественная, такъ и гражданская жизнь обитателей тропического климата. Отсутствіе умственной дѣятельности, жизнь чувственная, лѣность и апатія, служить источникомъ рабства и деспотизма, которые у народовъ населяющихъ жаркій климатъ господствуютъ въ жизни семейной и гражданской.

Касаюсь этого психологического вопроса потому, что жизнь человѣческаго организма такъ тѣсно связана съ жизнью умственной, что нѣть возможности рассматривать ихъ отдельно; но на жизнь умственную надо смотрѣть какъ на такого внутреннаго дѣятеля, который можетъ подавлять физическую жизнь организма и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ человѣку возможность противодѣйствовать вліянію окружающей его природы, подчинять ее своей волѣ, улучшить и усовершенствовать свой организмъ и свою жизнь, для улучшенія которой онъ порабощаетъ всѣхъ дѣятелей атмосферы: свѣтъ, теплоту, воздухъ, водяные пары и электричество, и располагаетъ ими по своей прихоти. Но этотъ могущественный внутренний дѣятель, человѣческій умъ, усыпляется и порабощается растлѣвающимъ вліяніемъ роскошной тропической природы; и потому-то въ жаркомъ климатѣ человѣкъ находится

на такой низкой степени умственного развития, находится почти въ дикомъ состояніи. Даже Европейцы переселившіеся туда утрачиваютъ свою облагороженную расу, ухудшается ихъ организація; а это ухудшеніе можетъ служить доказательствомъ, что при другихъ условіяхъ, должно произойти улучшеніе организма и облагороженіе расы.

Болѣзни жаркаго климата развиваются подъ вліяніемъ тѣхъ же климатическихъ и мѣстныхъ условій, и ихъ развитіе тѣсно связано съ указанными измѣненіями организма обусловленными климатомъ. Онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: а) на болѣзни, которыхъ причина заключается въ самъ организмѣ и б) на болѣзни, причина которыхъ находится во внѣшнихъ вліяніяхъ.

а) Во всѣхъ климатахъ чаще заболѣваютъ тѣ органы, которыхъ дѣятельность подъ вліяніемъ климатическихъ условій усиlena. Мы подтвержденіе этого видимъ въ томъ, что у каждого человѣка чаще и преимущественно поражаются тѣ органы, которые по образу его жизни и занятія находятся въ болѣе усиленной дѣятельности; такъ глаза чаще заболѣваютъ у тѣхъ людей, которые должны напрягать и усиливать зрѣніе. Усиленная дѣятельность органа, не есть состояніе болѣзnenное, но при усиленной его дѣятельности, при увеличенномъ его отправлениі, малѣйшая причина можетъ развить въ немъ болѣзнь и перевести усиленную дѣятельность въ дѣятельность патологическую. Поэтому на усиленную дѣятельность органа должно смотрѣть какъ на такое состояніе, которое легко и незамѣтно можетъ перейти въ болѣзнь, такъ что между имъ и болѣзнью, нельзя провести и обозначить границы. Въ жаркомъ климатѣ въ усиленной дѣятельности находятся кожа, печень, половые органы, и чувственная сфера нервной си-

стемы. Эти-то органы тамъ преимущественно и поражаются болѣзнями. Поэтому въ жаркомъ климатѣ часто являются: 1) злокачественная болѣзнь кожи: а) проказа, б) гипертрофія кожи (*Elephantiasis*), с) многочная сыпная болѣзнь, д) сифилис въ жаркомъ климатѣ только и ограничивается кожею; 2) воспаленіе печени и другія хроническія страданія и перерожденія этого органа. 3) атонія половыхъ органовъ (*impotentia*), катары и другія мѣстныя болѣзни этихъ органовъ. 4) Изъ первыхъ болѣзней: а) атрофія спиннаго мозга, б) тоска по родинѣ и с) меланхолія.

б) Къ болѣзнямъ, зависящимъ отъ внѣшнихъ вліяній, принадлежать: 1) Болѣзни отъ сильного вліянія солнечныхъ лучей: а) Темная вода (*amaurosis*) и воспаленіе глазъ, въ особенности такъ-называемое египетское воспаленіе глазъ, обусловливаемое яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, б) *ensalatium* (воспаленіе мозга и кровоизліяніе въ мозгу), зависящее отъ прямаго дѣйствія солнечныхъ лучей на голову, с) раздраженіе кожи (*erythema*, ожоги и др.) отъ вліянія на нее солнечныхъ лучей. 2) Отъ измѣненія температуры дня и ночи бываютъ: а) столбнякъ (особенно при раненіяхъ), б) воспаленіе легкихъ и с) дизентерія (при участіи другихъ причинъ). 3) Всѣ болѣзни, развивающіяся отъ болотныхъ испареній. Въ жаркомъ климатѣ, при высокой температурѣ, благопріятствующей гніенію, подъ вліяніемъ тропическихъ солнечныхъ лучей и достаточной влажности, огромное количество животныхъ и растительныхъ остатковъ, какъ въ болотахъ такъ и въ почвѣ, подвергается быстрому гніенію; отъ чего выдѣляется много гнилостныхъ испареній, которые заражаютъ воздухъ и, дѣйствуя вредно на всѣхъ жителей этой мѣстности, обусловливаютъ болѣзни повальной. Эти испаренія преимущественно выдѣляются изъ

болотъ, которыхъ много въ тропическомъ климатѣ и распространены они преимущественно по берегамъ большихъ рѣкъ. Въ устьяхъ этихъ рѣкъ, наносы органическихъ остатковъ, образуютъ большія дельты (острова) часто покрытые монгровымъ лѣсомъ; изъ влажной и горячей почвы этихъ дельтъ подымаются громадныя массы гнилыхъ и ядовитыхъ испареній, гибельно дѣйствующихъ на человѣка. Эти испаренія подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, составляютъ источникъ самыхъ опустошительныхъ эпидемическихъ болѣзней. Такъ въ устьяхъ рѣки Нила, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, поражается восточная чума. Въ устьяхъ Мисисипи, находящихся ближе къ экватору, при продолжительномъ безвѣтріи, развивается желтая лихорадка и сродныя ею злокачественные перемежающіяся лихорадки и дизентеріи. Въ устьяхъ Ганга, лежащихъ еще ближе къ экватору и по болотистымъ его берегамъ, развивается индѣская холера. Эти болѣзни, существуя въ жаркомъ климатѣ почти постоянно, какъ болѣзни эндемическія, заносятся и въ другіе климаты путемъ зараженія. И тамъ, где существуютъ условия благопріятствующія ихъ поддержанію и развитію, распространяются съ характеромъ наносныхъ эпидемій, отличаются опустошительнымъ вліяніемъ. Въ жаркомъ же климатѣ, дѣйствуя какъ эндеміи и распространяясь эндемически, эти болѣзни постоянно опустошаютъ тамошнее народонаселеніе, которое, особенно въ странахъ экваторіальныхъ, не увеличивается, но убываетъ; тамъ число умирающихъ превышаетъ число рождающихся, хотя послѣднее громадно, сравнительно съ другими климатами. Мотаръ (Бекерель) указываетъ, что на берегу Гвинеи путешественники нашли у одного отца 200 человѣкъ дѣтей. Только подобная плодовитость даетъ возможность экваторіальному народо-

населенію бороться съ гибельнымъ вліяніемъ климата и поддерживаться многочисленными переселенцами изъ другихъ странъ. Что причина такого вреднаго дѣйствія на человѣка тропической атмосферы заключается въ испареніяхъ, заражающихъ ее, ясно доказывается тѣмъ, что на высокихъ мѣстностяхъ жаркаго климата указанныя болѣзни нераспространяются; потому что гнилостные испаренія подымаются въ воздухъ только до извѣстной высоты и куда они не достигаютъ, тамъ прекращается ихъ вліяніе. Такъ въ каирской цитадели, лежащей на значительной высотѣ, никогда не распространяется чума, хотя въ самомъ Каирѣ она существуетъ почти постоянно.

Впрочемъ дѣйствіе этихъ испареній не вездѣ одинаково; всего сильнѣе оно у экватора, где болѣе условій къ развитію испареній; но по мѣрѣ удаленія къ полюсамъ, слабѣетъ и уменьшается ихъ гибельное вліяніе.

4. Тифъ въ жаркомъ климатѣ, встрѣчается рѣдко, но съ удаленіемъ отъ экватора, приближаясь къ болѣе густому народонаселенію, онъ появляется чаще и въ болѣе сильныхъ формахъ. 5) Легочная чахотка, въ жаркомъ климатѣ, особенно у экватора, встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ въ другихъ климатахъ и тамъ заболевшіе ею умираютъ немногіе. По мѣрѣ же удаленія отъ экватора къ полюсамъ, болѣзнь эта становится болѣе частою и болѣе гибельною, а въ холодномъ климатѣ она похищаетъ не мало жертвъ. Основываясь на такомъ географическомъ распространеніи этой болѣзни, и на благопріятномъ вліяніи на нее жаркаго климата, можно было бы воспользоваться этимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ для чахоточныхъ другихъ климатовъ, переселенiemъ ихъ туда. Но для Европейцевъ, въ особенности для жителей сѣверныхъ, жаркий климатъ весьма враждебенъ: чтобы

въ немъ могъ оклиматизироваться европеецъ, въ организмѣ его должны произойти указанныя важныя измѣненія, которые не могутъ совершаться безъ сильныхъ потрясений здоровья, а организмъ ослабленный уже чахоткою, еще менѣе способенъ перенести такой переворотъ,— и рядомъ съ этимъ вліянія болотныхъ испареній, съ которыми невозможна борьба европейскому

переселенцу, онъ непремѣнно сдѣлается жертвою и погибаетъ въ теченіи одного, много трехъ лѣтъ. Изъ европейцевъ, не многие переносятъ вліяніе жаркаго климата, а тѣ, которые могутъ оклиматизироваться, измѣняются въ своей организаціи. Лучшее доказательство этому представляютъ всѣ европейскія колоніи въ жаркомъ климатѣ.

II.

Мм. Гг.

Холодныхъ климатовъ два, одинъ въ сѣверномъ, а другой въ южномъ полушаріи; сѣверный называютъ арктическимъ, а южный антарктическимъ; каждый изъ нихъ занимаетъ земли, лежащія между 60° широты и полюсомъ. Южный холодный климатъ мало изслѣдованъ; всѣ свѣденія наши о холодномъ климатѣ относятся къ сѣверному полушарію; но безъ сомнѣнія оба холодныхъ климата подчиняются одному общему закону относительно температуры и другихъ дѣятелей атмосферы.

Отъ направленія солнечныхъ лучей, приносящихъ свѣтъ и теплоту, зависитъ весь характеръ холодного климата. Тамъ лучи солнечные падаютъ на земную поверхность косвенно, и потому нагрѣваютъ ее незначительно и тѣмъ менѣе, чѣмъ ближе къ полюсамъ. Далѣе 70° широты температура постоянно около точки замерзанія и въ этой полярной полосѣ земля и море большою частію покрыты льдомъ и снѣгомъ. Тамъ день и ночь продолжаются по 6 мѣсяцамъ и только раздѣляются шестинедѣльными утренними и вечерними сумерками, освѣщаемыми сѣверными сіяніями, луною и блескомъ снѣга. Отсутствіе свѣта въ теченіи полугода, не только обезцвѣчиваетъ органическія ткани, но имѣеть большое

вліяніе на развитіе растеній, животныхъ и человѣка. Мы видимъ, что растенія отъ недостатка солнечнаго свѣта блѣdnѣютъ, дѣлаются тощи и завѣдаются. Люди долгое время лишенные свѣта, какъ рудокопы и рабочие въ каменно-угольныхъ шахтахъ, получаютъ блѣдный анемичный цвѣтъ лица, съ явленіями отековъ. Недостатокъ развитія (уродство) часто встрѣчающійся въ полярномъ, мрачномъ климатѣ, бываетъ несравненно рѣже въ жаркомъ климатѣ, гдѣ тѣло, покрытое легкою одеждой, вполнѣ подвергается вліянію солнечныхъ лучей. Отъ недостатка свѣта измѣняется составъ крови, она дѣлается жидкою, мало содержать кровяныхъ клѣточекъ, мало красящаго начала (гематоглобулинъ) и фибринъ; отъ чего и зависитъ блѣдный, восковой цвѣтъ кожи, у людей, лишенныхъ свѣта; а у жителей полярныхъ, взросшихъ въ этомъ климатѣ, недостаточное развитіе всего организма и мыслящихъ способностей. Они малорослы, худы и слабосильны.

Докторъ флота Соединенныхъ Штатовъ Кенъ (Медденъ) въ своихъ запискахъ о двухъ путешествіяхъ, сдѣланныхъ имъ на сѣверъ, такъ изображаетъ вліяніе полярнаго климата: «Декабря 21. Лица моихъ товарищѣй, а также и мое, получили ка-

кую-то особенную, восковую бледность; наши глаза впали и приобрели странную яркость.... но что еще хуже, наше абсолютное уединение, вмѣстѣ съ постояннымъ мракомъ, начинаетъ влиять на наше нравственное состояніе». Отсутствіе свѣта въ полярныхъ странахъ, въ соединеніи съ холодомъ, дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на органическую жизнь и дѣлаетъ эти страны невозможными для жизни человѣка и для растеній. Тамъ живутъ только не большія племена монгольского происхожденія: Ескимосы, Гренландцы, Финны и Лапландцы, носящіе этотъ полярный отпечатокъ; но нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, подвинувшись изъ полярной полосы въ болѣе умѣренный холодный климатъ, подъ вліяніемъ образованныхъ народовъ представляютъ разительный примѣръ улучшенія въ ихъ организаціи и въ умственномъ развитіи. Слѣдовательно, утративши въ полярномъ климатѣ, цвѣтъ кожи своего племени, они представляютъ возможность улучшенія ихъ организма, подъ вліяніемъ климата болѣе благопріятствующаго развитію. Въ полярной полосѣ обитаютъ нѣкоторыя породы бѣлыхъ животныхъ: олени, бѣлые медведи и бѣлыя птицы: лебеди, гуси, утки, чайки и другіе; а изъ растеній можно найти только тайнобрачные: мхи и папоротники. Эти полярныя страны, по недоступности своей изслѣдованіямъ человѣка, мало известны.

Но земли, лежащиа между 60° и 70° широты, представляютъ условія болѣе благопріятныя для жизни человѣка и мы, подъ именемъ холоднаго климата, разсмотримъ эту сѣверную полосу земель.

Главныя отличительныя черты холоднаго климата слѣдующія:

1. Низкая степень температуры. Зима тамъ холодная, продолжительная (съ октября по май мѣсяцъ), лучи солнечные въ

течениіи ея падаютъ на поверхность земли болѣе косвенно и въ короткіе зимніе дни (не длиннѣе 5 или 6 часовъ) освѣщають ее не долго, что еще болѣе усиливаетъ суровость зимы и холода въ нѣкоторыя дни доходитъ до 35° и до 40° . Средняя же температура зимы отъ 8° до 10° холода. Лѣто этого климата короткое и въ теченіи его дни большие, а ночь уже подъ 60° широты представляетъ только непродолжительная сумерки. При этомъ солнечные лучи въ лѣтніе дни падаютъ менѣе косвенно на поверхность земли, чѣмъ зимою и, освѣщаю ее долгое время, нагреваютъ значительно; поэтому лѣто довольно теплое, въ нѣкоторыя дни температура доходитъ до 20 — 25° тепла. Средняя же температура лѣта отъ 10° до 12° тепла. Изъ этого видно, какая огромная разница между температурою зимы и лѣта; а между самыми теплыми днями лѣта и самыми холодными зимы, она можетъ доходить до 55° . Но измѣненія погоды относительно временъ года и дня довольно постоянны и правильны, тамъ не бываетъ быстрыхъ колебаній термометра; переходныя времена года, осень и весна коротки; вѣтры тамъ болѣе сѣверо-восточные и юго-западные. Холодный воздухъ этого климата сжать, сухъ, тяжелъ, содержитъ много кислорода и сильно возбуждаетъ дыхательные органы и усиливаетъ процессъ дыханія: отъ вліянія холода, органическія ткани, особенно упругія волокно-животныхъ организмовъ, сжимаются, а при усиленіи холода, заключающіяся въ нихъ жидкости замерзаютъ и превращаются въ ледъ, что происходитъ при замерзаніи животныхъ и человѣка. 2) Вторая черта этого климата, недостатокъ солнечнаго свѣта. Солнечные лучи, при косвенномъ ихъ паденіи, не даютъ такого яркаго свѣта, какъ въ климатѣ тропическомъ и въ теченіи года, освѣщающая поверхность земли въ общей сложности не-

продолжительное время, приносять его недостаточно и то большею частю сквозь сгущенные пары, покрывающие небо сърыми облаками. Слѣдовательно происходит не только количественный, но и качественный недостатокъ свѣта. Въ теченіи продолжительной зимы, въ ея короткіе дни, безоблачное небо представляеть довольно рѣдкое явленіе, а когда бываетъ ясно, то лучи солнечные отражаясь отъ бѣлой снѣговой поверхности, даютъ ослѣпительный свѣтъ раздражающей органы зреінія. Въ продолженіе же короткаго лѣта, составляющаго почти непрерывный день, съ небольшими сумерками, солнце долго освѣщаетъ поверхность земли и достаточно приносить своего живительного свѣта, вознаграждающаго зимній его недостатокъ, и даже нѣсколько окрашиваетъ кожу въ видѣ загара. Въ этой полосѣ недостатокъ свѣта не такъ значителенъ, какъ въ полярной полосѣ и выражается бѣлымъ, блѣдорозовымъ цвѣтомъ кожи ея жителей и не рѣдко встрѣчающимся недостаткомъ развитія (уродство), а въ растительномъ царствѣ слабою, мѣдленною растительностью и блѣдностію листьевъ и цвѣтовъ; но этотъ недостатокъ свѣта не оказываетъ вліянія на составъ крови.

3. Третья отличительная черта холоднаго климата, малое количество водяныхъ паровъ въ атмосферѣ. Сѣверные моря мало нагреваются косвенно падающими лучами солнца и мало испаряютъ водяныхъ паровъ въ атмосферу, а потому и отъ охлажденія ихъ дожди бываютъ незначительные, хотя и частые. Зимою же по причинѣ низкой температуры вода перестаетъ падать въ видѣ дождя, но падаетъ въ видѣ снѣга, которымъ земля покрывается почти 6 мѣсяцевъ. Воздухъ тамъ зимою сухъ, холоденъ, положительно препятствуя процессу гніенія, не содержитъ въ себѣ никакихъ

гнилостныхъ газовъ; но ежели къ холодному воздуху этого климата присоединяется влажность, что бываетъ осенью и весною, то она вмѣстѣ съ холодомъ дѣйствуетъ весьма вредно на организмъ человѣка: холодъ подавляетъ каждую испарину, а влажность воздуха затрудняетъ дыханіе, препятствуя выдѣленію чрезъ легкія водяного пара и угольной кислоты; по этому выдѣленію этихъ двухъ органовъ, задерживающихся въ организмѣ, служать источникомъ важныхъ болѣзней. Въ теченіи лѣта средняя температура, не превышающая 12°, неблагопріятствуетъ быстрому разложению органическихъ веществъ, а потому и продукты гніенія никогда не выдѣляются изъ почвы въ большомъ количествѣ. При маломъ количествѣ водяныхъ паровъ въ воздухѣ, мало развивается электричество; отъ этого громъ и грозныя тучи за 60° сѣверной широты явленіе довольно рѣдкое. Низкая степень температуры, недостатокъ свѣта и влажности воздуха неблагопріятствуютъ растительности; почва земли мало обогащаясь органическими остатками, непроизводительна, глинистая или песчаная. Хотя болотъ въ холодномъ климатѣ много, но эти безжизненные болота (тунды) мало содержать органическихъ остатковъ растительныхъ и еще менѣе животныхъ; при недостаткѣ же теплоты и свѣта эти остатки гниютъ медленно, а болѣе погребаются подъ наносами весеннихъ разливовъ воды и выдѣляются въ атмосферу весьма мало болотныхъ испареній; и вліяніе ихъ ничтожно въ сравненіи съ болотами тропического климата. Отъ чего и болѣзни, обусловливаемые болотными испареніями, весьма рѣдки въ холодномъ климатѣ и являются только, какъ болѣзни наносныя, подобно холерѣ, чумѣ и др.; и самая легкія ихъ формы, какъ перемѣщающаяся простая лихорадка, появляются рѣдко. Испаренія этихъ болотъ,

могутъ только на нѣкоторое время, лѣтомъ поддержать наносныя эпидеміи.

4. Четвертая отличительная черта холоднаго климата состоить въ томъ, что времена года, дневныя перемѣны, направленія вѣтровъ и температура представляютъ довольно большое постоянство. Исключение изъ этого составляютъ западныя окраины Европы, которыя, по причинѣ водныхъ экваторіальныхъ теченій, приносящихъ къ нимъ влажную теплоту и по причинѣ воздушныхъ экваторіальныхъ токовъ, опускающихся въ Европѣ гораздо сѣвернѣе, чѣмъ въ Америкѣ и Азии, принадлежать болѣе къ климату измѣнчивой погоды и гораздо теплѣе всѣхъ остальныхъ частей этой полосы, въ которой чѣмъ далѣе мѣстности лежать къ восстоку, тѣмъ холоднѣе. Сѣверъ Европы по этому теплѣе и имѣть климатъ гораздо болѣе мягкий, чѣмъ другія страны лежащи подъ тою же широтою; между тѣмъ какъ около Дронгейма въ Норвегіи еще сѣется шпеница, подъ тою же широтою у Гудзонова залива не можетъ существовать человѣческое поселеніе.

Указанныя главныя черты холоднаго климата, во многомъ противуположныя климату жаркому, объясняютъ намъ его влияніе на человѣка.

1. Вдыхая холодный, сжатый, богатый кислородомъ и сухой воздухъ, въ объемѣ могущемъ поступить въ легкія, человѣкъ вводить большое количество кислорода, который, разносясь съ кровью по всему организму, окисляетъ составныя части крови и тканей, обусловливаетъ въ нихъ быстрый обмѣнъ матерій и сильное развитіе животной теплоты. При введеніи въ организмъ большаго количества кислорода и продукты окисленія въ видѣ водяного пара и угольной кислоты выдѣляются чрезъ легкія въ большемъ количествѣ; отъ чего дѣятельность легкихъ и процессъ дыханія усили-

ваются; самое дыханіе дѣлается глубокимъ, сильнымъ и рѣдкимъ. Процессу дыханія соответствуетъ и кровообращеніе; поэтому у жителей холоднаго климата пульсъ сильный, полный, но рѣдкій.

1. Кожа человѣка въ холодномъ климатѣ, подвергаясь вліянію косвенно падающихъ солнечныхъ лучей, приносящихъ мало свѣта и теплоты, представляетъ явленія совершенно противуположныя тѣмъ, какія мы видѣли въ кожѣ тропическихъ жителей. Отъ малаго количества свѣта она блѣднѣеть, но какъ въ крови много кровяныхъ клѣточекъ и красящаго начала; то она получаетъ блѣдно розовый цвѣтъ. Отъ недостатка же теплоты, отъ холода сжимаются упругія ея ткани, отъ чего кожа сморщивается и въ слѣдствіе ея анатомическаго строенія дѣлается шероховато, представляеть то явленіе, которое называютъ гусиною кожею (*cutis anserina*). При этомъ сжатіи кожи вліяніемъ холода, сжимаются и раздражаются периферическіе нервы и передаютъ мозгу ощущеніе холода. Далѣе холодомъ сжимаются многочисленные кровеносные и лимфатические сосуды кожи, при этомъ уменьшается ихъ просвѣтъ и емкость, вытѣсняется изъ нихъ большое количество крови и лимфы; происходитъ напоръ къ внутреннимъ органамъ въ особенности къ мозгу и легкимъ. Отъ такого напора нерѣдко бываетъ кровоизлѣяніе въ этихъ органахъ (*apoplexia*) и подавленіе дѣятельности мозга, выражющееся усыплениемъ. Отъ подавленія мозга напоромъ крови подъ вліяніемъ сильнаго холода, всегда чувствуется наклонность ко сну и потому замерзающіе умираютъ въ усыплѣніи. Вообще отъ вліянія холода отправленіе кожи нисходитъ до своей наименьшей дѣятельности и кожное испареніе становится вовсе ничтожнымъ.—Чтобы выдѣляемое кожею не оставалось въ организмѣ, усиливается дѣятельность легкихъ,

выдѣляющихъ угольную кислоту и водяной паръ, и мочевыхъ органовъ, выдѣляющихъ продукты окисленія бѣлковыхъ веществъ.

3. При упадкѣ дѣятельности кожи отъ холода и при уменьшениі чрезъ нея отдѣленій, дѣятельность всѣхъ слизистыхъ оболочекъ усиливается и отдѣленія ихъ увеличиваются. Увеличивается отдѣленіе всѣхъ тѣхъ пищеварительныхъ жидкостей, которыя были уменьшены у жителей жаркаго климата, отъ этого процессъ пищеваренія у жителей холоднаго климата, при обиліи пищеварительныхъ соковъ, совершается легко и быстро; пищеварительные органы дѣйствуютъ энергически и могутъ переваривать значительное количество разнообразной пищи. При такомъ дѣятельномъ пищевареніи, въ кровь вводится много питательныхъ веществъ, которыя при большомъ количествѣ кислорода, быстро окисляясь, превращаются въ ткани нашего организма. Кислородъ же, дѣйствуя на элементарныя ткани нашего организма, окисляя ихъ, разрушаетъ; а эти разрушенныя, отжившія частицы выводятся; но чтобы кислородъ, поступая въ большемъ количествѣ, непроизводилъ быстрого разрушенія тканей, нужна пища, дающая крови вещества легко соединяющіяся съ кислородомъ, каковы всѣ водоуглеродистыя соединенія: жиры и алкогoli. Кислородъ легко, соединяясь съ ихъ углеродомъ и водородомъ, не будетъ дѣйствовать на элементарныя ткани, состоящія изъ бѣлковыхъ веществъ, труднѣе окисляющихся. По этому у жителей холоднаго климата существуетъ инстинктивная потребность къ пищѣ жирной, мясной и рыбной, дающей много веществъ легко окисляющихся и къ спиртнымъ напиткамъ, какъ соединеніямъ водоуглеродистымъ, имѣющимъ сильное средство съ кислородомъ. Нельзя ставить въ укоръ жителямъ холодныхъ странъ расположение къ спиртнымъ на-

питкамъ; это расположеніе соответствуетъ потребностямъ ихъ организма, въ слѣдствіе климатическаго вліянія. Отъ поступленія въ кровь большого количества питательныхъ веществъ, при сильномъ ихъ окисленіи и быстромъ превращеніи, у жителей холоднаго климата развивается такое количество животной теплоты, что организмъ можетъ противодѣйствовать вліянію внѣшняго холода. Холодный воздухъ, доставляя организму болѣе кислорода, этимъ вызываетъ въ немъ, какъ бы добавочную теплоту, для противодѣйствія холоду.

4. Отъ употребленія жителями холоднаго климата большого количества питательной, мясной и жирной пищи, при дѣятельномъ пищевареніи и кровотвореніи зависить и составъ крови. Кровь ихъ содержитъ много кровяныхъ клѣточекъ, фибринъ, бѣлка, солей и значительное количество кислорода. Такая кровь доставляетъ хорошее питаніе всѣмъ тканямъ организма и благопріятствуетъ ихъ развитію. Поэтому у жителей холоднаго климата, костный скелетъ крѣпкій, мышцы хорошо развиты и сильны, цвѣтъ кожи блѣлый, блѣднорозовый; мозгъ и нервная система, получая изъ крови всѣ нужные элементы для ихъ питанія, правильно развиваются и организуются. При этомъ природа холода климата, неслишкомъ привѣтливая и не тароватая для человѣка, не доставляя ему готовыя средства къ существованію, какъ природа тропическая, вынуждаетъ его силою разума изыскывать эти средства и приобрѣтать ихъ трудомъ постояннымъ и настойчивымъ. Слѣдовательно вліянія климатическія вызываютъ его не только къ физической, но и къ умственной дѣятельности; отъ чего и мыслящія способности его совершенствуются и самый органъ мышленія-мозгъ развивается. Отъ этого сѣверные народы способны къ развитію и цивилизациі; они разсудитель-

ны, имѣютъ умъ положительный, хотя и не быстрый; отличаются хорошимъ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, сильны и легко выносятъ холода, усталость и значительные тѣлесные труды. Ихъ крѣпкій организмъ, энергически противодѣйствуя вѣнчанію, климатическимъ вліяніямъ, долго поддерживаетъ здоровье и потому въ холодномъ климатѣ люди живутъ долго и примѣры значительной долговѣчности тамъ не рѣдки. Но несмотря на долговѣчность и малую смертность жителей холодного климата, народонаселеніе тамъ увеличивается медленно. Причина этого заключается въ томъ, что при слабой дѣятельности половыхъ органовъ, число браковъ и рожденій несравненно меньше противъ другихъ климатовъ. Трудолюбивая жизнь въ холодномъ климатѣ, вызывающая умственную дѣятельность и руководимая умомъ положительнымъ, составляетъ нравственную основу семейной и гражданской жизни сѣверныхъ народовъ. Сѣверный человѣкъ, среди суровой и бѣдной природы своего климата, чувствуя себя слабымъ и безсильнымъ, невольно располагается къ вѣрованію въ невидимую помощь, и невольно дѣлается религіознымъ.

Болѣзни холодного климата развиваются подъ вліяніемъ указанныхъ климатическихъ и мѣстныхъ условій и ихъ развитіе тѣсно связано съ объясненными особенностями организма, обусловленными вліяніемъ климата. Онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: а) на болѣзни, которыхъ причина лежитъ въ самомъ организмѣ, и б) на болѣзни, причина которыхъ находится во внѣшнихъ вліяніяхъ.

Въ климатѣ холодномъ находятся въ усиленной дѣятельности органы дыханія, пищеваренія, мозгъ и мочевые органы. Эти органы преимущественно и поражаются болѣзнями. Поэтому въ холодномъ климатѣ часто встрѣчаются: 1) Воспалительная бо-

льзни дыхательныхъ органовъ, вызываемыя вліяніемъ холоднаго, раздражающаго воздуха на эти органы, находящіеся въ усиленной дѣятельности; самая частая изъ нихъ: а) воспаленіе легкихъ, б) воспаленіе дыхательного горла и его вѣтвей; 2. Воспалительные болѣзни пищеварительныхъ органовъ: а) воспаленіе желудка и б) воспаленіе кишечка. 3. Воспаленіе мозга и мозговыхъ оболочекъ, кровоизліяніе въ мозгу (apoplexia); оно зимою, при сильномъ холода, встречается чаще 4. Нѣкоторыя формы первыхъ болѣзней. 5. Болѣзни мочевыхъ органовъ: а) воспаленіе почекъ, б) воспаленіе мочеваго пузыря, с) воспаленіе уретры, д) Брайтова болѣзнь и е) каменная болѣзнь почекъ и мочеваго пузыря (при вліяніи почвы).

Къ болѣзнямъ зависящимъ отъ вѣнчаній холода принадлежать. 1. Острые и хронические ревматизмы, воспаленіе подреберной пlevы и брюшины, обусловливаемые большою частію быстрымъ и рѣзкимъ измѣненіемъ температуры. 2. Глазные болѣзни отъ вліянія ослѣпительной бѣлизны снѣга; именно: а) воспаленіе глазъ б) темная вода (amaurosis), с) катараакты. 3. Ознобленіе (отмороженіе) различныхъ частей тѣла, отъ вліянія чрезмѣрнаго холода. 4. Сифилисъ въ холодномъ климатѣ вторичными и третичными припадками производить глубокія разстройства организма. 5. Болѣзни, которые сопровождаются очевиднымъ, и рѣзкимъ измѣненіемъ крови: а) скорбуть, б) золотуха, с) ракитизмъ, и с) бугорчатка. Болѣзни эти преимущественно свойственны холодному климату и развиваются въ тѣхъ случаяхъ, когда при подавленной дѣятельности кожи холодомъ, отъ какихъ либо причинъ ослабляется и процессъ дыханія, чemu часто подвергаются бѣдные люди, дыша испорченнымъ воздухомъ, въ холодныхъ и сырыхъ

жилищахъ, и перенося при этомъ недостатокъ свѣта и другія лишенія. При ослабленномъ отправлѣніи кожи и легкихъ, въ крови должно задерживаться много такихъ элементовъ, которые неизбѣжно измѣняютъ ея качественный и количественный составъ.

6. Тифъ тамъ является рѣдко и только въ многолюдныхъ мѣстахъ и большихъ городахъ; по мѣрѣ же удаленія отъ полюсовъ къ болѣе сгущенному народонаселенію, онъ встрѣчается чаще и въ болѣе сильныхъ формахъ.

7. Сыпныя болѣзни: корь, скарлатина, оспа и др. свойственны всѣмъ климатамъ, но въ сѣверныхъ странахъ, отъ влиянія холода и простуды они причиняютъ большую смертность; въ особенности оспа, которая тамъ, гдѣ нераспространено предохранительное оспопрививаніе, свирѣпствуетъ, какъ напоснай эпидемія, распространяясь чрезъ зараженіе. Такъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II, была занесена оспа въ Камчатку, и произвела между Камчадалами такое опустошеніе, что страна эта бывшая довольно населеннаю теперь мало населена.

8. Болѣзни же отъ болотныхъ испареній въ холодномъ климатѣ почти не встрѣчаются, потому что холодъ не благопріятствуетъ ихъ развитію.

Мы разсмотрѣли два противуположныхъ климата жаркій и холодный; но между ними въ каждомъ полушаріи лежитъ еще полоса земли въ 30° широты. Въ эту полосу отъ экватора продолжается жаркій климатъ съ постепеннымъ уменьшеніемъ его температуры; отъ полюсовъ же продолжается холодный климатъ съ постепеннымъ повышеніемъ его температуры, и въ срединѣ подъ 45° сѣверной и южной широты они сходятся и уравновѣшиваются. Значить въ этой полосѣ сливаются два противуположныхъ климата и уравновѣшиваются ихъ противуположныя свойства; отъ чего происходить климатъ средній умѣренный, въ кото-

ромъ лучи солнечные никогда не падаютъ такъ перпендикулярно, какъ въ жаркомъ и такъ косвенно, какъ въ холодномъ климатѣ; отъ этого и температура его выходитъ средняя. Далѣе намъ вполнѣ уяснится характеръ климата этой полосы, когда прибавимъ, что въ ней встрѣчается полярное теченіе воздуха въ экваторіальномъ и въ ней происходитъ постоянная борьба между ними. Этю борьбою и объясняется безпрестанное измѣненіе вѣтровъ и быстрое повышеніе и пониженіе температуры, свойственные этой полосѣ, названной полосою измѣнчивой погоды. Здѣсь часто температура, въ теченіи одного и того же дня, подвергается значительнымъ измѣненіямъ и термометръ повышается и понижается быстро и рѣдко нѣсколько дней стоитъ на одномъ градусѣ. Но гораздо быстрѣе происходитъ перемѣна температуры и вѣтровъ весною и осенью. Времена года въ этомъ климатѣ рѣзче обозначены и температура одного времени года постепенно переходитъ въ температуру другаго. Вѣты часто сменяются, но не смотря на ихъ разнообразіе и перемѣнчивость, въ основаніи ихъ лежать два главныхъ движенія воздуха, полярное и экваторіальное, и сохраняется свойство ихъ воздуха съ его влияніемъ на органическую жизнь. Такъ при полярномъ теченіи дуетъ сѣверный вѣтеръ, который по известной уже намъ причинѣ переходитъ въ сѣверо-восточный и восточный. Эти вѣты приносятъ воздухъ холодный, сухой и богатый кислородомъ; а такой воздухъ обусловливаетъ засуху и вреденъ для всѣхъ страдающихъ грудными болѣзнями. Восточный вѣтеръ можетъ быть смененъ только экваторіальнымъ теченіемъ, которое начинаетъ дуть въ видѣ южнаго вѣтра, и при встрѣчѣ восточнаго вѣтра съ южнымъ происходитъ среднее направление—юговосточный вѣтеръ; при чмъ теплый и влажный

воздухъ экваторіального течения, осаждаясь холоднымъ, поларнымъ воздухомъ, даетъ осадки въ видѣ дождя; потомъ южный вѣтеръ беретъ перевѣсъ и переходить въ юго-западный и западный. Эти вѣтры приносятъ воздухъ теплый, разряженный и влажный, обусловливаютъ дождь и ясную погоду; но при разряженности воздуха уменьшается его давление и нѣсколько затрудняется дыханіе. Западный вѣтеръ можетъ быть смѣненъ только съвернымъ; при встречѣ ихъ происходитъ съверо-западный вѣтеръ; опять смѣшивается холодный воздухъ полярного течения съ теплымъ и влажнымъ воздухомъ экваторіальнымъ, отъ чего происходятъ осадки и наступаетъ сырое и холодное время, вредное для больныхъ нервныхъ, ревматическихъ и катарральныхъ. Далѣе съверный вѣтеръ беретъ перевѣсъ и повторяется тотъ же самый порядокъ и въ этомъ порядке происходитъ смѣна вѣтровъ въ умеренномъ климатѣ.

Весною часто измѣняется температура и вѣтры, которые, вмѣстѣ съ таяніемъ снѣга и испареніемъ воды, сильно охлаждаютъ воздухъ. Лѣтомъ температура достигаетъ наибольшей высоты въ юлѣ мѣсяца (до 30°) и погода бываетъ постоянной. Но около осеннаго равноденствія температура и вѣтры опять начинаютъ быстро измѣняться и наступаетъ осеннее ненастье, за которымъ слѣдуетъ зима. Въ теченіи зимы погода становится постоянной и сопровождается пизкою температурою. Самая высокая степень холода бываетъ въ январѣ и при съверномъ вѣтрѣ иногда достигаетъ до 30°, а при южномъ вѣтрѣ бываютъ оттепели. Вотъ общий характеръ измѣненія погоды въ нашемъ умѣренномъ климатѣ.

Умѣренный климатъ можетъ быть разделенъ на три совершенно отдѣльные пояса.

1. Первый поясъ между 30° и 40° съверной (и южной) широты, по своему гео-

графическому положенію, лежить рядомъ съ жаркимъ климатомъ и, составляя его непосредственное продолженіе, приближается къ нему сходствомъ температуры, состояніемъ погоды, а равно и вліяніемъ на жизнь органическую и на человѣка; только по мѣрѣ удаленія отъ экватора температура понижается (на 1° на каждые 10° широты), вѣтры становятся измѣнчивы и вліянія жаркаго климата болѣе и ботѣ умѣряются. 2. Второй поясъ между 60° и 50° съверной (и Южной) широты, лежить рядомъ съ холоднымъ климатомъ и составляя его непосредственное продолженіе, сходенъ съ нимъ по состоянію погоды, температуры и направлению вѣтровъ; только по мѣрѣ удаленія отъ полюсовъ, умѣряется суровость зими, лѣто становится продолжительнѣе и погода измѣнчивѣе. Мы сами находимся въ этой полосѣ и характеръ ея климата каждому изъ насъ извѣстенъ. 3. Третья полоса средняя, заключающаяся между 40° и 50° съверной широты, составляетъ собственно умѣренный климатъ. Характеръ этой полосы вытекаетъ изъ вліянія тропического и полярного климатовъ и отличается измѣнчивостію погоды и равновѣсіемъ временъ года: здѣсь зима, весна, лѣто и осень содержать по 3 мѣсяца и рѣзко разграничены.

Отъ разнообразія климатическихъ условій и вліяніе умѣренного климата на органическую жизнь и на человѣка весьма разнообразно, а этимъ объясняется безконечное разнообразіе въ растительныхъ и животныхъ формахъ, встречающихся въ этой умѣренной полосѣ. Климатъ этотъ не представляетъ рѣзкихъ особенностей, какъ климатъ холодный и жаркій; но всѣ дѣятели атмосферы здѣсь уравновѣшиваются и не вызываютъ усиленную дѣятельность какого либо органа, и поэтому весь организмъ человѣка и всѣ его органы развиваются правильно, равномѣрно и своевременно. Эта

равномѣрность развитія всѣхъ органовъ и составляетъ совершенство человѣческаго организма, составляетъ то, что древніе Греки называли совершенною организаціею. У Европейцевъ умѣренного климата мы видимъ такой приблизительно совершенный организмъ, въ которомъ нѣтъ никакихъ крайностей, ничего запоздалаго и прежде-временного, кромѣ рѣзко обозначенной индивидуальности, какъ выраженіе умственнаго развитія. Такой организмъ способенъ къ безконечному усовершенствованію и развитію физическому и умственному, и къ правильному проявленію дѣятельности человѣческаго ума. Въ доказательство того достаточно упомянуть, что климатъ этотъ заселенъ самыми образованными народами міра, представляющими собою исторію всего человѣчества, его умственную и политическую жизнь.

Отъ измѣнчивости и разнообразнаго вліянія умѣренного климата и болѣзни его весьма разнообразны. Въ немъ соединяются болѣзни обоихъ противуположныхъ климатовъ: въ 1-мъ поясѣ продолжаются болѣзни жаркаго климата и вліяніе болотныхъ испареній; во 2-мъ поясѣ продолжаются болѣзни холоднаго климата; а въ среднемъ поясѣ соединяются тѣ и другія и на развитіе ихъ оказываютъ большое вліяніе времена года. Весною и осенью развиваются болѣзни катаральныя и ревматическія. Зимою болѣзни воспалительныя и ревматизмы; а лѣтомъ, подъ вліяніемъ гнилостныхъ испареній, распространяются заносныя эпидемическія болѣзни: чума, холера и др.; которые свирѣпствуютъ преимущественно въ городахъ, находящихся въ дурныхъ гигиеническихъ условіяхъ, и въ низменныхъ болотистыхъ мѣстностяхъ, где болѣе развивается гнилостныхъ испареній.

Къ болѣзнямъ преимущественно свойственнымъ умѣренному климату должно от-

нести: 1. Разнообразныя формы нервныхъ болѣзней и разные виды разстройства умственныхъ способностей. Нервная система и мозгъ, у образованныхъ народовъ умѣренного климата, находятся въ усиленной и часто въ напряженной дѣятельности, поэтому и болѣзни ихъ здѣсь встрѣчаются чаще. 2. Тифъ въ умѣренномъ климатѣ существуетъ постоянно, какъ болѣзнь спорадическая, но очень часто и почти ежегодно распространяется эпидемически. Мы видѣли, что болѣзнь эта въ жаркомъ и холодномъ климатѣ встрѣчается рѣдко и тѣмъ рѣже, чѣмъ меныше народонаселеніе; а по мѣрѣ приближенія къ сгущенному народонаселенію она болѣе и болѣе развивается, и въ средней полосѣ, въ самомъ густомъ народонаселеніи, переходитъ въ эпидеміи, особенно въ городахъ и чѣмъ хуже гигиеническое условіе города, тѣмъ сильнѣе тифозныя эпидеміи. Тамъ, где сосредоточивается большое число людей и несоблюдаются должныя гигиеническія условія, воздухъ заражается испареніями людей; отъ чего, какъ неизбѣжное послѣдствіе, развивается тифозная горячка и распространяется чрезъ зараженіе. При сосредоточеніи большихъ армій, часто отъ тифозной горячки больше погибаютъ людей, нежели отъ военныхъ дѣйствій. Только содѣйствіемъ народной гигиены можно ослабить и остановить распространеніе ея.

М. Г., обозрѣвшіи вліяніе климата, обратимся къ предстоящей этнографической выставкѣ, на которой вы увидите фигуры всѣхъ племянъ и народовъ, населяющихъ Россію и принадлежащихъ къ климату холодному и умѣренному. Вы увидите на этой выставкѣ какъ велико разнообразіе виѣшнихъ формъ человѣка и встрѣтите разнообразіе весьма рѣзкое, если сравните высокаго и крѣпкаго Великоросса имѣющаго лицо открытое и умное, съ маленькимъ, худымъ и тощимъ

Комчадаломъ, въ лицѣ котораго выражается только апатія. Но это разнообразіе увеличится до безконечности, если взять всѣ народы и всѣ племена жаркаго климата. Сравнивая образованнаго Европейца съ ка-
чущимъ дикаремъ средней Африки, не-
вольно возбуждается сомнѣніе въ томъ, что
бы эти два существа могли принадлежать
къ одной семье и произошли отъ одного
родоначальника; невольно при этомъ срав-
неніи можно склониться къ мнѣнію нѣко-
торыхъ новѣйшихъ натуралистовъ—думаю-
щихъ, что въ моментъ сотворенія человѣка
должно было возникнуть нѣсколько первич-
ныхъ типовъ и каждый изъ нихъ имѣть
свою особенную родину. Но сомнѣніе это
ослабляется при помощи тѣхъ данныхъ, ко-
торые мы получили разсмотривая климаты.

Мы видѣли, что организмъ человѣка подъ вліяніемъ различныхъ климатовъ развивается различно. Въ умѣренномъ климатѣ об-
разуется болѣе совершенный организмъ и
болѣе способный къ правильному проявле-
нію духовной жизни человѣка. Подъ влія-
ніемъ холоднаго климата, при усиленіи дѣя-
тельности однихъ органовъ и ослабленіи
другихъ, организмъ развивается менѣе пра-
вильно; въ полярной же полосѣ холоднаго
климата, отъ подавляющаго холода, орга-
низмъ развивается не только неправильно,

но уродливо и даже останавливается въ
своемъ развитіи. Въ жаркомъ климатѣ ор-
ганизмъ человѣка представляеть еще бо-
лѣе разнообразія, уклоненія и несовершен-
ства и всего менѣе способенъ къ прояв-
ленію духовной жизни. Неподлежитъ сом-
нѣнію, что отъ вліянія климата зависятъ
существенное разнообразіе и недостатки
человѣческаго организма, составляющаго
только орудіе, органъ, чрезъ который про-
является его духовная жизнь. При этомъ
мы живемъ, вѣруемъ, чувствуемъ и мыс-
лимъ, по законамъ религіи христіанской,
которая учитъ насъ, что бессмертная душа
не можетъ измѣняться. Слѣдовательно
мы должны признать, что измѣняется толь-
ко тѣло, нашъ организмъ, составляющій
орудіе для проявленія души; чѣмъ несо-
вершеннѣе, хуже этотъ организмъ, тѣмъ
слабѣе и ничтожнѣе проявленіе души.

Изъ этого должно придти къ тому убѣ-
жденію, что всѣ люди одарены душою оди-
наковою по своему происхожденію и сво-
ему бессмертію и всѣ они братья одной мно-
гочисленной семьи, разсѣявшейся по всей
землѣ. Въ этомъ убѣжденіи насъ подкрѣп-
ляютъ изслѣдованія ученыхъ и преданія
всѣхъ древнѣйшихъ народовъ; подкрѣпля-
етъ насъ въ этомъ убѣжденіи и учение хри-
стіанскоое.

II. Медвѣдевъ.

ВЛІЯНІЕ РАСТИТЕЛЬНОГО МІРА НА КУЛЬТУРУ ЧЕЛОВЪКА.

Мм. Гг.

Бѣзъ васъ, кто посѣтитъ этнографическую выставку, приготовляемую въ настоящее время къ открытию Обществомъ Любителей Естествознанія, состоящимъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, увидять, что группы манекеновъ, изображающихъ различныя племена, населяющія обширное пространство Россіи и единоплеменныя сть нами славянскія народы западной Европы, окружены характеристическими растеніями мѣстностей, занимаемыхъ ими. Не примите этого за красивую только обстановку, за изящный бордюръ къ группамъ. Обстановка эта имѣеть иной, глубокій смыслъ.

Межу человѣкомъ и окружающею его природою существуетъ тѣсная связь. Она обусловливаетъ и физический складъ его, и развитіе, и нравы, и обычай, и весь строй его жизни. Кто не знаетъ разницы между жителями материка и прибрежья моря, горъ и долинъ, лѣсной страны и безлѣсной? кто не знаетъ, что климатъ и мѣстность обусловливаютъ особенности образа жизни?

Человѣкъ—царь природы, какъ говоримъ

и читаемъ мы очень часто. Выраженіе это не совсѣмъ вѣрно. Подъ словомъ «царь» мы привыкли понимать лицо, стоящее выше закона, которое само есть источникъ его, воля которого есть законъ для всего, окружающаго его. Не таковы отношенія человѣка къ природѣ. Онъ не только не стоитъ выше законовъ ея, но не можетъ изменить на одного изъ нихъ, или освободить себя отъ зависимости отъ самого незначительного изъ этихъ, не имѣа данныхъ законовъ. Онъ дѣйствительно выше всего окружающаго, но онъ не полновластный царь его, онъ скорѣе конституціонный монархъ, вся сила котораго въ умѣннѣ пользоваться законами, постановленными народомъ, такъ, чтобы дать себѣ, не нарушая ихъ, надлежащую власть силу и положеніе.

Конечно, признавая эту зависимость человѣка отъ природы, мы не считаемъ его исключительно продуктомъ окружающихъ его вибральныхъ условий и материальныхъ силъ, действующихъ въ немъ. Мы признаемъ въ немъ иѣчто высшее, независящее отъ материальнаго міра, мы признаемъ въ немъ начала, существующія независимо отъ

всего окружающего, присущія человѣку всюду, на всѣхъ степеняхъ его развитія, безъ которыхъ человѣкъ не мыслимъ. Но и эти высшія начала могутъ свободно развиваться и дать всѣ благотворныя, выходящія изъ нихъ послѣдствія въ особенности легко тамъ, гдѣ соединены въ природѣ благопріятныя для этого условія. Изъ этихъ-то счастливыхъ мѣстностей разливается свѣтъ просвѣщенія на иныхъ, менѣе приспособленныхъ къ развитію человѣчества, и научаются меньшую братію его бороться съ стѣсняющими ее условіями природы, побѣждать ихъ и, слѣдя за могущественными вожаками, достигать до высшихъ степеней развитія, къ которому, въ силу общаго всему человѣчеству высшаго духовнаго начала, способны всѣ племена человѣческаго рода. Однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ, обусловливающихъ развитіе человѣчества, является растительный міръ. Только тамъ живетъ привольно человѣкъ, гдѣ растительный міръ посредственно, питая нужныхъ ему животныхъ, или непосредственно давая ему пищу, достаточно развитъ, чтобы поддерживать безбѣдно его существованіе. Притомъ растенія является всегда и вездѣ цивилизующимъ началомъ.

Неоднаковы послѣдствія зависимости человѣка отъ животнаго и отъ растенія. Человѣкъ, зависящій въ своемъ существованіи отъ животнаго, становится или охотникомъ, бродящимъ по лѣсамъ, горамъ и степямъ за звѣрями, или рыболовомъ, странствующимъ по рѣкамъ и озерамъ, или пастухомъ, переходящимъ съ мѣста на мѣсто за стадами. Уменьшилось количество дичи, отошла періодически являющаяся рыба или не стало корма для стадъ, и охотникъ или пастухъ покидаетъ или переносить вмѣстѣ съ собою на скорую руку устроенное, легко подвижное жилье. У него не можетъ быть постояннаго жилища, нѣть

у него домашнаго прочнаго очага, нѣть роднаго угла, нѣть прочнаго семейнаго быта, онъ скиталецъ. Не такова зависимость человѣка отъ растенія. Разведеніе его привязываетъ его къ определенному мѣсту, съ этимъ становится возможно постоянное жилье, и за домашнѣмъ очагомъ и прочно развивающимся семейнымъ бытомъ, являются гражданственность, ясное понятіе о собственности и развитыя религіозныя понятія. Вездѣ и всегда разведеніе растеній служило первымъ шагомъ къ образованію правильно устроенного гражданскаго общества:

Въ исторіи цивилизаціи человѣчества блестящая роль досталась растеніямъ изъ семейства злаковъ. Вездѣ, гдѣ мы находимъ начинающуюся цивилизацію, мы встрѣчаемъ съ которымъ нибудь изъ представителей этой группы. Но важнѣйшая доля этого благотворнаго вліянія принадлежитъ безспорно нашимъ зерновымъ хлѣбамъ. Рожь, пшеница, овесъ, ячмень, эти истинные основатели гражданскаго быта Европейскихъ народовъ и спутники Европейской культуры по всему земному шару. Превосходная картина введенія культуры разведеніемъ хлѣбныхъ растеній изображена Шиллеромъ въ его «праздникѣ Цереры»:

Спивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ,
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайтѣ,
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ,
И пѣньемъ благую Цереру встрѣчайтѣ.
Она помирила враждебныхъ людей,
Жестокіе нравы смягчила
И въ домъ постоянный межъ нивъ и полей
Шатель подвижной обратила.

Кто не знаетъ этого стихотворенія, кто не вспомнить, какъ за богиней земледѣлія, первой образовательницей кровожадныхъ дикарей, являются всѣ другіе боги и одаряютъ новое человѣческое общество всѣми благами гражданской жизни, возводятъ стѣны города, утверждаютъ право собственности, вводятъ законы и порядокъ, и на ал-

тарь возлагаются волосы,— жертва богамъ угодная, и теплая молитва возносится къ жизни—дающему Зевесу?

Картина эта есть картина первоначального образования каждого европейского народа. Наши зерновые хлѣба, кромѣ общей со всѣми разводимыми растеніями цивилизующей силы, отличаются еще тѣмъ, что хотя они вполнѣ способны обеспечить существованіе человѣка, но не иначе, какъ при условіи постояннаго труда, постоянной заботы: а что развиваетъ лучше труда, что можетъ дать такое движение развитію мысли, изобрѣтеніямъ, усовершенствованіямъ, какъ достаточно вознаграждаемый, но необходимый и постоянный трудъ? И европейскіе народы оставались всегда вѣрны своимъ первымъ цивилизаторамъ. Наши злаки послѣдовали за ними вокругъ земного шара.

Разведеніе ихъ началось въ такой глубокой древности, что исторія первого опыта его сохранилась лишь въ формѣ мифовъ, и древніе народы считали ихъ непосредственнымъ даромъ боговъ, такъ напр. въ Египтѣ—Озириса, въ Греціи—Деметры, и т. п. До сихъ поръ неизвѣстно отечество ихъ. Находить дикими наши хлѣбные злаки въ равнинахъ около Тигра и Ефрата, но всякому извѣстно, въ какой глубокой древности началась культура этихъ странъ, нынѣ опустошенныхъ варварскимъ владычествомъ Турокъ, оставилшемъ и въ нихъ, какъ вездѣ, свои губительные слѣды. Поэтому не возможно рѣшить, действительно ли это первоначально дикая форма ихъ, или это одичалые потомки нѣкогда разводимыхъ растеній. Рожь найдена Кохомъ на Аракатѣ на высотѣ 12000 ф., какъ кажется положительно дикою, хоть можетъ быть и тутъ она была занесена птицами. Но ежели мы и не нашли до сихъ поръ нашихъ хлѣбныхъ растеній въ дикомъ состояніи, за то всѣ историческія преданія указываютъ на

среднюю Азію, какъ на отечество ихъ. Китайцы по преданіямъ получили ихъ, съ запада, Индузы съ сѣвера, Европейцы съ востока, все, и преданія и языковѣденіе, указываетъ, какъ на отечество ихъ на высокія равнинны Средней Азіи. Трудно согласить это съ нынѣшнимъ безплодіемъ ихъ, остается принять, что разнесеніе ихъ изъ этого центра случилось до тѣхъ послѣднихъ геологическихъ переворотовъ, которые дали окончательно нынѣшний видъ нашему материкову, которые отрѣзали Каспійское и Аральское море отъ океана и обратили въ сушу среднюю Африку, что несомнѣнно было при существованіи на землѣ человѣка, и о чёмъ сохранилась память въ преданіяхъ древніхъ Грековъ о страшныхъ наводненіяхъ и о Геркулесѣ, раздвинувшемъ Кальпе и Абиду. Этотъ Геркулесъ и была неудержимая сила моря. Изъ этого центра первыми явились въ Европу ячмень, древнѣйший изъ разводимыхъ злаковъ по словамъ Плинія, и пшеница, переданная Грекамъ вѣроятно изъ Малой Азіи и Египта, и овесъ, разводимый издревле Германцами. Позднѣе явились рожь, которая разводилась во времена Плинія лишь въ незначительномъ количествѣ и стала обыкновенною въ Германии лишь съ VII-го столѣтія, принесенная туда Вендами, и просо, появившееся въ Испаніи лишь съ I-го вѣка по Р. Х. Изъ Европы наши хлѣбные злаки слѣдовали за Европейской культурой по всюду, гдѣ только климатъ позволялъ разведеніе ихъ. Англичане перенесли ихъ въ сѣверную Америку, Испанцы въ южную, гдѣ въ Квіто Гумбольдтѣ видѣлъ хранимый, какъ святыня, глиняный горшокъ, въ которомъ невольникъ Негръ нашелъ, какъ увѣряетъ преданіе, три зерна пшеницы, которая посадилъ патеръ Йодоко Рокеи, и которая были праотцами всей пшеницы, разводимой въ южной Америкѣ. Не стоить ли большей

славы это малоизвестное имя, чѣмъ имена людей, заливавшихъ землю кровью, усыпавшихъ ее костями и пепломъ? И въ южную Африку, и въ новую Голландію проникли наши злаки вслѣдъ за европейскою цивилизацией, и тамъ они ея знамя. Таково было побѣдоносное шествіе хлѣбныхъ злаковъ — цивилизующаго начала вокругъ всего земного шара.

Вездѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ сколько нибудь развитую культуру или хоть начинающуяся гражданственность, мы встрѣчаемъ съ разведеніемъ того или другаго изъ растений, принадлежащихъ къ семейству злаковъ. Такъ въ Китаѣ и Индіи издревле разводился рисъ, который въ послѣдней странѣ найденъ дикимъ, и былъ извѣстенъ жителямъ прежде прочихъ злаковъ. Всѣмъ извѣстно какъ древня культура этихъ странъ; политическая и религіозныя условія сдѣлали то, что обѣ они остановились въ своемъ развитіи, но разведеніе злаковъ сдѣло свое дѣло и дало могущественный толчекъ первоначальному умственному движению обѣихъ народностей. Вездѣ, гдѣ въ Америкѣ нашли цивилизованныя страны, господствовало разведеніе масла, хотя оно, по чрезвычайному богатству жатвы (до самы 700), не могло дѣйствовать такъ благотворно, какъ разведенія нашихъ хлѣбныхъ злаковъ. Въ Абиссиніи, въ средней Африкѣ мы находимъ разведеніе другихъ растеній того же семейства, сорго и дурры. Словомъ разводимые злаки — всегдашніе спутники начинающейся гражданственности и цивилизациіи во всѣхъ концахъ земного шара.

Разведеніе нашихъ хлѣбныхъ злаковъ, дѣйствующее такъ могущественно на человѣка, измѣняетъ и окружающую его природу. Невелико количество питательного материала, доставляемое ими и поэтому для разведенія ихъ требуется значительное про-

странство земли. Для расширенія полей осушаются болота, вырубаются лѣса, и вместо земного моря деревьевъ является золотистое море хлѣбовъ. Вся физіономія страны измѣняется, измѣняется и самый климатъ. Растенія испаряютъ постоянно чрезъ листья значительное количество воды, что легко доказать опытами; можно опредѣлить и количество ея, испаряемое въ данное время. Такіе опыты доказали, что напримѣръ четверть десятины, засаженная подсолнечниками, испаряетъ въ 120 дней жизни ихъ около 1,500,000 фунтовъ воды, четверть десятины сѣнокоснаго луга — до 6,000,000 ф. въ лѣто. Понятно изъ этого, какое огромное количество воды испаряетъ цѣлый лѣсъ. Съ вырубкою лѣсовъ воздухъ страны становится суще и уменьшается суровость климата. Нынѣшняя Германія конечно имѣть въ настоящее время болѣе теплый климатъ нежели во времена Тацита, когда она была покрыта сплошными дремучими лѣсами, хотя Тацитъ очевидно предувеличиваетъ суровость климата этой страны, пугавшую его, Италианца, привыкшаго къ безоблачному небу своей родины. Конечно, крайности въ истребленіи лѣсовъ могутъ повести и къ вреднымъ послѣдствіямъ, уменьшая количество дождя до жестокихъ засухъ, уменьшая количество воды въ краю до того, что онъ можетъ стать необитаемымъ. Оказывается оно и на уменьшении воды въ рѣкахъ, и на непомѣрно быстромъ таяніи снѣга весною, что подъ защитою лѣсовъ происходитъ постепенно.

Истребленіе лѣсовъ, вслѣдствіе разведенія хлѣбныхъ злаковъ, имѣть и другія неменѣе важныя послѣдствія. Наступаетъ недостатокъ въ строевомъ материалѣ, дерево замѣняется камнемъ, желѣзомъ и другими металлами; являются желѣзные и каменные мости, ограды, строенія, суда. Становится въ тоже время слишкомъ цѣннымъ

топливо, и человѣкъ врѣзывается за нимъ въ недра земли, добываетъ оттуда каменный уголь, и погребенный въ видѣ его, Богъ-вѣсть когда, растенія возстаютъ изъ гробовъ, куда положила ихъ природа, и становятся животворящею силою цивилизaciи, удесятеряя могущество человѣка и власть его надъ силами природы. Такимъ образомъ не только нынѣ живущiя, но и давно погибшiя растенiя становятся орудiемъ образованiя человѣческаго рода. Мы видѣли какъ дѣйствуетъ на культуру разведенiе нашихъ хлѣбныхъ злаковъ, прiучавшее человѣка къ спасительному труду и борьбѣ съ природою. Не таково влiянiе тѣхъ растенiй, которыя даютъ огромное количество питательного матерiала и разведенiе которыхъ не требуетъ притомъ особыхъ усилий и заботливости. Таковы растенiя, употребляемыя въ пищу въ тропическихъ странахъ. Тамъ, и безъ трудовъ человѣка, природа во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ соединены благопрятнѣйшия условiя жизни растенiй — весела и тепла, представляетъ ему богато накрытый столъ. Растенiя, разводимыя человѣкомъ въ этихъ странахъ: ямсъ, пататы, пизангъ, бананъ, хлѣбное дерево, далеко превосходятъ наши хлѣбные злаки по своей производительности. Такъ напр. 1000 фунт. земли, засаженной бананами, даютъ до 4000 фунтовъ плодовъ, пизангомъ до 5000 фунтовъ, между тѣмъ какъ, на томъ же пространствѣ, картофель даетъ только 462 фунта клубней, а пшеница только 38 фун. зеренъ. Нашъ картофель, даръ южноамериканскихъ Кордильеръ, не можетъ равняться съ ямсомъ, корни котораго достигаютъ до 9 футовъ въ окружности. Кто разъ въ жизни посадилъ 10 хлѣбныхъ деревьевъ, говоритъ Куkъ, тотъ также обеспечилъ свое семейство, какъ нашъ крестьянинъ, который ежегодно пашетъ, сѣеть, жметъ и молотитъ. Но посмотрите каковъ

туземецъ этихъ странъ, гдѣ существование такъ легко, благодаря названнымъ растенiямъ. Не много приходится ему захватывать земли подъ свое поле; маленькие разработанные участки теряются среди раскошно-развитой растительности лѣсовъ, и человѣкъ — нагой дикарь, стоящій на весьма низкой степени развитiя. Ничто не возбуждаетъ его дѣятельности, спитъ его умъ, живя чисто животною жизнью онъ тамъ не стремится властвовать надъ природою, а живетъ среди богатыхъ даровъ ея, играя лишь роль самого ловкаго, опаснаго и кровожаднаго изъ звѣрей, населяющихъ эти страны, или роль мирнаго, но ни къ чemu высшему не способнаго островитiя иныхъ острововъ Тихаго Океана.

И какъ дикие звѣри передъ развивающеюся культурой, отступаютъ и гибнутъ всѣ эти низшiя расы передъ наплывомъ мощнаго бѣлаго племени, воспитанного своими хлѣбными злаками.

Ежели вредно дѣйствуетъ на человѣка излишняя роскошь растительнаго мiра, то не менѣе вредна и полная скудость его. Такъ на Новой Зеландiи природа представляетъ весьма мало растенiй способныхъ питать человѣка. Въ древности жили тамъ гигантскiя птицы, похожiя на страуса, мясоъ которыхъ питались жителo. Ограниченнное пространство острова сдѣлало то, что ихъ истребили, такъ, что ежели они и существуютъ внутри острова, какъ увѣряютъ иные, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно рѣдки. Вслѣдствiе недостатка пищи на островѣ развилась людоѣство, глубоко вошедши въ нравы туземцевъ. Лучшее средство уничтожить его и смягчить нравы, это вводить въ такiя страны питающiя человѣка растенiя: не изъ прихоти, или извращенiя вкуса становится человѣкъ людоѣдомъ, а изъ нужды. Примѣромъ этому служить другое несчастное племя, жители Огненной

земли. Растительность острова далеко не скучная; но нѣть питающихъ человѣка растеній, кромѣ кое-какихъ ягодъ, да грибовъ. Всю пищу даетъ море. Зимою, при голодѣ, туземцы поѣдаются своихъ старухъ, и только въ послѣдней крайности жарятъ болѣе нужныхъ имъ собакъ. Это жалкое племя, почти незнакомое съ растительной пищею, стоитъ на такой же низкой степени развитія, какъ и африканскіе бушмены, находящіеся въ томъ же положеніи. У нихъ нѣть даже старшинъ,—всѣ равны, у нихъ нѣть собственности, даже кусокъ сукна, дарный одному изъ нихъ на одежду, разрываются на ровныя части. Они представляютъ собою осуществленіе той полной свободы, равенства и общности имущества, о которыхъ грезать иные мечтатели, хотя можетъ быть весьма умные и честные, но отбившіеся отъ здраваго смысла. Не дай Богъ человѣчеству достигать до подобныхъ идеаловъ.—Говоря о вліяніи разведенія растеній мы не можемъ не упомянуть о тѣхъ изъ нихъ, которыя даютъ одежду человѣку. Одежда дикаря — шкуры убитыхъ имъ звѣрей, но вездѣ гдѣ начинается культура начинаютъ употреблять ткани, сдѣланныя изъ волоконъ растеній. Чѣмъ выше развивается человѣкъ тѣмъ болѣе искусства находимъ въ ихъ приготовленіи. Понятно, что приготовленіе ихъ, требующее искусственной обработки не остается безъ вліянія на человѣка, давая движение изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ. Вліяніе ихъ конечно не одинаково, и къnimъ прилагается тоже, что сказано о питательныхъ растеніяхъ. Велика разница между народами Тихаго Океана, одѣвающимися въ ткань изъ луба Бруссонеци, расколоченного колотушкою и тѣми, которые одѣты въ требующія труда, заботъ, и искусства ткани изъ льна и хлопчатой бумаги. Да и разведеніе этихъ послѣднихъ имѣло далеко не одинаковое влі-

яніе на народы. Дочери и жены свободныхъ Германцевъ прядли ленъ, и прядка была знаменемъ домашнаго очага, а хлопчатая бумага стала распространительницею рабства въ Америкѣ, требуя для своего разведенія и для прибыльного производства дешевыхъ рукъ несчастныхъ Негровъ. Найди лишь кто-нибудь растеніе, которое бы убило производство хлопчатой бумаги, и освобожденіе рабовъ совершилось бы въ Соединенныхъ штатахъ безъ выстрѣла.

Первая потребности человѣка — одежда и пища, но кромѣ ихъ есть еще одна потребность, повидимому далеко не существенная, а между тѣмъ общая человѣческому роду на всѣхъ степеняхъ развитія, потребность неудержимая, которую мы встрѣчаемъ во всѣхъ, отъ дикаря до образованнѣйшаго Европейца, потребность въ веществахъ, возбуждающихъ нервы. Можетъ быть причины этого неодинаковы. Въ однихъ народахъ это постоянная работа головы, не могущая въ теченіи длиннаго ряда поколѣній не отразиться на нервной системѣ, вслѣдствіе чего является общее стремленіе къ искусственному возбужденію ея. Въ другихъ народахъ и личностяхъ потребность эта вызывается бѣдственнымъ положениемъ, человѣкъ хочетъ забыть хоть на время ужасную, гнетущую его дѣйствительность. Но намъ кажется, что невозможно приписывать употребленія веществъ возбуждающихъ нервы лишь этимъ двумъ причинамъ. Есть еще одна общая человѣческому роду причина, заставляющая людей повсемѣстно не только употреблять подобные вещества, но и злоупотреблять ими повсемѣстно это присущее всему человѣческому роду постоянное недовольство настоящимъ, стремленіе къ лучшему будущему, никогда на землѣ неудовлетворимое, и заставляющее всякаго создавать въ себѣ са- момъ, въ своихъ мечтахъ, идеалъ удовле-

творящій его стремленіямъ. И вотъ человѣкъ прибѣгаєтъ къ веществамъ возбуждающимъ первную дѣятельность и помогающимъ ему забыть дѣятельность и перенестись на время мечтою въ такое положеніе, которое сколько нибудь соотвѣтствуетъ его идеалу. Нѣтъ почти страны на земномъ шарѣ, где бы не употребляли какое нибудь подобное вещество. Образованный Европеецъ употребляетъ спиртные напитки, житель Востока и Африки опіумъ и хашишъ, Перуанецъ жуетъ листья коки, Камчадаль упивается мухоморомъ. Всѣ подобные вещества добываются изъ растеній. Нѣкоторыя изъ нихъ положительно вредны, и могутъ быть употребляемы лишь какъ лекарство со всему нужно при томъ осторожностью, другія при умѣренномъ употреблениі безвредны и даже полезны, но при злоупотреблениі ими обращаются въ губителей человѣчества. Къ этому разряду принадлежать спиртные напитки, приготовляемые изъ растеній содержащихъ въ себѣ крахмалъ или сахаръ. Конечно употребление какихъ бы то ни было спиртныхъ напитковъ въ неумѣренномъ количествѣ вредно, но въ особенности губительны тѣ изъ нихъ, которые содержать значительное количество алкоголя, какъ напримѣръ различные водки, приготовляемыя преимущественно изъ зерновыхъ хлѣбовъ. Когда поченные отцы хімії описывали приготовленіе водки и почтенный Альбертъ Великий, епископъ Регенсбургскій, такъ серьезно, такъ добросовѣстно описывалъ приготовленіе сладкой померанцовки, которую считалъ чуть не панацеей отъ всевозможныхъ болѣзней, они не знали какую страшную силу пускали въ свѣтъ; силу, гибельное дѣйствіе которой мы къ несчастію слишкомъ часто видимъ въ своемъ отечествѣ. Однаво вредное влияніе злоупотребленія спиртныхъ напитковъ далеко не можетъ сравниться съ

послѣдствіями употребленія еще менѣе возбуждающихъ веществъ употребляемыхъ азіатскими и африканскими народами, — опіума и хашиша. Опіумъ есть сгущенный сокъ незрѣлыхъ маковокъ восточного мака, а хашишъ смолистое вещество, выдѣляемое коноплею, разводимою въ предтропическихъ странахъ. Оба вещества принимаютъ для опьяненія въ видѣ пилюль, и курятъ ихъ. Дѣйствіе ихъ не одинаково. Отъ опіума человѣкъ сосредоточивается въ самомъ себѣ, имъ овладѣваеть полное равнодушіе ко всему вѣнчаному, мечты создаются ему свой міръ наполненный самыми обольстительными образами, представляютъ ему самыя очаровательныя картины. Хашишъ, напротивъ того усиливаетъ до чрезвычайности впечатлительность ко всему вѣнчаному. Размѣры предметовъ и времени кажутся увеличенными, всѣ впечатлѣнія, пріятныя и непріятныя, воспринимаются съ необыкновенною силою. Поэтому потребители хашиша стараются окружить себя всѣмъ для нихъ пріятнымъ и удалить все тягостное. Велико наслажденіе доставляемое этими страшными опьянющими веществами, но ужасны послѣдствія ихъ употребленія, особенности опіума, который неизбѣжно губить человѣка попробовавшаго его употребленіе. За искусственнымъ возбужденіемъ слѣдуетъ же сточайшее изнеможеніе, полный упадокъ нравственныхъ и физическихъ силъ. Человѣкъ, чувствуя тѣмъ сильнѣе такую рѣзкую противоположность, прибѣгаєтъ къ новому пріему, чтобы возвратиться къ прежнему блаженному состоянію, и тогда онъ погибъ. Нѣтъ ему возможности отстать отъ гибельной привычки, онъ теряетъ волю и власть надъ собой, онъ совершенный рабъ опіума. Пока потребитель опіума не принялъ обычнаго пріема, который приходится все болѣе и болѣе увеличивать, онъ разбитый, изнеможенный, едва владѣющій чле-

нами страдалецъ; съ приемомъ онъ оживаетъ, становится бодрымъ здоровымъ и энергическимъ. Ни что не въ силахъ удержать отъ этой привычки, ниже самая перспектива ранней смерти въ ужасныхъ мученияхъ, върнаго послѣдствія употребленія опіума. Употребленіе его распространено въ Турціи, юго-западной Азіи, Остъ-Індіи и Китаѣ. Увѣряютъ, что на Китайцевъ опіумъ дѣйствуетъ не вреднѣе, чѣмъ на Европейцевъ употребленіе спиртныхъ напитковъ, что примѣры гибели отъ него не чаще, чѣмъ у насъ въ Европѣ отъ вина и водокъ. Но нельзя не вспомнить при этомъ что подобный разсказъ мы находимъ у доктора — Англичанина, бывшаго въ добавакъ на службѣ у Остъ-Індской компаніи. Невольно впадаешь въ сомнѣніе не старается ли онъ извинить позорные для образованнаго народа поступки Англичанъ во время извѣстной войны за опіумъ, оружіемъ защищавшихъ право изъ-за прибыли систематически отравлять цѣлый народъ. Немудрено, что опіумъ порабощаетъ своей власти необразованныхъ, грубыхъ жителей Востока, но онъ дѣйствуетъ не менѣе сильно и на Европейца, испытавшаго его дѣйствие. Мы имѣемъ примѣры, и примѣры взятые не изъ низшихъ классовъ народа, а изъ самыхъ образованныхъ. Англійскій поэтъ Колъриджъ и докторъ дю-Кенсей оставили письменныя свидѣтельства о страшной силѣ привычки принимать этотъ ядъ. Колъриджъ отсталъ отъ него только послѣ 20-ти лѣтъ борьбы съ самимъ собою. Поразительны признания обоихъ названныхъ лицъ о безсиліи воли побѣдить влеченіе къ опіуму, даже постепенная отвычка отъ него требуетъ невѣроятныхъ усилий. Оба не разъ постепенно уменьшали приемы и потомъ вдругъ снова принимались за прежніе. Таковъ этотъ страшный ядъ; хашишъ мало чѣмъ уступаетъ ему, хотя по описаніямъ

отстать отъ него легче, и дѣйствіе нѣсколько менѣе разрушительно. Нельзя не жалеть, чтобы употребленіе этихъ веществъ было довѣрено исключительно опытнымъ рукамъ медиковъ, чтобы они не могли попадать въ руки людей могущихъ злоупотребить ими.

Интересно наркотическое вещество, употребляемое въ южной Америкѣ, и, судя по описаніямъ очевидцевъ несравненно менѣе опасное. Туземцы, а иногда и бѣлые поселенцы странъ, лежащихъ вдоль хребта Кордильеръ, жуютъ листья кустарника, называемаго кока. Дѣйствіе ихъ напоминаетъ дѣйствіе оніума. Тоже равнодушіе ко всему вѣнченному, также сосредоточенность въ самомъ себѣ и въ образахъ, создаваемыхъ воображеніемъ, но только въ несравненно слабѣйшей степени, и поэтому нѣть такихъ губительныхъ послѣдствій. Неумѣренное употребленіе коки конечно губительно и можетъ обратиться въ такую же непобѣдимую привычку, какъ и употребленіе опіума, оно разслабляетъ нервную систему, а за нею и весь организмъ, но умѣренное, по увѣренію наблюдателей, даже полезно, поддерживая силы и здоровье, въ особенности на высотахъ горъ. Чуди говорить, что вышивъ отвара коки, онъ легко переносилъ путешествія и охоты по крутизnamъ горъ, и не чувствовалъ вреднаго влиянія разрѣженного воздуха горныхъ выселей, какъ другіе путешественники. Туземцы употребляютъ впрочемъ кромѣ коки еще другое несравненно болѣе вредное растеніе, а именно, они пьютъ отваръ сѣмянъ краснаго дурмана. Онъ производить совершенное изступленіе и судороги. Индѣйцы убѣждены, что этимъ способомъ они входятъ въ сношеніе съ душами своихъ предковъ, видятъ ихъ и бесѣдуютъ съ ними.

Упомянемъ еще объ одномъ сильно одуряющемъ веществѣ, а именно о мухоморѣ,

которымъ описываются и объдаются Камчадалы. Дѣйствие его похоже на дѣйствие хашшиша, и пьянство это представляетъ такія отвратительныя подробности, что и описывать ихъ неудобно.

Мы видѣли, что потребность въ возбуждающихъ нервы веществахъ общее всему человѣческому роду, что уничтожить ее нѣть возможности. Что же остается дѣлать, чтобы предохранять отъ злоупотребленія ими? По нашему мнѣнію, лучшее средство, кромѣ распространенія образованія, лучшаго цѣлителя недуговъ человѣчества, это распространеніе безвредныхъ, слабо-возбуждающихъ нервы веществъ. Для нашихъ спиртныхъ напитковъ такими противоядіями служатъ два растенія, уроженецъ Китая-чай, и уроженецъ средней Африки — кофе. Намъ кажется, что эти два растенія легче могутъ побѣдить распространяющееся пьянство, чѣмъ даже общества трезвости. Примеръ безсилія этихъ послѣднихъ отучить во все народъ отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, уже былъ въ западной Европѣ, гдѣ обратившіеся сначала къ нимъ во множествѣ, вслѣдствіе проповѣдей патера Метью, и его приверженцевъ, толпами стали отставать отъ нихъ и возвращаться къ прежнимъ привычкамъ. Между тѣмъ можетъ быть многимъ изъ присутствующихъ случалось замѣтить, что въ деревняхъ, гдѣ распространяется употребленіе чая, уменьшается употребленіе водки. Настой чая и кофе не только возбуждаетъ нервы, но въ тоже время питательнѣ, что еще болѣе способствуетъ распространенію его употребленія. Полезно также распространеніе слабо спиртуозныхъ напитковъ, пива, меду, и виноградныхъ винъ. Словомъ, растительный міръ даль ядъ, онъ же даетъ и противоядія.

Мы видѣли зависимость человѣка отъ растеній, дающихъ ему пищу, одежду, и вещества возбуждающія нервы. Краткость вре-

мени не позволяетъ намъ изложить подробнѣ всѣ иные точки соприосновенія между человѣкомъ и растеніемъ, мы можемъ только напомнить о нихъ, такъ онъ разнообразны и многочисленны. Кто не знаетъ участія растеній въ исцѣленіи болѣзней, которыми такъ богато разсѣвшеся по всему лицу земному, вдали отъ своей родины, а потому искусственно живущее человѣчество? Кто не вспомнить, что тотъ же растительный міръ даетъ намъ матеріалы и для жилищъ, и для мебели, и для посуды, и для экипажей и судовъ. Онъ участвуетъ во всей обстановкѣ нашей повседневной жизни. Понятно изъ всего до сихъ поръ сказанного, какую роль играетъ растительный міръ въ торговлѣ. Нѣть сомнѣнія, что масса растительныхъ продуктовъ, переносимыхъ изъ страны въ страну торговлею, не въ примѣръ и болѣе и важнѣе чѣмъ масса животныхъ продуктовъ, ежели взять въ расчетъ всю торговлю земного шара. Торговля обусловливаетъ международныя отношенія, которые поэтому зависятъ отчасти и отъ растительнаго царства. Какъ интересный примѣръ того можно привести отношенія Англіи и сѣверо-американскихъ Штатовъ. Не разъ случалось замѣтить необыкновенную уступчивость и мягкость гордой и неподатливой на уступки Англіи относительно ихъ. Причина тому хлопчатая бумага, вывозимая изъ Штатовъ и дающая работу и хлѣбъ цѣлымъ округамъ Англіи. Стѣна изъ ваты надежнѣе защищаетъ Соединенные Штаты отъ Англичанъ, чѣмъ мониторы, нарѣзныя пушки и ядра всѣхъ сортовъ.

Мы уже видѣли въ растительномъ мірѣ двухъ опасныхъ враговъ человѣчества: масть и коноплю, но кто подумалъ бы, что между самыми низшими формами растительнаго міра, между микроскопическими грибками, мы найдемъ опасныхъ враговъ благоденствія человѣка, дѣятелей вліяющихъ

на нервы и обычаи его. Одинъ изъ нихъ губить шелковичныхъ червей и раззоряетъ шелководовъ южной Европы, другой уничтожаетъ сборы винограда, и заставляетъ иногда вовсе оставлять винодѣліе, такъ что напр. настоящая мадера есть въ нынѣшнее время мечта, и жители острова Мадеры уже нѣсколько лѣтъ какъ почти оставили винодѣліе и занялись разведеніемъ кошенила, третій уничтожаетъ сборы картофеля и морить голодомъ несчастныхъ Ирландцевъ. Замѣтимъ между прочимъ, что голодные годы — лучшіе годы для бунтовъ и революцій, и что волненія Ирландіи подготовлены можетъ быть не только политическими причинами, но и микроскопическими грибкомъ.

Глубоко входитъ растительный міръ въ жизнь человѣка, и это конечно отражается и въ языкѣ его и въ вѣрованіяхъ. Сколько образовъ взяла изъ него поэзія, сколько образцевъ далъ онъ искусству. Міръ язычества, сводившій небо на землю, вездѣ и всюду бралъ изъ растительного міра атрибуты своихъ боговъ, и обоготворялъ самыя растенія; изъ растительного же міра беретъ эмблемы и христіанство возвышающее человѣка до неба. Бѣлую лилію, символъ чистоты, даемъ мы въ руки архангела — благовѣстника, пальмы — въ руки мучениковъ, а на крестъ, стоящій на могилѣ милыхъ нашему сердцу, мы надѣваемъ вѣночъ изъ неувѣдающихъ цѣѣтовъ, символъ нашей вѣры въ бессмертіе ихъ, надежды, что разлука съ ними лишь временная.

Мы видѣли зависимость человѣка отъ растенія, зависимость неизбѣжную и благодѣтельную. Но ежели человѣкъ, вслѣдствіе ли скудости даровъ природы, вслѣдствіе ли неразвитости зависитъ исключительно отъ одного какого нибудь растенія, тамъ онъ становится съ нимъ въ такое же отношеніе, какъ ниже его стоящія животныя.

Перенесемся мысленно въ антиподы, въ южное полушаріе. Передъ нами громадный материкъ, величиною съ цѣлую Европу, гдѣ мы находимъ все точно на изворотъ противъ нашего, гдѣ въ рѣчкахъ плаваютъ зѣви съ утиною мордою, а на озерахъ разгуливаютъ черные лебеди, гдѣ рѣки текутъ отъ береговъ въ средину материка, и оканчиваются болотами, гдѣ листья на деревьяхъ стоятъ ребромъ въ верху и лѣсь не даетъ тѣни, и деревья периодически теряютъ кору какъ у насъ листья, гдѣ богатыя растительностью пространства очредуются съ сотнями лишь песчаныхъ, каменистыхъ и соляныхъ степей, гдѣ неподвижный воздухъ оставляетъ нетронутыми по 40 лѣтъ слѣды колесъ на сыпучемъ пескѣ, а жаръ таковъ, что упавшая на полѣ спичка загорается. Это новая Голландія. На всемъ этомъ материкѣ нѣть растенія, которое бы давало съѣдобный плодъ болѣе вишни величиною. Только одно хвойное дерево, Араукарія Бидвилля (*Araucaria Bidwillii*) скрываетъ въ своихъ крупныхъ шишкахъ значительное количество сѣяній, могущихъ пропитать человѣка. Ею живутъ жалкіе дикари, отребье человѣчества, туземцы этой страны, не представившей никакихъ данныхъ для развитія его. Случись въ какой либо мѣстности неурожай шишекъ Араукаріи и толпы дикарей переселяются въ края, гдѣ ихъ уродилось, какъ въ Сибири бѣлки переселяются стадами при неурожаѣ кедровыхъ шишекъ.

Перенесемся снова мысленно въ иной край. Передъ нами огромная рѣка, дельтою впадающая въ море; кругомъ зыбкая болотная почва, поросшая мангеми; по мѣстамъ высится красивыя пальмы. Это-дельта Ориноко и пальма Мавриція. Гварауны, дикое племя, населяющее эту мѣстность, независимые благодаря своимъ болотамъ, по которымъ одни они умѣютъ пробираться,

живутъ дарами этого дерева. Они ёдятъ его плоды, вершину почку и крахмаль находящійся внутри ствola, пьютъ вино, приготовляемое изъ его сока, кроютъ хижину его листьями, вьютъ веревки изъ волоконъ, добываемыхъ изъ нихъ. Наконецъ во время разлива рѣки, когда вся окрестность представляеть огромное озеро, Гварауны живутъ на этомъ деревѣ. Между нѣсколькими пальмами устроивается висячій помостъ, его вымазываютъ глиною, и вечеромъ путешественникъ съ удивленіемъ видитъ ряды огней, висящихъ въ воздухѣ надъ разли-

вомъ. Здѣсь человѣкъ также связанъ въ своеемъ существованіи съ деревомъ какъ насѣкомое,итающееся исключительно однимъ видомъ растеній и гибнущее съ уничтоженіемъ его въ какой либо мѣстности. Человѣкъ становится въ такомъ же отношеніи къ растенію какъ какой нибудь жукъ, это уже не зависимость, а рабство. Одна изъ задачъ культуры есть вырывать человѣка изъ этого унизительного рабства растенію, и напротивъ того дать человѣку власть надъ растеніемъ, насколько это позволяютъ законы природы.

А. Петровскій.

ЗНАЧЕНИЕ КРАНІОЛОГІИ.

Мм. Гг.

На будущей нашей выставкѣ публика встрѣтить отдѣль, который (какъ это можно положительно сказать даже и теперь, не боясь ошибиться) будетъ принять очень холодно ею, который будетъ даже казаться ей прибавкомъ, безъ котораго удобно было бы обойтись. Рядомъ съ картиною человѣка въ его естественной обстановкѣ, въ различныхъ мѣстностяхъ будетъ нѣкоторое подобіе кладбища, въ которомъ сложить свои останки тотъ же человѣкъ, различныхъ мѣстностей и племенъ. Рядомъ съ картиною жизни, будетъ и картина конечнаго результата ея—смерти, представляемой скелетами и препаратами. Если философъ можетъ быть и найдеть это назидательнымъ, то большинство естественно предпочло бы ограничиться только картиною жизни. Печальный отдѣль этотъ будетъ антропологіческій, и мнѣ выпало на долю, если не постараться заинтересовать имъ, успѣхъ въ чемъ болѣе чѣмъ сомнителенъ, то, по крайней мѣрѣ, убѣдить въ законности появленія этого отдѣла на самой выставкѣ, такъ какъ этотъ отдѣль существенъ для той цѣли, къ которой стре-

мится она, съ которой задумана и осуществлена; цѣль эта—всестороннее изученіе человѣка, изученіе естественноисторическое и бытовое.

Въ ученомъ мірѣ въ послѣднее время замѣчается одинъ фактъ, не лишенный интереса; этотъ фактъ состоить въ томъ, что въ разныхъ мѣстахъ Европы образуются ученые кружки, выдвигающіе науку, если не новую по ея задачамъ и цѣлямъ, то новую потому, что она до того лежала въ архивѣ и не обращала на себя общественнаго вниманія. Наука эта—антропологія, или наука о человѣкѣ, преимущественно по однімъ, и исключительно по мнѣнию другихъ, наука естественноисторическая. Какъ будто сговорились люди разныхъ странъ и разныхъ до того специальностей ввести въ моду старое дѣтище въ новомъ платьѣ, въ новомъ покровѣ. Дѣйствительно модою и новинкою объясняютъ себѣ это «влеченіе, родъ недуга» къ антропологіи агитаторовъ въ пользу ея какъ тѣ, которые не очень затрудняются въ присканіи причинъ для общественныхъ явлений, такъ и тѣ, которые, на основаніи своихъ сложившихся уже уѣ-

жденій, не сочувствуютъ начинаящемуся дѣлу. Но стоитъ только подумать немножко побольше надъ происходящимъ и побезпристрастнѣе отдать себѣ отчетъ въ немъ, чтобы усомниться въ модѣ, какъ причинѣ сказанного явленія. Самая мода только въ массѣ является необъяснимою, повидимому, прихотью, но въ сущности и мода имѣеть своимъ основаніемъ вовсе не безотчетное увлеченіе, и это очень хорошо знаютъ тѣ, которые прямо и материально заинтересованы въ ходѣ моды и которые «ланируютъ» ее, если употребить техническое выражение, въ массу. Если это такъ въ обыденной жизни, если это замѣчается въ явленіяхъ вкуса и произвола, то мода, какъ увлеченіе и прихоть, еще меныше имѣеть мѣста въ наукѣ. Когда начало новаго движенія въ наукѣ полагаютъ такія личности какъ Ретціусъ, Бэръ, Броека, Гисъ, Велькеръ и другіе, тогда это движеніе образуется въ новое направление въ наукѣ, въ новую школу въ ней. Тогда такое направление имѣеть глубокіе корни и основывается на законахъ развитія науки, вызывается действительными требованиями ея. Такое движеніе коснулось и нашего новаго Московскаго Общества Естествознанія и оно сознательно пошло по пути той «моды», начало которой въ Россіи составляеть и составитъ одну изъ многихъ заслугъ К. М. Бэра.

Изученіе человѣка, даже и въ физическомъ отношеніи, всегда интересовало человѣка, въ особенности изученіе отличныхъ отъ настѣ племенъ. Но для такого изученія мало одного, такъ сказать, интереса; нужны благопріятныя условія для него и средства; нужна известная подготовка для того общества и его условій; нужно, наконецъ, чтобы и сама наука дошла до яснаго сознанія того, что желательно, и какъ можно достигнуть этого желательнаго. Ус-

ловій всѣхъ этихъ до послѣдняго времени не существовало и потому антропологія и оставалась «im Werden», какъ говорять немцы. Нашему времени выпала доля доности до возможности ученой разработки антропологическихъ вопросовъ. Успѣхи науки естественныхъ, съ ихъ точнымъ и положительнымъ методомъ изслѣдованія, достаточно подготовили общество къ тому, чтобы оно могло съ необходимымъ бесприострастіемъ и достаточното сдержанностю отнести къ изученію человѣка. Нашъ научный горизонтъ достаточно опредѣленъ для того, чтобы при изслѣдованіи человѣка не впасть въ ошибку древнихъ и видѣть въ вопросахъ тѣла конечные вопросы человѣческой сущности и жизни, чтобы избѣгнуть и возрѣй средневѣковыхъ, считая человѣка существомъ стоящимъ въ природѣ, въ антагонизмѣ съ нею. Какъ ни тривиально просто кажется положеніе, въ которомъ мы убѣждаемся ежедневно, что жизнь человѣка состоить изъ двухъ факторовъ: проявленій жизни тѣлесной и духовной; какъ ни охотно сознаемъ мы это въ обыденной жизни и при болѣзни, но при всемъ этомъ мы не прочно измѣнить тотчасъ же нашъ взглядъ, когда коснется дѣло изученія человѣка. Мы охотно съуживаемъ значеніе изученія человѣка какъ органическаго тѣла и не прочно умышленно сдѣлать его поверхностнымъ. Цѣль наша при этомъ хороша: воспитать сознаніе человѣка исключительно какъ существа жизни духовной и нравственной, но наши усиія не достигаютъ своей цѣли; потому что тѣло постоянно заявляетъ свои права на настѣ, и тѣмъ больше напоминаетъ намъ о себѣ, чѣмъ меныше обращаемъ мы на него вниманія. Эти крайности во взглядахъ на изученіе человѣка сладились въ наше время на столько, что сдѣлали возможнымъ бесприострастное отношеніе къ вопросу о

значенії організації для човн'яка і вслідствіє этого явились і необхіднія умові для того, щоб въ общество могла бути принята антропологія какъ наука, а не какъ вредный и односторонній агитаторъ.

И такъ явились въ общественній жизни умові, благопріятныя для появленія антропології і сдѣлавши її возможною; но она бы еще долго не появилась, если бы сама наука не дошла въ своихъ результатахъ до необходимости удълить большій интересъ и большее внимание изученію човн'яка съ естественно-исторической точки зрењія. Послѣдовательность развитія наукъ и нашихъ знаній вообще не представляется случайною, но развивается органически, подобно тому, какъ развивается самій организмъ човн'яка, какъ развивается его исторія. То, что служить средствомъ, должно развиться прежде цѣли, то, что составляетъ основаніе, должно окреїпнуть прежде, чѣмъ сдѣляется возможною закладка вершины. Вопросы, касающіеся човн'яка, принадлежать къ самымъ сложнымъ и труднымъ вопросамъ, и для рѣшенія ихъ необходимо, чтобы другія естественные науки достигли значительного совершенства; только тогда они станутъ средствомъ, достаточно надежнымъ для антропології, только тогда эта послѣдняя въ своихъ выводахъ можетъ опереться на выводы первыхъ и начать свое развитіе. И такъ для возможности серьозной антропології требуются и серьозные успѣхи, и значительное совершенство въ методахъ и выводахъ тѣхъ наукъ, которыя служатъ ей основаніемъ.

Достаточная подготовка общества и большие успѣхи основныхъ наукъ естествознанія сдѣлали возможнымъ появление антропології какъ науки положительной, строго определенной. Но кромѣ того, или лучше сказать вслѣдствіе того, явились нѣкоторыя обстоятельства, сдѣлавши появление инте-

реса къ антропології какъ науки въ наше время необходимымъ; явились умовія, которые естественно должны были сосредоточить внимание на естественно — исторической сторонѣ човн'яка. Главнѣйшими умовіями въ этомъ отношеніи были: во 1) нахожденіе доисторическаго населенія, сохранившагося въ своихъ оставахъ и во 2) нахожденіе въ самыхъ оставахъ основаній для изслѣдованія ихъ на столько серьозныхъ и точныхъ, что ими значительно расширялась область естествознанія и непосредственно переходила въ другую область знаній, область историческую. Оказалось, что толщи земныя, что могилы заключаютъ въ себѣ останки човн'яка, говорящіе не только то, что човн'якъ былъ болѣе давнимъ обитателемъ земли, чѣмъ предполагали, но и то, что эти останки несутъ рѣзкія характерныя черты особаго населенія, особаго племенаго характера. Дознаніе доисторическаго човн'яка, изученіе останковъ бронзоваго и каменнаго вѣка не только по своему интересу и важности стало вопросомъ интересующимъ общество, но также вопросомъ, который прямо вѣль къ признанію необходимости болѣе тщательнаго, болѣе подробнаго изученія човн'яка въ антропологическомъ отношеніи, и преимущественно со стороны его скелета. Открылись незнаемые дотолѣ обитатели земли, почтенные по той глубокой древности, въ которой жили они исторія ничего не знаетъ, ничего не говоритъ о нихъ. Все въ нихъ загадка, и ихъ судьба, и ихъ бытъ. Но човн'якъ не можетъ по самой своей сущности довольствоваться загадками; если вопросъ возбужденъ, онъ долженъ быть рѣшенъ, или, по крайней мѣрѣ, должно быть выполнено все возможное для его разрѣшенія. Нѣть историческихъ сказаній, но за то есть орудія этихъ людей; нѣть указаній на то, что это были за люди, но есть остатки ихъ, и онъ дол-

женъ сказать все, что только можетъ быть высказано имъ. И стала наука по необходимости, такъ сказать, изучать, сравнивать если не остатки, то, по крайней мѣрѣ, черепа различныхъ племенъ, чтобы въ нихъ найти буквы, которыми можно было бы уяснить себѣ доисторического человѣка; наука въ современныхъ черепахъ старалась найти ключъ къ гіероглифамъ, представляющимся въ доисторическихъ черепахъ. Ключъ этотъ уже былъ найденъ въ наблюденіи Ретціуса; онъ былъ усовершенствованъ Бэртомъ и другими антропологами. Наблюденіе Ретціуса очень просто: онъ замѣтилъ, что черепа представляютъ два существенно различные типа: типъ короткій и типъ длинный, и что отношеніемъ наибольшей длины черепа къ наибольшей ширинѣ его дается такая характеристика, которая можетъ лечь даже въ основаніе дѣленія племенъ. Существенное влияніе на антропологію Ретціуса было то, что до него если и сравнивали черепа, то только у племенъ, одаренныхъ особенно выдающимися различіями; онъ сталъ сравнивать черепа не однѣхъ только большихъ расъ, но и племенъ, и сравнивать ихъ по соотношенію ихъ размѣровъ. Изученіе соотношеній размѣровъ черепа и обработка методовъ полученія самыхъ размѣровъ сдѣлали содержаніе краніологіи удовлетворяющимъ требованіямъ естественно-исторической науки вообще, и потому она и заняла мѣсто въ числѣ наукъ.

И такъ изученіе доисторического человѣка выдвинуло, какъ необходимое, изученіе костяка племенъ и придало антропологическимъ вопросамъ общій интересъ. Усовершенствование методовъ изслѣдованія черепа и вообще антропологической стороны человѣка, дало антропологіи строго научную форму. Явилась нужда въ самой антропологіи какъ науکѣ, явилась нужда также въ новыхъ разнообразныхъ и многочи-

сленныхъ изслѣдованіяхъ о племенахъ, изслѣдованіяхъ, которые бы удовлетворяли новымъ методамъ, новому уровню антропологии. Когда является насущная потребность въ изслѣдованіяхъ какого либо рода въ науку вслѣдствіе недостатка ихъ, когда открывается новое заманчивое поле для дѣятельности, то естественно сосредоточеніе силъ на этомъ поприщѣ. Антропология въ настоящее время представляетъ вновь открытый золотой пріискъ, въ которомъ на каждомъ шагу можно разсчитывать на богатыя находки, на интересные выводы. Само собою понятно теперь, почему въ этой области замѣчается усиленная дѣятельность, усиленный интересъ. Антропология теперь переживаетъ то возбужденное состояніе молодости, эпохи энергическихъ силъ и смѣлыхъ предпріятій, которую уже пережили сравнительная анатомія и недавно еще эмбриологія. Въ антропологіи вездѣ можно прокладывать новые пути, а потому люди болѣе смѣлые и предпочитаютъ слѣдовать скорѣе по нимъ, чѣмъ по готовымъ, обѣланнымъ и менѣе безопаснымъ путамъ уже окончательно установленныхъ наукъ.

Усиление интереса къ антропологіи вызвало въ послѣднее время и усиленное собирание череповъ и составленіе краніологическихъ собраній. Собирание череповъ произошло какъ отъ того, что расовая отличія преимущественно и всего нагляднѣе выражаются на черепѣ, такъ и отъ того, что собирание и храненіе череповъ на практикѣ представляетъ и сравнительно большую легкость, чѣмъ собирание полныхъ скелетовъ, не говоря уже о препаратахъ мягкихъ частей организма нынѣ живущихъ племенъ, для получения которыхъ нужны и особенные благопріятныя условія, и значительные средства, какъ матеріальная, такъ и техническая. Собирание череповъ вообще не есть, впрочемъ, особенность нашего вре-

мени; оно происходило давно и давно уже существуютъ собранія ихъ; характеристичнымъ для нашего времени является только цѣль собирания, т. е. характеристично только особенное развитіе краніологическихъ собраній. По цѣли собранія коллекціи череповъ можно раздѣлить на три группы: анатомическая (къ которымъ можно отнести и патологическая собранія), френологическая и краніологическая.

Анатомическія собранія существуютъ уже издавна. Цѣль ихъ служить уясненіемъ типа строенія человѣческаго черепа вообще и частей, входящихъ въ составъ его, равно какъ и показать тѣ видоизмѣненія въ общемъ и частяхъ, которыя замѣчаются при различныхъ условіяхъ организма болѣе или менѣе нормальныхъ или патологическихъ. Анатомъ изучаетъ черепъ человѣка какъ органъ, имѣющій важное значеніе, какъ въ физіологической жизни человѣка, такъ и въ патологическихъ, болѣзняхъ проявленіяхъ ея. Анатомъ изучаетъ черепъ человѣка какъ представителя типа и потому всѣ его изысканія группируются около типической формы, составляющей центръ, около котораго въ видѣ дополненія группируются формы уродственныхъ и болѣзняхъ, нужные для анатоміи какъ основанія медицины. Для анатома важнѣе всякая небольшая часть, всякая мелочь, вліающая на жизнь и отправлѣніе черепа какъ органа, но анатомъ только для полноты, изъ простой любознательности, пополняетъ свою программу тѣми, съ его точки зреянія несущественными видоизмѣненіями, которыя представляютъ различныя племена. Изъ сказаннаго вытекаетъ существенная разница между собраніями анатомическими и краніологическими, цѣли которыхъ почти прямо обратны. Для анатома важенъ черепъ и важны тѣ его особенности, которыя типичны, характерны для человѣка, разматри-

ваемаго вообще; для краніолога важны только тѣ черепа, которые по своимъ постояннымъ особенностямъ типичны для племенъ. Для анатома важны тѣ видоизмѣненія, которыя такъ или иначе вліають на черепъ какъ органъ, и факты опѣниваются имъ сообразно этой точки зреянія; краніологъ напротивъ смотритъ только на то, что можетъ служить ему характеристическимъ отличиемъ для классификаціи череповъ по племенамъ. Послѣднему въ каждомъ черепѣ нѣтъ вовсе дѣла до того, что обще всѣмъ моделямъ, что составляетъ существенную принадлежность его: онъ останавливается только на томъ, что выходитъ по своей племенной особенности изъ общаго типа и даетъ постоянное различіе. Если краніологъ и обращаетъ вниманіе на уродства и патологические случаи, то только для того, чтобы исключить ихъ изъ своихъ соображеній и чтобы не ввести себя этими формами въ какое либо заблужденіе. Изъ этой разности цѣли и вытекаетъ то, что факты первостатейной важности для анатома вовсе не важны для краніолога, и наоборотъ. Для анатома важенъ составъ черепа, для краніолога его форма. Понятно, что это различіе въ цѣляхъ изученія черепа анатомами и краніологами выражается и въ различіи характера собраній анатомическихъ и краніологическихъ. Различіе въ цѣляхъ и приемахъ вызывается всего чаще у анатомовъ сожалѣніе о томъ трудѣ, который прилагаютъ краніологи въ изученію черепа съ тѣхъ сторонъ его, кои для широкой и уже окончательно установленной анатомической точки зреянія кажутся мелкими и не могущими дать важныхъ выводовъ. Этимъ объясняются и тѣ взгляды, подъ часъ добродушно насыщливые, а подъ часъ и Ѣдко насыщливые, которые бросаются часто анатомы на кропотливый трудъ краніологовъ. Одинъ извѣстный анатомъ въ Германіи даль

себѣ труда составить коллекцію такъ называемую псевдо-расовую изъ ненормальныхъ череповъ жителей одной мѣстности, и любить смущать краніологовъ тѣмъ, что представляеть имъ черепъ съ особенностями какой нибудь расы и прибавляетъ, что эти расы собраны между Нѣмцами. Для неизвестного съ состояніемъ краніологии такое собраніе говорить сильно противъ краніологии, но для краніолога собственно оно не представляеть ничего смущающаго. Варіаціи череповъ представляютъ большое подобіе тому, что представляютъ намъ метеорологическія наблюденія: кажущуюся неправильность, отрывочные явленія, повидимому, совершенно случайныя, если ихъ разсматривать отдѣльно, и строгій законъ, большую опредѣленность, если принять во вниманіе всѣ факторы, обусловливающіе явленіе. Отдѣльный черепъ и нѣсколько отдѣльно, отрывочно взятыхъ череповъ не говорятъ ничего, кажутся случайностю, или даже могутъ привести къ ложнымъ выводамъ; но если взять достаточную сумму череповъ, если собрать относительно нихъ материалъ, дѣлающій возможнымъ сравненія по поламъ и возрастамъ, удовлетворительный по выданію болѣзнейшихъ, или вообще не нормальныхъ представителей, если ограничиться черепами, не взятыми случайно, но принадлежащими несомнѣнно извѣстному племени, тогда результатъ будетъ другой, и тогда только и можетъ быть то, что заслуживаетъ имени результата. Слѣдовательно псевдорасовая коллекція хороши развѣ тѣмъ, что рельефно указываютъ необходимость большаго числа наблюденій для решенія краніологическихъ вопросовъ и что они предупреждаютъ противъ увлеченій, рекомендуя быть осторожными и на глядно совѣтуя не позволять себѣ скорые выводы.

Краніологическая коллекція существенно

отличаются и отъ френологическихъ, хотя убѣжденіе въ этомъ различіи еще не со ставляетъ общаго достоянія. Относительно френологии каждый считаетъ себя вполнѣ свѣдущимъ, кто знаетъ, что френология состоить въ опредѣленіи по возвышеніямъ на черепѣ способностей и наклонностей человѣка. Но не вся сущность френологии въ шишкахъ черепа, недостаточность которыхъ для опредѣленія способностей человѣка доказывается и въ водевиляхъ и въ юмористическихъ разсказахъ. Если френология и занимала многихъ потому только, что даетъ надежду по формѣ головы узнать хотя немножко чужую душу, до чего каждый человѣкъ немножко падокъ, то люди, полагавшіе основанія френологии, люди, серьезно занимавшіеся ею, если и ошибались во многомъ, то въ основаніе своихъ ошибокъ клали рядъ размышлений очеркъ серьезныхъ. Галль можно считать по справедливости основателемъ френологии, хотя этотъ терминъ и введенъ былъ впервые Форстеномъ. Самъ же Галль не принималъ ни этого термина, ни названія «краніоскопія» такъ какъ считалъ ихъ недостаточными. «Предметъ моихъ изслѣдований, говорить Галль, есть мозгъ, черепъ же входитъ въ нихъ по стольку, по сколько онъ является вѣрнымъ отпечаткомъ послѣдняго, а потому черепъ составляетъ только часть главной задачи. Название краніоскопіи для моихъ изслѣдований было бы на столько же односторонне, на сколько односторонне было бы назвать поэта риемоплетомъ». Основанія, данные Галлемъ для френологии, слѣдующія: мозгъ есть органъ духа и его можно назвать организмомъ, такъ какъ онъ состоитъ изъ многихъ органовъ, служащихъ для различныхъ проявленій духа. Необходимо разсматривать мозгъ за сложный организмъ, за совокупность отдѣльныхъ, но тѣсно другъ съ другомъ связанныхъ орга-

новъ, а это доказывается соображениями анатомическими, физиологическими и патологическими. А) Анатомическая: 1) чѣмъ сложнѣе проявленіе психической жизни у животныхъ, тѣмъ сложнѣе и мозгъ, 2) различіе строенія мозга у животныхъ, представляющихъ различіе способностей, 3) сравненіемъ съ другими системами органовъ, у которыхъ является тѣмъ большая сложность органа, чѣмъ сложнѣе отправленіе. В) Физиологическая: 1) различныя отправленія у животныхъ идутъ параллельно съ нахожденіемъ различія и въ его органахъ, а потому если одно животное имѣетъ съ другими различныя психическія проявленія, то это заставляетъ предполагать и различіе въ мозгѣ, каковое различіе было бы необъяснимо, если бы каждое особенное проявленіе психической жизни не соответствовало особенной части мозга; 2) это же доказывается и тѣмъ, что отдельные особи одного вида имѣютъ различныя степени способностей; 3) что прирожденныя способности различныя; 4) что различныя способности появляются неодновременно (мы знаемъ, что и мозгъ развивается постепенно) и исчезаютъ тоже неодновременно; 5) гений рѣдко бываетъ всеобъемлющимъ, но является или тонкопоэтическимъ или музыкальнымъ, научнымъ и т. д. 6) умственное напряженіе истощаетъ не всѣ проявленія умственной дѣятельности одновременно, но можно устать для одной работы и быть способнымъ еще къ другой; 7) различіе способностей мужчины и женщины можетъ быть объяснено только приниманіемъ мозга за сложный органъ. С) Патологическая: 1) Проявленіе душевныхъ болѣзней и ихъ лечение показываютъ, что существуютъ нѣсколько отдельныхъ органовъ психической жизни, такъ какъ болѣзнь можетъ поразить извѣстныя отправленія, оставивши остальные нормальными или

даже усиливъ ихъ, какъ это замѣчается у сумасшедшихъ. По мнѣнію Галля и основидѣнія, и частный идиотизмъ, и, наконецъ, сомнамбулизмъ объясняются только тѣмъ, что одни органы мозга дѣйствуютъ, тогда какъ другие недѣятельны. Всѣ указанные факты необъяснимы, если принять мозгъ за одинъ органъ, а не за совокупность многихъ.

И такъ, по мнѣнію Галля, мозгъ есть организмъ и состоитъ изъ совокупности органовъ, соответствующихъ кореннымъ первоначальнымъ душевнымъ свойствамъ. Какія же это свойства? Я укажу здѣсь только на нѣкоторыя изъ нихъ. Во 1-хъ Любовь и материальная любовь; органъ есть мозжечекъ. Подобно этому чувству онъ доразвивается только съ годами; онъ развитъ особенно сильно у тѣхъ животныхъ, у которыхъ развита и эта наклонность. 2) Семейная любовь имѣть органъ между вершиною стрѣловиднаго шва и мозжечкомъ, потому во 1) что особенно онъ развитъ у женщинъ и дѣтей и между животными, особенно у тѣхъ, у которыхъ только мать заботится о семье, напримѣръ у курицы, у коровы; часть эта развита мало у пѣтуха и быка и, вообще говоря, у мужчинъ и не встрѣчается у кукушки, крокодила и т. д. Чѣмъ больше какой либо органъ мозга, тѣмъ большее и его проявленіе, слѣдовательно и наоборотъ: развитіе какой нибудь способности вызываетъ развитіе органа. Такъ какъ форма мозга обусловливаетъ и форму черепа и его стѣнки моделируются, такъ сказать, по мнѣнію Галля, по мозгу, то слѣдовательно на черепѣ отражается и относительное развитіе соприкасающихся съ нимъ органовъ мозга, а слѣдовательно по черепу, по его развитію на мышцахъ, соответствующихъ положенію различныхъ органовъ душевной жизни, можно заключать и о развитіи способностей этой послѣдней.

Такимъ рядомъ воззрѣній положилъ Галль начало френологіи, начало френологическимъ коллекціямъ. Изъ сказанного понятно, что эти коллекціи имѣли совершенно своеобразный составъ и своеобразную цѣль. Въ нихъ, главнымъ образомъ, собирались черепа людей, отличавшихся какою либо своеобразною способностью, какимъ либо своеобразнымъ развитіемъ частей черепа. Черепа преступниковъ, маніаковъ и т. п. исключительныхъ личностей занимали самое видное мѣсто, потому что у этихъ людей можно было надѣяться найти въ наиболѣе ясномъ развитіи отпечатокъ тѣхъ органовъ на черепѣ, которые соотвѣтствовали особенностямъ ихъ психической жизни. Черепа изучались не по скольку они типичны и обще въ данной мѣстности и данномъ племени, не по скольку они отличаются по общей формѣ, по соотношенію своихъ размѣровъ, а по скольку они разнятся по относительному развитію тѣхъ частей, которыя считались соотвѣтствующими первичнымъ органамъ мозга. Было время, когда френологія была въ большомъ ходу, когда не ее полагали большія надежды. Ее прилагали къ изученію древнихъ историческихъ череповъ и думали найти въ нихъ разясненіе характера тѣхъ исчезнувшихъ народовъ, которымъ они принадлежали. Думали, что френологію можно воспользоваться при воспитаніи дѣтей, узнать по черепу, какая способность у нихъ особенно развита и можетъ быть съ пользою развиваема, и какая должна быть перевоспитываема. Наконецъ питали надежду, что, изучивъ голову своего близкаго, можно узнать—будетъ ли онъ вѣрнымъ другомъ или коварнымъ врагомъ. Всѣ эти надежды придавали интересъ френологіи, плодили для нея дилетантовъ; но все это, кроме нѣсколькихъ вѣрныхъ мыслей, хотя и выраженныхъ въ невѣрной формѣ, разлетѣлось

передъ холоднымъ изслѣдованіемъ науки. Френологія въ ея классической формѣ въ настоящее время не есть наука и имѣть только по преимуществу историческій интересъ: она существенно различается и по цѣли и по методу отъ краніологии.

Краніология изучаетъ типъ черепа у племени, какъ характеристическую черту его; она основывается, главнымъ образомъ, на изученіи среднихъ чиселъ, средняго черепа племени; она вытекаетъ изъ той части антропологіи, которая носить название ученія о пропорціяхъ человѣческаго тѣла. Ученіе это получило свои первѣйшія основы не изъ ученаго изученія человѣка, а вышло изъ художественныхъ потребностей; корни его не въ холодно анализирующей мысли ученаго, но въ поэтическомъ созерцаніи художника. Вопросомъ, вызвавшимъ это ученіе, былъ тотъ: какія пропорціи человѣческаго тѣла наиболѣе соотвѣтствуютъ типу красоты человѣка. Тому уваженію, которое оказывали Греки красотѣ въ природѣ и въ произведеніяхъ искусства, обязаны мы первыми зачатками ученія о пропорціяхъ. Греки первые выяснили, что изящество формы выражается въ опредѣленномъ соотношеніи частей и въ извѣстныхъ относительныхъ размѣрахъ ихъ. Какъ ни далеки, повидимому, эстетика и сухія цифры другъ отъ друга, но Греки поняли своимъ художническимъ инстинктомъ, что числа и ихъ гармоническое сочетаніе есть основаніе того эстетического удовольствія, которое доставляетъ намъ пластика человѣческаго тѣла. «Художникъ», говоритъ Плутархъ, не выпускаетъ линейки, ктвѣса, масштаба и постоянно прибѣгаетъ къ числамъ, чтобы не допустить въ свои произведенія случайности и произвола». Въ то время какъ философы объясняли теоретически, въ чёмъ состоитъ красота, какую связь она имѣть съ формою и числомъ, художники, и пре-

имущественно скульпторы, старались дать практическую схему тѣхъ пропорцій человѣческаго тѣла и его различныхъ частей, которые могутъ называться типичными съ точки зрења красоты и идеала ея въ человѣческомъ тѣлѣ. Поликлетъ даетъ схему и дѣлаетъ модель статуи, долженствующей служить образцомъ для художника; его взгляды пользовались такою славою, что по словамъ Эліана «образцы соперниковъ Поликлета суть произведенія искусства, тогда какъ его образецъ ость самоиздѣланное искусство». За древними и вплоть до нашихъ временъ идетъ цѣлый рядъ изслѣдований, имѣющихъ цѣлю указать правила для художественного выполненія человѣческихъ изображеній. Вездѣ во всѣхъ этихъ произведеніяхъ ищется норма размѣровъ для человѣка вообще, для человѣческаго типа, и при томъ для типа красоты по преимуществу. Всѣ эти изслѣдованія основываются на томъ положеніи, что размѣры тѣла человѣческаго и его частей суть нѣчто постоянное, строго опредѣленное, математическая формула.

Это же убѣжденіе руководить и антропологомъ при его изученіи размѣровъ человѣка, но хотя исходная точка у него одна и также съ художниками, но цѣль различна; антропологу важно знать—представляютъ ли соотношенія размѣровъ у различныхъ племенъ какія либо особенности, могутъ ли они дать какую либо характеристическую черту для племени. Ему нужно не единство типа человѣческаго рода и не тѣ размѣры этого типа, которые соответствуютъ наиболѣе эстетическимъ требованіямъ; для него важнѣе самыя неэстетическія соотношенія, если только они характеристичны. Отъ этого коренного различія въ цѣли художниковъ и антропологовъ происходитъ то явленіе, что, напримѣръ, художникъ при изображеніи какогонибудь

племени, отличающагося какимъ нибудь замѣтнымъ безобразіемъ, всегда, вслѣдствіе своего художническаго чувства, старается подкрасить, улучшить природу по своимъ идеаламъ. Отъ этого происходитъ также и то, что антропологъ часто остается недоволенъ самымъ художественнымъ антропологическимъ изображеніемъ потому только, что оно украшено, что оно не рабская копія природы, а испорчено различными эстетическими соображеніями. Это различие во взглядѣ художника и естествоиспытателя выражается всегда и вездѣ и вызываетъ разногласіе, различіе въ сужденіяхъ; оно выказалось и при устройствѣ манекеновъ на нашей этнографической выставкѣ.

Ученіе о пропорціяхъ человѣческаго тѣла хотя и имѣть въ основѣ своей математическія величины, опредѣленныя числа, а слѣдовательно и одно фактическое основаніе, но выводы изъ этого основанія, способы получения этихъ выводовъ различны. Что нужно принять за основную величину для опредѣленія пропорцій тѣла, за такъ называемый модуль или органическую единицу? Одни принимаютъ голову, другіе длину лица, треты длину ступни и такъ далѣе. Карусъ—въ своей «Symbolik der menschlichen Gestalt»—принимаетъ за такой модуль $\frac{1}{3}$ длины позвоночного столба, такъ какъ длина позвоночного столба новорожденного составляетъ величину равную $\frac{1}{3}$ взрослого, и притомъ величину, къ которой легко подвести всѣ остальные органы. Карусъ выражаетъ размѣры тѣла слѣдующимъ образомъ:

Продольный диаметръ головы.	1	модуль.
Высота головы (безъ нижней		
челюсти).	1	>
Наибольшая окружность	3	>
Позвоночный столбъ	3	>
Длина грудины.	1	>
Отъ грудины до средины живота.	1	>

Низъ живота.....	1 модуль.
Ширина таза.....	1 >
Длина верхней конечности....	3 >
Длина руки.....	1 >
Длина голени.....	2 >
Вся длина тѣла или ростъ....	9 $\frac{1}{2}$ >

У Каруса каждый органъ человѣческаго тѣла получается только относительно этого модуля или органической единицы.

Другие выражаютъ размѣры иначе, и въ особенности антропологии. Они берутъ весь ростъ, принимаютъ его равнымъ 1000 и потомъ вычисляютъ, какую долю этой 1000 составляютъ отдельные части тѣла. Напр. длина позвоночника и конечностей. Такимъ образомъ получаются соотношенія, выражаящіяся въ числахъ, основанныхъ не на известной органической мѣрѣ или модуле а на постоянной опредѣленной математической единицѣ. Методъ Каруса имѣть въ виду типъ организма и потому соответствуетъ больше требованіямъ и методу художниковъ. Послѣдній методъ имѣть цѣллю указать опредѣленную величину, математическую формулу соотношеній, и основывается на математической единицѣ, и потому выражаетъ требованія антропологовъ.

Мы можемъ спросить себя еще о томъ въ учении о пропорціяхъ: въ какой же послѣдовательности состоять соотношения различныхъ органовъ, полученныхъ тѣмъ или другимъ способомъ? Величина верхней и нижней конечностей и ихъ частей относительно цѣлаго роста представляютъ ли совершенно независимыя другъ отъ друга числа, хотя и постоянныя, но не слѣдующія никакому закону, или же въ самой послѣдовательности этихъ соотношеній, въ разчененіи тѣла на отдельы, замѣчается, такъ сказать, не эмпирическій законъ, а математическая послѣдовательность, свой законъ соотношеній? Антропологи ограничиваются

только сравненіемъ полученныхъ соотношений частей у различныхъ племенъ, такъ какъ ихъ цѣль состоитъ только въ этомъ. Ученые съ художественными цѣлями отыскиваютъ въ нихъ известный законъ размѣщенія органовъ въ типическомъ тѣлѣ. Цейзингъ, напр. выражаетъ то убѣжденіе, что соотношения различныхъ частей тѣла идутъ по закону такъ называемаго золотаго разрѣза. Свой законъ онъ выражаетъ такъ: «если дѣленіе цѣлаго на первыя части должно быть пропорциональнымъ, то дѣленіе это должно происходить такъ, чтобы меньшая часть относилась къ большей, какъ эта послѣдняя ко всей суммѣ обѣихъ частей. Напримѣръ если мы проведемъ черезъ средину живота человѣка линію, то она раздѣлить тѣло на двѣ неравныя части, изъ коихъ верхняя наименьшая будетъ относиться къ нижней наибольшей, какъ эта послѣдняя къ цѣлому росту. Понятно, что изслѣдованіе такихъ соотношеній имѣть особенную важность только тогда, когда мы имѣемъ цѣллю изучить типъ человѣческаго тѣла, слѣдовательно когда имѣемъ преимущественно художественную цѣль.

И такъ тѣло человѣка представляетъ известную пропорциональность, могущую, однакоже, варьировать у различныхъ племенъ. Изученіе варіацій этой пропорциональности частей у племенъ составляетъ задачу антропологии вообще, а на черепѣ племенъ задачу краніологии. Сущность задачи этой послѣдней состоять въ указаніи на то, какія отличія въ соотношеніи различныхъ размѣровъ представляютъ черепа племенъ и какія изъ этихъ различій можно счесть за постоянныя и характеристичныя. Чтобы уяснить это примѣромъ, возьмемъ два черепа одинъ типа короткоголоваго или брахицефалическаго, другой типа длинноголоваго или долихоцефалическаго. У одного мы видимъ, что наибольшая ши-

рина равняется 80—85 частямъ наибольшей длины, а у послѣдняго только 70—74. И такое различіе мы будемъ замѣтить какъ нѣчто постоянное у различныхъ племенъ: у однихъ все будутъ преобладать головы длинные и узкія, у другихъ короткія и широкія. Слѣдовательно, вотъ мы уже получаемъ признакъ, взятый изъ соотношеній частей черепа, который намъ можетъ служить для характеристики племенъ. Возьмемъ теперь два другихъ соотношенія: длину верхней части лица и наибольшую ширину его, напримѣръ, у русскихъ и у якутовъ; если длина лица будетъ 100, то у русскихъ ширина его будетъ 158, у якутовъ 198. Разница замѣтная по своей значительности и слѣдовательно характеристическая.

Такихъ соотношеній и такихъ разницъ у различныхъ племенъ можно найти нѣсколько; только понятно, что эти различія могутъ касаться различныхъ соотношеній у различныхъ племенъ. Соотношенія размѣровъ черепа, слѣдовательно, могутъ дать намъ данные для характеристики племенъ. Этими различіями можно пользоваться въ иныхъ случаяхъ для определенія происхожденія народонаселенія какой либо мѣстности. Чтобы показать это на примѣрѣ, я возьму народонаселеніе средней Россіи и постараюсь указать на главнѣйшее изъ того, что можно извлечь относительно этого вопроса изъ изученія череповъ.

Если решать этотъ вопросъ, то будемъ решать его съ самаго начала, т. е. если не съ потомковъ Адама, то, по крайней мѣрѣ, съ самыхъ первыхъ московскихъ жителей, покоящихся въ курганахъ. Что за племя обитало впервые на почвѣ Московской губерніи? Какъ далеко простидалось его мѣстообитаніе? Въ какомъ отношеніи оно находилось къ нынѣшнему народонаселенію и съ какимъ изъ нынѣ существу-

ющихъ племенъ оно имѣло наибольшее сходство? Историки говорятъ намъ, что первыми поселенцами въ Московской губерніи были финскія племена. Что скажетъ намъ краніология на эти вопросы?

Но длинный курганный черепъ можетъ ли принадлежать тому первобытному племени, которое историки считаютъ финскимъ? Посмотримъ, чѣмъ отличается финскій черепъ нынѣшній: онъ отличается своею короткостію, своими признаками, совершенно отличными отъ типа длинноголовыхъ. Отсюда опять мы получаемъ основаніе предполагать, что по формѣ черепа, по крови длинноголовое курганное племя было не финское. Можетъ быть, оно было сходно съ финнами по культурѣ, по обычаямъ, по языку, но оно имѣло другое происхожденіе по крови. Кроме этого специальному краинологическому результата, отсюда можно вывести еще одну полезную мысль, а именно ту, что родство племенъ по языку, быту и обычаямъ не есть еще родство по происхожденію, и что археологи, этнографы и историки грѣшатъ въ свой ущербъ, когда съ высоты твердыни своихъ уже установленныхъ положительныхъ выводовъ, смотрятъ съ снисхожденіемъ, чтобы употребить мягкое выраженіе, на попытки краинологовъ, не ожидая отъ нихъ ничего особенного. Краинология конечно еще молода, она еще щатка, и выводы ея часто еще гадательны, но вѣдь было время, когда и археология и лингвистика пытались только предположеніями и дѣлали частые промахи: вопросъ не во временныхъ промахахъ, происходящихъ отъ молодости науки и малаго недостаточного числа фактовъ, а въ томъ, имѣть ли она серьезную будущность, можетъ ли она сказать что нибудь новое, пополнить чѣмъ либо наши уже извѣданные пути изслѣдованія? Вопросъ въ томъ, чтобы собирать факты, собирать кол-

лекції, доставлять средства, и со всѣмъ этимъ всякая молодая наука, и краніологія въ свою очередь, со временемъ страхнеть заблужденія своей молодости, исправить ихъ и станетъ на твердую почву.

Вся бѣда краніологіи въ томъ, что ей приходится разрѣшать очень сложные вопросы относительно племенъ и народонаселеній, вопросы, обусловленные самыми разнообразными факторами, а для рѣшенія этихъ вопросовъ она имѣть пока чрезвычайно мало данныхъ. Нужно ей, напримѣръ, разрѣшить такой сложный вопросъ, какъ вопросъ о краніологическихъ свойствахъ великорусского народонаселенія, этого болѣе, чѣмъ пятидесятимилліонаго колосса, вобравшаго въ себя въ разныхъ мѣстностяхъ различные небольшія племена, живущаго подъ самыми разнообразными условіями, и для рѣшенія этого вопроса у науки существуютъ только наблюденія, сдѣланные надъ сотнею, другою череповъ, взятыхъ изъ разныхъ мѣстностей, относительно которыхъ по большей части еще неизвѣстно, все ли они дѣйствительно принадлежать коренныхъ великоруссамъ.

Въ предыдущемъ я старался выяснить вамъ, милостивые государи, во 1) законность и естественность интереса, возбуж-

денного въ настоящее время антропологію вообще и краніологію въ частности; 2) выставить разницу между цѣлью собирания и изученія череповъ анатомами, физіологами и краніологами и, наконецъ, въ 4) выяснить примѣромъ цѣль ея. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что краніология хотя въ настоящее время и представляется наукой очень молодою, едва рѣшающеюся на выводы, но зато наука эта имѣть опредѣленныя и положительныя основанія. Вся ея будущность состоить въ увеличеніи числа наблюденій, въ обработкѣ ихъ, въ собираніи материала, т. е. череповъ. Краніологическая коллекція составляютъ основу надеждъ этой науки, въ область которой входятъ задачи, не лишенныя значенія и общаго интереса. Безъ естественно-исторического изученія племени мы никогда не будемъ имѣть полнаго знанія его, и вотъ почему не придаткомъ, а существенною частью, является краніология на нашей выставкѣ, почему она не можетъ не занять виднаго мѣста на ней, если смотрѣть на выставку не съ точки зрѣнія преходящаго интереса и узкаго увлеченія болѣе видными и болѣе разработанными специальностями, а съ болѣе общей точки зрѣнія — успѣха человѣческаго знанія вообще.

Анатолій Богдановъ.

ОБЪ ОБЩИХЪ ПОКРОВАХЪ ТѢЛА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

Наблюдения надъ развитиемъ понятій и мышленія у человѣка показываютъ намъ, что первыми предметами, или (говоря ученымъ языкомъ) первыми субъектами этихъ понятій бывають самые близайшиe къ нему и первымъ побужденіемъ, при взглядѣ на встрѣченный предметъ, бываетъ усиліе назвать его; форма же или терминъ этого названія, большою частію, соотвѣтствуетъ первому впечатлѣнію.

Уже изъ одного наложенія названія или термина очевидно начало мышленія, въ процессѣ развитія котораго выказывается побужденіе собрать о предметѣ какъ можно болѣе свѣдѣній и осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ. Каждый найденный признакъ или свойство рождаетъ вопросы, рѣшеніе которыхъ выводить на сцену другіе и т. д., до тѣхъ поръ пока предметъ не выльется такъ сказать, въ опредѣленной формѣ понятія.

Далѣе у человѣка уже рождается какая то потребность передать собранныя свѣдѣнія другому лицу. Тутъ является необходимость уложить собранныя свѣдѣнія въ опредѣленномъ порядкѣ, въ которомъ одна

мысль вытекаетъ изъ другой, одно явленіе объясняетъ другое и т. под. Такая форма сложенія понятій и выводовъ изъ нихъ составитъ уже науку, распадающуюся при дальнѣйшей разработкѣ на отдѣльныя отрасли, въ свою очередь разсыпающіяся на многіе кружки, получающіе уже значеніе отдѣльныхъ наукъ. Такой процессъ развитія умственной дѣятельности мы наблюдаемъ у каждого человѣка съ раннаго времени его развитія до зрѣлости и такой же процессъ развитія ея былъ у цѣлыхъ народовъ.

Само собою разумѣется, что самый близайший предметъ къ человѣку, при его появленіи на свѣтѣ, былъ самъ онъ. Нѣть сомнѣнія, что предметъ этотъ, при появленіи способностей мышленія у человѣка, не могъ не обратить на себя его вниманія. Мы не знаемъ на какомъ языке говорилъ первый человѣкъ и потому не знаемъ какъ назвалъ онъ самъ себя. По крайней мѣрѣ, на языкѣ весьма близкомъ къ доисторическому и болѣе известномъ намъ, на языкѣ греческомъ—название человѣка дано согласно съ общимъ закономъ мыш-

ления. Греки назвали его Ανθρώπος (отъ аутрето вверхъ обращаю и оу или ώποс лице, или какъ другіе производятъ отъ αυτού θεοπέо вверхъ смотрю).

Предметъ этотъ такъ интересовалъ человѣка, что изслѣдованіе его предпочиталось другимъ, окружающимъ его. Оно было облегчено въ форму кажущейся необходимости или даже закона (тунѣи сеауту). «Познай самаго себя», выраженное Хилономъ, (а по другимъ-Талесомъ) и безпрестанно повторяемое Сократомъ, старавшимся о приведеніи его въ дѣйствительность, было принято всѣми съ большимъ сочувствіемъ. Вслѣдствіе всего этого древніе оставили намъ науку о человѣкѣ названную ими Антропологію (ανθρώπος и λογοс, слово о человѣкѣ).

По ограниченности суммы познаній о человѣкѣ, въ раннемъ періодѣ развитія этой науки, она представляла груду разностороннихъ свѣдѣній о немъ. Разработка разныхъ сторонъ предмета выставила впередъ нѣкоторыя изъ нихъ и въ резултатѣ явились отдѣльныя и самостоятельныя науки, затушевавшія первоначальное название антропологія. Только въ новѣйшее время этотъ терминъ выведенъ на сцену въ группѣ наукъ, но, какъ мнѣ кажется, въ болѣе ограниченномъ объемѣ, не соотвѣтствующемъ его значенію. Во Франціи появилось отдѣльное Общество-Антрапологическое; въ нашемъ обществѣ сформировался отдѣльный антропологический; но какъ ни стараются оспециализировать эту науку, вездѣ проявляется ея обширность и принадлежность къ ней всѣхъ наукъ о человѣкѣ, связанныхъ неразрывными узами. (Для полноты цѣлой науки человѣку кажется даже мало специальной разработки его самаго, а потому и въ окружающей природѣ даже онъ ищетъ объясненій своего бытія).

Слѣдившимъ за всѣмъ курсомъ чтеній предпринятыхъ нашимъ Обществомъ-доказательства словамъ моимъ на лицо. Предшественники мои уже затрагивали предметъ нашъ съ разныхъ сторонъ,—какъ материальной такъ и духовной; но повсюду видно, что каждая изъ сторонъ ищетъ опоры въ другихъ и эти другія, въ свою очередь, обращаются за поясненіемъ къ первымъ, представляя чрезъ это всѣ вмѣстѣ неразрывное цѣлое науку о человѣкѣ (Антрапология).

Такъ одна изъ весьма интересныхъ работъ въ области Антропологии, или одна изъ весьма постоянныхъ заботъ антрополога съ давнихъ временъ была-распределить весь родъ человѣческій на породы или племена, или расы (races). Линней, Петръ Камперъ, Блюменбахъ, Дюмериль, Кювье, Демуленъ, Bory de St. Vincent, Maltebrum, Вирей, Брокъ, Соссеротъ и многіе другіе оставили намъ болѣе или менѣе замѣтные труды въ разработкѣ этого предмета. Они старались отыскать болѣе рѣзкіе признаки, которые могли бы отличить одну породу человѣка отъ другой и, само собою разумѣется, ихъ вниманіе съ самого начала не могло не остановиться на весьма рѣзкомъ признакѣ — цвѣтѣ и строеніи кожи или общихъ покрововъ человѣка, равно и придатковъ ихъ—волосъ. Линней даже ограничился однимъ цвѣтомъ кожи и раздѣлилъ весь родъ человѣческій, на основаніи этого признака, на 4 племени, прибавивъ къ нимъ 5-е названное имъ уродствомъ. Но уже Камперъ счелъ недостаточнымъ это основаніе для раздѣленія на расы и замѣтилъ болѣе важный новый признакъ:—составъ и формы черепныхъ, или лучше лицевыхъ костей. Слѣдующіе за Камперомъ антропологи пошли далѣе и къ наружнымъ признакамъ стали присоединять другіе, выработанные анатоміею, фи-

зіологію и іншими отраслями антропології. Такимъ образомъ въ область занятій антрополога стали врывацься опять тѣ отдѣлы науки о человѣкѣ, которые хотятъ, кажется, устранить отъ нея.

Въ область антропологіи должны войти не только тѣ науки о человѣкѣ, которые причисляются къ области естествовѣденія, но и всѣ собственно медицинскія науки, потому что только въ нихъ можно найти объясненіе всѣхъ проявленій, могущихъ выказаться въ человѣческомъ тѣлѣ; объясненіе, говорю, безъ котораго нельзѧ вывести никакого рациональнаго заключенія для установленія какого-либо научнаго положенія.

Такъ, мы остановимся на признакѣ, взятомъ Линнеемъ за основаніе при раздѣленіи всего рода человѣческаго на расы — на цвѣтѣ кожи человѣка. Дѣйствительно, мы не можемъ не удивляться тому, что люди, происходя отъ одного человѣка и будучи разсыпаны по всему лицу земной поверхности, представляютъ намъ, дѣйствительно, такое разнообразіе въ окраскѣ кожи и, что всего замѣчательнѣе, каждая изъ этихъ окрасокъ имѣеть свой родной районъ или географическій центръ, около котораго, распространяясь волнообразно, постепенно измѣняется и переходить въ другой, опять рѣзко выраженный въ своемъ собственному центрѣ. Начнемъ-те съ какого угодно конца земного шара, напр., хотя съ нашего отечества. Въ средней и отчасти въ сѣверной полосахъ европейской Россіи, въ сѣверной Германіи, Швеціи, сѣверной Франції, Бельгії, Голландіи и Англіи, настѣноражаетъ особенная тонкость, прозрачность, нѣжность и бѣлизна кожи (разумѣется, я говорю о большинствѣ). Къ востоку и югу отъ этой полосы, мы встрѣчаемъ уже измѣненіе, — является сначала какой-то матъ, смугловатость, постепенно,

какъ бы по ступенямъ, переходящая въ болѣе и болѣе темный оттѣнокъ; такъ: южная Франція, сѣверная и южная Испанія, Морокко, — средняя и южная Германія, Италія, Алжирія, Тунисъ и т. д., Австрія, Балканскій Полуостровъ, Греція, Малая Азія и сѣверный Египетъ, — южная и юго-восточная Россія, Киргизы, Персія и Арабы.

Я прошу Васъ обратить вниманіе также на мои раздѣленія полосъ въ отношеніи къ меридіану. Тутъ также проявляются особые оттѣнки хотя не столь значительные, какъ въ полосахъ по широтамъ.

Въ этихъ полосахъ (отъ сѣвера къ югу) мы замѣчаемъ постепенный переходъ отъ бѣлой кожи къ черной, пока не достигнемъ центральной Африки, — центръ противоположнаго цвѣта выраженного въ многочисленномъ племени африканскихъ негровъ *). Къ югу эта окраска опять постепенно уменьшается, но не столь значительно какъ къ сѣверу, по причинѣ краткости пространства. Теперь возьмемъ другое направление на востокъ. Уже переходя за Ураль въ племенахъ Калмыковъ, Киргизовъ, Хивинцевъ, Бухарцевъ, кромѣ темнаго оттѣнка въ переходной окраскѣ бѣлой кожи, мы находимъ новый — желтоватый, къ востоку постепенно сгущающійся и преизобилующій въ племенахъ, по мѣрѣ приближенія къ Китаю и восточной Индіи. Въ этихъ послѣднихъ является уже третій центръ племенной окраски человѣка — желтый.

Къ сѣверу отъ Китая, по сѣвернымъ окраинамъ Азіи и Америки, отъ него отдѣлилась полоса съ примѣсью темнаго цвѣта

*) См. *Histoire naturelle de l'homme comprenant des recherches, sur l'influence des agens physiques et moraux considérés comme causes des variétés qui distinguent entre elles les différents races humaines*, par J. C. Prichard, traduit par le Dr. T. Roulin. Paris, 1843. Т. II, pl. XVI.

(Prichard., T. II, pl. XXIV). Къ югу же по островамъ, въ естественномъ порядке, желтый цвѣтъ переходитъ въ оливковый (Prichard, T. II, pl. XVII, острова Каролинские, Австралія) переходящій въ черносиній, фиксирующій центръ свой въ новой Голландіи и Австраліи.

Но если возьмемъ нашъ путь отъ Китая и Австраліи по островамъ Тихаго Океана далѣе къ востоку, то замѣтимъ новый переходъ въ окраскѣ, отъ оливковаго и желтаго въ темно-оранжевый (Prichard, T. II, pl. XIX. Сандвичевы острова) и далѣе въ красный или мѣдно-красный, представителями котораго служатъ туземцы Центральной Америки—Индійцы, постепенно вытѣсняемые, въ настоящее время, новыми пришельцами изъ Европы. Но интересно прослѣдить развитіе окраски по американскому материку. Начнемъ съ самаго юга, сроднаго въ этомъ отношеніи съ тропическими полосами земного шара (Африки и новой Голландіи). Во первыхъ, на самой оконечности южной Америки, мы встрѣчаемъ уже смѣсь чернаго племени съ краснымъ; но послѣднее еще въ слабой степени развитія (Prichard, T. II, pl. XXXIX et XL, Патагонцы).

Далѣе къ экваторіальнымъ странамъ являются особенные типы въ Чили (Prichard, T. II, pl. XXXVII). Туземцы Калифорніи (Prichard, T. II, pl. XXXVIII), и какъ особенность между ними (Prichard, T. II, pl. XXXIV), переходъ отъ нихъ къ красному-Мандары, по Миссисипи (Prichard, T. II, pl. XXIX et XXXI).

Центръ краснаго-Канадцы (Prichard, T. II, pl. XXXVI), Колумбійцы (Prichard, T. II, pl. XXV), и наконецъ переходъ опять къ желтому Москитосы *).

*) См. *Wanderungen eines Künstlers unter Indianer Nordamerikas von Canada nach der Uanconvers-Insel und nach Oregon durch das Gebiet der*

Таково распределеніе цвѣтности кожи человѣка въ различныхъ странахъ свѣта; она является сгруппированной въ 4-хъ главныхъ центрахъ, съ многочисленными видоизмененіями въ промежуткахъ, при естественномъ сближеніи разноцвѣтныхъ представителей и при искусственномъ на-пльве одного цвѣта въ районѣ другаго.

Что касается до волосъ, то цвѣта ихъ не представляютъ такихъ рѣзкихъ и чистыхъ центральныхъ красокъ, какія мы встрѣчаемъ въ кожѣ. Тутъ болѣе важны другіе анатомические признаки, о которыхъ я буду имѣть честь сказать кое-что ниже. Дѣйствительно, за исключеніемъ Европы, во всѣхъ странахъ въ волосахъ человѣка обладаетъ цвѣтъ черный; разница будетъ въ длинѣ, толщинѣ, направленіи и глянцовитости волоса. Только въ Европѣ до нѣкоторой степени мы можемъ пользоваться цвѣтомъ волосъ и то для подраздѣленія одного племени или лучше одного сложнаго племени, имѣющаго бѣлую кожу. Такъ если мы отдѣлимъ полосу народонаселенія отъ западной половины средней Россіи и захватимъ въ эту полосу Литву и даже весь сѣверо-западный край и прибалтийскія губерніи, сѣверную Пруссію, Голландію, Бельгію и сѣверную Францію, то на большинствѣ этихъ народовъ замѣтимъ бѣлокурые, тонкіе и мягкие волосы. Къ сѣверу отъ этой полосы бѣлокурость эта переходитъ въ красноту и мы встрѣтимъ цѣлые районы рыжихъ каковы: Финны, Шведы, Норвежцы и Британцы. Къ югу и востоку бѣлокурость измѣняется различнымъ образомъ: во Франціи и Германіи, она быстро переходитъ въ черный цвѣтъ; въ славянскихъ же земляхъ и преимущественно въ русскихъ, прежде перехода въ

Hudsons-Bay-Gesellschaft und zurück, von Paul Kane, deutsch v. Luise Hauthal. Leipzig, 1862; 2 Heft.

черный являются постепенные оттенки: светлорусый, русый, темнорусый и каштановый. Спешу оговориться, что я говорю о коренныхъ обитателяхъ, потому что наплывъ различныхъ расъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производить такое разнообразіе оттенковъ, которое невозможно подвести подъ общія правила.

Это второе замѣчаніе относительно общихъ пороковъ. Есть еще третье, послужившее Линнею поводомъ къ составленію его 5-й расы уродливой; уродливость эта однакожь найдена Линнеемъ только у женщинъ (у Бушменокъ въ отродье Готтентотовъ) и состоитъ оно въ чрезмѣрномъ развитіи глубокаго слоя общихъ покрововъ на нижнихъ частяхъ тѣла, именно въ сѣдалищѣ. Я въ этомъ отношеніи прибавилъ бы противоположную уродливость недоразвитія этого слоя. (Prichard. T. II, pl. XXIII).

Вотъ проявленія въ наружныхъ частяхъ человѣческаго тѣла, которыми пользовались антропологи какъ признаками при разделеніи народовъ на отдельныя и самостоятельныя племена; но уже въ первой половинѣ текущаго столѣтія возродились вопросы для разрѣшенія которыхъ, антропологи обратились къ чисто специальнымъ наукамъ о человѣкѣ—къ анатоміи, физиологии здороваго человѣка и больнаго, къ психологіи и т. под.

Главныхъ вопросовъ родилось два: первый потребовалъ опредѣленія мѣста въ общихъ покровахъ и ихъ придатковъ, въ которомъ залегаетъ красящее начало и элементы видоизмѣненія и второй состоялъ въ опредѣленіи причинъ такого явленія. Далѣе къ этимъ вопросамъ присоединились и другіе, какъ-то: изслѣдованіе причины разнообразныхъ свойствъ человѣческихъ волосъ, изслѣдованіе причины племенной уродливости и проч.

Мы займемся только изслѣдованіемъ предметовъ нами обозначенныхъ, а именно: изслѣдованія племенной цвѣтности кожи, свойствъ волоса и отчасти изслѣдованіемъ племенныхъ уродливостей. Чтобы опредѣлить мѣсто залеганія красящаго начала и не смѣшать окраски племенной съ окраскою случайною (поверхностною какъ увидимъ ниже), нужно прежде уговориться, что принимать за кожу или общіе покровы.

Подъ словомъ кожи (какъ народнаго выраженія) или общихъ покрововъ разумѣется слой частей человѣческаго тѣла, одѣвающій болѣе существенныя его части и защищающій ихъ отъ разнообразныхъ и многочисленныхъ наружныхъ вліятелей; она состоитъ изъ 3-хъ слоевъ замѣтныхъ и не вооруженному глазу и известныхъ еще древнимъ анатомамъ. (Собственно говоря, подъ словомъ кожа или общіе покровы древніе разумѣли только два слоя: кожицу (*epidermis*) и (*corium s. derma*)—собственно кожу; я присоединяю сюда спѣc третій, такъ называемый, клѣтчато-жирный слой, также изѣстный древнимъ).

Всакому, вѣроятно, случалось видѣть дѣйствіе огня, шпанской мушки, или другаго какого Ѣдкаго вещества на кожу, или усиленного тренія ея. Тутъ образуется пузырь, верхняя или поверхностная стѣнка котораго тонкая, полупрозрачная перепонка (только на ладони и подошвѣ она болѣе толста) есть не что иное какъ первый слой кожи отслоившійся отъ подлежащаго или кожица (*epidermis*).—Если снять ее, или разрѣзать, то мы увидимъ красную, бугроватую поверхность, которую считаютъ въ народѣ за мясо, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, это есть болѣе глубокій слой кожи—собственно кожа (*corium*) съ развитымъ на ней слоемъ безчисленнаго множества тоненькихъ кровянныхъ жилокъ (при-

чина ея красноты). Два слоя эти въ здоровомъ состояніи такъ плотно прилегаютъ другъ къ другу, что при помощи ножа, совершенно невозможно ихъ раздѣлить. У живаго человѣка ихъ можно раздѣлить только усиливъ выдѣленіе жидкой части крови при посредствѣ упомянутыхъ агентовъ, на трупѣ же — вымачиваніемъ и гненіемъ.

Кто наблюдалъ образованіе прыщей на кожѣ или большихъ нарывахъ, тотъ вѣроятно замѣтилъ другое явленіе: на кожѣ образуется красный бугоръ, въ срединѣ или въ нѣсколькихъ мѣстахъ его образуются желтоватыя точки, которыхъ, разрушаясь (прорываясь, какъ говорятъ), выдѣляютъ кромѣ жидкаго гноя желтоватые куски и оставляютъ послѣ себя мѣшкы съ толстыми поверхностными стѣнками. Въ этихъ случаяхъ первая стѣнка такого мѣшка будетъ уже состоять изъ двухъ простому глазу видимыхъ поверхностныхъ пластинокъ кожи, кожицы (*epidermis*) и собственно кожи (*cögium*) а выходившіе куски или стержни суть части умершей клѣтчатки, или третьаго, изъ видимыхъ простымъ глазомъ слоя общихъ покрововъ. На трупѣ этотъ слой видимо отдѣляется при разрѣзахъ и можетъ быть легко отдѣленъ ножомъ.

Эти элементы легко отличаются простымъ глазомъ и были известны поэтому въ глубокой древности.

Во второй половинѣ XVII вѣка знаменитому анатому Мальпигію удалось открыть еще слой между кожицею и кожею; онъ назвалъ его слизистымъ, потому что въ натуральномъ состояніи онъ дѣйствительно находится въ полужидкомъ безсвязномъ состояніи. Этотъ слой названъ былъ въ честь Мальпигія его именемъ, хотя и неправильно названъ сѣтью. Поводомъ къ открытію Мальпигію послужило изслѣдованіе кожи негра. Онъ замѣтилъ, что окрас-

ка кожи зависитъ именно отъ этого слизистаго слоя; но замѣченное оставалось безъ подробнаго изслѣданія, по недостатку тѣхъ инструментовъ, которыми, въ настоящее время, мы пользуемся. Еще съ помощью неусовершенствованного микроскопа, около 30-хъ годовъ текущаго столѣтія, Брешетъ и Руссель старались опредѣлились даже органъ, отдѣляющій красящее начало. Надъ этой задачею работами Сгилксаанкъ, Гaultier и Florens.

Послѣдній, на основаніи препаратовъ представленныхъ имъ Парижской Академіи, между верхнимъ слоемъ кожи, уже превратившимся въ роговое вещество, и верхнимъ слоемъ кожи (*derma*) насчиталъ 4 слоя: 1) клѣтчато-сѣтчатый слой лежацій тотчасъ на кожѣ (*derma s. cögium*), 2) перепонку имѣющую видъ слизистой, 3) безсвязный слой пигmenta и 4) глубокій слой собственно клѣточекъ кожи (*epidermis*). Florens обратилъ особенное вниманіе на 2-й слой, въ которомъ онъ нашелъ отложеніе отдѣльныхъ клѣточекъ пигmenta. По словамъ его, у людей съ бѣлою кожею этого слоя нѣтъ, по крайней мѣрѣ, онъ не открылъ его при помощи простаго вымачиванія; равно онъ отвергаетъ присутствіе и 3-го слоя у бѣлокожихъ. Рядъ изслѣдованій микроскопическихъ Henlle, Purkinje, Schwann, потомъ Rollet, Billroth, Kolliker и другихъ показали намъ, что дѣленіе Florens' а было искусственное, что разности въ слояхъ зависятъ отъ большей или меньшей зрѣлости элементовъ кожи, хотя подъ микроскопомъ она ясно представляеть глазу два слоя разно-характерныхъ элементовъ. Если бросимъ взглядъ на анатомические элементы всей толщи общихъ покрововъ, прослѣдимъ ихъ преобразованія и отношенія другъ къ другу, то съ большою достовѣрностью можемъ опредѣлить мѣсто отложенія красящаго элемента

и уяснить себѣ причины его разнообразнаго проявленія.

Такъ возьмемъ кусокъ кожи, напр. съ пальца руки, вырѣжемъ изъ него тоненькую пластинку (что Нѣмцы называютъ Schnitt), въ направлениі съ поверхности въ глубину, положимъ эту пластинку, распра-вленную на стеклѣ, подъ микроскопъ такъ чтобы глубокій край пластинки пришелся на оси зре́нія (въ фокусѣ). Тогда мы замѣтимъ сначала множество круглыхъ и овальныхъ тѣльца съ прозрачнымъ содер-жимымъ, лежащихъ какъ отдельно такъ и группами и соединенныхъ перепутанными нитями и полыми трубочками, внутри ко-торыхъ мѣстами мы замѣчаемъ овальные бляшки красного цвѣта. Круглые и оваль-ные тѣльца суть не что иное, какъ шари-ки жира; тонкія нити—суть волокна соеди-няющей ткани; а трубочки—кровеносныя жилы или, говоря ученымъ языкомъ, со-суды и все это вмѣстѣ составляетъ такъ называемую подкожную клѣтчатку или про-сто глубокій жирный слой общихъ покро-вовъ. Передвигая препаратъ по столику микроскопическаго прибора, чѣмъ далѣе будемъ слѣдить глазомъ отъ сказанного края лежащую подъ микроскопомъ пластинку, чѣмъ болѣе будемъ находить измѣнений въ ея содержимомъ. Вонервыхъ, шарики жира ближе къ периферии кожи, группируются тѣснѣе въ отдельные кучки и потому форма ихъ изъ окружной дѣлается угловатою, во вторыхъ, въ связующей ткани яв-ляются новые элементы:—волокна, распо-ложенные правильными волнами; это такъ называемая упругая ткань; въ третьихъ, яв-ляются каналы или трубочки, сверну-тыя клубочками, выпускающими изъ себя къ поверхности сначала прямую, а потомъ спирально завитую трубочку—это потовые жельзы съ ихъ испразнительными канала-ми. За тѣмъ жирные шарики мало по малу

исчезаютъ; вмѣсто ихъ увеличивается коли-чество упругихъ волоконъ. Тутъ уже на-чинается собственно, такъ называемая ко-жа (corium s. derma). Здѣсь мы замѣти-те правильно расположенные промежутки, идущіе изъ глубины въ поверхности. Въ этихъ промежуткахъ сидѣть или выводя-щие протоки потовыхъ жельзъ или волосы съ ихъ луковицами (или корешками), съ примыкающими къ нимъ гроздообразными кистями—сальными жельзками и все это одѣто рядами клѣточекъ, входящими съ по-верхности вглубь до основанія луковицы волоса. Верхній край кожи (corium) вы-ступаетъ волнообразно или даже въ видѣ отростковъ, между которыми сидѣть корни волосъ. Въ самыхъ же отросткахъ или про-ходять потовые каналы, или мы замѣ-чаемъ свертки тонкихъ кровеносныхъ жи-ловъ (волосныхъ сосудовъ), въ срединѣ ко-торыхъ, особаго рода сидящія на нитяхъ, овальная тѣльца:—окончаніе чувствующихъ нервовъ, почему каждый изъ этихъ отро-стковъ съ его содержимымъ называется чувствительнымъ сосочкомъ (papille sensitivum). Кровеносные сосуды соседнихъ со-сочковъ соединяются между собою и пред-ставляютъ на поверхности кожи частую сѣть, отчего если смотрѣть на кожу, ли-шенную кожицъ у живаго человѣка, она пред-ставляется красною, что и подаетъ по-водѣ незнающимъ этого называть ее мя-сомъ. За чувствительными сосочками вы ясно различаете два слоя клѣточекъ: одинъ (глубокій) покрашенный, другой соверше-нно безцвѣтный; первый состоять изъ клѣ-точекъ болѣе полныхъ (ближе къ кожѣ (corium) цилиндрическихъ или луковицеоб-разныхъ, а болѣе круглыхъ, но отъ вза-имнаго давленія угловатыхъ); второй же изъ болѣе плоскихъ. Оба эти слоя состав-ляютъ поверхностный слой общихъ покро-вовъ, называемый кожицею (epidermis). Мы

остановимся на этой части покрововъ на-
шего тѣла и разсмотримъ ея элементы.
Глубокій слой ея и есть тотъ самый, осо-
бенный характеръ котораго былъ усмот-
рѣнъ Мальпигiemъ. Онъ состоитъ, какъ я
уже сказалъ, изъ клѣточекъ разнаго очер-
тания въ глубинѣ цилиндрическихъ или лу-
ковицебразныхъ и далѣе угловатыхъ.

Первые, по свойству своей формы, рас-
положены двумя правильными рядами, а
послѣднія сидятъ безъ порядка.

Это и подало поводъ Флорану раздѣлить
Мальпигieвъ слой на 4 слоя; въ сущности
же ихъ раздѣлить нельзя. Всѣ эти клѣточ-
ки равно покрашены; каждая имѣеть въ
срединѣ ядро и множество зеренъ, кото-
рыя у различныхъ народовъ бывають по-
крашены различнымъ цвѣтомъ, просвѣчи-
вающимъ сквозь первый слой кожи, клѣ-
точки котораго плоски, имѣютъ свѣтлое
ядро и не имѣютъ покрашенныхъ зеренъ,
особенно на поверхности, гдѣ даже связь
между клѣточками (или лучше сказать бляш-
ками) по мѣрѣ приближенія къ периферии
дѣлается болѣе слабою и даже вовсе уни-
чтожающейся. Наконецъ мы замѣчаемъ, что
весь слой кожи имѣеть равномѣрное на-
пластаніе на кожѣ, а потому верхняя его
поверхность и представляетъ возвышенія и
углубленія, соотвѣтствующія чувствитель-
нымъ сосочкамъ кожи (*sorium*) и ея углуб-
леніямъ. Клѣточки кожи (особенно маль-
пигieваго слоя) внѣдряются, какъ я уже
сказалъ, между чувствительными сосочка-
ми и одѣваютъ корешки и луковицы во-
лосъ, до самаго ихъ основанія; такъ что
при основаніи луковицы они смыываются
съ клѣточками мягкой части волоса, отдѣ-
ляя ихъ отъ элементовъ кожи (*sorium*) и
давая намъ полное право причислить эле-
менты волоса къ одной группѣ съ элемен-
тами кожи; почему и принято называть
ткань и того и другой однимъ именемъ —

роговою тканью. Дѣйствительно, если
сравнить элементы кожи съ элементами
волоса, то найдемъ въ нихъ большое сход-
ство, особенно если мы возьмемъ для это-
го самую луковицу волоса. Какъ въ ко-
жицѣ периферическая часть состоять изъ
плоскихъ и безпрѣстныхъ клѣточекъ, такъ
и въ волосѣ; какъ въ кожице есть глубо-
кій слой клѣточекъ заключающій въ себѣ
зерна красящаго вещества, такъ и въ во-
лосѣ, въ центрѣ котораго мы наблюдаемъ
рядъ клѣточекъ, заключающихъ въ себѣ
такія же зерна.

И такъ анатомическое изслѣдованіе оп-
редѣляетъ вполнѣ 1) мѣсто и положеніе
цвѣтности какъ самой кожи, такъ и волосъ
и 2) причину различныхъ степеней окрас-
ки этихъ органовъ. Но кромѣ того, наблю-
денія показали, что степень яркости окрас-
ки зависитъ еще отъ большаго или мень-
шаго количества зеренъ красящаго нача-
ла, что бываетъ даже у различныхъ субъ-
ектовъ одной и той же расы; особенно это
замѣтно въ элементахъ волоса, что и со-
ставляетъ трудность въ принятии за осно-
ваніе ихъ цвѣтности въ распределеніе лю-
дей на расы.

При опредѣлѣніи однакожъ мѣста окрас-
ки общихъ покрововъ, нужно отличать ис-
тинную и постоянную окраску отъ случай-
ной и временной, напримѣръ, окраску ихъ
отъ сильнаго дѣйствія солнечныхъ лучей,
отъ химическихъ агентовъ подѣйствовав-
шихъ снаружи. Тутъ окраска ложится раз-
литымъ пластомъ на верхній слой кожи,
который въ процессѣ жизненныхъ отправ-
лений, легко отходитъ, а кожа принимаетъ
опять въ свой натуральный цвѣтъ. Посто-
янная же окраска всегда находится въ глубо-
комъ мальпигieвомъ слоѣ клѣточекъ ко-
жи. Здѣсь однакожъ является другой болѣ-
е важный вопросъ: почему это красиль-
ное начало, при однородномъ свойствѣ клѣ-

точекъ обоихъ слоевъ кожи, находится только въ одномъ глубокомъ и почему его не вѣтъ въ поверхностномъ?

Для разрѣшения этого вопроса, мы должны обратиться къ физиологии,—иначе, мы должны прослѣдить образование и жизнь клѣточекъ кожи. Какъ роговое вещество, клѣточки кожи составляютъ органъ, покрывающій болѣе важные органы нашего тѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ вещество отдѣляемое и извергаемое изъ организма, а именно: сквозь стѣнки частой сѣти тонкихъ кровеносныхъ жилокъ, называемыхъ волосными сосудами или конечными переходами бьющихся жиль (arteriей) въ возвратныхъ (вены) выдѣляется пластическая жидкость (т.-е., жидкость, способная образовать изъ себя форменные элементы); изъ этой жидкости (подобно раствору какой нибудь соли) образуется первый разсмотрѣнныи нами слой клѣточекъ кожи со всѣми разсмотрѣнными нами выше элементами въ нихъ заключающимися. По прошествіи нѣкотораго времени клѣточки эти окрѣпаютъ, твердѣютъ и отодвигаются новыми родившимися послѣ нихъ клѣточками. Отодвигаясь онѣ лишаются, вліянія управляющаго жизнедѣятельностью нервнаго элемента (т.-е. нервовъ), дѣлаются элементомъ почти неорганическимъ, сдавливаются и измѣняютъ свою форму, а въ послѣствіи выдѣляютъ изъ себя жидкое содержимое вмѣстѣ съ разложившимися зернами красящаго начала, а въ конецъ всего дѣлаются плоскими и, лишеннія связи другъ съ другомъ, отстаютъ и слупливаются. Замѣтнѣе всего это можно наблюдать въ частяхъ кожи, покрытыхъ волосами, или при механическомъ вліяніи извѣтъ, усиливающемъ это отдѣленіе.

Теперь когда мы опредѣлили мѣсто, въ которомъ залегаетъ красящее начало обѣихъ покрововъ, приступимъ къ объясненію причинъ его проявленія и видозмѣненія. Разрѣшить прямъ этотъ вопросъ мы не имѣемъ еще данныхъ; попробуемъ разрѣшить его по анатоміи. Для этого мы зададимъ себѣ другой вопросъ: не способны ли люди съ бѣлою кожею пріобрѣсти окраску общихъ покрововъ подобную цвѣтновожимъ? И можемъ сказать утвердительно: кожа бѣлыхъ, какъ частями такъ и всѣцѣло, можетъ принять и принимаетъ окраску черную, желтую и красную, со всѣми оттенками; и явленіе это можетъ быть какъ натуральнымъ, такъ и случайнымъ. Дѣйствительно, на тѣлѣ бѣловожаго человѣка есть мѣста, въ которыхъ положеніе пигмента большей или меньшей яркости бываетъ постоянно, напр. вокругъ сосковъ грудныхъ желѣзъ и на другихъ частяхъ кожи и нужно замѣтить, что яркость красящаго начала усиливается въ то время, когда усиливается дѣятельность органа, покрытаго покрашенной кожею, напримѣръ, на грудяхъ женщинъ беременныхъ и кормящихъ дѣтей. Въ послѣднѣй случаѣ выдѣленіе пигмента изъ крови до того усиливается, что распространяется не только на сосѣднія части, но даже и на все тѣло. Такъ Бомаръ и Камперъ рассказываютъ о двухъ случаяхъ: первый объ одной французской крестьянкѣ, а второй о женщинѣ высшаго круга, у которыхъ къ концу интереснаго положенія, кожа дѣлалась совершенно черною. Докторъ Stark наблюдалъ у одного больнаго лихорадкою почернѣніе кожи. Блюменбахъ видѣлъ нищаго (настоящаго европейца) сдѣлавшагося негромъ. Haller, Albin и Ludwig насчитываютъ множество фактовъ подобнаго рода; и наконецъ кому неизвѣстны, такъ называемыя, матежины или темныя и болѣе или менѣе обширныя пятна на лицѣ у женщинъ, образовавшіяся въ первую беременность и нерѣдко на всю жизнь со-

ставляющія предметъ безуспѣшныхъ уси-
лій къ удаленію ихъ и поводъ къ проли-
тию обильныхъ тайныхъ слезъ.

На этихъ фактахъ можно бы было ос-
тановиться и построить цѣлую теорію при-
чины развитія пигмента въ кожѣ. Можно
бы было объяснить себѣ это явленіе уси-
ліеннымъ притокомъ крови къ периферіи
тѣла, а следовательно и большимъ коли-
чествомъ выдѣленія изъ нея красящаго ве-
щества, но этого было бы недостаточно,
явилась бы новые вопросы: откуда же взял-
ся пигментъ въ самой крови? И почему
въ одномъ случаѣ онъ выдѣляется съ боль-
шею силою, а въ другомъ съ меньшою? Трудность
положительного разрѣшенія
этихъ вопросовъ, въ настоящее время, ве-
лика главнымъ образомъ отъ того, что хи-
мія не дала намъ еще точнаго анализа со-
ставныхъ частей пигмента у человѣка. Есть
только попытки къ этому, которыхъ, можно
надѣяться, современемъ и примутъ харак-
теръ точности. Въ настоящее время, мы
не должны однажды останавливаться на
этомъ затрудненіи; но постараемся вы-
браться изъ лабиринта другимъ путемъ, на
сколько онъ освѣщенъ наукою. Мы воз-
мемъ для объясненія заданныхъ вопросовъ
явленіе случайное, а именно: я наблюдалъ
одного больного субъекта, чисто русской
крови, страдавшаго падучею болѣзнию и лѣ-
чившагося прежде употребленіемъ внутрь
селинрокислаго серебра или ляписа (*argen-*
tum nitricum s. lapis infernalis). Вслѣдст-
вие внесенія въ организмъ этого средства
въ большомъ количествѣ, кожа больного
сдѣлалась совершенно черною и большой
сдѣлался совершенно негромъ. Въ этомъ
случаѣ окраска кожи намъ ясна. Селинро-
кислое серебро, имѣя свойство чернѣть отъ
соприкосновенія сѣрнистыхъ минераловъ,
а также отъ соприкосновенія воздуха и при
влияніи свѣта, какъ вещество не нужное

для организма, выбрасывалось чрезъ кожу
и выдѣлившись въ клѣточки мальпигіева
слоя усилило окраску ихъ зернистаго ве-
щества. Этотъ примѣръ позволяетъ намъ
обратить вниманіе и на другіе минераль-
ные и металлические элементы крови и по
аналогии искать въ нихъ причины прояв-
ленія большей интензивности окраски зе-
ренъ въ клѣточкахъ мальпигіева слоя. Такъ
напримѣръ самый сильный элементъ кро-
ви—различная сѣрнистая соединенія, кото-
рыя, при выдѣленіи изъ организма, чувст-
вительно даютъ о себѣ знать, вѣроятно не
безучастны въ произведеніи окраски, на-
примѣръ, въ случаѣ застарѣлыхъ язвъ,
антонова огня и проч. и даже просто въ
обыкновенной испаринѣ (особенно у не-
гровъ).

Если принять во вниманіе, что человѣкъ
въ различныхъ странахъ свѣта есть и пять
различныхъ вещества, состоящія изъ различ-
ныхъ химическихъ элементовъ, то, конечно,
мы положительно можемъ сказать, что
составные части его крови (хотя это еще
не доказано химіей) должны быть различны,
отсюда и выдѣленія изъ организма долж-
ны быть различны. Далѣе, уже известно,
что не только различные страны свѣта, но
даже и различные мѣстности покрываются
слоями атмосферы, заключающей въ себѣ
различные примѣси, и что эти примѣси имѣ-
ютъ большое влияніе на человѣка вводяща-
го ихъ въ себя какъ чрезъ дыхательные
пути, такъ равно и чрезъ кожу. Эти уже
факты нѣсколько освѣщають намъ причи-
ны проявленія той или другой окраски на
кожѣ человѣка. Мы присоединимъ къ это-
му еще влияніе солнечнаго свѣта, заставля-
ющаго даже животныхъ менять свои прѣ-
вата на зиму въ бѣлый, а на лѣто въ болѣе
яркій, а жителя сѣвера-чернѣть при пере-
селеніи на югъ. Наконецъ какъ на разви-
тие цѣлаго организма, такъ и на цвѣта

общихъ покрововъ имѣютъ несомнѣнное вліяніе моральныя силы. Увѣренность въ этомъ существовала еще въ глубокой древности, такъ Иаковъ окружалъ стада свои разноцвѣтною изгородью, дабы родились у него разноцвѣтныя животныя, этимъ же моральнымъ вліяніемъ, мы можемъ объяснить себѣ разницу въ окраскѣ кожи даже у одного и того же племени. Мы далеко не пойдемъ: возьмемъ въ примѣръ Славянъ, прозябающихъ подъ властю нѣмецкой и варварской турецкой расы. Сравните славянина живущаго въ Россіи и славянина живущаго въ Австріи. Я не буду описывать кожу нашего поселенца: не смотря на тяжкій его трудъ и материальные лишенія, она всегда представляется нѣжною и бѣлою; но меня поразилъ грязно-желтый цвѣтъ кожи и многочисленные виды болѣзней ея у Славянъ, пользующихся въ госпиталяхъ Вѣны и Праги. Извѣстно, что продолжительное разлитіе желчи оставляетъ по себѣ на долго, если не на всегда, слѣды въ покраскѣ кожи. Такъ накипѣла она на покровахъ бѣдныхъ нашихъ заграничныхъ единокровныхъ братьевъ!

Мнѣ могутъ возразить, что расовая окраска кожи явленіе не случайное, а врожденное, передающееся изъ рода въ родъ, даже при переселеніи цвѣтного субъекта изъ одной страны въ другую, гдѣ всѣ люди имѣютъ кожу бѣлую. Не отвергая наследственности различныхъ наложенныхъ отпечатковъ, скажу въ отвѣтъ, что наследственность этихъ отпечатковъ всегда можетъ имѣть свое начало; такъ напримѣръ, у отца и матери, имѣющихъ лица безукоризненной чистоты, рождается сынъ съ большими коричневыми пятнами на лицѣ, женится на женщинѣ, у которой, какъ ни у самой такъ и ни у родителей ея, никакихъ особыхъ помѣтокъ нѣтъ, и эта жен-

щина рождаетъ пятерыхъ дѣтей, совершенно съ такими же пятнами на лицѣ, какія существуютъ у ея мужа. Дѣти, въ свою очередь, производятъ новое поколѣніе съ дѣдовскими отметками на лицѣ и т. д. Но бываетъ и наоборотъ. У животныхъ это встречается еще чаще.

Что касается до волосъ, устройство ихъ вполнѣ сходно съ устройствомъ кожи (какъ уже выше сказано), только поверхностный слой клѣточекъ нѣсколько длиннѣ. Цвѣтъ ихъ не представляетъ надежнаго признака для обозначенія расы. Но вѣйши антропологи указываютъ на ихъ длину, очертаніе, закручивание, лосность и проч., но и на этихъ признакахъ мы не можемъ основать твердаго положенія, по причинѣ обилия видоизмѣнений въ каждой расѣ. Рунегберг написалъ цѣлую книжку по поводу замѣченного имъ различія въ очертаніи волоса и распределеніи въ немъ клѣточекъ красящаго начала, т. е., центральной его части; но если взглянуться въ приложенные къ его сочиненію рисунки, то мы много найдемъ сходнаго въ волосѣ Индѣйца съ волосомъ Европейца.

Закончимъ наше обозрѣніе расовыхъ свойствъ общихъ покрововъ изслѣдованиемъ признака, послужившаго Линнею по-водомъ къ установлению отдельной расы съ уродливыми возвышеніями въ нижнихъ частяхъ тѣла, (Бушменъ, въ отродье Готтентотовъ). Я сказалъ уже, что къ этому расовому отдельцу можно присоединить противоположное свойство общихъ покрововъ — исхудалость ихъ (Patet *) обитатели залива короля Георга въ Австраліи). Оказывается, что эти два противоположныхъ видоизмѣнения очертаній тѣла зависятъ отъ большаго или меньшаго развитія подвож-

*) Histoire naturelle de l'homme, Prichard, Paris 1843. T. II, p. 73, pl. XXIII.

ной клѣтчатки, проявляющихся въ случайныхъ формахъ и у прочихъ расъ человѣческаго рода, какъ въ болѣзненномъ состояніи, такъ и въ соврѣженномъ. Развитійный примѣръ усиленного развитія подкожной клѣтчатки представляетъ намъ, такъ называемая, слоновая опухоль или арабская болѣзнь (*elephantiasis arabum*) известная еще въ глубокой древности.

Изъ этого уже краткаго изслѣдованія расовыхъ отличій человѣческихъ породъ, мы легко можемъ вывести: 1) ихъ первоначальное происхожденіе, способы распространенія и утвержденія въ известномъ племени и 2) достаточны ли они для того, чтобы

принять ихъ за твердое основаніе для установления классификаціи человѣческихъ породъ. Объемъ времени, назначенный для моей лекціи, не позволяетъ мнѣ войти въ сравненіе съ изложеннымъ расовыми признаками и другихъ существующихъ въ прочихъ органахъ человѣческаго тѣла. Изъ этого сравненія мы могли бы вывести болѣе точные данные для этого; но уже сказанного достаточно, чтобы судить на сколько отдельная специальная наука о человѣкѣ можетъ быть независима отъ другихъ специальностей и на сколько можетъ она установить за собою полное название — Антропологія.

Н. Никитинъ.

ЭТНОГРАФІЯ И ПРАВО.

По своему направляющему значению для жизни, право соприкасается всѣмъ наукамъ, имѣющимъ предметомъ своимъ изслѣдованія о человѣкѣ. Ни-что человѣческое не чуждо ему. Охраняя жизнь въ ея формахъ достижениія блага, право не можетъ оставаться только отвлеченною идеей, а неразрывно связано съ жизнью, со всѣми ея явленіями. Тотъ не юристъ, кто не способенъ понять дѣйствительности и ограничивается отвлеченными умствованіями о правѣ; только путемъ наблюденія наука права можетъ освободиться отъ бесплоднаго формализма логическихъ построеній. Она обновлялась и почерпала всегда новыя силы отъ соприосновенія съ другими науками, имѣющими предметомъ своимъ природу человѣка и его общественный бытъ.

Исторія уже оказала свою дѣятельную и плодотворную помощь наукѣ о правѣ. Въ послѣднее время всѣми сознается связь права съ политическою экономіей, такъ что многіе затрудняются въ проведеніи границы между областями обѣихъ наукъ. Повидимому, теперь наступила очередь естественныхъ наукъ; необходимо определить

точіе, въ какомъ отношеніи находятся онѣ къ ученію о правѣ, что между ними общаго и въ чемъ состоитъ ихъ различіе.

Наука о правѣ уже усвоила себѣ тотъ методъ изслѣдованія, который до сихъ поръ считался исключительно принадлежащимъ естествознанію; понятіе объ обществѣ, какъ о живомъ организмѣ, навело на мысль отыскывать въ немъ тѣ же отправленія, какія существуютъ въ физіологической сторонѣ человѣка; проводится параллель между нравственными явленіями и естественными (Левенгардтъ); юристы говорятъ объ анатоміи права, о физіологии общества и тому под.

При такомъ направленіи науки, вопросъ объ отношеніи права къ антропологии и этнографіи долженъ быть возникнуть снова, и предстоящая этнографическая выставка послужитъ отчасти къ его разрѣшенію. Одежда, домашняя утварь, картина свадебныхъ обрядовъ, даже скелеты наглядно возбудятъ въ юристѣ представление о формахъ юридического быта различныхъ племенъ; онъ увидитъ, на сколько богатый материалъ этнографіи можетъ объяснить разнообразіе и сходство въ юридическихъ институтахъ.

Съ своей стороны я считаю нeliшнимъ предварительно указать на тѣ пункты, въ которыхъ антропология и этнография сходятся и расходятся съ правомъ и напомнить о сдѣланныхъ уже попыткахъ закрѣпить связь между этими науками.

Вопросъ о человѣческихъ породахъ, составляющей предметъ антропологии, не остался чуждымъ наукѣ о правѣ и обществѣ. Первые торговцы Неграми, американские плантаторы и даже многіе европейскіе публицисты основывали господствующее и подчиненное положеніе народовъ на различномъ устройствѣ ихъ черепа и скелета, на качествѣ ихъ кожи, цветѣ волосъ и проч.; по ихъ мнѣнію, соціальное положеніе расы опредѣляется непреложно ея внѣшними признаками; явилось ученіе о проклятыхъ породахъ, о законности рабства вслѣдствіе тѣлесныхъ свойствъ племени. Этотъ фаталистический взглядъ на общественное положеніе лицъ находить защитниковъ и въ настоящее время. Еще недавно въ журнальѣ лондонскаго антропологического общества доказывалось, что положеніе рабовъ условливается ихъ породою: «общественное положеніе раба, сказано въ *Anthropological Review* (1866, арг., р. 125), какъ во время рабства, такъ и послѣ эманципаціи, опредѣляется отношеніемъ его породы къ породѣ господина; кто не сознаетъ этой истины, тому нужно поучиться не только антропологии, но и исторіи»; въ другомъ мѣстѣ авторъ отрицааетъ равенство даже тѣхъ племенъ, которые служатъ представителями цивилизаций: «неужели, говоритъ онъ, Тевтоны, Кельты и Славяне одинаково способны приобрѣсти свободу и пользоваться ею (*ibid.* р. 127)?»

Еслиъ вся антропологія придерживалась такого взгляда, то наукѣ о правѣ пришлось бы объявить рѣшительный разрывъ и

борьбу съ антропологіей: связь между ними противорѣчила бы тому призванію, которое должно было исполнить и действительно исполнило право, охраняющее всѣмъ равно блага общественной жизни, чуждое понятія о породахъ, вызывающее свободу человѣческаго духа. Но въ области самой антропологии анатомическая школа Блуменбаха вызвала протестъ: въ основу различія человѣческихъ расъ стали полагать не тѣлесные особенности, а языкъ или первоначальное мѣсто жительство; большинство антропологовъ принадлежитъ или къ лингвистической школѣ (Притчардъ, Джонсъ, Шлейхеръ), или къ географической (Агассизъ). «Понятія о расахъ, говорить Мюллеръ (*Geogr. Jahrbuch von Behm*, 1866, р. 484) такъ неопределены, что на основаніи ихъ нельзя создать науки. Изъ горячихъ споровъ, которые издавна ведутъ между собою антропологи, оказывается что вопросъ остается далеко неразъясненнымъ. Многіе серіозные изслѣдователи утверждаютъ, что породы не суть первоначальная и неизмѣнная явленія, но являются результатами климата, образа жизни и другихъ условій, зависящихъ отъ природы и отъ измѣняющихся человѣческихъ отношеній.»

Такимъ образомъ антропология въ лицахъ лучшихъ своихъ представителей сливаются съ этнографіей. Сочиненіе Вайтца, не смотря на свое заглавіе, столько же относится къ антропологии, какъ и къ праву; отвергая фаталистический приговоръ надъ народами, авторъ начерталъ картину первыхъ зачатковъ цивилизаций, первыхъ общественныхъ учрежденій и первыхъ юридическихъ институтовъ; въ Антропологіи Вайтца занимаютъ видное мѣсто указанія на семейное право, собственность, договоры, наследство, судопроизводство, потому что безъ этихъ указаній картина жизни пер-

вобытныхъ народовъ была бы неполною и многое осталось бы не понятнымъ. По словамъ одного ученаго (Зелигманъ въ Geogr. Jahrb. р. 427), «научная антропология имѣть задачею не только описание и изслѣдованіе отличительныхъ признаковъ по роду, но и объясненіе ихъ изъ опредѣленныхъ условій, отысканіе законовъ для нихъ.» Въ раду этихъ условій безспорно значительная доля принадлежитъ юридическимъ формамъ быта, а потому антропология должна по необходимости, вмѣстѣ съ этнографіей, воспользоваться выводами науки о правѣ.

Что касается до того содѣйствія, которое этнографические изслѣдованія могутъ оказать юристамъ, то сознаніе о немъ существовало постоянно. Разрѣшенія вопросовъ объ особыхъ формахъ права у разныхъ народовъ искали въ естественныхъ условіяхъ, при которыхъ слагается общественный порядокъ; этимъ условіямъ придавали первѣцъ слишкомъ большое значеніе, впадали иногда въ крайность и забывали вовсе творческую силу права.

Отправляясь отъ тога вѣрнаго положенія, что всѣ явленія жизни не случайны, а имѣютъ свое основаніе, еще древніе искали этого основанія для права въ непреложномъ и неизмѣнномъ вліяніи вѣтшней природы. Такимъ неизмѣняющимся условіемъ прежде всего представлялся климатъ. Иппократъ и Диодоръ Сицилійскій, Боденъ, Вико, Монтескье и Бокъ старались объяснить климатическимъ вліяніемъ разнообразіе права, общественного быта и учрежденій. Рабство, значеніе семейства, труда и признаніе личности ставились въ прямую зависимость отъ климата. Особенно подробно говорить объ этомъ Монтескье, посвятившій вопросу о вліяніи климата на законодательство книги 14—18 своего сочиненія *Esprit des lois*.

Монтескье указалъ на нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ юридические институты и обычаи объясняются безусловнымъ подчиненіемъ человѣка природѣ; по его словамъ, въ жаркомъ климатѣ *la nature a che force et la morale une faiblesse*; инстинкты имѣютъ здѣсь непреодолимую силу, тогда какъ въ странахъ умѣренныхъ самодѣятельность лица получаетъ большее значеніе. Примѣры, приводимые Монтескье, выбраны наудачу; нѣкоторые изъ нихъ отличаются остроуміемъ и наблюдательностью, другіе грѣшатъ крайностью: такъ, онъ считаетъ пьянство необходимымъ явленіемъ на сѣверѣ и старается исключительно климатическими условіями объяснить положеніе женщины. По его словамъ, въ жаркихъ странахъ женщины достигаютъ физической зрѣлости 8—10 лѣтъ отъ роду; онъ выходитъ замужъ еще дѣтьми и старѣются въ 20 лѣтъ; поэтому сила и вліяніе красоты у нихъ не совпадаетъ съ силою ума; когда приходитъ разумъ, красота исчезаетъ, и женщины всегда остаются въ подчиненномъ положеніи; основываясь на этомъ исключительномъ вліяніи климата, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ умѣренномъ климатѣ женщины уравниваются съ мужчинами, а въ холодномъ онъ господствуютъ, потому что неподвержены пьянству, которое составляетъ климатическую необходимость для всѣхъ мужчинъ. Впрочемъ, объясняя известныя стороны быта вліяніемъ климата, Монтескье не придаетъ этому вліянію характера безусловнаго; онъ говоритъ, что законы должны противудѣствовать, а не повторствовать порокамъ, свойственнымъ климату; такъ, онъ призываетъ покровительство монастырямъ въ южныхъ странахъ и хвалить обычай, по которому въ Китай императоръ каждую весну ходить за плугомъ, подавая тѣмъ примѣръ трудолюбія.

По слѣдамъ Монтескье въ новое время Бокль указалъ на экономическое вліяніе климата, который не только вызываетъ большую или меньшую энергию труда, но также опредѣляетъ постоянство занятій и привычекъ: въ холодныхъ странахъ напр. это постоянство невозможно, а потому здѣсь необходимо возникаетъ свобода труда. Бокль объясняетъ рабство климатическимъ вліяніемъ, хотя въ этомъ объясненіи не сходится съ Монтескье; по его мнѣнію, здѣсь дѣстуетъ не столько разслабленіе силъ, сколько явленіе экономическое: на востокѣ человѣкъ нуждается въ меньшемъ количествѣ пищи, поэтому заработная плата здѣсь очень низка и положеніе рабочихъ переходитъ въ рабство; въ Европѣ напротивъ, вслѣдствіе высшей заработной платы, распределеніе богатства болѣе равномѣрно, а потому личная независимость обеспечивается вѣрнѣе (Hist. of civilization, I. 59).

Въ связи съ климатическими условіями ставилось свойство почвы, географическое положеніе страны, преимущественное занятіе земледѣліемъ или торговлею, развитіе сель или городовъ и проч. Юристы и политики видѣли известное соотвѣтствіе между этими явленіями и правомъ, но по необходимости должны были останавливаться на объясненіи ближайшихъ причинъ, не приходя ни къ какому теоретическому выводу. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно было допустить непреложность вліяній вѣнчайшей природы уже потому, что известныя причины производили неодинаковыя послѣдствія: на одной и той же почвѣ, при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ могла существовать свободная Греція и деспотическая Турція; на римскомъ форумѣ происходили историческія явленія столь разнообразныя, что никто не рѣшался вѣрить, чтобы ихъ освѣщало одно солнце; почва земли измѣнялась подъ руками человѣка,

и самъ Монтескье, указывавшій на вліяніе климата, въ другомъ мѣстѣ пришелъ къ заключенію, что земледѣліе процвѣтаетъ не въ той мѣрѣ, въ какой страна одарена отъ природы, а въ мѣрѣ своей свободы: Голландія и Англія далеко опередили въ этомъ отношеніи Италію и Испанію. Вѣра въ возможность нравственного усовершенствованія не могла примириться съ роковыми вліяніемъ природы, осуждающей будто бы цѣлый народъ на опредѣленную и неподвижную общественную форму.

Выше вѣнчайшей обстановки и вліяній необходимо было признать новую силу, которая творитъ право и овладѣваетъ природою.

Такою силою признанъ былъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія народный духъ или гений, свойственный известному племени и проявляющій себя въ цѣломъ рядѣ поколѣній. Боппъ и братья Гриммы, Савини и Эйхгорнъ въ разныхъ областяхъ народной жизни отыскивали выраженія этого духа въ данное время; новѣйшие изслѣдователи продолжаютъ и теперь эту работу: Лазарусъ, Михаэлссъ предприняли изданіе двухъ журналовъ, съ цѣлью разъяснить народную психологію и такъ-называемую культурную исторію. Всякое проявленіе народной жизни получило смыслъ и для этнографа и для юриста; народные обычай, пословицы, преданіе сдѣлались предметомъ уваженія; право поставлено было въ связи со всею народною жизнью, и видимымъ, нагляднымъ выраженіемъ этой связи сдѣлались присяжные и представители, призванные въ участію въ составленіи законовъ. Результаты новаго направленія оказались въ высшей степени плодотворны и для науки и для жизни. Право перестало являться произвольнымъ философскимъ началомъ; этнографія не ограничивалась болѣе указаніемъ на непреложные законы природы; обѣ нау-

ки нашли общую почву — жизнь народа въ ея многообразныхъ проявленияхъ. Нерѣдко одна, по видимому, мелкая черта народныхъ правъ объясняла многое; постройки, домашняя утварь, имя напоминаютъ о правѣ и юридическихъ институтахъ.

Для примѣра можно привести способъ постройки деревень у разныхъ народовъ, въ которомъ отражаются формы собственности отдельной, общинной и родовой. Такъ, въ Германии деревни имѣютъ видъ отдельныхъ домовъ и усадебъ, между которыми находятся пашни; наши славянскія села представляютъ собою тѣсно сплоченныя усадьбы, за которыми тянутся поля и луга; въ Индіи всѣ дома строятся подъ одною сплошною кровлею, такъ что цѣлая деревня кажется видъ одного зданія съ многочисленными пристройками. Конечно, не эта форма поселеній имѣла вліяніе на понятіе о собственности; она была только внѣшнимъ воспроизведеніемъ того, что заключается въ сознаніи народа: этнографъ воспользуется этимъ указаніемъ такъ же, какъ и юристъ для объясненія народной особенности, — но ни тотъ, ни другой не примутъ послѣдствіе за причину. Кому неизвѣстно, что великолѣпная ратуша въ старыхъ городахъ служитъ признакомъ развитаго муниципальнаго устройства, а развалины замка или тщательно-поддерживаемой готической замокъ означаютъ, что въ странѣ существуетъ аристократія? Это — особенности народа, этнографическая и юридическая, указатели быта, но не его источникъ и сила. Построить ратушу или замокъ не значитъ укоренить муниципальное управление или аристократію въ странѣ. Громадныя казенные зданія въ столицахъ указываютъ на централизованное государственное управление; но самоуправление достигается не разрушениемъ этихъ зданій, а законодательствомъ.

То же самое можно сказать и о другихъ явленіяхъ народной жизни, объясняющихъ право, но также вызванныхъ прямъ. Народный духъ, первый источникъ того, что доступно нашему наблюденію, представляется неразгаданною таинственною силою: онъ самъ видоизмѣняется и образуется при различныхъ вліяніяхъ и принужденъ отставать себя, облекаясь боевыми доспѣхами національности. Языкъ, нравы и обычаи указываютъ намъ на извѣстные понятія, но понятія измѣняются, выясняются; мы отыскиваемъ въ народѣ его особенности, дѣйствующее въ немъ право, но не можемъ сказать, чтобы то, что мы нашли, было послѣднимъ словомъ науки и жизни. И если этнографія можетъ довольствоваться существующими проявленіями народного духа, то право не останавливается на немъ, а ищетъ вѣчныхъ законовъ справедливости.

Можно бы привести множество примѣровъ тому, что извѣстная форма быта и права измѣнялась и что право не можетъ оставаться пассивнымъ отраженіемъ того, что существуетъ въ дѣйствительности. Изслѣдователи явленій народного духа придаютъ имъ слишкомъ большое значеніе въ области права. Такъ, говорять, что одни народы одарены способностью къ городской жизни, другіе осуждены жить въ селахъ; Галлы напр., подобно древнимъ Грекамъ, съ первого раза образовали крѣпкие города, тогда какъ Германцы и Славяне по преимуществу сельские жители: Лонгобарды, Бургунды и Готы не строили въ Галліи новыхъ городовъ, нашли ихъ готовыми, въ Германии же города основывались съ большимъ трудомъ, по приказанію, насиженно. Отъ этой прирожденной способности заключаютъ объ общественной формѣ. Горожане по преимуществу отличаются демократическимъ направленіемъ, сель-

чане же суть консерваторы и вызывают земледельческую аристократию. У городскихъ жителей собственность простирается на всякаго рода имущество, bona, biens; у настъ «имѣніе», у Нѣмцевъ Gut означаетъ исключительно землю. Далѣе, въ селахъ встрѣчаются чаше всего преступленія противъ лица, въ городахъ — противъ собственности; у народа земледельческаго, при его бѣдности, преобладаютъ тѣлесныя наказанія, съ которыми соединяются отсутствие понятія о чести и проч.

Не отвергая правильности этихъ наблюдений, юристъ не можетъ считать ихъ для себя безусловными. Онъ скажетъ, что муниципальные законы вызвали въ Германіи города и городскую жизнь, что отмѣна тѣлесного наказанія вызывала понятіе о чести, что свобода труда и обмѣна увеличиваетъ богатство, которое состоить не въ одной землѣ, но и во всякаго рода цѣнностяхъ, что участіе въ общественныхъ дѣлахъ вызываетъ интересъ къ нимъ. И это вліяніе права неограничивается какимъ-либо народомъ, независитъ отъ его этнографическихъ особенностей, а прилагается и оправдывается повсюду.

Между тѣмъ проявленія народного духа или народной жизни, повторяющіяся съ извѣстною опредѣленностью, навели многихъ на мысль, что въ нихъ выражается непреложный законъ, что свободною дѣятельностью лицъ управляетъ роковая необходимость.

Еще Савини признавалъ право чѣмъ-то безсознательнымъ, непреложнымъ. По его мнѣнію, право не можетъ быть измѣнено ни отдельными лицами, ни даже извѣстнымъ поколѣніемъ народа: оно принадлежитъ всѣмъ преемственно-слѣдующимъ поколѣніямъ, какъ представителями народного духа. Настоящее обязано пассивно ожидать, чтобы надъ нимъ выразилась сила

времени, судьбы, исторіи; всякая кодификація останавливаетъ или извращаетъ такое выраженіе; право должно быть простымъ зеркаломъ народной жизни; законодатель, по выражению Амари (*Scienza delle legislaz.* p. 281) есть небольшое, какъ секретарь или регистраторъ данной эпохи.

Вследствіе этого естественное право превратилось въ формулированіе того, что уже существуетъ; выше всего ставилось такъ-называемое «законодательство безъ законодателя»; оно является готовымъ во всякое время, — стоить только наблюдать и вывести соціальный законъ. Въ такомъ дагерротипномъ отраженіи права полагали его силу, положительность или позитивизмъ. Шарль Контъ предложилъ чисто-механическую методу составленія законовъ. По его мнѣнію, нужно расположить въ извѣстномъ порядкѣ существующія отношенія между лицами, описать условія ихъ существованія, причины и слѣдствія; законы этого существованія и составляютъ право. Это участіе послужило основаніемъ новой школы Кетле, которая въ настоящее время имѣть много послѣдователей.

Прилагая къ жизни теорію вѣроятности, Кетле пытался отыскать средняго нравственного человѣка, подобно тому, какъ существуетъ средній физический человѣкъ. Онъ пришелъ къ заключенію, что свобода отдельныхъ лицъ не существуетъ, такъ какъ общество непремѣнно воспроизводить определенное количество извѣстнаго рода дѣйствій; статистика указываетъ, что въ данномъ государствѣ ежегодно совершаются одинаковое число браковъ, преступлений, отправляется определенное число писемъ, однимъ словомъ, — всѣ лица приближаются болѣе или менѣе къ среднему соціальному человѣку. Эти выводы навели одного изъ замѣчательнѣшихъ современныхъ мыслителей на грустное раздумье о томъ, что

средний человѣкъ получаетъ преобладающее значение, что личность и характеры блѣднѣютъ и стираются массою. Общественная физика Кетле напала послѣдователей между юристами и привела ихъ къ такимъ построениямъ права, въ которыхъ являются действующими не живыя лица, а отвлеченные роковыя силы.

Но наблюденія и выводы Кетле нисколько не колеблютъ значеніе права, какъ отдельной нравственной силы. Они указываютъ только на то, что общественные условія измѣняются медленно, что слѣдовательно дѣйствія, совершающіяся подъ ихъ вліяніемъ повторяются въ болѣе или менѣе одинаковой формѣ и въ равномъ числѣ. Но право, законъ можетъ измѣнить это однообразіе. Если сравнить напр. количество преступлений до изданія извѣстнаго уголовнаго кодекса и послѣ него, то увидимъ значительную разницу: пониженіе почтовой тарифа значительно увеличиваетъ количество писемъ, посыпаемыхъ въ странѣ; законы о тарифѣ имѣютъ рѣшительное вліяніе на преступление контрабанды; наши новые суды окажутъ, конечно, благодѣтельное дѣйствіе на народную нравственность и проч.

Я не думаю отвергать пользу уголовной статистики; она служитъ указаніемъ на народные нравы, она объясняетъ законодателю, противъ чего слѣдуетъ бороться и чтѣ нужно охранять. Изслѣдованія народной жизни, этнографическихъ и историческихъ особенностей народа даютъ матеріалъ для права, но этнографія даже и въ этомъ болѣе широкомъ значеніи не совпадаетъ съ правомъ. Если справедливо говорять: *quid leges sine moribus*, то еще съ большимъ правомъ можно сказать: *quid mores sine legibus*. Законодательство не есть только зеркало его быта; оно не можетъ вносить на свои скрижали все то, что выражается въ жизни; оно не должно относиться без-

различно къ предразсудкамъ и неправдѣ; оно не обязано быть на сторонѣ большинства; оно воспитываетъ въ народѣ чувство и сознаніе справедливости.

Проводниками лучшихъ, высшихъ началь всегда являлись преобразователи, которые вели народъ на пути развитія посредствомъ новыхъ законовъ. На слово правды и свободы, произнесенное народными вождями, всегда откликнутся лучшіе люди, готовые послужить родной землѣ, внести новую жизнь, работать надъ улучшеніемъ нравовъ. Не этнографическая особенности, а начала правды и добра въ состояніи исполнить эту задачу.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось ровно сто лѣтъ отъ первого призыва русскихъ людей къ составленію Уложения. Императрица въ своемъ Наказѣ начертала цѣлую систему законодательства, которое должно было вызвать народъ къ новой жизни. Этотъ Наказъ послужилъ италіянскому ученному Филанджieri орудіемъ противъ ученія Монтескіё о вліяніи климата. Пораженный важностью задуманнаго Екатериной дѣла, онъ указывалъ на ту великую задачу, которую должно выполнить законодательство въ странѣ, где климатъ представлять неблагопріятныя условія. Филанджieri, подъ впечатлѣніемъ Наказа, написалъ слѣдующее: «повидимому, скіпетръ Европы, которой переходилъ отъ Испаніи къ Франціи и отъ Франціи къ Англіи, достается теперь Москвитянамъ. Они получаютъ на него право своими хорошими законами. Быть-можетъ это преимущество останется за Русскими надолго и когда-нибудь всѣ Европейцы усвоятъ себѣ законодательство этой трезвой націи. Наказъ Екатерины наводитъ на меня гораздо болѣе размышеній, чѣмъ флотъ, посланный ею въ Архипелагъ.»

Ожиданія Филанджieri не сбылись. Ни мысль императрицы о русскомъ уложеніи,

ни планы ея на Востокъ не увѣличались
нemедленныиm успѣхомъ. Но въ жизни на-
рода великия мысли не проходить безслѣд-
но, и отложить исполненіе не значитъ от-
казаться отъ него. Законодательная дѣя-
тельность послѣднихъ лѣтъ, то воспита-
тельное значеніе, которое имѣеть она для
поднятія въ народѣ чувства нравственного

долга и гражданской свободы служить ру-
чательствомъ, что предсказаніе итальянска-
го ученаго и планы великой императрицы
ближки къ осуществленію. Наші суды и
наше земство, такъ же какъ и наша дип-
ломатія стоять въ уровнѣ съ тѣмъ завѣ-
томъ, который на разстояніи цѣлаго вѣка
слышится громко и явственно.

М. Капустинъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ОБЛАСТИ ПРАВА.

I.

Мм. Гг.

Предметъ своихъ членій я обозначилъ такимъ выражениемъ, которое явно имѣеть два значенія, смотря по тому, на какомъ словѣ сдѣлать удареніе. Если вы возвысите голосъ при словѣ: человѣкъ, то смыслъ фразы будетъ тотъ, что въ области права дѣйствуетъ, или имѣется въ виду не сановникъ, не чиновникъ, не гражданинъ, или подданный, а человѣкъ, и только человѣкъ, но всякий человѣкъ. Это — положеніе современной науки права, равно какъ основаніе провозглашенія правъ человѣчества въ первую французскую революцію. Не скажу при этомъ, что бы теорія права или французская революція остались вполнѣ вѣрны своему началу; потому что во время той же революціи допущена была формула обращенія лица къ лицу: гражданинъ А, гражданка В, а въ теоріи права до сихъ поръ говорятъ не вообще о человѣческихъ дѣйствіяхъ, а только о гражданскихъ сдѣлкахъ, да о проступкахъ и преступленіяхъ. Мы думаемъ напротивъ, что въ правѣ дѣйствуетъ весь человѣкъ. Недавнее введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій успѣло однакоже каж-

дому изъ насъ показать, что въ судѣ разсматриваются не одни вѣшнія дѣйствія человѣка, и что судѣ предлагается вопросы о томъ, съ намѣреніемъ совершено дѣйствіе или безъ намѣренія, — предумышленно или безъ предумышленности, — или, если отвѣтчикъ отказывается платить по большемъ заемнаго письма, то ему предлагается вопросъ, не считается ли онъ себя должнымъ, по совѣсти, — а если совѣсть молчать, то могутъ обратиться къ его религиозному чувству, къ присягѣ. Слѣдовательно, на судѣ принимаютъ во вниманіе и религиозную и моральную сторону гражданскаго, по видимому, вѣшнаго дѣйствія. Прибавлю, что исторія положительнаго права у разныхъ народовъ ясно свидѣтельствуетъ, что это право возрастало и расширялось, по мѣрѣ развитія разумныхъ и моральныхъ началь жизни въ народѣ и въ человѣчествѣ, для котораго сначала было довольно десяти заповѣдей, XII таблицъ, короткихъ распоряженій варварскихъ законовъ (*Leges Barbarorum*) и Русской Правды объ убийствахъ, разбоѣ, воровствѣ, а по томъ являлись обширные законодатель-

горизонтальной плоскости; но въ человѣчествѣ замѣщается еще борьба въ плоскости вертикальной, сверху внизъ и снизу вверхъ, борьба отдѣльного человѣка съ обществомъ, единичности или особности съ цѣлымъ, съ общимъ, борьба юридическая исконная и вѣчная, по вѣчному воспроизведенію въ обществѣ отдѣльныхъ лицъ и недѣлимыхъ. Кому предсказать и пожелать тутъ побѣду?

Начнемъ вопросомъ о значеніи человѣческаго общества, потому что отдѣльного человѣка изучаютъ и антропологи и натуралисты и этнографы и т. д. Очевидно, что слово: общество произошло отъ слова: общий, а все общее играетъ въ мысли и въ жизни человѣка особую роль. Знаемъ, что мы не можемъ ничего представить, сознать или пожелать опредѣленно, ясно и точно, не думая, что не можемъ думать не говоря, хотя мыслимъ сами съ собою; не можемъ думать не употребляя словъ, изъ которыхъ каждое выражаетъ собою общее понятіе, и притомъ такое общее, что въ каждомъ языке, для выраженія всего сознаваемаго и познаваемаго цѣлымъ народомъ, цѣлыми десятками миллионовъ мыслящихъ головъ, существуетъ весьма не много словъ, по крайней мѣрѣ, опредѣленное число, напр. 70.000, или 100.000. Сколько словъ, столько понятій въ народѣ, и не болѣе. Очевидно, что мыслимъ мы, посредствомъ общаго, что общее служить условiemъ для мысли, для познанія, для знанія. Мыслить значитъ опредѣлять частное и данное явленіе общимъ понятіемъ, напримѣръ: это липа, или береза, или груша; липа, береза, груша—дерево; дерево есть организмъ растительного царства; далѣе вещество, существо и т. д. Каждое понятіе даетъ намъ болѣе, чѣмъ сколько даютъ чувства, а потому, чѣмъ отвлеченнѣе, чѣмъ общеннѣе, или выше опредѣляющее общее понятіе чѣмъ шире, глубже познаніе, чѣмъ истиннѣе положеніе, чѣмъ

разумнѣе знаніе. Разумное обще, и только обще-разумно. Тѣмъ болѣе силы имѣть общее въ практической жизни человѣка, для котораго только общее справедливо, истинно, полезно, благо, потому что справедливое непремѣнно обще, какъ истинно полезное, истинно благое. Человѣкъ, безъ общихъ возврѣній, есть человѣкъ безъ мысли, человѣкъ, безъ общихъ началь, человѣкъ безъ правилъ. Поэтому, въ быту человѣческомъ, все общее воплощается въ союзахъ и въ обществахъ, которые всегда выражаютъ общую мысль, общую задачу, общую потребность, общую цѣль, какъ первое и главное общество, образуемое общностю понятій, или языка, народъ.

Что же такое общество? Натуралисты заимствуютъ это понятіе у историковъ и юристовъ, и стараются найти общества въ царствѣ растеній и въ жизни животныхъ, такъ что напримѣръ лошадиные охотники видятъ отцовъ и дѣтей въ конюшняхъ,— скотопромышленники открываютъ семейства въ хлѣвахъ, и натуралисты встречаютъ общества въ пчелиныхъ ульяхъ и въ муравьевыхъ кучахъ. Одного лишь не находятъ натуралисты даже въ царствѣ животномъ, мужа и жены, и одного не видятъ они здѣсь—супружества, безъ котораго нигдѣ и никогда не обходится человѣкъ. Русскій языкъ мѣтко обозначилъ отношеніе производителей въ царствѣ животномъ словами: самецъ и самка, гдѣ каждый изъ производителей существуетъ самъ по себѣ, безъ всякой мало-мальски постоянной связи, не исключая плотоядныхъ, среди которыхъ, какъ среди собакъ и волковъ, не укажутъ на производителя данныхъ щенковъ, и гдѣ видимое сожитіе условливается только щенятами и волчатами до возраста, а не связю волка съ волчицей, и т. п. А это весьма важное указаніе на особое значеніе человѣческихъ об-

ществъ, выростающихъ на законѣ именно супружества. Только существа, способны создавать и сознавать общія понятія, способны составлять общества; и, сколько бы ни находили вѣшняго сходства между пчелиными ульями и муравиными кучами, съ одной, и человѣческими обществами съ другой стороны; вѣ существѣ, между нами прощастъ и бездна, потому что человѣческое общество, и самое малое стремится разростись вѣ безконечность, и простѣйшая вѣ захолустѣ русская деревня имѣеть видимые пути къ сближенію съ цѣльнымъ человѣческимъ родомъ, даже посредствомъ своихъ незатѣйливыхъ дорогъ.

Много, весьма много общихъ понятій, которыхъ могутъ послужить основою для образования человѣческихъ обществъ, но для уясненія дѣла, постараемся найти для нихъ постоянныя основы, постоянные признаки. Съ этою цѣлію, мы различаемъ два вида человѣческихъ обществъ, а именно: 1) общества гражданскія, договорныя, условныя, основанныя на соглашеніи, или разсчетѣ, и существующія для достиженія какой нибудь, или какихъ нибудь заранѣе опредѣленныхъ цѣлей, каковы напр. товарищества, артели, складчины, компаніи, даже общества ученыхъ художниковъ, или ученыхъ и артистическихъ общества, даже учреждаемыя правительствомъ званія и сословія. Очевидно, тутъ не лица соединяются вѣ одно, а ихъ извѣстныя средства: капиталы, работы, познанія, усилія, и вотъ почему вѣ такихъ обществахъ все зависитъ отъ лицъ, и характеръ гражданскихъ или договорныхъ обществъ опредѣляется свойствомъ ихъ членовъ; и 2) общества естественные, или историческія, необходимыя, не гражданскія, а истинно человѣческія, существующія вѣ силу нашей человѣческой природы, связующія во едино лица во всей ихъ цѣlostности и полнотѣ, а

потому имѣющія своими цѣлями всѣ цѣли человѣка и человѣчества, каковы напр. браки, семейства, общины, земства, народы, вѣ средѣ которыхъ отдельные лица сами получаютъ характеръ окружающаго ихъ общества. Называемъ каждое такое общество естественнымъ и необходимымъ, потому что принадлежимъ къ нему по требованію нашей человѣческой природы, а не по разсчету, или произвольному соглашенію, условію и договору. Называемъ такое общество органическимъ, сложнымъ, составнымъ образующимся изъ элементовъ, завѣдомо неравныхъ и различныхъ, изъ высшихъ и низшихъ, сильнѣйшихъ и слабѣйшихъ, старѣйшихъ и младшихъ, отправляющихъ разнообразныя функции, но такъ, что это разнообразіе служить явленіемъ и развитиемъ единой, цѣльной, индивидуальной, самостоятельной жизни того существа, которое называется обществомъ. Если вообще организмъ есть всякое обособленное существо, одаренное своею индивидуальною жизнью; то надо сказть, что органическая жизнь вѣ области растеній и животныхъ остановилась на индивидуальной формѣ, и что только вѣ быту человѣческому жизнь органическая возвышается и расширяется на всю безконечность человѣческихъ союзовъ и обществъ, изъ которыхъ каждый союзъ и каждое общество составляютъ обособленные существа, одаренные индивидуальною жизнью. Это общество называемъ также земскимъ или территоріальнымъ, потому что оно необходимо осѣдло, занимаетъ вѣ пространствѣ извѣстное мѣсто, всегда представляется географическою величиною, надѣленною извѣстнымъ количествомъ земельнаго владѣнія, какъ семья, или крестьянскій дворъ, сельская и городская община, уѣздное, или областное земство, народъ, на пространствѣ его земли, и государство вѣ предѣ-

лахъ его территоріи. Наконецъ это общество, въ отличие отъ гражданскихъ обществъ, называемъ человѣческимъ, потому что въ немъ господствуютъ, развиваются и рождаются обще-человѣческие интересы, вопросы, начала, и потому что каждое, самое мелкое изъ этихъ соединений стремится къ слиянію съ обще-человѣческимъ единствомъ, съ человѣчествомъ, посредствомъ всѣхъ своихъ интересовъ, вопросовъ, задачъ и принциповъ.

Каждый отдельный человѣкъ, находясь въ этой общественной средѣ, окруженъ ею, какъ своею атмосферою, каждый отдельный человѣкъ, въ предѣлахъ своего общества, подчиняется вліянію этого общества, какъ разумнаго начала и въ этомъ выражается право общества и каждого изъ его членовъ, или человѣка въ области права: каждый отдельный человѣкъ, постоянно и законно подчиняясь вліянію своей общественной атмосферы, становится проявленіемъ началъ и жизни своего общества, или его этнографическимъ типомъ. Чтобы вполнѣ убѣдиться въ этихъ положеніяхъ, стоитъ провести параллель между жизнью отдельного лица и жизнью человѣческаго общества, между ихъ жизнью видимою, физическою, и жизнью незрѣлою, духовною, начиная съ вопроса о происхожденіи.

Принимая общество, въ указанномъ смыслѣ, за особое, не зависимое отъ частныхъ лицъ существо, думаю, что могу найти указанія на его происхожденіе въ той же Книгѣ Бытія, гдѣ разсказана история происхожденія первыхъ людей, и гдѣ выражение: не добро быть человѣку одному, или: сотворимъ ему помощника по немъ, или: наполните землю, господствуйте надъ нею, или: въ потѣ лица твоего стѣши свой хлѣбъ, — выраженія исключительно обращенные къ людямъ, къ установлению между ними брака и семьи, работы и труда,

даже до господства надъ землею, невозможнаго для отдельныхъ лицъ, эти выраженія несомнѣнно служатъ указаніемъ, что при самомъ сотвореніи человѣка положено основаніе для человѣческаго общества. Но первое общество было слишкомъ близко къ лицамъ, слишкомъ материально, зане плоть суть, по дальнѣйшему выражению Библии, такъ что въ немъ могло быть равное число Авелья и Каиновъ, а потомъ больше Каиновъ, и помысли Господь, продолжаетъ Св. Писаніе, и размысли: и одни изъ этихъ обществъ уничтожаются водой потопа, а другія пожираются огнемъ Гоморры и Садома. Должно было и создать и воспитать человѣческое общество не посредственнымъ участіемъ божества, какъ то совершилось въ истории семействъ Авраама, Исаака и Іакова. Послѣ чего, сплотивши іудейское общество египетскимъ гнетомъ, можно было дать ему заповѣди вѣры и морали, — можно было вручить управление надъ нимъ его судьямъ, — можно было установить умѣренное управление, поддерживая въ народѣ начало личной свободы, при господствѣ рабства во всемъ остальномъ окружающемъ мірѣ.

Обращаясь за тѣмъ къ области опыта, повторимъ, что уже сказали, что бракъ въ человѣчествѣ необходимъ. Бракъ же заключается не по условію, или договору, а во исполненіе того жизненнаго, общаго принципа и чувства, которое называется любовью, и которое, подобно солнечному лучу, распадающемся на нѣсколько прѣтовъ, состоитъ изъ многихъ чувствъ, изъ сочувствія, дружбы, уваженія, иногда удивленія, часто даже ревности. Это — общее всецѣлое притяженіе одного лица къ другому лицу. Такою же любовью изъ брака создается семья, которой отдельные лица одолжены бытіемъ, но не наоборотъ если не допустите невозможнаго, что семья основана на

договоръ. Изъ лицъ состоять общества, но не лицами они составляются. И напримѣръ сколько бы ни взяли лицъ, хоть миллионы, но если въ нихъ не быть общаго, связующаго начала, то, само по себѣ, эти лица не составлять народа, какъ они не составлять ни земства, ни общины, ни семьи.

Наружный видъ отдѣльныхъ лицъ опредѣляется извѣстнымъ типическимъ образомъ, а именно извѣстнымъ развитиемъ головы, шеи, стана, груди, руки и ногъ, при извѣстныхъ душевныхъ проявленіяхъ, памяти, воображенія, разума, воли. Только при этомъ типическомъ образѣ, человѣкъ признается за человѣка, но признается повсюду и всегда, такъ что отсюда происходит представление объ отдѣльныхъ людяхъ, какъ существахъ одинаковыхъ, похожихъ, равныхъ, а изъ этого представления необходимо вытекаетъ идея о равенствѣ между людьми. Обращая же вниманіе на человѣческія общества, античныя, азіатскія и европейскія, средневѣковыя, западныя и восточныя, нынѣ въ различныхъ частяхъ свѣта, далѣе обращая вниманія на племена и народы, на области и провинціи, на города и села, на фамиліи и роды, мы несомнѣнно приходимъ къ заключенію о господствѣ въ человѣчествѣ разнообразія, различія, которые отражаются на частныхъ членахъ этихъ обществъ, и до такой степени, смотря на портреты отдѣльныхъ лицъ, мы относимъ одного къ Стюартамъ, другаго къ Бурбонамъ, того къ Гогенцоллерамъ, къ Габсбургамъ, къ Англичанамъ, Нѣмцамъ, Китайцамъ и т. д. и т. д. Слѣдовательно разнообразіе есть свойство и продуктъ обществъ, какъ это разнообразіе есть проявление начала свободы, въ отличие отъ начала равенства, однообразія порядка.

Отдѣльные лица состоять изъ тѣла и души, или имѣютъ видимое, ощущимое тѣло, занимающее собою извѣстное пространство

въ природѣ, и одарены особыми силами, принадлежащими къ отправленіямъ духа. Какъ видимое и ощущимое занимающее мѣсто въ пространствѣ, человѣческое тѣло есть принадлежность и предметъ физическаго міра, и потому даетъ поводъ называть самого человѣка физическимъ лицомъ, хотя это название—рѣшительная несообразность.

Самое тѣло человѣка есть живое существо, или животный организмъ, состоящій изъ разнообразныхъ частей, отправляющихъ разнообразныя функции, не проникнутыхъ и связанныхъ единствомъ общей для всѣхъ частей, цѣлостной жизни; и въ тоже время это цѣлое органическое существо служить только орудіемъ, или органомъ для человѣческаго духа, или для души человѣка, въ ея вицѣнныхъ проявленіяхъ, или въ ея дѣйствіи на окружающій міръ. Матеріальное тѣло имѣть вѣсъ, способно къ движению, способно къ работѣ, и работаетъ, какъ работаютъ рабочія животныя, или машины, которою мало-по-малу замѣняется работа въ человѣческомъ быту, гдѣ господствуетъ начало труда, или умственного движения. Съ другой стороны матеріальное тѣло, особенно легко и съ особой силой, или энергией возбуждается къ дѣятельности матеріальными побужденіями, или физическими потребностями, напр. їды, отдыха, мочіона, которая безраздѣльно или исключительно принадлежать извѣстному тѣлу, отвѣда необходибо выходить начало эгоизма; такъ что въ физическомъ быту человѣкъ является въ работѣ иногда съ замѣчательною энергию, но всегда для своихъ исключительныхъ, или эгоистическихъ цѣлей. Общество имѣть свое тѣло, состоящее изъ живыхъ частей, или органовъ, предназначенныхъ къ разнообразнымъ отправленіямъ, слѣдовательно тѣло также органически, занимающее мѣсто въ пространствѣ, какъ географическая величина, и издавна нося-

щее название *corpus*, или корпорация. Въ тоже время, общество одарено духовными силами, проникнуто духовными, общими начальными, идеальными стремлениями, которые достигаются посредствомъ его внѣшней, тѣлесной организаціи. Извѣстно впрочемъ, какъ многіе, отрицая реальность, во всемъ, во что нельзѧ ткнуть пальцемъ, или чего нельзѧ топтать ногами, объявляютъ общество просто фикціей, вымысломъ, какъ будто фикція, а не семья плачетъ по умершемъ сочленѣ, вымыселъ, а не семья покрываются стыдомъ, при совершенномъ ея сочленомъ преступлениі, какъ будто вымыселъ радуется, фикціи торжествуютъ и т. д. И хороша фикція, которая, какъ государство, рѣшаетъ тѣ или другія реальности: запереть въ тюрьму, сослать на каторгу, разстрѣлять, повѣсить. Хорошъ и вымыселъ, который разоряетъ край войною, обращаетъ города въ пепель, уводитъ населенія въ плѣнъ и наволю и т. п. Тѣлесности, конечно, не имѣтъ ни семья, ни народъ, ни государство, но тѣмъ не менѣе эти общества дѣйствительно живутъ и существуютъ, имѣютъ несомнѣнную реальность, которая выражается въ трудѣ, вызываемомъ потребностями отвлечеными, духовными, общими, а не материальными и эгоистическими. Въ обществахъ стимуломъ для дѣятельности служатъ идеи, а принципомъ разумность.

Жизнь физическая отдѣльныхъ лицъ естественно, подлежитъ возможному вліянію внѣшней природы, начиная съ вліянія, но которому у недѣлимыхъ кожа, глаза и волоса окрашиваются извѣстнымъ цветомъ, переходя къ вліянію, по которому жизнь недѣлимыхъ полна лишений, страданій, болѣзней, и оканчивая тѣмъ, по которому слабость и ничтожество недѣлимыхъ предъ силами природы чувствуются нами отъ рожденія и до смерти. Жизнь обществъ выра-

жается преимущественно въ стремлениі и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и тѣмъ чаще въ успѣхѣ стремлениѣ обществъ къ высвобожденію себя отъ географическихъ климатическихъ, физическихъ и разныхъ физиологическихъ вліяній природы. Гдѣ теперь не живеть человѣкъ, при помощи колонизаціи, или совмѣстного способа разселенія и заселенія земли? Гдѣ теперь человѣкъ не устроить того или другаго религіознаго бульта, совершенно независимо отъ климата и почвы? Куда теперь не заносить человѣкъ съменъ образованія, цивилизаціи, благоустроенной общественности, начиная отъ странъ полярныхъ и кончая экваторомъ? Нельзя не видѣть въ этихъ явленіяхъ особаго могущества, присущаго человѣческому обществу, которое одно побѣдоносно борется съ окружающею внѣшнею природою. Это законно и разумно. Съ состраданіемъ относимся мы къ отдѣльнымъ лицамъ, которыхъ подвергаются болѣзнямъ, пожарамъ, наводненіямъ и другимъ несчастіямъ, и, въ то же время, негодуемъ на тѣ общества, которыхъ не принимаютъ мѣръ къ отстраненію себя и отдѣльныхъ своихъ членовъ отъ всякой опасности отъ болѣзней, огня, наводненій и вообще отъ дѣйствія природы. Отъ человѣческихъ обществъ мы требуемъ идеальныхъ совершенствъ, прощаю отдѣльнымъ лицамъ неосторожность ихъ и даже вину. Мы вполнѣ убѣждены, что могущество человѣческаго общества равно всемогущству внѣшней природы. Исторія нашей цивилизаціи—исторія побѣдъ, одержанныхъ обществомъ надъ природою.

Скажемъ наконецъ еще объ одной особенности, которая существуетъ въ физической жизни отдѣльныхъ людей, въ сравненій съ жизнью обществъ, и которая состоять въ кратковременности индивидуальной жизни. Еще Римлане говорили, что жизнь коротка, а наука продолжительна, *vita breve*

vis, ars longa, и до сихъ порь въ этомъ смыслѣ, мы жалуемся на скоротечность всего земнаго. Но теперь мы знаемъ, съ одной стороны, что вѣкъ Маеусала коротокъ для пріобрѣтенія необходимыхъ свѣдѣній, опытovъ и знаній, если это пріобрѣтеніе совершать собственными усилиями одного человѣка; а, съ другой, что въ самый короткій періодъ времени, можно въ обществѣ снабдить умъ человѣка такими средствами, при которыхъ человѣкъ становится весьма полезнымъ, замѣчательнымъ, благодѣтельнымъ дѣятелемъ въ человѣческомъ родѣ. Жизнь нашихъ обществъ почти вѣчная жизнь, и при томъ постоянно возвышающаяся надъ каждымъ даннымъ своимъ уровнемъ, такъ что съ каждымъ новымъ поколѣніемъ жизнь общественная дѣлаетъ но-

вый шагъ впередъ, а чрезъ то озаряетъ новымъ свѣтомъ жизнь своихъ наличныхъ членовъ, облагороживая, возвышая, развивая отдельные лица до предѣловъ собственнаго уровня. Вотъ почему, чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже появляются тѣ исключительно недосыгающіе высокіе и великие люди, полубоги, герои, богатыри, которыми переполнены первыя преданія, или первыя страницы истории каждого народа. Великость, благородство, великодушіе, самопожертвованіе становятся добродѣтелями и свойствами все болѣе и болѣе близкими ко всякому и каждому, и героизмъ дѣлается понятнымъ и доступнымъ для массъ. Такъ примиряется въ обществѣ печальная кратковременность частной жизни съ великостю человѣческой задачи.

II.

Мм. Гг.

Въ начертаніи той параллели, которую мы взялись превести между жизнью отдельныхъ лицъ и бытіемъ обществъ, мы доходимъ до сравненія духовной стороны этихъ человѣческихъ существъ, до сравненія души индивидуальной съ духомъ обществъ, или до сравненія проявленій души въ недѣлимыхъ и въ обществѣ. Душа! Но сколько теперь сомнѣвающихся въ самомъ бытіи души! И теперь ли только появились сомнѣнія? Когда же было время, въ которое все были согласны въ признаніи бытія за существомъ, котораго нельзя ни видѣть глазомъ, ни осознать рукою? Не находить ли наконецъ, что умноженіе сомнѣвающихся соразмѣрно съ развитіемъ образования въ странѣ? Весьма возможно, но также неудивительно, какъ умноженіе случаетъ грамотности, или частое появленіе средствъ въ изученію искусства читать и писать въ

данной странѣ, по мѣрѣ успѣховъ ея въ наукахъ, въ искусствахъ, въ развитіи высшаго просвѣщенія. Много сомнѣвающихся означаетъ, что много думающихъ, изслѣдующихъ, изучающихъ. Но не можетъ ли все это кончиться отрицательнымъ отвѣтомъ? Нѣтъ, за это намъ порукой служитъ человѣческое общество, его духъ, его жизнь, его вліяніе на отдельные лица. Сомнѣваются въ тѣлесности общества, уравнивая его въ этомъ отношеніи съ понятіемъ, съ фикცіей, вымысломъ; но не могутъ отрицать дѣйствій общественного духа и его проявленій, его разума, его воли, его принциповъ, или началъ. Духъ народа іудейскаго, греческаго, римскаго, англійскаго, французскаго, нѣмецкаго, русскаго, духъ Японцевъ, Китайцевъ, Американцевъ,—не простое выраженіе, не одни слова, а могущество, творящее историческія событія. Есть

духъ у государствъ, есть духъ у областей, у Корсики, у Ирландии, у Чехии, у Закавказья, Малороссии, Великороссии; есть свой духъ въ той другой губерніи, въ томъ другомъ уѣздѣ. Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. Есть духъ у армій, въ полкахъ, въ корпусахъ, въ закрытыхъ и не-крытияхъ заведеніяхъ, и притомъ часто почти въ буквальномъ значеніи, родъ атмосферы, которая можетъ измѣниться только вполнѣйшимъ разрушениемъ общества или учрежденія. Духовность общества необходимо поддерживаетъ увѣренность въ духовности недѣлимыхъ. Возраженія противъ бытія души, или сомнѣнія въ этомъ бытіи могутъ колебать то, или другое лицо, но, пока живъ духъ общества, признается жизнь индивидуальной души. Можетъ то или другое лицо сомнѣваться въ бытіи своей души, сколько его душѣ угодно, и между тѣмъ, живя въ обществѣ, оно подчинится требованіямъ своего общества жить, дѣйствовать, трудиться, существовать, под духовнымъ начальствомъ. Общество потребуетъ отъ него всѣхъ духовныхъ проявленій, развитыхъ познаній и возврѣній, честныхъ и добрыхъ правилъ, разумныхъ, человѣческихъ началъ въ жизни. Кажется, что человѣческое общество призвано также одухотворять отдѣльныхъ людей, какъ вѣшняя природа выражаетъ свою жизнь, творя недѣлимые организмы. Перейдемъ къ своему сравненію духовной жизни у недѣлимыхъ и у общества, начиная съ самого труднаго вопроса, о познавательной дѣятельности того и другаго изъ дѣятелей человѣческаго знанія.

Познавательная сторона индивидуальной духовной жизни обнаруживается во впечатлѣніяхъ, представленахъ, мечтахъ воображенія, въ дѣятельности памяти, разсудка, въ составленіи понятій, сужденій, умозаключеній, и наконецъ въ созданіи системъ и наукъ. Въ отличие отъ всего этого обще-

ство не знаетъ впечатлѣній, лишено всѣхъ неясныхъ представлений, не имѣть игры воображенія, недоступно для мечты и фантазіи. Общество прямо начинаетъ съ понятій, съ сужденій, съ принциповъ. Самая ложная представлена общества въ извѣстный періодъ его развитія, и самая фантастическая, сказочная его возврѣнія на предметы всегда имѣютъ видъ и достоинство общепризнанной истины, серьезной реальности. Ничего неорганическаго, или атомистического не теряется во вѣшней природѣ; ничего общаго, или выражающаго общий принципъ не исчезаетъ въ человѣческомъ обществѣ. Такимъ только образомъ жизнь недѣлимыхъ въ быту человѣческомъ не дѣлается безслѣдною, наполняя общество словами или понятиями, названіями и выраженіями, притчами и поговорками, пословицами и общими сужденіями, или сентенціями, сказками и пѣснями, изъ которыхъ общество постоянно удерживаетъ самое вѣрное, самое разумное, самое общее. И можно сказать, что, какъ въ природѣ, настѣ окружющей, существуютъ и дѣйствуютъ законы, которыхъ сознаніе составить науку въ объективномъ смыслѣ; такъ въ обществѣ живутъ и развиваются общія начала, которыхъ сознаніе родить для частнаго лица науку въ субъективномъ смыслѣ, или въ значеніе системы господствующихъ возврѣній на извѣстный отдѣль истинъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ и соображеній, для уясненія нашей мысли. Въ каждомъ обществѣ, есть свои местные наблюденія и свои опыты; напр. у приморскихъ жителей вѣками подмѣченные приливы и отливы, которые издавна вызывали жителей на объясненія, и давно уже возбуждали у общества мысль о связи этихъ явлений съ фазами луны, таъ что для ученаго построенія теоріи почва была давно приготовлена. У жителей горныхъ местностей также давно извѣстно, что

тѣмъ выше поднимается человѣкъ въ атмосфѣрѣ, тѣмъ ниже становится температура воздуха, тогда какъ у жителей равнинъ легко можетъ родиться ложное воззрѣніе на этотъ счетъ. Народы тѣхъ странъ, въ которыхъ живутъ обезьяны, львы и тигры, или въ которыхъ растутъ пальмы, бананы, лавры, навѣрное раньше ученыхъ сѣвера знали черты изъ образа жизни означенныхъ животныхъ и условія развитія названныхъ древесныхъ породъ. У разныхъ народовъ издавна встрѣчаются известные пріемы въ сельскомъ хозяйствѣ, которыхъ научное объясненіе составляетъ задачу специальныхъ ученыхъ, равно какъ у разныхъ народовъ издавна существуютъ известные средства врачеванія, которыхъ опредѣленіе вызываетъ вниманіе ученаго врача. Итакъ вообще опытныя науки во многомъ обязаны обществу, обществамъ.

Съ другой стороны, нельзя не согласиться, что у каждого народа есть свое особое направлѣніе ума, или свое призваніе, отъ чего происходит различіе участія и успѣха въ разработкѣ наукъ, со стороны различныхъ національностей. Это исторія наукъ, проявившихъ въ Греціи, Римѣ, или во Франціи, равномѣрно исторія ученыхъ направлений въ Англіи, въ Германіи. Извѣстно далѣе что въ одной и той же странѣ, но въ разныя эпохи, напримѣръ въ вѣкъ матеріальныхъ интересовъ почти вовсе не является ни поэтовъ, ни философовъ, ни ученыхъ, а только администраторы, или акціонеры, хотя не задолго передъ тѣмъ тамъ жили и могущественно дѣйствовали такие умы, какъ Шиллеры, Гёте, Гегели. И, конечно, не природа человѣка въ томъ виновата, а состояніе общества.

Что науки не плодъ однихъ частныхъ силъ и личной дѣятельности, это можно примѣтить до очевидности въ исторіи наукъ. Кто не знаетъ, что простой хронологиче-

скій разказъ о системахъ, построенныхъ въ преемственномъ порядкѣ отдѣльными учеными, не можетъ составить исторіи науки. При такомъ разѣзѣ, на всякомъ шагу встрѣчаются неясности, неполноты, перерывы и скачки, которые могутъ быть избѣгнуты лишь приведеніемъ разныхъ личныхъ системъ въ соотношеніе съ ихъ общую почвой, духомъ времени, общимъ состояніемъ образования, положеніемъ страны, настроеніемъ общества, и т. д.

Наконецъ не должно выпускать изъ виду современного явленія въ ученомъ движении Европы, гдѣ всѣми одинаково чувствуется недостаточность частныхъ отдѣльныхъ силъ для разработки наукъ, гдѣ поэтому учреждаются академіи и ученые общества, по всѣмъ частямъ знанія и гдѣ входитъ въ обычай ученыхъ составлять сѣзы, конгрессы и разнаго рода сближенія специалистовъ. Не раздѣленіе работы и умственного труда, а соединеніе и обобщеніе силъ служитъ теперь въ Европѣ обезпеченіемъ для успѣха и пропаганда науки и знаніе.

Столько же, если не болѣе услугъ оказываетъ общество, возбуждая и развивая вкусъ, частныхъ лицъ къ прекрасному и изящному. Вѣдь раздаются же — не станемъ скрывать событія — раздаются же по мѣстамъ возгласы въ родѣ того, что не нужно изящнаго, или: что въ вашемъ прекрасномъ? или: намъ подавайте только полезное, сытное, теплое, да необходимое. И отдѣльно взятый человѣкъ, почти естественно склоняется къ возможному ограничению своихъ потребностей, во избѣжаніе особыхъ силъ. Діогеномъ быть легче, нежели собственно человѣкомъ, устроющимъ свою жизнь удобно, уютно, согласно требованію человѣческаго достоинства, сообразно идеямъ изящнаго и прекраснаго. Но общество не дозволяетъ личности опуститься, пре-

— 9 —

следуя смехомъ и укоромъ всякое неряшество, всякую нечистоту, всякую грязь, и требуя отъ своихъ живыхъ членовъ вкуса и вкуса. Но вкусы частныхъ лицъ, начинаясь отъ впечатлѣній пріятнаго и не-пріятнаго, мягкаго и жесткаго, милаго и безобразнаго, естественно, не находить въ этихъ впечатлѣніяхъ никакой для себя нормы и ничего общаго, такъ что частные, отдѣльные люди не могутъ и спорить о своихъ вкусахъ, весьма разнообразныхъ. Собственно вкусы какъ развитое чувство изящнаго есть плодъ общества, общественной жизни, общественного воспитанія, и тутъ подлежитъ изученію, допускаетъ свою теорію, возвышается до принципа науки вкуса, или эстетики, откуда иногда переходитъ въ обязательные законы напр. относительно духовной музыки, церковной живописи, общественныхъ построеній, дохода даже до установлениія, указанаго понятія о безобразной, неприличной одеждѣ и т. д.

Но еще болѣе влиянія имѣть общество на религіозныя вѣрованія своихъ членовъ, не смотря на постоянныя ихъ возраженія. Отдѣльные лица ссылаются въ этомъ случаѣ то на свою естественную свободу вѣрованій, то на предполагаемую независимость своей морали отъ религіозныхъ воззрѣній. Но общность вѣры у данного народа такъ же мало нарушаетъ личную свободу какъ общность известной, для всѣхъ доказанной истины. Изъ того, что я вмѣстѣ со всѣми признаю существованіе міра и бытіе Бога, никакъ не слѣдуетъ, чтобы это признаніе было внѣшнею силою вынужденное признаніе. А что касается до положенія, что я могу быть добрымъ и даже добродѣтельнымъ, независимо отъ тѣхъ, или другихъ религіозныхъ вѣрованій; это положеніе опровергается исторіей, которая доказала и доказываетъ, что нравственность и мораль, въ ихъ свойствахъ, существенно раз-

личаются по различію исповѣданій языческихъ, магометанскихъ, христіанскихъ; следовательно, по различію общихъ началъ, или догматовъ вѣры, господствующихъ въ обществѣ. Наконецъ известно что отдѣльные лица данного общества могутъ вовсе не имѣть никакой религіи, тогда какъ мы не знаемъ общества, которое бы не признавало и не исповѣдывало божества. Безбожное общество невозможно, какъ не мыслимо общество безъ идей. Далѣе, чтобы не говорили о свободѣ личныхъ вѣрованій, онъ всегда носятъ опредѣленный, односторонній характеръ. О вѣрѣ отдѣльныхъ лицъ мы имѣемъ столько меткихъ народныхъ поговорокъ: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится; тотъ Богу не молился, кто на морѣ не бывалъ, или пожалуй аналогичное изреченіе, что тотъ усердно не молился, кто не былъ въ числѣ пассажировъ на Козловско-Рязанской чугунной дорогѣ февр. 8-го, и т. д. Такимъ образомъ происходитъ, что вѣра отдѣльныхъ лицъ есть вѣра въ Бога гнѣва, Сатурна, пожирающаго собственныхъ дѣтей, Юпитера Громовержца, Перуна, или Церкви съ подобными же атрибутами разрушительной силы, и т. д. И естественно: потому что у отдѣльныхъ людей возврѣніе имѣютъ основою ощущенія, а изъ этихъ ощущеній самое сильное, и безъ содѣйствія общества, самое частое— страхъ, боязнь смерти и опасеніе за жизнь. Когда же общество настолько окрупнѣтъ, что сможетъ защищать своихъ сочленовъ отъ дѣйствія внѣшней природы, да настолько разовьется, что сможетъ представить имъ въ своей исторіопыты счастливыхъ событий, напр. хоть, избавленіе отечества отъ нашествія Половцевъ, отъ ига монгольскаго, отъ усобицы междуцарствія, тогда естественно, божество представится и отдѣльнымъ людямъ, какъ Господь всѣхъ силь и всѣхъ благъ, согласно ученію христіанства, ученію, по

которому вѣра безъ дѣлъ мертвя, или, что тоже, дѣла наши и наша нравственность опредѣляются нашимъ исповѣданіемъ.

Переходя къ вопросу о нравственности лицъ, мы должны начать съ явленія, всѣмъ извѣстнаго, состоящаго въ борьбѣ, которую ведутъ въ нась духъ и плоть, истина и за блужденіе, добро и зло, изящное и безобразное. Причемъ не можемъ не отмѣтить, что въ исторіи встрѣчались нерѣдко глубокіе умы, благородные характеры, друзья человѣчества, рѣшавшіеся, единственно для возвращенія мира въ человѣкѣ, проповѣдывать безразличіе добра и зла, материализмъ и механизмъ. Для немыслящихъ, для большинства это была пѣснь сирены. Что же однако мѣшало, мѣшаетъ и будетъ вѣчно мѣшать успѣху такой проповѣди, которая по видимому сулитъ человѣку желанный внутренний миръ и искомую гармонію? — Общество, не говоря о другихъ причинахъ, самое бытіе общества, которое признаетъ реальность и право на господство только за истину, за добромъ, за прекраснымъ и достойнымъ человѣческаго духа, и признаетъ это право съ извѣстной силою и настойчивостію, съ извѣстнымъ авторитетомъ. Не чувствуютъ въ себѣ иные отдѣльные члены общества охоты держаться господствующихъ въ ихъ обществѣ моральныхъ началъ и воззрѣй; общество преслѣдуетъ ихъ своимъ смѣхомъ, неодобрѣніемъ, или негодованіемъ. Позволяютъ себѣ иные отдѣльные члены общества дѣйствовать и жить по правиламъ, которые противны принятымъ въ ихъ обществѣ началамъ; общество караетъ ихъ и наказываетъ по суду и приговору, при содѣйствіи государственной власти. Власть общества надъ лицами, въ этой сферѣ, несомнѣнно выказывается въ стѣдующемъ, общеизвѣстномъ фактѣ. Кто не замѣчалъ, какъ иной человѣкъ, самъ по себѣ и не очень правдивый, и не очень разборчивый

въ средствахъ, и не довольно честный, или благородный, разъ находясь предъ обществомъ, считаетъ своею обязанностію говорить и стоять за любовь къ истинѣ, за честность, за благородство, за великодушіе, за добро? И, это не школа притворства, обмана и лжи, а общественная дисциплина, при дѣйствіи которой, сначала человѣкъ, повнѣшнему побужденію, далѣе по привычкѣ, наконецъ же, раздумавъ, по собственному убѣжденію, становится сторонникомъ и защитникомъ добра, иногда же героемъ чести. Что ложь, грязь тѣла и всяческое зло и безобразіе притворствуютъ, прячутся, это есть уже, какъ сказалъ кто-то, первый шагъ побѣды, одерживаемой истиной и добромъ надъ дурными явленіями человѣческой жизни. Открытое, явное бытіе, это поле битвы остается за добромъ и истиной, благодаря силѣ общественной, народной морали. Прибавимъ, что народная, общественная мораль не есть только фраза; напротивъ во многихъ случаяхъ, это доказано, особый кодексъ нравственныхъ началъ. Такъ прощеніе обидъ есть добродѣтель частныхъ лицъ, неизвѣстная обществамъ: равно какъ пропаганда религіозная входитъ въ систему частныхъ добрыхъ дѣлъ, но отвергается обществами, которые разумно настаиваютъ на законѣ терпимости. Такъ далѣе, въ частномъ быту, экономія можетъ перейти въ скучность, и защищать поговоркой: кто скучъ, тотъ не глупъ, но общество презираетъ скучность, даже до снисхожденія къ расточительности. Наконецъ можно, предъ глазами общества, идеализовать разбойниковъ и никогда воровъ, душителей, карманныхъ мошенниковъ. Итакъ у народа есть своя мораль.

Мораль народа, мораль общества! Что же такое наша человѣческая совѣсть? Конечно, совѣсть каждого изъ нась имѣеть средства отличать добро отъ зла, побуждать нась

къ добру, отклонять отъ зла и наконецъ, какъ говорится, служить высокою наградою за добро, которое совершаешь. Но каждый изъ насъ очень хорошо знаетъ, что наша совѣсть сама подлежитъ развитію, воспитанію, возбужденію, и что кроткій голосъ совѣсти часто заглушается въ наше движеніемъ страстей, разсчетомъ, иногда простымъ неудовлетвореніемъ физическихъ нуждъ, голода, жажды, холода и т. д. Если же напротивъ къ этому кроткому голосу совѣсти присоединится общественное признаніе, одобрение, почетъ, тогда стимулъ къ добру становится всемогущимъ, и въ состояніи довести до геройского подвига иногда весьма мелкую душу. Такого чуда не можетъ совершить всемогущество государства, съ его внѣшними наградами, чинами, мѣстами, знаками отличія, и особенно потому, что эти награды государственные получаютъ свое истинное значеніе только отъ общества. При размѣрѣ, или дисгармоніи между воззрѣніемъ общества на поступокъ гражданина и сужденіемъ о томъ со стороны правительства, внѣшняя отличія часто могутъ содѣлаться выѣскою укора. Совершенно тоже должно сказать и о внѣшнихъ наказаніяхъ, гдѣ торговая казнь и вырванныя ноздри часто могли служить трофеями мученичества для лицъ, которыхъ, поведеніе одобрялось общественнымъ мнѣніемъ ихъ среди.

Общественное мнѣніе — вотъ выраженіе для той силы, которую общество господствуетъ, какъ надъ отдѣльными людьми, такъ и надъ цѣлыми царствами. Обыкновенно, эта общественная сила называется общественнымъ мнѣніемъ, хотя очевидно, это не столько мнѣніе, допускающее другія мнѣнія и сомнѣнія, сколько приговоръ, неотмѣнимое опредѣленіе, окончательное решеніе, безъ возможности апелляціи. Наши предки называли это голосомъ народа и гласомъ Бога, говоря напр. «а то и гласъ бо-

жій, что выборные говорятъ». Мнѣніе можетъ быть у васъ, у меня, у каждого свое, и это мнѣніе носить название частнаго, личнаго, отдѣльного мнѣнія; оно можетъ быть у многихъ изъ насъ и составлять мнѣніе меньшинства, большинства, и даже общее мнѣніе. Но ни мнѣнія отдѣльныхъ лицъ, ни мнѣніе большинства, ни даже мнѣніе общее всѣхъ лицъ данного общества не есть общественное имѣніе, которое составляется только обществомъ, принадлежитъ цѣлому обществу, безъ раздѣла между лицами, и безъ вниманія къ мнѣніямъ отдѣльныхъ наличныхъ членовъ. Общество старѣе наше, и остается постѣ наше, да и теперь имѣеть свои особы основы бытія, независимыя отъ нашихъ личныхъ воззрѣній, а потому его общественное мнѣніе не есть сумма, а нераздѣльная цѣлостность убѣжденія общества. Это рѣшеніе, по требованію господствующаго въ обществѣ принципа, и въ этомъ могущество и сила общественного мнѣнія для лицъ и для цѣлыхъ поколѣній и даже государствъ, правительствъ.

Думаютъ, что общественное мнѣніе возможно только въ обществахъ извѣстнаго развитія, выражается только классами извѣстнаго образования и положенія, развиваются только въ данныхъ эпохи народной цивилизациі. При этомъ конечно, имѣютъ въ виду извѣстныя, опредѣленныя мнѣнія общества объ извѣстныхъ, опредѣленныхъ вопросахъ и предметахъ, которые возникаютъ постепенно, съ развитіемъ общества и его исторіи. Но чтобы какое нибудь общество существовало безъ своего общественнаго мнѣнія, это немыслимо, потому что немыслимо общество безъ началъ, безъ убѣждений, безъ силы обсужденія, безъ идей. Во времена призванія у насъ Варяговъ, принятія христіанской вѣры, составленія и дѣйствія Русской Правды, Русь имѣла также свое общественное мнѣніе, какъ имѣли его

позднѣе государство новгородское, княжество Рязанское, Москва Иоанна IV, Петербургъ Петра Великаго и какъ нынѣ имѣеть свое общественное мнѣніе Россія и въ Россіи, каждый городъ, каждое село, каждая деревня. Безъ общественного мнѣнія были бы невозможны, въ старину, вѣча и земскіе соборы, а въ настоящее время, сходы и выборы; безъ общественного мнѣнія нѣть ничего общественнаго, нѣть общества. Слѣдовательно каждое лицо, находясь въ обществѣ, необходимо и постоянно состоить подъ контролемъ и водительствомъ общественного мнѣнія своего общества, своего народа, своей области, своего уѣзда, своего кружка, своей среды. И тутъ такимъ образомъ каждое лицо получаетъ значеніе опредѣленной личности, съ опредѣленною свободою, съ опредѣленными направленіями съ опредѣленными стремленіями къ развитію, съ опредѣленными цѣлями и средствами, или съ опредѣленными правами. По этому можемъ сказать, что человѣкъ въ обществѣ есть человѣкъ въ развитіи, человѣкъ настоящій, человѣкъ, разматриваемый въ области права.

Наконецъ, въ заключеніе нашей параллели между частнымъ лицомъ, отдѣльнымъ человѣкомъ и союзомъ человѣческимъ, обществомъ, должно было бы указать на различие, существующее между разумомъ и волею частныхъ, отдѣльныхъ лицъ и разумомъ и волею человѣческихъ обществъ. Но мы не должны выходить изъ предѣловъ, назначенныхъ для нашихъ членій, должны принять во вниманіе то нетерпѣніе, съ которымъ наша аудиторія ожидаетъ слѣдующей лекціи, и потому должны торопиться заключеніемъ своего изложенія. Это заключеніе можетъ быть выражено въ нѣсколькихъ выводахъ, и въ ихъ приложеніи къ явленіямъ ожидаемой этнографической выставки. Главный выводъ, который можно сдѣлать изъ

сказанного нами, состоить въ томъ, что господствующій, извѣстный всѣмъ дуализмъ человѣческаго быта не ограничивается общеизвестною двойственностью и притивоположностью тѣла и духа; но что онъ идетъ дальше и выражается въ несомнѣнной противоположности отдѣльныхъ лицъ и общества, въ противоположности, которую опускаетъ антропология и психологія, но которая играетъ въ исторіи, въ жизни и въ правѣ весьма важную роль. Отдѣльный человѣкъ, въ обществѣ, чтотѣло въ отдѣльномъ человѣкѣ, служить источникомъ и почвою для страсти, для всей ограниченности, слабости, узкости, для самолюбія, эгоизма, материализма, зла; напротивъ общество въ человѣческомъ родѣ есть тотъ же бодрый духъ, который является действующимъ въ отдѣльномъ лицѣ, созида и творя идеи, принципы, все разумное, и сообщая господство и силу идеализму и добру. Да такъ, что напр. только отдѣльные люди по легендамъ, видали дьявола, въ котораго Лютеръ долженъ былъ швырнуть чернильницей, и который никогда не смѣлъ явиться ни одному человѣческому обществу. Смыслъ нашей басни ясенъ и состоить въ томъ, что если, въ частной жизни, тѣло, эгоизмъ, материализмъ и зло большую частю господствуютъ надъ духомъ, совѣстю, разумомъ и волею отдѣльныхъ лицъ, то въ человѣческомъ обществѣ это господство напротивъ неотразимо принадлежитъ духу, идеализму и добру, и общество необходимо ведеть людей къ разумному развитію. Отъ того христианство построено на обществѣ, въ образѣ церкви, отъ того государство должно искать для себя основы въ обществѣ.

Общество ведеть людей къ ихъ человѣческому развитію, потому что имѣть силы и способности раждать, сознавать, творить разумные принципы, идеи, потому что эти принципы, идеи облечены въ обществѣ

всѣмъ могуществомъ истины и авторитета, и такимъ образомъ становятся ясными цѣлями, путеводными звѣздами, маяками для обществъ и для отдельныхъ лицъ, которые въ обществѣ не могутъ не чувствовать и не знать, для чего они существуютъ. Въ обществѣ, жизнь каждого человѣка получаетъ цѣну и значение отъ цѣли, указанной для человѣчества, и достигаемой въ данномъ обществѣ. Вѣкъ Сатурна, вѣкъ золотой не за нами, а впереди насы ожидаетъ, манить насы; мы къ нему стремимся, и въ этомъ нашъ прогрессъ, и въ этомъ наше развитіе.

Слѣдъ этого прогресса и развитіе есть исторія, — процессъ его — право, а документомъ, въ данное время, служать для него этнографія и подобная предстоящей этнографической выставки, выставки вызывающія разные вопросы о томъ, — какъ и почему. При общемъ взглядѣ на выставленные здѣсь въ Москвѣ предметы, фигуры, утварь, вооруженіе и т. п., вы глазами увидите, но въ миниатюрѣ, все русское государство и частію славянское общество, съ ихъ еще

весьма отдаленными задачами, относительно объединенія. При встрѣчѣ фигуры, представляющей цыганку, съ дитятей за плечами, вы невольно спросите у себя, какъ случилось, что доселѣ, среди цивилизованного міра Европы, встречаются не окаменѣлости, а живые экземпляры дикаго, кочеваго быта. При видѣ молящагося Еврея, вы, конечно, вспомните исторію народа, который всѣ тысячелѣтія своей жизни посвятилъ религіи, котораго преступленіе, съ точки зрѣнія христіанства, есть чисто религиозное, идеальное, и между тѣмъ явно, физически тяготѣть надъ племенемъ. На конецъ, встрѣчаясь, на выставкѣ, съ огнепоклонниками, эскимосами, самоедами, черкесами, медвѣжими поводчиками, поляками, бѣлоруссами, и т. д. и т. д., вы скажите себѣ: русская земля велика, разнообразна, и великорусскому племени и обществу предстоитъ трудная задача внести единство въ это разнообразіе, — единство духа, убѣженія, разумныхъ началь слова, закона и права, безъ чего не существуетъ свободнаго, народнаго единства.

В. Лешковъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫМЫСЛЫ НАШИХЪ ПРЕДКОВЪ.

Въ отношеніи къ Этнографіи, литература можетъ быть разсматриваема въ двоякомъ смыслѣ: или какъ материалъ для юной науки, то-есть, какъ одинъ изъ элементовъ народности; или — какъ пособіе для этнографіи, то-есть, какъ собраніе свѣдѣній и понятій, сохранившихся въ исторіи литературы и въ народныхъ преданіяхъ, о различныхъ племенахъ и народахъ.

Въ первомъ смыслѣ, особенно богатый материалъ для Этнографіи предлагаютъ словесность народная и языки. Языки — это первый и существенный знакъ народности: племена семитическая, индоевропейская, монгольская, отличаются не только по внѣшнимъ признакамъ тѣлосложенія, но и преимущественно по языку; потому въ церковнославянскихъ текстахъ слово языкъ означаетъ и даръ слова, а также и народъ, и языци — народы.

Народы, выступая на историческое по-прище, уже говорятъ каждый на своемъ языке. Устройство языковъ и ихъ развѣтвленіе по народностямъ — это первый великий шагъ человѣчества на пути исторического развитія. Наука не привела еще въ систему всѣхъ языковъ, существующихъ

на землѣ: по крайней мѣрѣ она успѣла разработать родственные нашему славянскому — языки индоевропейскіе, т. е. языки арійскіе, классические, кельтскій, нѣмецкій, литовскій; совокупное изученіе этихъ языковъ, приведенное въ систему, имѣется Сравнительной Грамматикой языковъ индоевропейскихъ. Эта наука на основаніи самыхъ точныхъ данныхъ показываетъ — какъ взаимное средство сказанныхъ языковъ, такъ и индивидуальные особенности, которыми каждый изъ нихъ выдѣляется изъ общей родственной массы. Итакъ Сравнительная Грамматика предлагаетъ первыя основы для изученія національностей: и если существо каждого народа заключается въ его національности; то сравнительная грамматика должна составлять существенную, основную часть Этнографіи. А такъ какъ русскій языкъ есть одно изъ нарѣчій славянскихъ, то въ тѣсномъ смыслѣ, для познанія народности русской, необходимо положить въ основаніе Этнографіи Русской — Сравнительную Грамматику славянскихъ нарѣчій.

Национальные особенности образуются

въ теченіе историческаго развитія какъ бы изъ цѣлаго ряда словъ, одинъ на другой налагаемыхъ. Древнійшій слой, лежащий въ основѣ—это языкъ, который представляется уже въ полномъ своемъ устройствѣ, какъ только является народъ изъ мрака доисторическихъ временъ. Все богатство грамматическихъ формъ русскаго языка мы уже усматриваемъ въ древнійшихъ славянскихъ текстахъ перевода Св. Писанія, и притомъ въ большей правильности и чистотѣ и въ большемъ ихъ разнообразіи и обиліи. Дѣло доисторическаго периода—состояло въ решеніи великой задачи—создать самыя совершенныя формы языка.

На этомъ основномъ слоѣ народности налагается другой, столько же существенный. Это народная словесность, какъ выраженія вѣрованій, преданій, нравовъ и обычаевъ народа. Начала преданій, вмѣстѣ съ міѳологіей, восходятъ ко временнымъ доисторическимъ: они слагались вмѣстѣ съ образованіемъ языка; но потомъ—въ содержаніе народной поэзіи входятъ древнійшія историческая события, смышенія съ вымысломъ, въ которомъ народъ выражаетъ свои убѣжденія и взгляды.

Литература цивилизованныя, искусственная—есть принадлежность народовъ больше или менѣе цивилизованныхъ. Словесность народная, состоящая въ сказкахъ, пѣсняхъ, пословицахъ, причитаньяхъ есть достояніе каждого народа, и просвѣщенного и дикаго, такъ же какъ и языкъ.

Народы цивилизованные господствуютъ надъ первобытными своею искусственною литературой, какъ выраженіемъ успѣховъ человѣческаго разума; но могутъ уступить имъ въ словесности народной. Какъ необозримо высоко стоять надъ нашими Финнами напр. Французы, съ цѣлымъ рядомъ своихъ трагиковъ, нѣкогда плѣнявшихъ всю Европу, съ своимъ Вольтеромъ

и Руссо, которымъ когда-то преклонялся весь просвѣщенный міръ. За то Финны имѣютъ въ своей національной поэмѣ, подъ названіемъ Кѣлевала, такое великое произведеніе, равнаго которому по достоинству поэтическимъ никогда не знала Франція, и которое можно постановить наравнѣ развѣ съ поэмами Гомера или нѣкоторыми изъ эпическихъ пѣсенъ русскихъ и сербскихъ.

Точно тоже надобно разумѣть и объ языковѣ. Народъ можетъ стоять wysoko по своей цивилизаціи, и имѣть языкъ самый бѣдный, въ отношеніи грамматическому. Напримеръ, тѣ же Французы—едвали настолько превосходятъ насть русскихъ успѣхами цивилизаціи, на сколько мы превосходимъ ихъ грамматическимъ богатствомъ своего языка. Англійская грамматика еще бѣднѣе французской, но это не мѣшаетъ Англичанамъ стоять въ главѣ всего современаго просвѣщенія.

Какъ языкъ составляетъ въ народѣ общую принадлежность всѣхъ и каждого, такъ и народная словесность. И то и другое обязано своимъ происхожденіемъ не личному авторству, а цѣлымъ массамъ народа, цѣлымъ вѣкомъ и поколѣніямъ. Напротивъ того цивилизація создается успѣхами отдельныхъ личностей и искусственнымъ вліяніемъ. Языкъ и народная словесность создаются безсознательно, какъ бы по инстинкту, какъ поетъ птичка или какъ пчела созидаєтъ свой сотѣ. Цивилизація можетъ налагаться и насильственно, какъ напримѣръ—на Руси Петромъ Великимъ. Цивилизованныя, искусственная литература на столько опредѣляетъ характеръ народа, насколько она приближается къ особенностямъ народности, и потому сама по себѣ не имѣть прямаго интереса для этнографіи. Напротивъ того, словесность народная, точно также, какъ и языкъ, пред-

лагаетъ богатый матеріалъ для этой науки, потому что, какъ и языкъ, она опредѣляетъ физіономію народа также отчетливо и рѣзко, — какъ въ отношеніи тѣлесномъ — цвѣтъ кожи, форма черепа и другія примѣты.

Въ прежнее время интересовались только такъ называемыми образцовыми писателями, и произведение литературное цѣнилось по степени его искусственности, какъ отпечатки цивилизациі. Нашему времени принадлежитъ наука о народѣ, основанная на изученіи его языка и безъискусственной его словесности, въ связи съ вѣрованьями и преданьями. Это ученое направление соотвѣтствуетъ идиллі, которая ищетъ себѣ идеаловъ не въ роскошныхъ палатахъ, а въ бѣдныхъ хижинахъ, и открываетъ достоинство человѣка и на низшей ступени его развитія. Эта наука объ языкахъ и народной словесности какъ бы выполняетъ завѣщаніе знаменитаго мечтателя прошлаго столѣтія, Жан-Жака Руссо, который, заподозрѣвши искусственную цивилизацию, думалъ видѣть идеаль человѣчества въ его первобытныхъ, прирожденныхъ качествахъ. Какъ воспитанникъ этого мечтателя, разобщенный съ преданіями христіанской цивилизациі, создалъ свою миѳологію, такъ и эта наука знаетъ только народныя миѳологіи и игнорируетъ христіанство. Эта наука, уравниваетъ по интересамъ языка и народной словесности дикарь съ народами просвѣщенными — какъ уравниваются геніальный авторъ и пошлый поденщикъ въ ихъ трупахъ подъ ножемъ анатоміи. Опираясь на правахъ большинства, это уравненіе народностей — соотвѣтствуетъ политическому броженію нашего времени, и, какъ въ страшную эпоху переселенія народовъ — готово грозить новыми нашествіями варварства на европейскую цивилизацию.

Такова, ми. гг., въ общемъ своею характеромъ наука объ языкахъ и народной словесности, какъ существенная часть этнографіи. Для беспристрастного исторического взгляда, обозрывающаго судьбы всего человѣчества, это прочная основа, это незыблемый пьедесталь, на которомъ сооружается историческая пирамида цивилизациі; для агитатора и материалиста — это знамя невѣжественныхъ массъ, осаждающихъ плоды многовѣковой цивилизациі, — это прирожденные инстинкты, въ которыхъ совокупная дѣятельность толпы выражается по тѣмъ же безсознательнымъ законамъ, по которымъ муравьи строятъ свой муравейникъ.

Такимъ образомъ въ смыслѣ материала для этнографіи, русскій языкъ и народная словесность, въ полномъ своемъ составѣ служа выраженіемъ народности, могли бы предложить самое богатое содержаніе для цѣлаго ряда лекцій, назначаемыхъ для такой публики, которая болѣе или менѣе специально интересуется этнографіей. Но такъ какъ — это значило бы излагать всю исторію языка и все содержаніе народной словесности; то — я нахожу удобнѣе для одной лекціи — взять тему изъ моего предмета, по его отношенію къ этнографіи: то есть — какъ пособіе для этой науки, знакомящее насъ съ понятіями и представленіями нашихъ предковъ о различныхъ народахъ.

Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ составлялись въ древней Руси двоякимъ путемъ, или по преданію о сказаніяхъ своеzemныхъ, или подъ вліяніемъ чуждымъ, и преимущественно Византійскимъ. Своеzemныя сложенія древней Руси предлагаютъ смѣсь немногихъ историческихъ воспоминаній съ миѳологическими и поэтическими вымыслами. Источники Византійскіе, въ Патерикахъ, Хронографахъ, въ баснословномъ

повѣствованію объ Александрѣ Македонскомъ, въ разныхъ легендахъ апокрифического содержанія — кромѣ средневѣковыхъ представленій вообще—внесли въ понятіе древней Руси нѣкоторыя представленія изъ античнаго міра, напр., о сиренахъ, о кентаврахъ и т. п.

Самыя раннія представленія древней Руси сливаются съ чудовищными образами народной міеологии. Древнійшіе народы, выступившіе изъ мрака незапамятной старины въ воображеніи-нашихъ предковъ принимали колоссальные размѣры гигантовъ или великановъ, точно-также какъ и старшіе богатыри народнаго эпоса своимъ исполинскимъ характеромъ отличаются отъ богатырей младшихъ, по виду обыкновенныхъ уже смертныхъ, которые окружаютъ ласковаго князя Владимира. Преданія и другихъ народовъ основаны на убѣждении, что люди въ незапамятную старину — были иные, совершиеннѣе, выше ростомъ и сильнѣе. Это были величавые, исполинскіе праотцы и дѣды, отъ которыхъ идутъ измелчавшія поколѣнія внуковъ. Исторія рано примѣшивается въ иреданіяхъ къ эпическому, чудесному и баснословнымъ великанамъ даєтъ имена историческихъ народовъ. Такимъ образомъ, собственное имя народа-становится нарицательнымъ именемъ великана вообще. Такъ когда-то, очень давно Славяне столкнулись съ однимъ племенемъ чудского или скиѳскаго происхожденія, жившимъ между Волгою и Дономъ, и называвшимся Спали или Спален — и это историческое и собственное имя доселѣ осталось въ нашемъ языке — въ словѣ Исполинъ и знакъ вообще великантъ. У родственныхъ намъ Чеховъ — великантъ вообще — называется Обръ, а наши предки еще во времена лѣтописца Нестора называли Обрами цѣлый народъ, только народъ необыкновенный, исполинскій и разказывали, будто

эти Обре воевали съ Славянами и особенно тирианили Дулѣбовъ, запрягая Дулѣбскихъ женъ въ свои телѣги. Это преданіе, эпизодъ народнаго эпоса — нашъ лѣтописецъ заключаетъ такою характеристикой: «были Обре тѣломъ велики и умомъ горды, и Богъ истребилъ ихъ, померли всѣ, не оставивъ по себѣ ни одного Обрина: есть притча (т. е. пословица) въ Руси и до сего дни: погибоща аки Обре, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдка.» То есть — народы исполинскіе — во времена, когда сложилась эта притча — уже исчезли съ лица земли: они были давно и Богъ истребилъ ихъ, точно также, какъ не возвратно прошли времена старшихъ исполинскихъ богатырей.

Было еще одно историческое собственное имя народа, которое оставило по себѣ прочную память и въ русскомъ языке и въ поэтическихъ преданьяхъ нашихъ предковъ. Это Славянское племя — Велеты или Волоты, нѣкогда засѣявшіе побережье Балтійскаго моря. Волоты были могущественны и страшны для враговъ, и имя ихъ до позднѣйшаго времени сохранилось, какъ нарицательное въ смыслѣ великана вообще. Такъ въ переводѣ библейскихъ книгъ на русскомъзыкѣ въ XVI в. Францискомъ Скориною изъ Полотска, вместо исполинъ употребляется волотъ. Какъ богатыри нашихъ былинъ — перевелись будто бы отъ того, что превратились въ камни, т. е. въ утесы, или какъ по скандинавской міеологии — великаны превращаются въ громадныя горы; такъ и преданье о Волотахъ сохранилось на руси въ названіи высокихъ кургановъ — волотками.

Но этого мало. Русская старина знаетъ нѣкотораго богатыря и вѣщаго героя — по имени Волотъ Волотовичъ. Онъ былъ старшій и наиболѣшій изъ всѣхъ 42-хъ царей, будто бы съѣхавшихся на нѣкоторое

совѣщаніе. Смѣшивая доморощенныя вымыслы съ именами библейскихъ лицъ, народная фантазія заставляетъ этого Волота бесѣдоватъ съ царемъ и пеалмонѣцемъ Давидомъ, даже роднить его съ нимъ, такъ какъ будто бы на роду было написано царю Давиду Іессеевичу женить своего сына царя Соломона на дочери Волота Волотовича на Соломонидѣ Волотовнѣ.

Въ послѣдствіи великанъ Волотъ въ этомъ сказаніи замѣняется княземъ Владиміромъ, который ведетъ бесѣду съ царемъ Давидомъ Іессеевичемъ — что и послужило содержаніемъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ народныхъ стиховъ, извѣстнаго подъ именемъ стиха о Голубиной Книгѣ.

Чтобы вести параллельно поэтическія сказанія съ понятіями и представлѣніями нашихъ предковъ о народахъ, теперь слѣдуетъ упомянуть о народѣ, превращавшемся въ волковъ. Еще Геродотъ повѣствуетъ о народѣ Неврахъ, засѣявшихъ пространство, нынѣ занимаемое западною Россіей, будто бы эти Невры однажды въ годъ превращались въ волковъ. Согласно съ этимъ мы встрѣчаемъ одно изъ славянскихъ племенъ — по имени Вльци (т. е. волки) или Вълчи.

Повѣрія о превращеніи людей въ волковъ распространены у всѣхъ славянскихъ племенъ. Эти оборотни именуются Волколоками или волкодлаками и упирями (вампиръ). Слово о полку Игоревѣ свидѣтельствуетъ, что и князь Полоцкій Все-славъ — по ночамъ превращался въ сѣраго волка и рыскалъ по полямъ.

Литературнымъ путемъ занесено было въ древнюю Русь сказанье объ одномъ сверхъестественномъ существѣ, подъ названіемъ Китоврасъ (*хѣтхуросъ* = Центавръ), который не только входитъ въ сношенія съ Ветхозавѣтнымъ премудрымъ царемъ Соломономъ и удивляетъ его своею вѣщею

мудростью, но и похищаетъ у Соломона его супругу, и на ней женится. Китоврасъ былъ царь: обычай свой будто бы имѣлъ такой — днемъ царствовалъ надъ людьми, а ночью — превращался въ Китовраса — и царствовалъ надъ звѣрьми: «а по родству — говорить сказаніе — Китоврасъ былъ братъ царю Соломуону.»

И такъ, ми. гг., мы видимъ, что сама библейская исторія усвоилась нашими предками, окруженнаго фантастическимъ обаяніемъ эпического чудеснаго. Премудрый царь Соломонъ женился на дочери великана Волота, вѣроятно тоже великана же, и имѣть себѣ братомъ оборотня — Центавра, который по ночамъ царствуетъ надъ звѣрьми.

И народная поэзія, основанная на миѳологии, и христіанское благочестіе воспитанное легендами — располагали средневѣковую фантазію къ необычайному и чудесному. Крайнее незнаніе законовъ природы укореняло и усиливало убѣженія въ необходимости сверхъестественного. Грубые умы должны были пробуждаться къ дѣятельности только мѣрами насилиственными. Надобно было поразиться чѣмъ-либо необычайнымъ, чудеснымъ, чтобы очнуться отъ опѣленія, чтобы заинтересоваться мыслию. Народы могли быть для грубаго ума занимательны не такіе, какъ всѣ обыкновенные люди, съ человѣческой головой, съ руками и ногами, а необычайные, какихъ у себя дома не увидишь, народы дивовища: «вѣдай — говорить (въ Славян. переводѣ) одинъ изъ знаменитыхъ средневѣковыхъ ученыхъ — Раймундъ Лулій: вѣдай, иже людіе разные образы плоти имѣютъ: есть земля, идѣже людіе рождаются съ песьею головою (т. е. съ собачьей); есть иные, гдѣ уши людямъ висятъ на плечахъ; есть, гдѣ рождаются люди о единой ногѣ великой и тою (ногою) закрываются отъ солнца, а бѣгаютъ вельми скоро безъ труда;

есть еще и такой родъ человѣческій, иже главы не имѣютъ, но очи, уста и прочія чувства въ грудяхъ носятъ.» — Въ Польшѣ — прибавляетъ отъ себя переводчикъ — въ Польшѣ недавно у Короля Иоанна III былъ Мишка человѣкъ (т. е. человѣкъ медвѣдь), въ лѣсу пойманъ, на рукахъ и ногахъ ползающій и не глаголющій ничего, но только ревуще, яко медвѣдь, косматый весь; на древо восходящъ: о которомъ всѣ разумѣли, еже отъ грудей матери взять бысть и вскормленъ отъ медвѣдицы: а по неже знаки являлися въ немъ разума и души человѣческой, крещенъ бысть.»

Средневѣковое богословіе особенно затруднялось решеніемъ вопроса, надъ которыми изъ этихъ дивовицъ или чудовицъ подобаетъ совершать таинство крещенія, какъ надъ людьми, и надъ которыми не подобаетъ. Для того слѣдовало между дивовицами отличать истинныхъ людей, по существу человѣческому, отъ мнимыхъ, имѣющихъ только нѣкоторое человѣческое подобіе. — «Вѣдати подобаетъ — говорить также старинная рукопись — иже не всякое существо, образъ человѣка плотской имущее, человѣкъ есть. Сирены убо рыбы морскія, отъ головы до самаго чрева подобіе имѣютъ человѣка, но не суть истинный человѣкъ. Сказуютъ нѣціи, иже птицы райскія имѣютъ лица человѣческія, но не суть человѣки. Харпии женщины славныя поэтовъ не суть человѣки. Сатyри (сатиры) или лѣснaki косматыя подобны людямъ, и си не суть человѣки. Обезьяны, аще лицемъ, брадою и многимъ — человѣку подобны, но не суть человѣки. Не по плоти убо и изображенію, истиннымъ человѣкамъ подобному, но по разуму и по провидѣнію человѣкъ истинный познавается.» Впрочемъ, такъ какъ всякая тварь поклоняется своему творцу, то по убѣжденію сувѣрной старины, и сирены, и сатиры и дру-

гія чудовища, вмѣстѣ съ людьми поклоняются Господу Богу. Такъ напримѣръ въ одной великолѣпной латинской рукописи библейского комментарія Николая de Lira, украшенной изящными миниатюрами XV в., въ Амброзіанской библиотекѣ въ Миланѣ (въ листѣ, № В, 40), на первой миниатюрѣ, по сторонамъ — изображено сотвореніе мира, а въ срединѣ — всякая плоть поклоняется Господу Богу, воссѣдающему на облакахъ: поклоняющіеся ему собирались внизу, на землѣ — это всѣ люди, и самъ Папа съ Императоромъ, и Короли, и духовенство, и воины — и по сторонамъ этой толпы на право и на лѣво — поклоняются Господу Богу дивовища, на другой сторонѣ Сирена съ рыбьимъ хвостомъ, а на другой козлоногій Фавнъ и Центауръ или — по нашему китоврась.

На западѣ баснословныя свѣдѣнія о чудовищныхъ народахъ распространялись не только въ рукописяхъ вплоть до самого изобрѣтенія книгопечатанія, но и въ старь печатанныхъ книгахъ XVI столѣтія, а унасть на Руси — особенно господствовали въ XVII в. и перешли въ народныя лубочные изданія позднѣйшаго времени.

Главнымъ источникомъ для этихъ сказокъ была баснословная исторія объ Александрѣ Македонскомъ, во множествѣ прозаическихъ и стихотворныхъ передѣлокъ, распространявшихся и на западѣ и на востокѣ. Будто бы въ своихъ завоевательныхъ походахъ по отдаленнымъ странамъ македонский герой встречается цѣлые народы всевозможныхъ дивовицъ: «Александръ же царь къ востоку пойде, и ту въ земли той множество языкъ безсловесныхъ, скоти дикии и звѣри человѣко-образны. И тако 10 дней ходили, и тутъ обрѣли дикихъ женщинъ и великихъ, всякая жена въ 3 сажени, и всѣ косматы, а космы аки свинья, очи же аки звѣзды, и напали онѣ на вой-

ско Александрово... въ другой землѣ обрѣлъ Александръ людей, и вѣрою только съ лошадь; и привели ихъ къ Александру, и многое принесли они въ ему меду и финиковъ, а тѣ люди птицами называются... и оттуда пошелъ Александръ въ землю людей исоглавыхъ (Кинокефалы): тѣ бо человѣци таковы: все тѣло ихъ человѣческое, глазы же песьи... Потомъ вошли на полки Александровы человѣцы — отъ пояса до главы человѣка, а отъ пояса внизъ — конь, исполнини нарицаются.» Александру Македонскому удалось увидѣть и Медузу или Горгону, Горгонью — какъ она называетя въ нашихъ рукописяхъ: «есть въ земли той ходяща дѣвица нарицаема Горгонѧ: имущи же лице и перси и руки человѣчески, а ноги и хвостъ имѣть аки у коня; на главѣ же ея, вмѣсто волосъ — змѣю,» — и подобно сиренѣ — привлекаетъ она къ себѣ и людей и животныхъ.

Но особенной важности былъ для средневѣковаго суевѣрія эпизодъ изъ той же баснословной исторіи, о томъ, какъ Македонскій завоеватель нашелъ народы нечестивые и поганые, которымъ не подобало осквернять человѣчество своими сношеніями съ прочими народами. Для того эти поганые народы Александръ Македонскій загналъ въ непроходимыя горы, которыхъ потомъ — по промыслу Божію — сами чудесно сокнулись, оставивъ только тѣсное ущелье, которое Александръ заперъ громадными мѣдными воротами, замазавъ ихъ особеннымъ цементомъ. Между этими народами были Гогъ и Магогъ. Въ послѣдніе дни, передъ страшнымъ судомъ — эти поганые народы освободятся изъ своего заключенія — пройдутъ по всей землѣ, и пожрутъ всѣхъ людей и кровь ихъ выпьють.

Новгородцы люди промышленные и бывалые и до того любознательны, что искали въ своихъ странствіяхъ — земного рая, —

они же еще въ XI в. открыли слѣдъ и этихъ поганыхъ народовъ Александра Македонскаго далеко на сѣверъ, какъ рассказывали имъ людѣ Югра, что будто въ неприступныхъ горахъ лукоморія — слышился кличъ кѣкѣй и великий говоръ, и какіе-то люди сѣкутъ ту гору и хотятъ изъ нея выйти, но не могутъ, и въ горѣ той просыпано малое оконце, и оттуда они моляться, но языки ихъ никому не понятень — и казжуть они на желѣзо и помаваютъ рукою, прося желѣза, и кто дастъ имъ ижъ или сѣкиру — платятъ ему звѣринными мышами. Когда одинъ новгородецъ повѣдалъ это нашему лѣтописцу — «я знаю, отвѣчалъ лѣтописецъ — это люди, заключенные Александромъ Македонскимъ: въ послѣдніе дни міра по повелѣнію Божію, эти скверные языцы освободятся и пройдутъ по всей землѣ.

Такимъ образомъ, баснословная исторія о Македонскомъ героѣ была неразрывно связана съ господствовавшими въ средніе вѣка представлѣніями о страшномъ судѣ. Басня переходила въ догматъ — и выражалась новымъ рядомъ затѣйливыхъ представлѣній. Наша старина полчище Гога и Магога представляла съ песьми головами, и внесла ихъ изображенія въ Лицевые Апокалепсисы, именно какъ эти чудовища пожираютъ святыхъ людей, передъ наступленіемъ Страшнаго Суда.

Согласно съ этимъ, по наставленію иконописнаго подлинника — въ изображеніи Страшнаго Суда — между народами, собранными передъ вѣчнаго судю — помѣщены не только Литва, Русь, Жиды, Арапы синые — но и Измаильянѣ песьи головы.

Средневѣковой фантазіи, отличавшейся непонятною для насть смѣлостію, стоило только сдѣлать одинъ шагъ, чтобы между народами-дивовицами, между великанами и несыми головами — открыть личности, сподобившіяся ореола святости.

Въ этомъ отиошениі, и на западѣ, и у насъ на Руси, такое назначеніе выпало на долю Св. мученика Христофора.

По западному преданію св. Христофоръ былъ великанъ и необыкновенный силачъ. Еще будучи язычникомъ, онъ искалъ себѣ самаго могущественнаго князя, чтобы быть въ его службѣ. Нашелъ одного, действительного храброго владѣтеля; онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ неустршимъ, но все же боялся черта и всякий разъ крестился, когда слышалъ его имя произносимое сканда-рохами въ пѣсняхъ. Узнавъ такимъ образомъ, что дьяволъ могущественнѣе того князя, Св. Христофоръ пошелъ искать дьявола, отыскалъ, и записался къ нему въ службу. Но вскорѣ увидѣлъ, что и дьяволъ страшится креста. Тогда св. Христофоръ отправился отыскивать самаго Иисуса Христа; и на пути встрѣтилъ пустынника, который наложилъ на нашего великана благочестивый подвигъ. Пусть онъ живеть при широкой и глубокой рѣкѣ и переносить въ бродъ всѣхъ прохожихъ — и такъ долгое время св. Христофоръ былъ перевозчикомъ или перенощикомъ какъ например Кій, отъ котораго будто получиль свое имя городъ Киевъ. Однажды является къ св. Христофору ребенокъ и проситъ его перенести черезъ рѣку. Великанъ сажаетъ мальчика къ себѣ на плечо, и, опираясь на цѣлое бревно, вместо посоха, идетъ въ рѣку; но ребенокъ вдругъ становится таѣль тяжель, что великанъ начинаетъ подъ его тяжестью изнемогать, даже чуть чуть не потонулъ; наконецъ черезъ силу перенесши его на ту сторону, и спустивъ на берегъ, ему говорить: «ну, дитя, совсѣмъ было ты меня погубилъ; ты такъ таѣль, что если бы на своихъ плечахъ я несъ всю землю, кажется, чувствовалъ бы менѣшую тяжесть» «Не дивись, Христофоръ, отвѣтствовалъ ему мальчикъ: потому что дѣй-

ствительно ты несъ на своихъ плечахъ не только весь міръ, но и того, то міръ сотворилъ: ибо азъ есмь твой Господь Иисусъ Христосъ». Потому то-это святой великанъ и былъ названъ Христофоромъ (т. е. Христо-носцемъ), а прежде имъ ему было Репробъ (Reproubus).

Нѣмецкіе ученые въ исполненіи тицъ Христофора видѣть слѣды миѳологическихъ личностей Бога Тора (нашего Перуна), или же миѳическихъ великановъ, Іотуновъ и Турсовъ, съ которыми этотъ скандинавский богъ дрался своимъ летучимъ молотомъ. Во всякомъ случаѣ — это исполинъ, какъ бы богатырь породы старшей, подобный нашему Святогору, который изнемогаетъ поднимая сумку съ тагою или таѣстью земли; какъ Христофоръ — по западнымъ легендамъ — понесъ бы на плечахъ весь міръ, но изнемогаетъ подъ великою тягою Предѣчнаго Младенца.

Въ соотвѣтствіе западному исполину — по восточнымъ сказаніямъ — Св. Христофоръ изъ необычайной породы дивовищъ, изъ народа съ песъми головами, изъ Кинокефаловъ. Въ печатномъ прологѣ, подъ 9-мъ ч. мая читается: Св. мученика Христофора: «и о семъ преславномъ мученикѣ глаголется нѣкое чудно и преславно, яко песю главу имѣше, отъ страны человѣкоядецъ (т. е. людоѣдовъ, какъ тѣ полулица Гога и Магога, которые передъ наступленіемъ Страшнаго Суда будуть пожирать народы; въ прологахъ рукописныхъ еще наивнѣе прамо сказано, что Св. Христофоръ — «песю главу имѣше — человѣки ядящи — т. е. пойдаль людей»). Дмитрий Ростовскій въ своихъ Четырехъ-Минеяхъ находить уже неудобнымъ приводить народныя легенды о Христофорѣ, какъ о великомъ, или какъ о дивномъ, и ограничивается только свидѣтельствомъ св. Амвросія, который повѣствуетъ о томъ, какъ Св.

Христофоръ обращалъ язычниковъ въ христианство и какъ потомъ претерпѣлъ мученическую кончину. Впрочемъ авторъ Четьи-хъ-Миней не отвергаетъ и не опровергаетъ сказанного въ прологѣ, потому что свое повѣствованіе объ этомъ мученикѣ заключаетъ такъ: «сія Амвросій святый написа о св. мученикѣ Христофорѣ: прочая же о немъ зри въ прологѣ.»

Наша иконопись съ давнихъ временъ усвоила себѣ изображать типъ св. мученика Христофора—въ воинскомъ одѣяніи, но съ песьею головою (а не съ лошадиною—какъ думаю), хотя такой странный типъ удерживается до позднѣйшаго времени, такъ что онъ встрѣчается даже въ печатныхъ святцахъ XVIII в., однако въ иконописныхъ подлинникахъ (т. е. наставленіяхъ для иконописцевъ) уже и въ XVII в. кромѣ типа съ песьею головою допускается и типъ обыкновенного воина, юноши, который, только въ видѣ атрибута держитъ въ лѣвой рукѣ отрубленную собачью голову, или же копье, которое дало отъ себя вѣтви и цвѣты потому въ подлинникахъ описываются оба эти типа такъ въ слѣдующихъ словахъ: «св. мученикъ Христофоръ: глава у него песья, во броняхъ, въ рукѣ крестъ, а въ другой мечъ въ ножнахъ; а индѣ пишутъ Христофора—младъ, аки Димитрій Солунскій» (т. е. какъ молодой человѣкъ въ воинскихъ доспѣхахъ).

Такимъ образомъ—начиная отъ древнѣйшихъ эпическихъ преданій и до произведеній иконописи XVII и даже XVIII в., мы встрѣчаемъ тѣ же смутныя понятія и фантастическая представленія о существѣ человѣка вообще и о народахъ. Старина была крѣпка памятью и вѣрна сама себѣ. Чудесное и чудовищное было для нея не только прикрасою въ поэзіи и въ архитектурныхъ орнаментахъ, но и основою всей нравственной жизни: потому-то эту суще-

ственную черту старины встрѣтили мы и въ этнографическихъ вымыслахъ нашихъ предковъ.

Какой же изъ всего сказаннаго выведемъ мы результатъ?... Что въ старину много было на Руси заблужденій и суевѣрій?—но кто же этого не знаетъ? для одного этого не стоило бы и заниматься исторіею быта и литературы.

Гораздо важнѣе для насъ то, что—какъ вы видѣли м. г., чудовищныя понятія о человѣкѣ господствовали въ нашемъ отечествѣ очень недавно, они были у насъ въ полной силѣ даже въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, когда на западѣ уже процвѣлъ вѣкъ Людовика XIV и когда Рафаэль, Лютерь и Шекспиръ вошли уже въ основу преданій цивилизованнаго міра.

Напротивъ того—чудовищные образы людей съ песьими головами и теперь еще мещущутся русскому простому народу, который такимъ образомъ—въ смутныхъ представленіяхъ—и доселѣ еще не умѣеть отдѣлить своего человѣческаго достоинства отъ нѣкоторыхъ, такъ сказать, звѣриныхъ элементовъ, которые пластически выразились въ этихъ дивовищахъ нашей старины.

Въ послѣднее время—распространилась было мода на популярныя для народныхъ школъ книжки, въ которыхъ проводились разныя материальныя тенденціи, какъ напримѣръ, что у человѣка вовсе нѣть души, отличающей его отъ животныхъ,—что отъ обезьяны до человѣка только рукою подать и т. п.

Если бы составители такихъ книжекъ по короче знали исторію и быть русскаго народа, то по малой мѣрѣ—посовѣстились бы свысока толковать народу о томъ, до чего доходилъ онъ и самъ самоучкою, по своимъ стариннымъ сказкамъ и по лубочнымъ картинкамъ.

Федоръ Буслаевъ.

ЗНАЧЕНИЕ ПЛЕМЕННОГО ХАРАКТЕРА ВЪ НАРОДНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

Предметомъ сегодняшней бесѣды м. гг., будеъ значение племенного характера въ народномъ хозяйствѣ. Народы трудятся и промышляютъ о своихъ нуждахъ, но каждый народъ живеть на извѣстной почвѣ, при извѣстныхъ климатическихъ условіяхъ, и вліяніе ихъ необходимо обнаруживается на его физическихъ и нравственныхъ свойствахъ. Ими объ условливается его характеръ и характеръ всей его дѣятельности, между прочимъ хозяйственной, а слѣдовательно и всего народнаго хозяйства.

Не буду входить въ подробности того громаднаго значенія, которое имѣть природа на человѣка. Предшествовавшія бесѣды исчерпали этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ. Отъ наблюдателнаго взора не можетъ укрыться вліяніе Географическаго положенія, климата, его сухости или влажности, вліяніе горъ, равнинъ на растительность, на животное царство и наконецъ на человѣка. Но какъ ни велико вліяніе окружающей человѣка природы, его не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать. Человѣкъ рождается при извѣстныхъ условіяхъ,

природа кладетъ на него свою печать, и и передъ нами являются породы съ строго определеннымъ типическимъ характеромъ, а сей послѣдній стоитъ за тѣмъ уже превыше всякаго вліянія климата, а нѣрѣдко даже условій цивилизациі. Гдѣ бы мы ни встрѣтили Еврея, подъ знаменемъ ли небомъ Испаніи или на пинскихъ болотахъ, на улицахъ ли римскаго Гетто или на нашемъ еврейскомъ подворьѣ, вездѣ сохраняютъ они свой типический характеръ, эту гибкость, живучесть и подвижность. Куда ни заброситъ судьба Англичанина или Нѣмца колониста, они всегда остаются вѣрны себѣ; Англичане и Французы, отдѣленные другъ отъ друга узкою полосою соленої воды, выработали себѣ каждый такія особенности, которые ни при какихъ климатическихъ условіяхъ не сгладятся. Флегматическій неповоротливый характеръ сѣвернаго Германца хотятъ объяснить климатомъ, неблагодарною почвою, сырьмъ воздухомъ, туманами, а между тѣмъ рядомъ съ ними и въ тѣхъ же климатическихъ условіяхъ, среди ихъ живутъ Поляки съ характеромъ беззаботнымъ, веселымъ,

племя легкомысленное, беззаботное, французы съвера, какъ они любятъ себя называть.

Великое значение всегда имѣли и имѣютъ въ судьбахъ народныхъ рѣчные области. Отъ рыбака, ставящаго свой шалашъ на берегу рѣки до большого торгового города съ дѣятельнымъ промышленнымъ населеніемъ, все это льнетъ къ рѣкамъ, и селится на нихъ. Государства основываются, крѣпнутъ и разносятъ цивилизацию по рѣкамъ. По Днѣпру, Волгѣ и Двинѣ танулись мы къ Черному, Каспійскому и Балтійскому морю, по Миссисипи, Огайо и Сусквеганнѣ двигались европейскіе колонисты. Не будь Волги, говорить одинъ замѣчательный волжскій промышленникъ, мы бы были Киргизами-кочевниками. Это такъ — значение Волги для всего нашего съверо-юговостока несомнѣнно, но только славянское племя, двинувшееся по Волгѣ, умѣло ею воспользоваться. Оно называло ее матушкой, кормилицей, золотымъ дномъ своимъ, усѣяло берега ея цвѣтующими богатыми городами, пустило по струямъ ея цѣлые флоты судовъ нагруженныхъ товарами, покрыло Волгу пароходами, тогда какъ прежніе обитатели и хозяева царственной рѣки или исчезли, слившись съ новыми пришельцами, или удалились въ дремучие лѣса, коснѣя въ старинныхъ формахъ хозяйства, или же кочуя по прежнему на необозримыхъ степяхъ съ своими стадами и табунами. Народныя особенности и различія племенаго характера зависятъ отъ природы точно также и характеръ и направленіе народной промышленности, но одно племя способнѣе къ хозяйственному развитію, крѣпче духомъ, настойчивѣе и упорнѣе въ трудѣ и скорѣе выходить изъ непосредственно надъ нимъ тяготѣющихъ оковъ природы, подчиняя себѣ послѣднюю т. е. научаясь ею владѣть и ея силами пользово-

ваться; другое не въ силахъ высвободиться изъ-подъ физическихъ условій страны, и пребываетъ или въ вѣчномъ застое или же въ постоянной зависимости и подчиненіи у другаго племени. Текущий Кабиль такой же сынъ пустыни какъ и Нумидіецъ временъ Югурты. Туже заунывную пѣснь поетъ въ своей кибиткѣ Монголь, также онъ кочуетъ какъ и его предки, современники Чингисъ-Хана. За каменнымъ поясомъ, за Рифейскими горами, отѣсненные все далѣе и далѣе русскимъ племенемъ, живутъ Богулы звѣроловы, также какъ и прежде жили, да и самый каменный поясъ до появленія Великоруссовъ былъ въ теченіе вѣковъ пограничной стѣной между двумя частями свѣта, за которую рисовала себѣ народная фантазія баснословныхъ чудовищъ, сквозь которую прорывались изъ рѣдка полчища дикихъ ордъ, вносившія гибель и опустошеніе въ восточную равнину, а теперь это одна изъ самыхъ богатыхъ и промышленныхъ мѣстностей Россіи и не далеко можетъ быть, то время, когда чугунными путами она свяжется съ нашимъ центромъ, опять таки потому, что явилось племя, съумѣвшее своею энергией и настойчивостью осилить самой природой противопоставляемыя преграды.

И такъ, им. гг., племенной, каждому народу прирожденный характеръ имѣть помимо природныхъ естественныхъ условій мѣстности великое значение въ судьбахъ народныхъ, а следовательно вліяетъ и на его хозяйственный бытъ. Суровый климатъ съверной полосы Европы безспорно отразился на ея обитателяхъ. Они не такъ страстны какъ южные Европейцы, гораздо хладнокровнѣе и менѣе живой одарены фантазіей, но взглядимся пристальнѣе въ Нѣмца и Финна, Шведа и Русскаго — развѣ они похожи другъ на друга какъ бы близко другъ подъ друга не жили. Одинъ народъ

можетъ быть просто отъ природы воинственъ; ни обстоятельства, ни сосѣди, ни-что его не вызываетъ на брань и на за-воеванія — но таковъ просто врожденный ему характеръ. Другой народъ отличается способностью и наклонностью къ торговлѣ и промысламъ и сравнительно со всѣми его окружающими народами перещеголялъ всѣхъ ловкостью и умѣньемъ вести свои торговыя дѣла. Въ лѣсахъ вдали отъ до-рогъ и водныхъ путей засѣли остатки фин-скихъ племенъ поволжскихъ, а оттѣснив-шие ихъ великоруссы прибрали къ своимъ рукамъ всѣ самыя бойкія мѣста, и по глав-нымъ трактамъ да по рѣкамъ занялись промыслами, торговлей и кто съ лубкомъ за спиной, кто съ топоромъ за поясомъ искрещиваются они всю Русь широкую, сходя-ть и въ Питеръ и на Сыръ-Дарью, и въ Ростовъ на Дону и въ Варшаву, попадеть иной и въ бусурманскій городъ, какъ по-пала разъ сузальскій богомазъ въ извѣст-ный своимъ фанатизмомъ персидскій гор-одъ Мешгедъ, гдѣ продалъ всѣ образа Георгія Побѣдоносца за Шійтскаго героя Рустема.

Почти всегда и вездѣ основные элемен-ты производства, которыми можетъ распо-лагать и располагаетъ извѣстный народъ опредѣляется свойствомъ и качествомъ на-роднаго труда и естественно зависить отъ его характера. Ни одинъ народъ не срав-нится съ Англичаниномъ или Американ-цемъ въ настойчивости и энергіи къ тру-ду; Нѣмецъ передъ всѣми отличается точ-ностью, Французъ изящностью работы.

Напрасно будемъ мы доискиваться въ произведеніяхъ англійской промышленно-сти изящества и вкуса; англійскій фарфоръ напр. превосходящій всѣ фарфоры добро-тою, далеко уступаетъ красотой формы и ри-сунка французскому; и всѣ фабричныя про-изведенія, которыя англичанинъ подразумѣ-

ваетъ подъ словомъ Fancy и гдѣ главную роль играетъ вкусъ, а не прямая польза, все это плохо въ Англіи и все ввозится изъ за-границы. Знаменитая *industrie parisienne*, снабжающая цѣлый міръ своими прекрас-ными изящными издѣліями, находитъ себѣ одинъ изъ обширнѣйшихъ рынковъ въ Ан-гліи. Въ Манчестерѣ, этомъ центральномъ пункте хлопчатобумажнаго производства на всѣхъ фабрикахъ найдемъ мы француз-скихъ рисовальщиковъ. Но за то англій-скій рабочій береть надъ всѣми рабочи-ми въ мірѣ верхъ своею неутомимостью, прилежаніемъ, стойкостью, выдержаною и постоянствомъ въ труде. «Мы слишкомъ часто повторяемъ», сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей Робертъ Пиль, что богатство Англіи вызвано ея неисчерпаемыми запа-сами желѣза и каменнаго угля. Напрасно. Величайшее сокровище Англіи состоитъ въ несокрушимой энергіи самого народа. Эта энергія не допускаетъ его бросать разъ начатаго дѣла и эта-то сила дала ей воз-можность создать великое государство, покорить Индію, царствовать на всѣхъ мо-ряхъ, и сдѣлаться всемирнымъ торговымъ рынкомъ. Когда парламентская комиссія задала фабрикантамъ вопросы относитель-но качества рабочаго труда въ Англіи и во Франціи, то одинъ англійскій мастеръ, работавшій на французскихъ фабрикахъ, такъ выразился о работѣ французской: it cannot be called coork, they do: it is only looking at id and esisching it done. Англійскаго рабочаго нельзя сравнить и съ нѣмецкимъ. Нѣмецкіе же фабриканты не могутъ безъ нихъ обойдти. Англійскій рабочій на фаянсовой фабрикѣ сработаетъ 360 дюжинъ тарелокъ въ недѣлю и полу-чаетъ 11 талеровъ, нѣмецкій 150 дюжинъ и зарабатываетъ въ недѣлю не болѣ 4%, талеровъ. Отъ того-то въ сущности работа во Франціи и Германіи обходится по об-

щему отзыву дороже нежели въ Англії, потому что вдвое нужно рабочихъ. Англійский поденьщикъ въ шиллингъ обходится дешевле ирландского въ ½ шиллинга, а далеко ли живеть Ирландецъ отъ Англичанина. Чѣмъ же это объясняется какъ не врожденнымъ характеромъ Англичанина и Ирландца. Отличительная черта Англичанина—это стойкость, трезвость мысли, разсудительность, здравый практический взглядъ на жизнь и на всѣ ея условія и врожденное отвращеніе отъ всякой неясности, неточности и неопредѣленности. Ирландецъ, пожалуй, и работящъ, но онъ и лѣнивъ, онъ домовитъ и въ тоже время легкомысленъ; расточителенъ и въ тоже время умѣренъ, съвыкнется съ недостаткомъ и легко выносить нищету. Онъ за все лѣгко берется и ни въ чёмъ нѣтъ у него выдержки, и онъ портить часто дѣло или чрезмѣрною стремительностью въ исполненіи и нетерпѣливостью, или же медленностью и лѣнствомъ.

Въ торговлѣ, въ промышленности, во всемъ складѣ народного хозяйства рѣзко выдаются особенности племенного характера. Кто не любить денегъ и кого не прельщаетъ довольство и обеспеченность жизни? но оба народы и Французы и Англичане любятъ деньги по своему. Только въ Англії да въ Америкѣ бѣдность срамна. «Куй себѣ деньги, писалъ Юніусъ известному издалию журнала Daily advertiser, сколько тебя на это станеть. Безъ денегъ нельзя быть ни счастливымъ, ни честнымъ.» Деньги даютъ въ Англії силу, значеніе, власть и независимость — это величайшее благо для Англичанина. Французъ любить деньги для наслажденія, и такъ какъ удовольствія и потребности въ разныхъ силахъ общества относительны, то простой rentier въ 600 фр. дохода, также счастливъ въ своей сфере какъ и rentier съ 10,000 фр.

Во французской палатѣ одинъ изъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей такъ опредѣлялъ торговлю: «C'est la science d'acheter pour trois sous ce qui coûte six et de vendre à 6 ce qui coûte 3.» Такое пониманіе торговли какъ великой цивилизующей силы слишкомъ узко. Великій торговый народъ съ широкимъ меркантильнымъ взглядомъ не обѣ одномъ только томъ заботится, чтобы выторговать копѣйку и потомъ копѣйку надбавить. Онъ хочетъ знать свои рынки и знать ихъ условія. Тѣсны становятся рынки, онъ новыхъ себѣ ищетъ, основываетъ колоніи, или умною торговою политикой связываетъ интересы едва выступающихъ на поприще международной торговли народовъ съ своими интересами. Въ этомъ отношеніи Англія взяла верхъ надъ всѣми торговыми націями, и захвативъ въ руки свои всю сѣверо и южно-американскую торговлю, возвысила себя съ лихвой за всѣ утраты на европейскомъ континентѣ. Именно въ дѣлѣ колонизаціи выказалось все превосходство англо-германского племени надъ романскимъ. Англійская, голландская колоніи цвѣтутъ и богатѣютъ, словно здоровыя чада здоровой матери и въ самихъ себѣ кроются зародыши будущей независимости, тогда какъ романскія племена умѣли только завоевывать колоніи, но не заводить и населять ихъ здоровыми рабочими людьми; и много истины въ известномъ изреченіи, что прокладывая пути, вырубая вѣковые лѣса и завода новое поселеніе Anglo-американецъ сооружаетъ храмъ Божій, но подгѣ заводитъ школу, типографію и банкъ, Французъ же въ своихъ поселеніяхъ — театръ, и кафе, да цѣлый легіонъ чиновниковъ, Испанецъ монастырь.

На нашей выставѣ собраны всѣ племена населяющія наше обширное, наше славное отчество. Ни одна страна въ мірѣ не можетъ представить такого разно-

образія племеніаго состава, столько разнообразныхъ типовъ, но ни одно не представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ такого крѣпкаго единства и такого многочисленнаго однороднаго ядра какъ Россія. Это ядро есть племя русское въ обширномъ значеніи этого слова—единственное, мощное славянское племя, единственный въ своемъ родѣ колонизаторъ. Но этою колонизаторскою способностью отличается главнымъ образомъ одна отрасль русскаго племени великоруссы. Отдѣльными толпами или Новгородской вольницей, срубавшей городки среди туземныхъ финскихъ племенъ или купцами, промышленниками являлись они, выбирали привольныя мѣста, селились міромъ, что весьма важно, ибо черезъ это сохраняли они крѣпко и непоколебимо свой народный характеръ и находились въ постоянныхъ непрерывныхъ связяхъ съ родимой стороной. Великорусское племя приняло въ себя естественно много чужой крови и не осталось племенемъ чистымъ, сохранивъ однакожъ преобладающій славянскій характеръ; но и это одно изъ тѣхъ счастливыхъ историческихъ обстоятельствъ, которое дается избранникамъ Вседержителя историческихъ судебъ, ибо существуетъ одинъ непреложный законъ, что только народы, происшедшиye изъ смѣшанія разныхъ племенъ, призваны играть великую всемірно-историческую роль. Создавъ же единственную сильную славянскую державу, создавъ литературу и не только литературный, но и одинъ изъ всемірно-торговыхъ языковъ, который давно уже ставить рядомъ съ языкомъ англійскимъ, какъ захватывающій въ область свою самую обширную послѣ Англіи торговую область, Великорусское племя имѣть полное право на значеніе всемірноисторического племени. Постепенное вымираніе или, лучше сказать, обрусеніе финскихъ племенъ, сихъ коренныхъ оби-

тателей сѣверовосточнай равнини, совершается на нашихъ глазахъ. Москва повалила ихъ, всѣхъ задавила, и упрямый рыжій Зирянинъ и Чудь бѣлоглазая и Мордва полоротая живьемъ закопалась, подъ землей пропала и ходить преданье по сѣверовосточнай Руси, что когда появилась въ лѣсахъ бѣлая береза, дерево царя бѣлаго, соорудила Чудь подкопы на стойкахъ, убрались туда со всѣмъ имуществомъ, подрубила стойки и погибла.

Общий всѣмъ финскимъ племенамъ и отличительный ихъ характеръ легко объясняетъ это явленіе. Твердость, спокойствіе, настойчивость, упрямство, неподвижность встрѣчаемъ мы во всѣхъ одинаковую. Они по преимуществу расположены къ земледѣлію и къ скотоводству и, благодаря неутомимому труду, терпѣнію и никогда не унывающему духу, они первые обработали негостепріимныя пустыни сѣверной лѣсистой равнини. Финъ, Вотякъ, Черемисинъ, Чувашинъ любятъ свой маленький мірокъ, куда бы не досягало до него постороннее вліяніе. У себя и воду пить изъ рѣшета лучше, чѣмъ пиво изъ серебряной кружки въ чужомъ дому, говорить Финъ. У нихъ все свое домашнее, начиная отъ пищи до одежды и до домашней утвари. Это исключительно сельскій народъ, ненавидящій города. Они и деревни свои строятъ гдѣнибудь подальше отъ бойкихъ мѣстъ. Гдѣ же было этому мирному племени бороться съ неистощимою оборотливостью великорусса, съ его расчетливостью, предпріимчивостью и готовностью на всякаго рода предпріятія. Великорусъ ненавидитъ этотъ покой; скучная пашня сѣвера не можетъ быть его міромъ, а для финскаго народа этотъ однообразный покой—высшее блаженство. И вотъ при тѣхъ же условияхъ, въ той же природѣ, одно племя богатѣеть, двигается впе-

редъ, промышляетъ, а другое рѣдѣеть съ каждымъ годомъ, и все ближе и ближе тотъ часъ, когда на всемъ обширномъ пространствѣ сѣверной, сѣверовосточной Россіи будетъ одна рѣчъ, одинъ говоръ, будетъ сидѣть одно племя, сложившееся изъ бойкаго, подвижнаго, гароватаго Великорусса и трудолюбиваго, неутомимаго, домовитаго домаства финскаго племени.

Взглянемъ теперь на великорусса въ его сношеніяхъ съ одноплеменниками Славянами, съ ближайшими своими братьями бѣлоруссомъ и малоруссомъ. Одна ли окружавшая населеніе природа или племенной типъ имѣлъ вліяние на условія быта и хозяйства обоихъ. Далеко ходить нечего: обратимся къ Смоленской намъ близкой губерніи и сравнимъ ея восточную и западную часть или же возьмемъ болѣе широкое пространство всей губерніи, гдѣ и Великоруссы и Бѣлоруссы живутъ вмѣстѣ. Въ населеніи восточныхъ уѣздовъ Смоленской губерніи видна удаль, изворотливость и предпріимчивость великорусского человѣка, и умѣніе найти средства для жизни. Онъ любитъ строиться на большихъ дорогахъ гдѣ легче заработать деньги, изба его красивѣе и удобнѣе, одежда щеголеватая. Все это измѣняется въ западныхъ частяхъ губерніи населенной вѣльми Бѣлоруссами, которые прячутся въ проселкахъ, терпѣливы и добродушны болѣе изъ неподвижности и лѣни нежели по сознанію. Бѣлый избы не рѣдкость въ селахъ великорусскихъ, почти диковинка въ бѣлорусскихъ деревняхъ. Пушной хлѣбъ ихъ обыкновенная пища, что для великорусса составляетъ величайшее лишеніе. Кафтанъ темнаго или цвѣтнаго сукна, всегда почти крашеная рубаха, шляпа или высокая московка или низкая сычевка, почти всегда сапоги — вотъ одежда великорусса восточныхъ уѣздовъ. Въ уѣздахъ бѣлорусскихъ вездѣ и во всемъ

блѣдый цвѣтъ, и блѣлая рубашка и блѣлый кафтанъ изъ непрашенаго сукна, и блѣлый войлочный колпакъ и почти исключительно лапти. Переѣдя же въ Могилевскую губернію, населенную почти силою бѣлоруссами, мы встрѣтимъ еще большую разницу между двумя родными братьями, и эта разница преобладаетъ всюду, гдѣ они только живутъ вмѣстѣ. Въ бѣлоруссѣ точно также, какъ и въ малороссѣ, мы больше замѣтимъ домовитости, что проявляется особенно въ заботливости устроить свой дворъ или окружить его огородомъ и садомъ; вездѣ видно желаніе имѣть все нужное для жизни у себя подъ рукою, но безъ риска, безъ продолжительныхъ лишений. Великоруссъ же является исключительно промысленникомъ и гдѣ только онъ соприкасается съ бѣлоруссомъ, въ тѣхъ уѣздахъ и бѣлоруссъ начинаетъ промышлять по немногу. И гдѣ бы не жилъ великоруссъ отдельно ли или цѣлой деревней, въ Литовскихъ ли губерніяхъ, въ Малороссіи, въ Остзейскомъ ли краѣ, вездѣ одинъ говоръ — это лучшій работникъ, лучшій мелкій торговецъ, садовникъ, рыболовъ и великорусская села въ Лифляндіи и Курляндіи самая богатыя зажиточная и русскій рабочій самый искомый и самый хваленый. Въ Черниговской губерніи на пространствѣ 1,000 почти кв. миль въ старой сѣверской странѣ — сошлились лицомъ въ лицу и живутъ другъ подъ друга три братскихъ племени: Великоруссы, Малоруссы и Бѣлоруссы. У малороссовъ дѣлѣмость семействъ, исключительное занятіе земледѣліемъ, но значительная доля домовитости, все свое непокупное кромѣ косъ да соли, ремесль почти никакихъ и сидѣть онъ себѣ трудолюбивымъ земледѣльцемъ на всемъ черноземномъ пространствѣ губерніи, чуждый всякой коммерческой и промышленной дѣятельности, а рядомъ съ нимъ и съ Бѣлоруссомъ, сохра-

нившимъ здѣсь въ чистотѣ свой типъ и свою сносивость всевиаго рода лишеніяхъ и притворство и апатичную безпечность, живеть въ Суражскомъ, Стародубскомъ, Новозыбковскомъ и Городнянскомъ уѣздахъ великорусъ слобожанинъ, народъ рослый, статный, красивый, съ окладистою бородою, совершенною противоположностью бритому малороссу и клинобородому белоруссу, смѣтливый, чрезвычайно трудолюбивый, бывалый и слишкомъ хорошо цѣлой Малороссіи извѣстный ходебщикъ и прасоль, вѣрный и на благословенной почвѣ Малороссіи вѣмъ своимъ привычкамъ, перенесшій сюда и свои щи, и свою телѣгу на высокомъ передкѣ, и весь свой коммерческий смыслъ. На правильныхъ степахъ новороссійскихъ сошлось уже нѣсколько славянскихъ племенъ, и малороссы и Болгары и великоруссы, и кромѣ ихъ молдаване. Условія и природы одни и тѣ же; живутъ они не рѣдко другъ подгѣ друга и во всемъ громадная разница. Упорно держится малороссъ своего стараго хозяйства, перенесенного имъ съ родины и отличающагося своею первобытностью; также плохо и скучно хозяйство Молдавское, и наоборотъ Болгары и Великоруссы явились здѣсь лучшими хозяевами. Они главные садоводы и огородники, они принесли сюда капусту, которая еще лѣтъ 30 тому назадъ была рѣдкостью. А условія одни и тѣ же были. Какъ же объяснить это различіе? развѣ не имѣть тутъ значенія племенной характеръ?

Въ нашихъ народныхъ сказкахъ царевичи и богатыри выѣзжаютъ изъ дома родительскаго людей посмотретьъ и себя показать и почти всегда возвращаются домой со славою, богатствомъ. Не символъ ли это великорусского племени, не представляеть ли собой каждый выходящій изъ роднаго села парень такого странника и труженика, оставляющаго родное село, от-

чій кровъ, чтобы или сложить буйную голову на чужбинѣ или воротиться домой съ достаткомъ, сдѣлаться богачемъ и основателемъ новой богатой купеческой фирмы на родинѣ или на чужбинѣ. Старая Суздальская земля — это типическая сторона великорусского племени, разсадникъ его торговыхъ предпріимчивыхъ людей. Четыре города, 40 слишкомъ сель и 99 деревень Владимірской губерніи это — родина оленской торговли и ходебщиковъ, этихъ главныхъ посредниковъ торговли, тучею налетающихъ на сибирскія губерніи, Финляндію, Малороссію, западный край, Оренбургъ, завода вездѣ связи, являясь со всякимъ товаромъ и готовые на все руки. Торговать и промышлять было нужно, чтобы добыть себѣ копейку, и подобно нашимъ бородатымъ извоющикамъ великорусскимъ, проложившимъ себѣ пути по всему пространству Россіи, — тогда какъ малороссъ чумакъ остался только при своей соли да рыбѣ, за которуюѣ здѣль въ Крымъ да на Донъ — промышленная энергическая суздала, этотъ типъ великорусса, а вслѣдъ за нею и жители другихъ подмосковныхъ губерній создали торговлю, создали и кредитъ — это самое могучіе орудіе промышленности, и притомъ одну изъ самыхъ высшихъ его формъ-кредитъ личный, благодаря которому продукты промышленности расходятся по всѣмъ концамъ развозимые и разносимые нашими оленями, ходебщиками отъ Владимира и Нижняго до Иркутска, Украины, Дона и Кавказа.

Пашней изъ за хлѣба на квасъ не за работаешь; топоръ кормилецъ всему дѣлу голова, отъ него щепки летятъ, подати оплачиваются. Не просить промыселъ хлѣба, а самъ кормить; — такъ говорить великорусъ и пестрыми узорами легла издѣльная промышленность на всемъ пространствѣ сѣверо-

восточной Руси и каждому городу, каждому посаду, каждой слободѣ или волости, пріурочилось какое нибудь ремесло или промысел и пошла имъ кличка на всю Русь. Уломцы гвоздари, Кимряки штукации и чеботари, Владими́рцы каменьщики; Юрьевцы китаешники; Сузdal'цы богомазы; Ковровцы кроbейники; Княгининцы шапошники; Семеновцы бацлушкини; Шуяне овчинники; Арзамазцы гусятники; Ветлужане саниники, Вичуговцы салфетники, Устюжане черносребренники, Тулякъ стальная душа — и мэлоли этихъ прозвищъ. Природа не дала благодатной почвы Великоруссу; она заставила его удастися въ промыслы, въ торговлю, ну а Бѣлоруссы и Финны рядомъ и вмѣстѣ съ ними живущіе — отъ чего же они не бросились съ такою же силой и энергией на заработки? Видно кромѣ виѣшнихъ условій окружающей природы кроется еще что нибудь иное въ самомъ характерѣ народа. И такъ велось изстари. Еще авторъ топографического описания Харьковскаго намѣсничества конца прошедшаго столѣтія говоритъ, что торговыи промыслы по всей Украинѣ примѣчательнъ, но что торговля есть домовая къ пристойному больше пропитанію, а не къ обогащенію располагающая, а Шафоцкій въ своемъ описаніи Черниговскаго намѣсничества говоритъ, что вся торговля въ рукахъ великорусскихъ купцовъ.

Кромѣ условій представляемыхъ природой и мѣстностью бываютъ и нравственныя причины, вліяющія на характеръ народа и на его хозяйство. Случается, что государственная власть вызываетъ къ жизни поселенія, вызываетъ и дѣятельность тамъ, где можетъ быть она естественнымъ путемъ и не возникла бы; судьбы историческая, нашествія, измѣненія въ торговлѣ,

прокладываніе новыхъ путей и оставленіе старыхъ, не могутъ остаться безъ послѣдствій на весь хозяйственный бытъ народа. Очень часто случается, что характеръ народа измѣняется и портится отъ дурного управлѣнія, эта порча переходитъ за тѣмъ на весь послѣдующій характеръ администраціи, и народъ доходитъ до того, что теряетъ всякое сознаніе возможности улучшения своего быта. Войны, голодъ, моръ, болѣзни эпидемическія, — все это бѣдствія преходящія; мать-природа сама стремится сторицею вознаградить бѣдствующихъ и пополнить пробѣлы, нанесенные ангеломъ смерти, и новая крѣпкія рабочія руки подрастающаго трудолюбиваго народонаселенія быстро и скоро собираютъ расхищенное и погибшее богатство; но произвольное дурное грабительское или, что еще хуже, глупое управлѣніе гибельно тѣмъ, что оно подкашиваетъ энергию и трудъ народный, подавляетъ способность къ бережливости, отнимаетъ всякую охоту къ улучшенію хозяйственного быта, т. е. задерживаетъ накопленіе капиталовъ — этой главной двигательной силы каждого хозяйства. Такіе примѣры у насъ не рѣдки передъ глазами и исторія часто намъ на нихъ указываетъ. Но и этого вліянія не слѣдуетъ преувеличивать. И здѣсь племенной характеръ проявляется во всей своей силѣ. Положимъ, что качества народного характера суть продукты его прошедшаго, его исторіи; но ведь и это прошедшее и его исторія, точно также какъ воспитаніе отдельного человѣка — это продуктъ врожденного народа характера. Въ одномъ и томъ же сообществѣ одинъ человѣкъ погибаетъ и грязнеть въ порокахъ, другой выходитъ и чистъ и невредимъ. Иной народъ изопьетъ всю горькую чашу бѣдствій и, закалясь среди горькихъ испытаній, сумѣеть вырваться на торную дорогу; другие не умѣютъ со-

хранить своей самостоятельности и раз-
свяные по всему лицу земли не въ пра-
вѣ винить только другихъ или враждеб-
ныя обстоятельства. Въ нихъ самихъ и во
всемъ складѣ ихъ характера кроется при-

чина ихъ бѣдствій. Но и они не безслѣд-
но проходятъ въ исторіи и сливаясь съ
другими болѣе счастливыми, болѣе крѣпки-
ми народами, вносятъ свою лепту въ об-
щую сокровищницу человѣческаго духа.

И. Бабстъ.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ДВИЖЕНИИ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ.

Мм. Гг.

Наука готовить роскошный пиръ; иначе нельзя назвать этнографическую выставку, задуманную обществомъ любителей естествознанія. Что же скажеть намъ наука этою этнографическою выставкою? Что скажеть намъ о Россіи, о нась самихъ, чemu научить? Что скажеть намъ этой пестрой сонмъ разнообразныхъ человѣческихъ фигуръ? Я счель своею обязанностю принять посильное участіе при разрѣшении этихъ вопросовъ.

Прежде всего остановить на выставкѣ пестрая кайма изъ разнообразныхъ народовъ на востокѣ, съверо и юговостокѣ. Теперь эта кайма узка; но въ стариину предки нѣкоторыхъ изъ этихъ народовъ были хозяева на великой восточной европейской равнинѣ, которую мы теперь называемъ Россіею. На два главныхъ отдѣла можно раздѣлить эти послѣдніе народы: одни съ незапамятныхъ поръ жили на великой равнинѣ, въ съверной и средней ея части, жили рѣдо, разбросавшись на огромныхъ пространствахъ, притаившись въ лѣсныхъ чацахъ среди озеръ и болотъ. Жили они когда-то здѣсь — вотъ

все, что можетъ сказать объ нихъ исторія; незамѣтно, не слышно они жили; незамѣтно, не слышно они исчезли изъ срединныхъ частей великой равнинѣ, оставивъ по ея окраинамъ свои образчики. Мордвинъ, чуваши, черемисинъ, зырянинъ, лопарь — вотъ эти образчики. Отъ ихъ настоящаго, легко заключить къ прошедшему, легко понять, почему не они унаследовали нашу землю. Они жили здѣсь, гдѣ живемъ теперь мы; отъ нихъ остались названія, слова; но дѣла ихъ не остались.

Отъ народовъ другаго отдѣла остались дѣла, записанныя въ исторіи; не тихо, не безъ движенія, не притаившись въ какихъ нибудь захолустьяхъ, прожили они свою жизнь. Напротивъ, они двигались съ неимовѣрною быстротою; и вѣсть объ ихъ движеніяхъ обхватывала ужасомъ народы; гдѣ пройдутъ — тамъ кровь и развалины; слыши они бичами Божіими, порожденіями злыхъ духовъ; дѣло ихъ — дѣло разрушенія, создать они ничего не могутъ; опустошивши все въ извѣстной мѣстности, они стремятся далѣе, какъ саранча. Такіе-то народы долго хозяйничали въ нашей странѣ, въ

южной, степной половинѣ, налагая тяжелую руку и на сѣверную лѣсную часть. Но они не воздѣлали земли и потому не унаслѣдовали ея. Къ наслѣдству былъ призванъ другой народъ, способный воздать плоды свои во времена своя. Грозныя орды, бичи Божіи, должны были бѣжать предъ нимъ въ дальнія степи. Въ пестрой каймѣ выставки мы найдемъ представителей потомства ихъ. Невольная улыбка является на устахъ при видѣ этого потомства и при сравненіи его значенія съ значеніемъ предковъ, страшныхъ бичей Божіихъ для Европы; но при этомъ сравненіи всего яснѣе обнаруживается значеніе того народа, который трудомъ, подвигами унаслѣдоваль себѣ великую восточную равнину, отнялъ ее у Азіи и возвратилъ Европѣ.

Всѣ исторические народы, эти добрые рабы, пріобрѣтающіе пятью талантами десять, трудомъ и подвигомъ воздѣлываютъ данную имъ землю, воздѣлываютъ въ обширномъ смыслѣ слова, подчиняютъ материальную природу вліянію своихъ духовныхъ силъ, своего разума, измѣняютъ природныя условія, улучшаютъ землю, даютъ ей новый видъ, — продолжаютъ, такимъ образомъ, дѣло творенія. Объ одномъ изъ западно-европейскихъ народовъ говорятъ, что онъ завоевалъ свою землю у моря: обратимся къ восточной Европѣ, къ нашей великой равнинѣ, и найдемъ, что нашъ народъ завоевалъ свою землю у моря, болѣе опаснаго болѣе бурнаго и разрушительнаго; у песчанаго моря — у стени, которая безпрестанно высыпала своихъ жителей, кочевыхъ хищниковъ, разрушившихъ все, созданное трудомъ осѣдлого европейскаго народа. Въ то время, какъ германскіе народы, поселившіеся въ областяхъ римской имперіи, получили богатое наслѣдство въ цивилизаціи древняго мира и, благодаря этому наслѣдству, получили на свою долю трудъ легкій, — нашъ

народъ получилъ страну громадную и двѣстенную, по которой не прошла история, которую нужно было завоевывать у дикихъ силь природы и у дикихъ народовъ.

Въ началѣ главная историческая сцена русскаго народа утвердилась на Днѣпровской степной Украинѣ, въ Киевѣ и около него, въ странѣ лучшей по природнымъ условіямъ, на равнинѣ, вблизи европейскихъ христіанскихъ собратій; на великомъ водномъ пути изъ сѣверной Европы въ южную, не далеко отъ Византіи, — однимъ словомъ въ обстоятельствахъ, очень благопріятныхъ для труда, для промысловъ, которыми русскій народъ долженъ былъ воздѣлывать данную ему землю. Но вотъ лѣтопись сообщаетъ намъ извѣстія, которая всего лучше дадутъ намъ понятіе о состояніи труда и промысловъ въ древней Киевской Руси. Наступаетъ весна, и князья съ своими дружинами должны собираться въ походъ на степныхъ хищниковъ — за чѣмъ? За тѣмъ, что безъ этого, если землемѣдѣльцъ выйдетъ въ поле на работу, то степной хищникъ подкрадется и убьетъ землемѣдѣльца, захватитъ его семейство и пожитки. Одинъ походъ въ степь конченъ; но дружина княжеская опять сѣдлаетъ коней, опять идетъ въ степь, по берегамъ Днѣпра; ей нужно спѣшить на встречу къ купцамъ, идущимъ изъ Греціи, иначе степные хищники разгромятъ ихъ. Искусственныя плотины противъ песчанаго моря, городки, которые строились на границахъ съ степью, мало помогали: хищники прорывались всюду и опустошали землю — «разносили розно русскую землю», по тогдашнему выражению; въ городахъ, какъ жаловались князья, жили псари да половцы. При такомъ положеніи дѣль, люди, склонные къ мирному труду, не могли оставаться въ странѣ, и вотъ, съ запустѣніемъ и ослабленіемъ юго-западной Руси, люднѣеть и

усиливается съверо-восточная — знакъ, что народонаселеніе отхлынуло отъ опаснаго сосѣдства съ степью въ болѣе суровую и бѣдную, но болѣе безопаснагу съверо-восточную лѣсную часть великой равнины. Здѣсь ждалъ русскаго человѣка громадный трудъ разчистви и воздѣланія нетронутой земли, покрытой лѣсами и болотами; но онъ не побоялся труда и покорилъ себѣ имъ суровую, упрямую съверную природу.

Между русскими людьми, занявшиими съверную лѣсную страну, и между русскими людьми, оставшимися на югѣ, на степной Украинѣ, скоро обозначилось различие и вмѣстѣ явилось между ними раздѣленіе занятій. Съ юга на съверъ, изъ степной въ лѣсную сторону шелъ тотъ русскій человѣкъ, который чувствовалъ стремленіе къ мирному труду; на югѣ оставался тотъ русскій человѣкъ, которому нравились опасности украинской жизни, эта безпрерывная борьба съ кочевниками, гулянья по широкому раздолю степи. Кромѣ такихъ людей, остававшихся на Украинѣ, сюда, съ теченіемъ времени, начали стремиться съ съвера люди, которые, по природѣ своей, не чувствовали склонности къ мирному труду, которымъ хотѣлось размѣять свое плечо богатырское, погулять по широкой степи, перевѣваться съ ея жителями. Отсюда въ древней Россіи, раздѣленіе ея народонаселенія на съверное, преданное мирнымъ занятіямъ, на земскихъ людей, и южное, украинское и степное казаковъ. Земскій человѣкъ работаетъ, онъ воздѣливаетъ землю, упрочиваетъ ея цивилизацию, вольный казакъ гуляетъ, полякуетъ (отъ поле — степь), но вмѣстѣ и сторожитъ степнаго хищника, дерется съ нимъ и пролагаетъ земскому человѣку пути на юго-востокъ и съверовостокъ; гдѣ кочевалъ степной хищникъ, или гдѣ впустѣ лежала благодатная земля, тамъ гуляетъ вольный

казакъ, а за нимъ является и земскій человѣкъ съ топоромъ, серпомъ и косою, съ своимъ воздѣльвающимъ землю трудомъ.

Такимъ образомъ, при этомъ раздѣленіи занятій между земскими людьми и казаками, европейская почва очищалась все болѣе и болѣе отъ заселявшихъ ее азіатскихъ кочевниковъ. Казаки, по обычаю и отыскивая, по ихъ выраженію, новыя земли, прошли всю съверную Азію вплоть до Восточнаго океана, за ними явились и земскіе люди, полагать начало воздѣльванію неизмѣримой и пустынной страны. Съ окончаніемъ этой дѣятельности, обѣ части русскаго народонаселенія должны были измѣнить свои отношенія. Легко понять, что господствующая роль должна была принадлежать земскимъ людямъ, ибо ихъ былъ трудъ воздѣльванія земли; они этимъ трудомъ унаследовали ее себѣ, они завоевали ее у дикихъ народовъ и у дикой природы для европейско-христіанской цивилизациі, они образовали крѣпкое государство.

Вольные казаки, гуляющіе по широкой степи, могли быть терпимы въ этой формѣ, пока широкая степь не понадобилась земскому человѣку для воздѣльванія. Казаки также должны были принять участіе въ этомъ воздѣльваніи съ одной стороны, а съ другой, сохранивъ свое историческое значеніе, составить вѣрное государству войско. Дѣло не могло совершиться вдругъ и безъ сильной борьбы. Люди, которымъ не нравился тяжелый трудъ земскаго человѣка, которые бѣжали на степной просторъ для вольного гулянья, для жития на чужой счетъ, эта голытьба, тянувшаяся постоянно въ степень безъ всего, плохо одѣтая и безконная, чтобы пріобрѣсти и платить, и коня въ борьбѣ съ чужими, а, за недостаткомъ чужихъ, и съ своими, — эта голытьба не откажется безъ борьбы отъ своей воли и отъ своей степи, отъ своего широка-

го гулянья. Она жестоко дала почувствовать земскимъ людямъ свою силу въ началѣ XVII вѣка, когда земля замутилась и разшатались основы государства; но земскіе люди, отуманенные сначала смутою, скоро оправились, очистили землю и восстановили государство; казаки должны были бѣжать назадъ въ степь. Во второй половинѣ XVII вѣка, подъ предводительствомъ Разина, они опять схватились съ государствомъ; но государство, несмотря на истощеніе силъ отъ тяжелой вицѣнной войны, оказалось сильнѣе казаковъ. Въ началѣ XVIII вѣка казаки подъ Булавинымъ снова поднимаютъ возстаніе на Дону и снова принуждены смириться предъ государствомъ. Это было послѣднее восстаніе казаковъ на Дону. Во второй половинѣ XVIII вѣка послѣдній казацкій бунтъ—пугачевскій; затѣянъ онъ донскимъ казакомъ, но не на Дону, а на самой дальней рѣкѣ на востокѣ, на Яикѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ эта степная борьба на великой равнинѣ, сначала съ кочевыми ордами, потомъ съ казацкою головью, отодвигается постепенно съ запада на востокъ и вмѣстѣ съ этимъ Европа распространяется на счетъ Азіи. Въ туже вторую половину XVIII вѣка, когда былъ послѣдній казацкій бунтъ, пугачевскій, перестала существовать на Днѣпрѣ запорожская сѣчь, вслѣдствіе столкновенія казаковъ съ земскими людьми. Земскіе люди, воздѣльватели земли, съ разныхъ сторонъ проникали въ степь, занимая ее для Европы, для цивилизациіи; Запорожцы протестовали противъ этого, требовали, чтобы степь оставалась степью, прежнимъ широкимъ раздольемъ для нихъ. Это требованіе, напомнившее XII и XIV вѣка, звучало слишкомъ странно во второй половинѣ XVIII: сѣчь была уничтожена на Днѣпрѣ, но она возродилась въ новомъ ви-

дѣ, согласно съ новыми потребностями, на востокѣ; въ Черноморѣ казакъ бытъ разведенъ съ земскимъ человѣкомъ. Въ то же время прекратила свое независимое существованіе послѣдняя хищная орда,—орда крымская, и южная часть великой равнинѣ была окончательно обеспечена для земскаго человѣка, для его труда, для цивилизациіи. Припомнить сказанное нами о состояніи Приднѣпровской Руси, степной Украины въ XII и XIII вѣкѣ; припомнить, какъ русскій человѣкъ, не находя здѣсь обезпечения труду, уступалъ мѣсто кочевому хищнику и удалялся на дальний сѣверъ, въ лѣсную сторону; здѣсь сталь твердою ногою, положилъ прочныя основанія государству, и отсюда сильный двинулся во все стороны, сметая передъ собою кочевыхъ хищниковъ, очищая европейскую почву отъ всего, что засоряло ее, мѣшало ея воздѣльванію; слѣдствіемъ этого движенія было то, что въ XVIII вѣкѣ русскій человѣкъ опять явился на югѣ, но уже полнымъ хозяиномъ, не боясь степнаго хищника; земледѣлецъ могъ пахать спокойно и купецъ безопасно вести свои товары.

Таковы были результаты движенія русскаго народонаселенія на великой восточной равнинѣ, того народонаселенія, которое унаследовало землю, воздѣльавъ ее для цивилизациіи, поливъ потомъ своимъ и кровью. Какъ послѣ долгаго ненастяя небо наконецъ проясняется, только на краю горизонта виднѣется тонкая гряда истощенныхъ облаковъ, которая уже не дадутъ болѣе дождя, такъ послѣ долгой непогоды, долгой и трудной борьбы, небо прояснилось надъ великой восточной равниной Европы,—и она представила намъ многочисленное сплошное русское народонаселеніе; только на краяхъ виднѣются разнообразные остатки иноплеменныхъ народовъ, ког-

да-то причинявшихъ нечастье нашей страны и странъ соседнихъ, но теперь безошибочныхъ, слабыхъ въ своемъ размельчении, слабыхъ въ своемъ красивомъ на этнографической выставкѣ разнообразіи.

Но кромѣ этихъ народовъ, въ которыхъ все обличаетъ чужое намъ племя, чужой быть, чужие нравы, чтѣ это за народы стоять по другую сторону нашихъ русскихъ людей, нашихъ великороссіянъ, малороссіянъ и белоруссовъ? Какія это народы: за чѣмъ они тутъ выставлены? нашей ли земли они люди? это нашей крови люди, наши братья — Славяне. Русская наука не могла устроить праздникъ и не позвать родныхъ, тѣмъ болѣе, что устройство русской этнографической выставки вмѣстѣ съ славянскою есть уже само по себѣ великое торжество науки. Издавна существовали эти народы въ Европѣ, различна была судьба ихъ, но въ одномъ была она сходна, — въ томъ, что была очень печальная; причина — отсутствіе сознанія о своемъ единствѣ, о своихъ силахъ, о своихъ средствахъ къ исторической жизни. По отсутствію этого сознанія нѣкоторые изъ славянскихъ племенъ на первыхъ же порахъ отреклись отъ самихъ себя, приняли чужую народность; другие сохранивъ въ массѣ свою народность, подпали чужому владычеству, занеслись въ чуждую сферу дѣятельности, служили чуждымъ цѣлямъ и интересамъ. Но для Славянъ настало, наконецъ, время пробужденія; въ нихъ начало обнаруживаться сознаніе о себѣ, какъ о великому цѣломъ, имѣющемъ свои средства къ исторической жизни. Не нужно много распространяться о томъ, какое значеніе въ пробужденіи и поддержкѣ этого сознанія имѣла Россія, эта единственная, независимая и сильная держава, единственная и полноправная представительница великаго племени. Не для

одного себя, следовательно, трудился русскій народъ, борясь съ страшными препятствіями, при воздѣлываніи своей громадной страны для цивилизациіи, завоевывая свою независимость политическую и нравственную, защищая ее и отъ востока и отъ запада, отъ бесерменства и латинства, по старому выраженію. Съ движениемъ русского народонаселенія соединялась будущность всего славянского племени, ибо племя для достойнаго исторического существованія, среди другихъ племенъ, должно достойно представиться, и славянское племя нашло это достойное представительство въ русскомъ народѣ. Въ этомъ народѣ славянское племя сознало свои силы, свои средства, свое величіе.

Но для полнаго просвѣтленія сознанія народовъ о самихъ себѣ, о своихъ средствахъ для исторического существованія, необходима наука. И наука явилась на помощь славянскому племени: она взрыла его прошедшее, чтобы просвѣтлить сознаніе о настоящемъ и возбудить надежды на будущее. Въ свою очередь счастливо будущее для нацъ русскихъ немыслимо безъ научнаго преуспѣянія. Не даромъ исканіе науки имѣть такое важное значеніе въ нашей исторіи, въ историческомъ движеніи русского народонаселенія. Наука дорога для нацъ, потому что мы ее добыли кровью, должны были ее завоевать; полтора вѣка завистливые сосѣди не давали намъ науки, отталкивали насъ отъ средствъ получить ее. Но народъ, развившій свои силы въ борбѣ съ препятствіями, не отчаялся и наконецъ, достигъ своей цѣли — добылъ науку. Тяжелымъ, чернымъ трудомъ и кровью онъ завоевалъ свою страну у дикой природы и у дикихъ народовъ, но только посредствомъ науки могъ воздѣлать ее въ достойное жилище великаго историческаго народа, который долженъ выразить свой

духъ въ этомъ воздѣланіи. Нѣтъ страны, которая бы болѣе нуждалась въ помощи науки, чѣмъ наша страна. Съ пробужденіемъ своего сознанія русскій человѣкъ, обозрѣвая на картѣ обширность своей страны, поражался этою обширностью и гордился ею. Наша Россія величайшее государство въ мірѣ! Но историческая наука, въ своемъ постоянномъ движеніи впередъ, охладила его восторгъ; она сказала ему, что дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ, не въ обширности страны, а въ ея выгодныхъ условіяхъ, благотворно дѣйствующихъ на развитіе силъ народныхъ; отсюда маленькая область Грекіи имѣеть въ исторіи значеніе по важнѣе, чѣмъ громадная Вологодская или Архангельская губернія. Исторія указала, что обширность русской государственной области была постояннымъ и могущественнымъ препятствиемъ, для государственного и народного благосостоянія, что разбросанность рѣдкаго народонаселенія по громадной странѣ отнимала у него силу, суживала горизонтъ, не внушала привычки къ общему дѣйствію, усиливала особность жизни и мелкость интересовъ, препятствовала необходимой быстротѣ государственныхъ отправленій. Не входя въ подробности, стоить указать только на то, что разбросанность рѣдкаго народонаселенія по необъятной странѣ рѣдкость рабочаго человѣка, переманка его отъ одного землевладѣльца къ другому, дѣлали невозможнымъ вольнонаемный трудъ и повели къ крестьянству. Наконецъ, обширность страны, составляющей особый міръ, дала такую многовѣковую, трудную работу русскому человѣку, что онъ только очень поздно, по окончаніи своей черной работы, получилъ досугъ и возможность сблизиться съ народами цивилизованными.

Итакъ нечего, повидимому, гордиться обширностію нашей страны; напротивъ, мн-

го причинъ тяготиться этою обширностію, какъ причиною многихъ и многихъ затрудненій. Но наука не любить поспѣшныхъ одностороннихъ выводовъ: наука не позволить безусловно восхищаться обширностію нашей страны; но она же не позволитъ и приходить въ отчаяніе отъ этой обширности; наука укажетъ намъ еще другую сторону дѣла.

Между страною и человѣкомъ, который въ ней живеть, существуютъ двоякаго рода отношенія. Вліяніе природныхъ условій страны на характеръ, обычаи и дѣятельность народа, въ ней живущаго; безспорно и особенно это вліяніе бываетъ сильно на первыхъ порахъ исторіи народа, когда онъ еще слабъ предъ природою. Но человѣкъ немедленно же начинаетъ съ нею борьбу, который идетъ болѣе или менѣе для него удачно, смотря потому, къ какому племени, болѣе или менѣе одаренному, принадлежитъ онъ. Если борьба идетъ удачно для человѣка, то уже онъ начинаетъ, въ свою очередь, подчинять природу своему вліянію, вліянію своей разумной силы, своей дѣятельности. Страна, вслѣдствіе этого, начинаетъ измѣняться свой видъ, свои природныя условия; особенно такое измѣненіе оказывается ощутительнымъ, когда среди народа начинаетъ процвѣтать наука. Тутъ-то особенно начинается настоящее, многостороннее воздѣлываніе страны, ея измѣненіе, ея подчиненіе разумной силѣ человѣка; тутъ-то начинается творчество его, какъ царя природы. Непроходимыя болота превращаются въ тучные пастбища, дремучіе лѣса просыпаются, теряютъ свое исключительное господство; гдѣ не было лѣсовъ, тамъ они являются искусственно насыженными; вредныя растенія и животныя исчезаютъ, полезныя акклиматизируются; съ воздѣлываніемъ почвы, съ уменьшеніемъ болотъ и лѣсовъ смягчается климатъ; наконецъ, пространства исчезаютъ вслѣдствіе

быстро́ты сообше́ній, созданною наукою. Высокія горы не составляютъ болѣе препятствій для сообше́нія, не особятъ народонаселенія: горы прорыты тоннелями, чрезъ которыхъ мчатся вагоны желѣзной дороги. По прошествіи извѣстного времени страну узнать нельзя; такъ измѣнилъ ее человѣкъ.

Но, вслѣдствіе возможности такихъ измѣнений, иначе ставится вопросъ относи́тельно страны. Обширность страны, безусловно взятая, есть условіе всегда выгодное; вредна она можетъ быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ: когда страна дѣ́ственная, нетронутая цивилизаціею, когда количество народонаселенія слишкомъ мало въ сравненіи съ обширностью страны, и когда это населеніе, по степени своего развитія, болѣе подчиняется природнымъ условіямъ, чѣмъ подчиняетъ ихъ себѣ. Но когда дѣло пойдетъ наоборотъ, когда, съ теченіемъ времени, обширная страна представила значительное и сплошное единоплеменное народонаселеніе, а главное, когда это народонаселеніе получило могущество въ наукѣ, когда, посредствомъ этого могущества, оно измѣняетъ природныя условія, уменьшаетъ, уничтожаетъ ихъ неблагопріятность, уничтожаетъ пространство: тогда, разумѣется, обширность страны явится своею выгодною стороною. Одинъ даровитый, хотя и увлекающійся иногда своимъ поэтическимъ чувствомъ, поэтическимъ талантомъ писатель Германіи, Риль, выразился, что у западныхъ европейцевъ нѣть будущности, потому что у нихъ нѣть лѣса; что будущность имѣютъ русскіе и сѣвероамериканцы, потому что у нихъ есть лѣса. Оставивъ въ сторонѣ оригинальность,— мысль, въ извѣстной степени, вѣрная. Риля беспокоить въ западной Европѣ отсутствие лѣса, какъ признака простора: человѣкъ

захватилъ уже все у природы, нечего больше взять; съ увеличеніемъ народонаселенія излишекъ его уже долженъ покидать страну и переселяться въ дальня, совершенно иная, совершенно чужія страны. У насъ, русскихъ, благодаря обширности нашей страны, много простора; намъ не нужно искать чужихъ странъ, новыхъ селищъ за океаномъ; наши владѣнія не за далекими морями, не населены сотнями миллионовъ, порабощенныхъ до поры до времени иноплеменниковъ; отъ Бѣлага моря до Чернаго и отъ Балтійскаго плюта до Восточнаго океана,— это все одна нераздѣльная сплошная Россія. Кто ее подѣлить? Кто осмѣлитъся прикоснуться къ ея нешвейной порфирѣ, сотканной природою и исторіею? Но чтобы пользоваться этими выгодами, надобно сознавать ихъ, а это возможно только посредствомъ науки. Наша будущность не въ лѣсѣ только, не въ просторѣ нашей неизмѣримой страны: наша будущность— будущность этой неизмѣримой страны, этой шестой части свѣта въ наукѣ. Наука уничтожитъ, или, по крайней мѣрѣ, уменьшитъ неблагопріятныя условія страны; наука укажетъ выгодныя условія, вскроетъ естественные богатства и дастъ средства пользоваться ими; наука уменьшитъ пространство, сблизить, сдружить русскихъ людей, усилить ихъ дѣятельность; наука вскроетъ прошедшее и уяснить настоящее; наука скажетъ намъ, кто мы, откуда идемъ, а следовательно, куда должны идти? Наука укажетъ намъ, кто подѣлъ насъ, съ кѣмъ мы должны имѣть дѣло? гдѣ свои и гдѣ чужіе, гдѣ друзья и гдѣ враги? Недаромъ наука дорого куплена нашими предками; почтимъ же ихъ трудъ, ихъ кровь, сохранимъ священное наслѣдство и будемъ достойны родительского благословенія,— благословенія трудомъ и наукою.

С. Соловьевъ.

О ВЕЛИКО-РУССКОМЪ ПЛЕМЕНИ.

Мм. Гт.

Позвольте занять нѣсколько времени бесѣдою о велико-русскомъ племени. Въ Москвѣ,—въ сердцѣ великой русской земли всего приличнѣе новести бесѣду объ этомъ предметѣ, и тѣмъ болѣе это прилично, что еще недавно большая часть западно-европейскихъ журналовъ и газетъ, по командѣ польскихъ эмигрантовъ, общимъ хоромъ утверждала, что мы Велико-Руссы, никто другой какъ Татары, Скифы, Финны, Тураны и чуть не Турки, даже хуже Турокъ, какія-то чудища оскверняющія европейскую землю. О всемъ этомъ даже читались публичныя лекціи, какъ говорять привлекавшія многочисленную публику въ Западной Европѣ. Да и въ настоящее время между западными европейцами еще много охотниковъ вѣрить всѣмъ подобнымъ толкамъ и рассказамъ.

Кто же мы Велико-Руссы? Что мы не Турки, не Татары, не Гунны, не какие-то Тураны, — это ясно какъ свѣтлый актъ, этому неумолкающей свидѣтель — исторія, этого не можетъ видѣть только тотъ, кто не будетъ смотрѣть, кто съ намѣреніемъ

зажмуриТЬ глаза отъ свѣта, кто съ злымъ умысломъ завяжетъ ихъ повязкой лжи: ни Татарскаго, ни Турецкаго, ни какого-то Туранскаго переселенія въ здѣшній край исторія не вѣдаетъ и его никогда не было на самомъ дѣлѣ. Вся азіатчина, которую польские крикуны навязываютъ намъ въ родоначальники и предки, или только держалась временно на южныхъ степныхъ окраинахъ нынѣшней Российской имперіи, или только проходила чрезъ русскія земли, не оставляя на нихъ слѣда. Такъ по лѣтописямъ извѣстно, что Обры или Авары временно владѣли Волынью, но они скоро прошли далеко на западъ за границы Русской земли, и тамъ древнійшій лѣтописецъ Несторъ сказать объ нихъ: «были Обры велики тѣломъ и умомъ горды,* и Богъ истребилъ ихъ, измерли всѣ и не осталось ни одного Обрина и есть притча въ Руси и до сего дни: «погибли какъ Обры, и нѣть ихъ племени ни наслѣдка.» Да Авары и не заходили въ здѣшнюю сторону, ихъ поприщемъ на Руси были только южные степные окраины и Волынь. Въ VII, VIII, IX и X столѣтіяхъ въ низовь-

ахъ Волги и Дона даже до Черного моря была сильная держава Хазарская; но Хазары не доходили до Оки, и слѣды ихъ въ двухъ трехъ урочищахъ не заходятъ далѣе Дона и Донца, да въ низовьяхъ Волги говорить еще объ нихъ утка казарка. Камскіе или Волжскіе Болгары известны и по нашимъ лѣтописямъ, и Арабамъ и Константину порфирио-родному, еще въ концѣ XIII столѣтія держались въ углу, образуемомъ Камою и Волгою и даже воевали съ Суздальскими князьями; но они поселились въ Суздальскомъ краю и поглощены или истреблены Татарами. Въ началѣ IX столѣтія въ придонскихъ и приднѣпровскихъ степяхъ появились Печенѣги и пробрались степями за Днѣпръ до Дуная; но они всегда держались съ своими кочевьями южныхъ степей и не доходили до Оки. Ока всегда оставалась непереходимъ рубежомъ для степныхъ кочевниковъ. За Печенѣгами въ придонскихъ и приднѣпровскихъ стенахъ явились Половцы, также протянувшіеся до Дуная; но и они въ Суздальскомъ и Рязанскомъ краяхъ не показывались. Здѣшнимъ краемъ вѣроятно прошли въ X столѣтіи только Угры или Венгры, Мадьяры, сродники Башкирцевъ; но и они только развѣ прошли здѣшнимъ краемъ, и нигдѣ здѣсь не останавливались и неоставили никакихъ слѣдовъ. Наконецъ въ первой половинѣ XIII столѣтія черезъ Болгарскую и Мордовскую земли пришли сюда Монголы и Татары, подъ предводительствомъ Батыя, и прошли вдоль и по перекъ здѣшней край, опустошили его и заставили Русскихъ платить дань Монгольскому хану; но они Монгольскихъ и Татарскихъ поселеній здѣсь неоставили, и напротивъ всѣ, дошедши только до Игната креста въ Новгородской землѣ, поворотили на югъ и раскинули свои кочевья въ степныхъ низовьяхъ Волги, Дона, Днѣпра

и Днѣстра до самыхъ береговъ Черного моря, или заняли старыя пепелища Казарь, Печенѣговъ и Половцевъ. Слѣдовательно не могли оставить даже и подозрѣнія о какомъ нибудь сродствѣ съ Русскими; Русские, будучи даже данниками Татаръ, всегда смотрѣли на нихъ какъ на поганыхъ, и ни та, ни другая сторона никогда не думали сближаться другъ съ другомъ. Да же клочекъ татарской орды, съ своимъ царемъ поселенный Московскими великими князьями въ Касимовѣ, до сего времени сохранилъ свой Татарскій типъ и не сроднился съ Русскими, хотя Касимовскіе Татары полюбили Петербургъ и ходятъ туда на заработки и даже живутъ тамъ по нѣсколько лѣтъ. О Туркахъ же и какихъ-то миѳическихъ Туранахъ, чтобы они когда-либо жили въ здѣшнемъ краѣ или проходили черезъ него, нѣтъ даже никакихъ слуховъ или сказочныхъ преданій, на которыхъ бы, хотя сколько нибудь, могли опираться горячечные бредни польскихъ эмигрантовъ. Такимъ образомъ вся исчисленная нами азіатчина, называемая польскими крикунами въ предки Русскому народу, ни въ какомъ случаѣ, по свидѣтельству исторіи, не можетъ быть причислена хотя въ какую-либо дальнюю родню не только Велико-Русскому племени, но и Малорусскому, жившему въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ южными степями. Да кромѣ недавнихъ Польскихъ крикуновъ и ихъ товарищей никто никогда и не думалъ называть намъ въ родню всю эту Азіатчину.

Напротивъ того всѣ европейскія преданія и свидѣтельства официальная и литературные искони, какъ только доходитъ память о здѣшнемъ краѣ, постоянно называютъ этотъ край Славянскимъ и Русскимъ и главныхъ жителей его Славянами и Русскими. Такъ Скандинавскія саги говорятъ, что здѣшний край принадлежалъ

Ильменскимъ Славянамъ или Новгородцамъ, и что Муромъ Сузdalъ, Ростовъ и Бѣлоозеро было богатыми Новгородскими колоніями съ своими отдельными правителями изъ Новгорода. Греки или Византійцы, какъ только вошли въ сношенія съ здѣшнимъ краемъ всегда называли его Русскимъ и народъ и князей Русскими. Тоже название здѣшнимъ жителямъ и князьямъ придаютъ Итальянцы: такъ Римскій папа Григорій IX, въ своемъ посланіи къ Владимиру-Суздальскому князю Всеvolоду Юрьевичу, писанномъ въ 1231 году, называетъ его Русскимъ княземъ и Суздальцевъ его подданныхъ Русскими людьми. Или папа Левъ X, въ своемъ посланіи къ великому князю Василью Ивановичу, писанномъ въ 1519 году называетъ его благороднымъ княземъ Москвы и Руси. Или Венеціанскій посланникъ Фоскарини, бывшій въ Москвѣ въ 1557 году, въ своемъ сказаніи о Московскомъ царствѣ говоритъ: «Руссія раздѣляется на двѣ половины, одна нижняя Литовская, а другая Бѣлая дальнѣйшая, Московская.... Москвитяне говорятъ по славянски, такъ же какъ Далматинцы, Богемцы, Поляки и Литовцы т. е. Бѣлоруссы.» А другой Венеціанскій посланникъ Тіополи, бывшій въ Москвѣ въ 1559 году, пишетъ: «Руссія великою рѣкою Днѣпромъ раздѣляется на двѣ половины, и одна изъ нихъ называется Москвіею.» Наконецъ въ начертаніи Москвіи, посвященномъ Кардиналу Алтіери въ 1672 году и писанномъ однимъ Итальянцемъ, скрившимъ свое имя, сочинитель, говоря о Западной и Сѣверной Двинѣ, первую называетъ Ливонскою, а вторую Русскою, значитъ Московскую страну, гдѣ течеть Сѣверная Двина, признаетъ Русскую землею. Такія же свидѣтельства о здѣшнемъ краѣ получаемъ и отъ старыхъ нѣмцевъ. Такъ посолъ Римскаго императора Герберштейнъ при М

сковскомъ дворѣ, хорошо и подробно изучившій всю тогдашнюю Русскую землю, въ своихъ превосходныхъ запискахъ, прямо называетъ здѣшний край Русскою землею. Онъ пишетъ: «изъ государей въ настоящее время управляющихъ Руссіею,— первый великий князь Московскій, который держитъ за собою большую часть Руссіи, второй великий князь Литовскій, и третій король Польскій, который въ настоящее время владѣеть и Польшею и Литвою.» А въ другомъ мѣстѣ у Герберштейна сказано: «всѣ народы говорящіе по славянски и исповѣдающіе греческую христіанскую вѣру, вообще называются Русскими, или по Латыни Рутенами, и до того умножились, что всѣхъ жившихъ между ними инородцевъ или изгнали или обратили въ русскихъ, такъ что всѣ въ настоящее время носятъ одно имя русскихъ.» Другой нѣмецъ Іоаннъ Фабръ въ своемъ донесеніи Австрійскому эрцгерцогу Фердинанду пишетъ: «Народъ, который мы въ настоящее время называемъ Московитами, по главному ихъ городу Москвѣ, издревле называются Русскими.» Отъ Англичанъ тѣже вѣсти о здѣшнемъ краѣ; въ донесеніи о путешествіи Ченслера въ Москву сказано: Москвія, она же и Бѣлая Руссія, обширнѣйшая страна сопредѣльная со многими народами.

Наконецъ и старые Поляки, предки вынѣшнихъ польскихъ крикуновъ, также называютъ здѣшний край Русскою землею, и здѣшнихъ людей Русскими людьми. Такъ архіепископъ Гнезненскій, Іоаннъ Ласскій, въ своемъ донесеніи, представленномъ Латеранскому собору въ 1514 году, исчисляя разныя племена Русскихъ, называетъ Москвитянъ Бѣлою Русью. Или польскіе лѣтописцы и историки XVI столѣтія пишуть о здѣшнемъ краѣ такъ. Матвей Миховій: «Московія, или въ просторѣчіи Москва,

главный городъ всей Бѣлой Руси, Московское государство есть обширнѣйшая страна, и по всей этой странѣ одинъ языкъ русскій или Славянскій.» Или Станиславъ Сарницкій прямо называетъ Москвитянъ Русскими людьми; онъ говоритъ: «когда Московскій князь Димитрій, въ день пасхи шелъ въ церковь,—такъ Русскіе называютъ храмъ Божій.» Знаменитый польскій историкъ Длугошъ-князей здѣшняго края Владимира Георгія, Переяславскаго Ярослава и Ростовскаго Константина называетъ Русскими вязьями, и здѣшній край Русскою землею и здѣшнихъ жителей Русскими людьми. Такъ описывая извѣстный Липецкій бой (1206 года), между Константиномъ Ростовскимъ и Георгіемъ Владимирскимъ, Длугошъ говоритъ: «и въ томъ сказываютъ пало болѣе десяти тысячъ Русскихъ.» (Lib. VI, pag. 602.) Александръ Гваныни, современникъ великаго князя Иоанна Васильевича IV-го пишетъ: «Московія, въ просторѣчіи Москва, обширнѣйший городъ, столица всей Бѣлой Руссїи, подвластной великому князю Московскому.» Или въ другомъ мѣстѣ Москвичей прямо называетъ Русскими людьми; описывая нравы современныхъ ему Москвичей говоритъ: «у Москвичей или у Русскихъ есть обычай ежегодно въ извѣстные дни заводить кулачные бои, гдѣ-нибудь за городомъ на открытомъ мѣстѣ; на эти бои сходятся какъ молодые такъ и пожилые люди, съ этихъ боевъ зачастую возвращаются полуживые, а бываютъ и убитые.»

Такимъ образомъ всѣ историческія и достовѣрныя извѣстія и Византійцевъ, и Арабовъ, и всей западной Европы, и даже лучшіе польскіе лѣтописцы и историки прежняго времени, отъ древнѣйшихъ временъ въ продолжительный рядъ вѣковъ, единогласно и постоянно свидѣтельствуютъ, что здѣшній край чисто Русскій край,

что Велико-Руссы чистые Славяне, что ихъ никто и никогда не причислялъ ни къ Финнамъ, ни къ Гуннамъ, ни къ Татарамъ, ни къ какимъ-то миѳическимъ Туранамъ. Слѣдовательно, по свидѣтельству самой же западной Европы, входившей въ сношенія съ здѣшнимъ краемъ и съ здѣшними людьми, и по свидѣтельству лучшихъ и достовѣрнѣйшихъ Польскихъ лѣтописцевъ и историковъ, нынѣшніе крики польскихъ эмигрантовъ съ товарищами о какомъ-то монгольскомъ и татарскомъ происхожденіи Велико-руссовъ есть ни больше ни меныше какъ горячечные бредни, ни на чемъ неоснованные и свидѣтельствующіе только о непомѣрной злобѣ современныхъ Поляковъ.

Доказавши всѣми достовѣрными свидѣтельствами и русскими и иноземными, что мы Велико-Руссы ни Гуны, ни Финны, ни Монголы, ни Татары, ни какие-то Тураны, а напротивъ Славяне и чисто Русскіе, теперь слѣдуетъ показать къ какому же племени Русскихъ Славянъ мы принадлежимъ, или какъ образовалось Велико-Русское племя и по чому получило свое название?

По свидѣтельству древнѣйшаго и достовѣрнѣйшаго нашего лѣтописца Нестора, близко знавшаго всѣ племена славянскія, въ глубокой древности занимавшія разные края Русской земли на всемъ громадномъ ея пространствѣ,—здѣшній край, т. е. земли Рязанская и Муромская, Сузdalская и Ростовская съ Бѣлымъ озеромъ принадлежали племени Ильменскихъ Славянъ или Новгородцевъ, которые еще въ доисторическія времена колонизовали этотъ край и построили въ здѣшнихъ дикихъ лѣсахъ между жилищами первобытныхъ здѣшнихъ обитателей, Мери, Веси и Муромы, свои славянскіе города Ростовъ, Бѣлоозеро, Сузdalь и Муромъ и населили ихъ своими же братьями Славянами Ильменскими. Слѣ-

довательно здѣшніе Славяне или Велико-Русы по происхожденію своему первона-чально принадлежать къ Новгородцамъ или Ильменскимъ Славянамъ. Новгородъ и, ка-жется, еще Смоленскъ, древнѣйшая Новго-родская колонія въ верховьяхъ Днѣпра, были первоначально главнымъ гнѣздомъ славянщины, изъ котораго постоянно на-пирали сюда славянскіе колонисты и по-степенно подчиняли себѣ и ославливали здѣшнихъ полудикихъ и робкихъ старожи-ловъ—Весь, Меря и Мурому.

Это свидѣтельство Нестора подтверждаютъ и Арабскіе писатели VIII, IX, и X столѣтій, которые единогласно говорятъ, что чрезъ здѣшнюю страну въ древности шла большая торговая дорога Новгородцевъ въ Камскую Болгарію и Хозарію, ко-торая естественно тянула сюда предпріим-чивыхъ и отважныхъ Новгородцевъ, и вы-двигала одну за другою ихъ колоніи въ здѣшній край, что бы ближе быть къ бо-гатымъ и важнымъ для Новгорода рын-камъ Болгарскому и Хозарскому, на ко-торыхъ Новгородцы пріобрѣтали себѣ Азі-атскіе товары, необходимые имъ для тор-говли съ Западною Европою и для соб-ственного употребленія, и сбывали Азіат-цамъ дорогіе мѣха и другіе товары пріобрѣтаемые на глубокомъ Сѣверѣ. Да и кро-мѣ торговли сюда привлекало Новгород-скихъ поселенцевъ богатство земли, обиль-нѣйшее сравнительно съ новгородскими болотинами. Дорого цѣня здѣшнее плодо-родіе, просторъ и приволье, богатые изъ Новгородцевъ при помощи повольниковъ, шнырявшихъ по здѣшнимъ рѣкамъ и рѣч-камъ, спѣшили захватывать земли изаселять ихъ своими ратниками изъ новгородцевъ же, надѣявшихся въ этой привольной странѣ, и при помощи своихъ покровителей богачей, удобнѣе устроить свои хозяйственныя дѣла. Такимъ образомъ здѣшній край еще въ

доисторической древности сдѣлался раздоль-емъ для новгородскихъ бояръ богачей,—или большихъ людей, которые на просторѣ именемъ господина великаго Новгорода безконтрольно владѣли здѣшнею землею; точно также, какъ впослѣдствіи они вла-дѣли въ привольномъ заволочьѣ, или въ сѣверномъ kraю орошаемомъ сѣверною Двиною, Онегою и Вислою; они тутъ строили свои города и селенія. Такъ что здѣшнія земли Веси, Мери и Муромы покры-лись сѣтью вотчинъ, или волостей, при-надлежащихъ новгородскимъ большимъ лю-дямъ, и болѣе или менѣе населились нов-городскими колонистами и приняли общес-твенный строй новгородскій. Здѣсь еще до прибытія варяго-русскихъ князей въ Новгородъ устроились свои старые города Бѣло-озеро, Ростовъ, Сузdalъ и Муромъ, гдѣ сидѣли правители, назначаемые новго-родскимъ вѣчемъ.

Съ приглашеніемъ Новгородцами Варя-го-Русскихъ князей въ 862 году христіан-скаго лѣтосчисленія, положеніе здѣшняго kraя нѣсколько измѣнилось; новгородское вѣче здѣшнія земли уступило въ непосред-ственное управлѣніе одному изъ пригла-щенныхъ князей Синеусу, который съ сво-ими Варягами-Русью и засѣлъ на Бѣль-озерѣ; а по смерти Синеуса здѣшній край перешелъ во власть князя Рюрика, кото-рый разославъ своихъ мужей съ ихъ Варяжскими дружинами, кого въ Ростовъ, кого на Бѣло-озеро, кого въ Суздалъ, кого въ Муромъ: и такимъ образомъ къ здѣш-нимъ старымъ новгородскимъ колонистамъ присоединились новые колонисты, Варяго-Русские; но разумѣется рядомъ съ старыми и новыми колонистами оставались здѣсь жить и здѣшніе старожилы Весь, Меря и Мурома. У Новгородцевъ не было въ обы-чаѣ истреблять старожиловъ, они только старались ославливать ихъ. По удаленіи Рю-

рикова преемника Олега изъ Новгорода на югъ, въ Киевъ, здѣшній край по договору Новгородцевъ съ Олегомъ остался за нимъ и его потомками, и такимъ образомъ окончательно отѣлился отъ Новгорода, и здѣшние старые новгородскіе колонисты, мало по малу, смѣшились съ новыми колонистами Варяго-Русскими, оставянили ихъ и составили съ ними одно цѣльное племя Варяго-Русско-Новгородское. И новгородскіе бояре, здѣшніе вотчинники, по отдѣлении здѣшней земли отъ Новгорода, сдѣлались вмѣстѣ съ Варяго-Руссами новыми пришельцами, главными владѣльцами здѣшнихъ земель, уже совершенно независимыми отъ Новгорода и полузаисимыми отъ киевскихъ князей, сюда никогда незаглядывавшихъ. И такъ прошло слишкомъ сто лѣтъ до того времени, какъ великий князь киевскій Владимиръ Святославичъ, принявши христіанскую вѣру, сталъ разсыпать своихъ сыновей по городамъ для введенія христіанства, и между прочими въ Ростовъ сперва отправилъ Ярослава, а потомъ Бориса, а въ Муромъ — Глѣба, разумѣется съ ихъ дружинами и священниками. Въ продолженіе этого столѣтняго периода здѣшній, первоначально финскій, край настолько уже былъ ославленъ, что при введеніи христіанства церковная служба уже совершалась на одномъ славянскомъ языкѣ, и не встрѣтилось неотложной надобности переводить церковныя книги на языкъ здѣшнихъ старожиловъ Веси, Мери и Муромы. По преданіямъ, сохранившимся въ народныхъ былинахъ, при Владимирѣ здѣшній край на столько уже былъ русскимъ, что выслалъ въ Владимиру чисто русскихъ богатырей Илью Муромца, крестьянского сына изъ Мурома, и Алешу Поповича — изъ Ростова.

Разсылка сыновей Владимира по городамъ здѣшняго края дала нѣсколько иное

направленіе здѣшней общественной жизни. Съ одной стороны главные здѣшніе города, Ростовъ и Муромъ, получили отдельныхъ князей, которые пришли сюда съ своими дружинами; дружины же сіи, приведенные изъ Приднѣпровья, конечно по преимуществу состояли изъ Полянъ и вообще Приднѣпровцевъ и Варяговъ, следовательно принесли пополненіе здѣшнему народонаселенію новымъ элементомъ приднѣпровскимъ, который разумѣется соединился съ здѣшними новгородскими и варяго-русскими поселенцами, и составилъ съ ними одно сплошное цѣлое. А, съ другой стороны, введеніе христіанства еще плотнѣе соединило здѣшнихъ разноплеменныхъ населниковъ единствомъ вѣры и дало рѣшительный перевѣсь славянскому элементу; ибо, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, христіанское богослуженіе и прошовѣдь и здѣсь, какъ и въ другихъ краяхъ Русской земли, совершились только на славянскомъ языкѣ. Но обильнѣйшіе плоды этого нового направленія мы увидимъ не ближе, какъ черезъ полтараста лѣтъ, т.-е. при внукахъ и правнукахъ Ярослава. Между тѣмъ, по смерти Ярослава, здѣшній край раздѣлился на двѣ половины и причислился къ двумъ приднѣпровскимъ удѣламъ ярославовыхъ сыновей, одна половина, именно: Муромъ и Рязань, досталась второму Ярославову сыну Святославу и была причислена къ Черниговскому удѣлу, а другая половина, Ростовъ и Сузdalъ съ Бѣлымъ озеромъ, досталась третьему Ярославову сыну Всеволоду и была причислена къ Переяславскому удѣлу на Днѣпрѣ. Оба князя по обычаю отправили въ здѣшніе города своихъ мужей для управления, а мужи также по обычаю привели съ собою свои дружины преимущественно изъ сѣверянъ, ибо и Черниговъ и Переяславль, гдѣ набирались сіи дружины, были города

Съверной земли, и такимъ образомъ къ населенію здѣшняго края примѣщался еще новый элементъ съверянскій, который постоянно пополнялся присылкою новыхъ княжихъ мужей съ ихъ дружинами также изъ Съверянъ.

При внукахъ и правнукахъ Ярослава здѣшній край опять, какъ и при Владимирѣ, получилъ своихъ отдельныхъ князей, которые уже передали здѣшнія княжества своимъ потомкамъ, какъ самостоятельные удѣлы, независимые отъ удѣловъ приධѣпровскихъ. Именно, въ Муромѣ и Рязани утвердился Ярославъ Святославичъ, выгнанный своимъ племянникомъ Всеволодомъ Ольговичемъ изъ Чернигова, и отъ него потомъ пошелъ родъ князей Рязанскихъ и Муромскихъ, а Ростовъ и Суздаль получили младшій Мономаховъ сынъ Юрій Долгорукій, отъ которого произошли князья суздальскіе и ростовскіе. Образованіе отдельныхъ и самостоятельныхъ княжествъ въ здѣшнемъ краю дало тотъ толчекъ жизни здѣшнихъ поселенцевъ, который поставилъ ихъ довольно высоко между прочими русскими племенами, и далъ возможность рѣзко выказаться тѣмъ характеристическимъ чертамъ, которые были подготовлены предшествовавшими смиреніями поселеній и составили свой самостоятельный чисто русскій типъ Велико-Русскаго племени. Но дѣло полнаго составленія Велико-Русскаго племени на этомъ неостановилось. Великіе устроители и насадители здѣшняго края, князья Юрій Долгорукій и сынъ его Андрей Боголюбскій, настроили здѣсь множество новыхъ городовъ и насозывали сюда жителей со всѣхъ русскихъ краевъ, и изъ Съверской стороны, и изъ Киевской, Смоленской и Волынской, неговоря уже о Новгородцахъ; такъ что въ это время Ростовско-Суздальская земля сдѣлалась настоящимъ гнѣздомъ всѣхъ возможныхъ рус-

скихъ колоній. И всѣ сіи разнородные колонисты подъ общимъ именемъ Суздальцевъ сдѣлались первенствующимъ и сильнѣйшимъ народомъ на Руси и вся чисто русская жизнь во всемъ своемъ разнообразіи потянула въ Суздальщину.

Время князей Юрія Долгорукаго и Андрея Боголюбскаго было временемъ громаднаго переворота въ здѣшнемъ краю,— Ростовско-Суздальская земля, доселѣ какъ бы забытая князьями и носившая еще характеръ Новгородской колоніи, состоящей почти подъ исключительнымъ господствомъ мѣстныхъ бояръ — богатыхъ землевладѣльцевъ, вдругъ по волѣ энергическихъ князей должна была принять иной образъ, сбросить форму колоніи и подчиниться новымъ порядкамъ владѣнія, независимаго, самостоятельного, съ своими сильными князьями. А по сему естественно люди, бывшіе могущественными при старыхъ порядкахъ, должны были вступить въ борьбу съ нововведеніями, ограничивавшими ихъ своеоліе. И дѣйствительно, дошло до насъ нѣсколько темныхъ и запутанныхъ преданій о борьбѣ здѣшнихъ старинныхъ богачей — землевладѣльцевъ съ новыми князьями. Преданія сіи тѣмъ болѣе для насть интересны, что они тѣсно связаны съ сердцемъ Россіи съ нашою дорогою Москвою. По свидѣтельству сихъ преданій мѣстность Москвы принадлежала изстаринному, кажется, Новгородскому колонисту, боярину Степану Ивановичу Кучкѣ, богатыя и многолюдныя вотчины котораго были расположены по рѣкамъ Москвѣ, Яузѣ и Неглинной, и составляли одно большое и сильное владѣніе. Этотъ Кучко, по одному преданію, возгордѣлся противъ князя Юрія Долгорукаго, и былъ убитъ имъ, а дѣтей его, еще очень молодыхъ и красивыхъ собою, Юрій отослалъ къ своему сыну Андрею Боголюбскому во Владимиръ, и тамъ выдалъ за Ан-

дрея Кучкову дочь, красавицу Улиму. По другому же преданю Кучко съ своими сыновьями воевалъ противъ князя Сузальского, но былъ разбитъ и убитъ имъ, а среди Кучковыхъ сель князь построилъ городъ Москву. Темны и смѣшаны сіи и подобныя преданія о Кучкѣ и Москвѣ, но въ нихъ слышится голосъ исторической правды; о Москвѣ и по лѣтописамъ упоминается въ первый разъ при Юріи Долгорукомъ, и его не безъ основанія считають основателемъ Москвы; а Кучковичи дѣйствительно состояли въ числѣ приближенныхъ слугъ Андрея Боголюбскаго, и одинъ изъ нихъ Якимъ Кучковичъ, вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Петромъ и ключникомъ Анбаломъ, былъ главнымъ заговорщикомъ и убийцею Андрея. А что Кучко былъ, по всему вѣроятію, старымъ Новгородскимъ колонистомъ, на это мы имѣемъ указаніе въ писцовыхъ Новгородскихъ книгахъ, по которымъ значится фамилія Кучковичей въ числѣ Новгородскихъ бояръ землевладѣльцевъ даже въ XV столѣтіи.

Но, конечно, борьба своевольныхъ, давно здѣсь зажившихся богачей — колонистовъ, немогла имѣть успѣха, какъ и свидѣтельствуютъ преданія. Да и что могли сдѣлать старые здѣшніе богачи землевладѣльцы, когда силы князей росли не по днямъ, а по часамъ, прибытиемъ новыхъ поселенцевъ со всѣхъ краевъ Русской земли, и особенно съ безпрестанно раззоряемаго приднѣпровья. Поселенцевъ влекло сюда, съ одной стороны, хорошее устройство и порядокъ, заведенный строгими и энергичными князьями Юріемъ и Андреемъ, и множество разнообразныхъ работъ, ими затѣянныхъ и доставлявшихъ хорошие заработки. Здѣсь всякий видѣлъ разгаржающуюся жизнь, тогда какъ она глохла въ другихъ краяхъ, и всякий охотно шелъ сюда селиться. А съ другой стороны, здѣшній край, какъ сре-

динный, удаленный отъ степей, былъ обезпеченъ отъ вѣнчихъ набѣговъ. Каждый хорошо зналъ, что здѣсь нога не была ни Печенега, ни Половца, ни иного какого кочевника — грабителя, что здѣшніе города и селенія ростутъ и развиваются спокойно, не тривожимые набѣгами поганыхъ, и каждый былъ увѣренъ, что здѣшняя нива, хотя не такъ богатая, какъ въ приднѣпровье, всѣ плоды свои, ни съ кѣмъ не дѣлается, передаетъ хозяину, а не будетъ потоптана или позжена поганымъ Половчиномъ. И множество охотниковъ спѣшили перебраться сюда изъ позженыхъ и разоренныхъ городовъ и сель приднѣпровскихъ. А каждыйновый поселенецъ — пришелецъ несънюю силу здѣшнимъ князьямъ, строителямъ и насадителямъ, и былъ новымъ помощникомъ въ введенію новыхъ порядковъ и въ ослабленію стараго своеолія старыхъ богачей, прежнихъ колонистовъ. Изстаринные колонисты рѣшились наконецъ на послѣднее средство, — на злодѣйское убіеніе Андрея; но и злодѣйство, какъ и должно было ожидать, не помогло, и новая жизнь взяла свое; Ростовско-Сузальскій край превратился въ настоящее и самостоятельное гнѣздо велико-Русскаго племени, въ которомъ соединились исмѣшались лучшія силы всѣхъ племенъ Русской земли.

Новая жизнь Сузальско - Ростовскаго края, вызванная устроителями и насадителями его, князьями Юріемъ Долгорукимъ Андреемъ Боголюбскимъ, и поддержанная и распространенная ихъ знаменитымъ преемникомъ младшимъ сыномъ Долгорукаго, княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ, не погибла и подъ тяжестью страшнаго Монгольскаго нашествія. Напротивъ того нашествіе Батыя съ безчисленными Татарскими и Монгольскими полчищами, сильно погромившее земли Сузальскую и Рязанскую, и въ конецъ разорившее при-

днѣпровье,—Кievъ, Черниговъ, Переяславль и другіе тамошніе города, дало новыхъ поселенцевъ Сузdalской землѣ. Жители опустошенного приднѣпровья, обратившагося въ татарское кочевье, и потерявшаго своихъ князей, толпами потянулись въ Сузdalскую землю, хотя разоренную и подавшую татарскому игу, но не занятую Татарами и управляемую дѣятелями и умными князьями, незнавшими устали въ возобновленіи городовъ и вообще въ устройствѣ всего здѣшняго края. И Suzdalская земля снова стала переполняться пришельцами изъ разныхъ краевъ Руси, снова здѣшніе князья, строители и насадители начали отводить земли роднымъ пришельцамъ, и давать имъ разныя преимущества и льготы, на которыхъ разумѣется еще болѣе шло охотниковъ съ разныхъ сторонъ. Въ это страшное время Русские люди, разоренные въ конецъ, охотно шли селиться не только къ Русскому князю, дававшему льготы; но даже къ Татарину, ежели онъ задумывалъ жить осѣдо и вести Русское хозяйство на большую руку. Такъ въ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что къ Ахмату, татарскому баскаку, въ Курскѣ, въ 1284 году построившему на свое имя двѣ слободы, набралось, въ надеждѣ на покровительство богатаго татарина, столько поселенцевъ съ разныхъ сторонъ, что въ тѣхъ слободахъ открылись торги и разныя мастерства, и тѣ слободы наполнились Русскими людьми, какъ грады великие. При таковомъ настроеніи населенія и при таковой существенной нуждѣ въ покровительствѣ, естественно переселенцы спѣшили изъ разныхъ краевъ Русской земли къ здѣшнимъ князьямъ, о которыхъ къ ихъ чести нельзѧ сказать, что они одинъ предъ другимъ заботились о томъ, чтобы земли въ ихъ владѣніяхъ не пустовали, чтобы не было недостатка

въ поселенцахъ, и для этого не скучились на льготы.

На движение русскихъ людей изъ приднѣпровья на сѣверо-востокъ въ земли Рязанскія и Suzdalскія, мы имѣемъ указа-заніе и въ лѣтописяхъ, гдѣ, напримѣръ, подъ 1301 годомъ читаемъ о переселеніи въ Москву черниговскаго боярина Родиона Несторовича съ цѣлымъ полкомъ княжать и дѣтей боярскихъ, числомъ 700 человѣкъ; и сколько такихъ переселенцевъ, чутъ не каждый годъ, шло только на службу къ здѣшнимъ князьямъ съ именемъ княжать и бояръ, и всѣ они приводили съ собою хоть какая нибудь дружины и получали отъ здѣшнихъ князей земли въ вотчину, иногда даже города, и такимъ образомъ въ большей части случаевъ навсегда связывали судьбу свою и своего потомства съ здѣшнимъ краемъ. Но гораздо сильнѣй-шия свидѣтельства о сильномъ движениі поселенцевъ изъ приднѣпровья на Сѣверо-востокъ представляютъ народныя преданія неписанныя,— всѣ народныя эпическія пѣсни и былины самыя древнія, повѣствующія о древнѣйшихъ приднѣпровскихъ князьяхъ, о тамошніихъ народныхъ богатыряхъ и о городахъ: Kievѣ, Черниговѣ, Волыни и Галичѣ, до сего времени сохраняются въ народѣ, и поются и рассказываются старухами и стариками изъ крестьянъ и мѣщанъ въ здѣшнемъ краю; тогда какъ всѣ сіи древнѣйшия приднѣпровскія преданія давно уже утратились въ приднѣпровье, гдѣ теперь старина въ пѣсняхъ и былинахъ народныхъ невосходитъ старше казачества и борьбы съ Поляками. Самый языкъ старой приднѣпровской Руси, какъ онъ сохранился въ литературныхъ памятникахъ, ближе къ здѣшнему народному языку, чѣмъ къ теперешнему приднѣпровскому и здѣшнимъ людямъ напримѣръ Несторова лѣ-топись, или поученія Кирилла Туровска-

то, или старый непечатный патерикъ пещерскій гораздо понятнѣе, чѣмъ современному простолюдину Малоруссу. И такимъ образомъ и древняя народная поэзія и языки какъ бы какимъ-то чудомъ изъ приднѣпровья перенеслись сюда, и конечно, они пришли сюда не одни, а вмѣстѣ съ своими носителями, старыми чисто-Русскими жителями приднѣпровья. Все это ясно и прямо показываетъ, что лучшая и наибольшая часть старого приднѣпровскаго русскаго населенія во время татарскаго владычества, и позднѣе, при занятіи Галича и Волыни польскимъ королемъ Казимиромъ и во время погромовъ литовскихъ перебралась на сѣверо-востокъ, въ здѣшній край со всѣми своими мѣстными народными преданіями и, слившись съ здѣшнимъ русскимъ населеніемъ, передала ихъ своимъ потомкамъ, уже здѣшнимъ жителямъ, которые и хранять все это въ своей памяти, какъ общую народную святыню всей русской земли и всего славянскаго племени на Руси, и передаютъ изъ рода въ родъ.

Такимъ образомъ съ татарскимъ нашествиемъ на Русскую землю окончательно сложилось въ здѣшнемъ краѣ какъ бы новое русское племя Велико-Руссовъ, въ которомъ органически соединились всѣ живучія и дѣятельнѣшія силы русскихъ племенъ изъ всѣхъ краевъ Русской земли, которое потому и получило имя Велико-русскаго племени, какъ представителя всѣхъ русскихъ племенъ, какъ племя всероссийское, а не частное и мѣстное; и посему, по самой природѣ своей потянуло къ себѣ всѣ остальные частныя и мѣстныя племена всей Русской земли, и раскинулось на огромныя пространства, на какія не раскидывалось ни одно изъ славянскихъ племенъ на Руси, даже и Новгородцы. Оно на югъ охватило своими поселеніями берега Дона

и его притоковъ, почти до Азовскаго моря и предгорій Кавказа, на востокъ заселило своими колоніями бассейнъ Волги почти до Каспійскаго моря и проникло на Ураль, на Сѣверъ и Сѣверо-востокъ достигло береговъ Бѣлаго моря и пробралось въ Сибирь, на западъ уперлось въ Финскій заливъ и простерлось почти до Днѣпра. И все это оно сдѣлало нестолько завоеваніемъ, сколько колонизаціей и своимъ все-російскимъ значеніемъ. Всероссійское значеніе Велико-русскаго племени неукрылось и отъ частныхъ русскихъ племенъ на западъ отъ Днѣпра. Племена сіи, не смотря на несчастныя историческія обстоятельства, разлучившія ихъ съ Велико-Русскимъ племенемъ и притянувшія къ чуждымъ центрамъ, не смотря на всѣ старанія сильныхъ ино-племенниковъ уничтожить даже память о родствѣ съ Велико-русскимъ племенемъ, не могли забыть объ этомъ родствѣ, и чѣмъ больше насилий и хитростей употребляли ино-племенники для полнаго разъединенія сихъ племенъ съ велико-русскимъ племенемъ, и чѣмъ больше клеветали на велико-русское племя и возбуждали злобу; тѣмъ сильнѣе высказывалось въ сихъ племенахъ чувство родства и единенія съ великорусскимъ племенемъ. Еще въ XV столѣтіи потянули къ Москвѣ нѣкоторыя населенія лѣваго берега Днѣпра, затѣмъ въ XVI столѣтіи русское племя, населяющее Великое княжество Литовское, заговорило о соединеніи съ Москвою и объ избраніи Московскаго царя въ государи Литовскіе. Затѣмъ въ XVII столѣтіи Малороссія или всѣ Южно-Русскія племена обѣихъ сторонъ Днѣпра, подъ предводительствомъ главнаго своего гетмана Богдана Хмѣльницкаго, единогласно признали государя Московскаго своимъ государемъ и наѣзди соединились съ Москвою, т.-е. съ Велико-Русскимъ племенемъ, и во всемъ этомъ соединеніи со

стороны Велико-Русского племени не было никакихъ особыхъ стараний и происковъ. Москва и ея государь непротивились соединению, соединение же вызванное самою жизнью произошло по доброй и прямой волѣ самого южно-русского населения, по неумолкаемому чувству единовѣрія и единоплеменности съ велико-русскимъ племенемъ; не Москва искала Малороссію, а сама Малороссія тянула къ Москвѣ, какъ къ естественному племенному центру, къ общему гнѣзду, къ которому, по законамъ исторіи и природы, должны собраться всѣ частные племена Русской земли, чтобы составить одно сплошное неразрывное все-Россійское племя, какъ одна Русская земля, которая съ тѣхъ поръ какъ сознала свое единство, никогда не знала и не хотѣла знать никакихъ дѣлений и дробленій на народности, постоянно признавая одинъ Русскій народъ, всю Русь.

Чувство непрерывающагося родства и единоплеменности съ велико-русскимъ племенемъ и признаніе за нимъ естественного центра во всѣхъ Русскихъ племенахъ, и въ настоящее время находится въполномъ своемъ развитіи и на нашихъ глазахъ заправляетъ всею жизнью Русскихъ племенъ. Припомните недавнія, свѣжія, еще непростывшія события послѣдняго Польскаго мятежа. Пользуясь нашею оплошностью и снисходительностію, чего не дѣлали Поляки, чтобы отдать Западную Русь отъ восточной, какихъ происковъ и соблазновъ не употребляли они, чтобы достигнуть своей цѣли; все былопущено въ ходъ и золотыя грамоты для народа, и шутовское кумовство и побратимство мощныхъ пановъ съ бѣдными хлопами, и сепаратистическая теорія разсѣянная между недоучившеюся молодежью, и клеветы на Москву и на все велико-русское, и подкупы, и угрозы, и натравливаніе мѣстной администраціи на про-

стонародіе; но все это оказалось окончательно безсильнымъ противъ чувства родства и единоплеменности западной Руси съ восточной, велико-русского племени со всѣми русскими племенами западнаго края, на которыхъ Польская интрига такъ тщательно старалась разбить единый западно-русский народъ. Вся эта хитро задуманная и ловко веденная затѣя пошла прахомъ; какъ дошла очередь до дѣла, — западно-русский народъ ни на минуту не задумался и какъ одинъ человѣкъ сталъ за единство и родство съ восточною Русью, т. е. съ велико-русскимъ племенемъ, несмотря на то, что инымъ изъ тамошнихъ доблестныхъ людей за это пришлось поплатиться жизнью подъ ножомъ или отъ веревки Польскихъ жандармовъ вѣшателей. Да и теперь въ настоящую минуту, на самыхъ крайнихъ западныхъ предѣлахъ старой Русской земли въ Галичинѣ и въ такъ называемой Угорской Руси, не толи же неумолкаемое чувство родства и единоплеменности съ велико-русскимъ племенемъ движетъ массами тамошнихъ Русскихъ людей, и образованныхъ и простолюдиновъ. А между тѣмъ сколько десятковъ лѣтъ и Мадьяры, и Поляки, и Австрійцы хлопочутъ о томъ, чтобы изгладить самую память объ этомъ чувствѣ, и чего не дѣлали и не дѣлаютъ они для достиженія своей цѣли. Они давно уже успѣли притянуть тамошнихъ Русскихъ людей къ уніи съ латинствомъ, и отдать отъ единенія съ православною церковію, запрещали говорить и писать по Русски, старались сочинить какой-то особый Русскій языкъ, даже выдумали особое название Рутеновъ вмѣсто Русскихъ. Но несмотря на все это и многое другое въ томъ же родѣ, тамошніе Русскіе люди продолжаютъ быть Русскими людьми, и въ книгахъ и на сеймахъ прямо говорятъ, что они Русскіе, а не Рутены, что они одной

семьи со всеми Русскими людьми, и самый языкъ ихъ годъ отъ года болѣе и болѣе освобождается отъ постороннихъ примѣсей и ближе подходитъ къ общему Русскому или Велико-Русскому языку. Русские люди въ Галичинѣ и Угорщинѣ своимъ народнымъ чувствомъ и сознаниемъ, что они Русские люди и что принадлежать къ одной семье съ Великоруссами, служатъ лучшимъ доказательствомъ, что Велико-русское племя есть обще-русское племя, что оно составляетъ центръ соединенія всѣхъ Русскихъ племенъ, гдѣ бы они ни жили и въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находились. Въ Галичинѣ и Угорщинѣ всѣ обстоятельства сложились такъ, что бы тамошніе Русские люди отреклись отъ единоплеменности съ Россіею; но они не отрекаются, и прямо и гласно утверждаютъ, что они Русские одной семьи со всею Россіей, гдѣ общиимъ представителемъ Велико-русское племя, что они не хотятъ быть ни отдѣльнымъ Русскимъ племенемъ, ни Малоруссами, ни Червоноруссами ни Бѣлоруссами, а что есть, были и будутъ просто Русскими, какъ и вся Россія. Значитъ народнаго чувства и исторической правды ничѣмъ незаглушишь; а историческая правда и на-

родное чувство во всѣхъ концахъ Русской земли, даже за ея предѣлами закордонномъ, гдѣ только живутъ русскіе люди, говорятъ одно, что велико-русское племя есть всероссийское племя, что оно центръ всѣхъ русскихъ племенъ и следовательно всѣмъ прямая родня до самыхъ костей.

Но чтобы не продолжать нашей бесѣды, и безъ того уже довольно затянувшейся, я просилъ бы всѣхъ, желающихъ увѣритъся въ таковомъ значеніи велико-русского племени, посмотретьъ на Московскую Этнографическую выставку. Тамъ будуть поставлены рядомъ типы всѣхъ русскихъ племенъ, какъ живущихъ въ самой Россіи, такъ и за кордономъ; и сами типы лучше всякихъ словъ и доказательствъ каждого убѣдить, что велико-русское племя есть всероссийское племя, что въ его этнографическій обликъ всѣ русскія племена внесли свои черты, и что въ этомъ чистомъ облике нѣтъ ни одной не русской черты. Да. Милостивые государи и милостивыя государыни! велико-русское племя на этнографической выставкѣ, такъ сказать, обдастъ васъ своимъ чистымъ русскимъ типомъ, я это самъ испыталъ своими собственными глазами и своимъ чувствомъ.

И. Бѣляевъ.

ПОТЕМКИНЬ И ЗАСЕЛЕНИЕ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ.

Мм. Гг.

мы часто слышимъ и читаемъ выраженія удивленія по поводу необыкновенно быстрого возрастанія народонаселенія въ Соединенныхъ Штатахъ. Дѣйствительно, это явленіе заслуживаетъ удивленія; но мнѣ кажется, что намъ нѣтъ надобности переплыть океаны за подобными примѣрами. Гораздо ближе, у себя дома, мы можемъ видѣть и изучать возникновеніе многолюдныхъ городовъ тамъ, где сто лѣтъ тому назадъ и даже менѣе, стоять одинокій хуторъ или ничтожное укрѣпленіице; мы можемъ, не покидая Россіи, указать на обширный, полный жизни и еще болѣе полный будущности край, который былъ еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія пустыней. Намъ стоитъ только обратить вниманіе на сѣверное прибрѣжье Чернаго моря. Правда, заселеніе Новороссійскаго края производилось не точно такъ, какъ производится заселеніе пустынь новаго свѣта, не свободнымъ приливомъ колонистовъ,— по крайней мѣрѣ не исключительно этимъ путемъ; заселеніе его было дѣломъ правительственныйыхъ соображеній, но я и не утверждалъ, что явленія замѣчаемыя у насъ

и въ Соединенныхъ Штатахъ тождественны; я утверждаю только, что колонизація можетъ быть произведена и у насъ съ необыкновенною быстротою и ссылаюсь на примѣръ Новороссіи. Невозможно, конечно, впродолженіи одного часа, предоставлennаго мнѣ для бесѣды съ вами, мм. гг., прослѣдить всю исторію этой колонизаціи, а потому я избираю одинъ эпизодъ изъ нея, который, по справедливости, можетъ быть названъ Потемкинскимъ. Но ограничивъ предметъ нашего изученія 17-лѣтнимъ періодомъ времени, мы должны опредѣлить и географическое очертаніе предмета нашего изученія и составить себѣ возможно вѣрное понятіе о положеніи края при вступленіи въ управление имъ Потемкина (1774 г.).

Мѣстность, которая впослѣдствіи получила название Новороссійскаго края, была въ то время пустыней не только по причинѣ, безпрестанныхъ движеній по ней крымскихъ и другихъ хищническихъ партій, но и по причинѣ сознательного противодѣйствія къ ея заселенію политическими понятіями того времени. Въ договорахъ, которые Россія заключала съ Турцией въ XVII вѣкѣ и

даже въ началѣ XVIII вѣка, поставлялось непремѣннымъ условіемъ, чтобы между владѣніями той и другой державы оставалось никакорое пространство совершенно не заселеннымъ. Это дѣжалось съ цѣлью предупредить столкновенія между порубежными жителями, и когда Россія предписывала миръ Турціи, то ближайшіе городки турецкіе подвергались разоренію, а когда Турція брала верхъ, то подобной же части подвергались селенія русскія. Такимъ образомъ по договору, закончившему первую Турецкую войну Петра I (подписанъ 3 июля 1700 г.), постановлено было разорить турецкие городки, построенные на низовьяхъ Днѣпра, а пространству отъ Сѣчи до самаго Очакова равно какъ отъ Міусского городка (Таганрога) до Перекопа «быть пусту». Точно также послѣ катастрофы на Прутѣ, мы принуждены были срыть Самарскій городокъ, построенный во время правленія царевны Софіи, и Азовъ. Послѣ Прутской кампаніи были въ первый разъ съ точностью обозначены границы Турецко-rossійскія между Днѣпромъ и Дономъ. Въ 1714 г. уполномоченные съ обѣихъ сторонъ съѣхались и учинили межевую запись, (13 июля), которая опредѣляла слѣдующую пограничную линію: она начиналась на правомъ берегу Днѣпра, въ равномъ разстояніи отъ впаденія въ эту рѣку Самары и Орели, слѣдовала между ними въ равномъ же разстояніи отъ той и другой до ихъ вершинъ, затѣмъ поворачивала на юго-востокъ, проходила между верховьями «Бахмутскихъ, Луганскихъ и Крымскихъ водъ», какъ сказано въ записи, спускалась на Міусъ до Черкасской переправы, проходила оттуда на «отвершекъ» рѣки Тузловой, слѣдовала по ней до Каменного Бroда и здѣсь переходила на р. Темирникъ, вмѣстѣ съ которою и упиралась въ низовья Дона между Азовомъ и Черкасскомъ. Эта

южная граница Московскаго царства есть вмѣстѣ съ тѣмъ сѣверная граница подлежащаго нашему изученію Новороссійскаго края. Отсюда началось послѣдовательное, не прерывное поступательное движеніе наше къ Черному морю. Слѣдующая затѣмъ война съ Турцией, по конвенціи, заключенной 12 октября 1742 года, отодвинула наши предѣлы съ этой стороны до рр. Берды, впадающей въ Азовское море и Конскихъ Водъ, впадающей въ Днѣпръ; при вступлении Потемкина въ управление Новороссійскимъ краемъ, оно составляло южную границу этого края, пока въ составъ онаго не вошли и остальные части материка вмѣстѣ съ Крымскимъ полуостровомъ (1783 г.).

На правомъ берегу Днѣпра, близъ Кременчуга, начиналась старинная граница наша съ Польшей; она была, такъ сказать, намѣчена Московскимъ договоромъ 1686 г., въ силу коего особые комиссары должны были составить точную межевую запись; но мы не находимъ въ Пол. Соб. Зак., ни даже въ архивахъ никакихъ слѣдовъ, подобного разграничения, до составленія Акта Разграничения 5 января 1780 г. Согласно этому акту граница начиналась отъ устья р. Тясмина; по этой рѣкѣ она слѣдовала до впаденія въ нее Ирклея, по томъ Ирклемъ до его верховья, оттуда по лемъ переходила на верховья Виси и слѣдя далѣе по Синюхѣ, упиралась въ Бугъ. Къ сѣверу и западу отъ этой черты находились польскія владѣнія, къ югу и востоку — русскія; далѣе Бугъ разграничивалъ ихъ съ землями турецкими, до впаденія въ него Ташлыка. Отсюда Инструментъ, сочиненный 4 ноября 1740 г., проводилъ линію, которая перерѣзывала нѣсколько небольшихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Бугъ, при ихъ вершинахъ, пересѣкала Ингуль и Ингулецъ и останавливалась на

Днѣпра близь Кизикерменя (Бериславля) при устьи рѣки Каменки. Позднѣе, по Кучукъ-Кайнарджийскому договору, граница была перенесена на Бугъ, до самаго его устья, такъ что весь треугольникъ, образуемый этой рѣкой и Днѣпромъ (за исключениемъ Очакова) присоединенъ былъ къ Россіи. Итакъ въ эпоху, которая нась занимаетъ, Новороссійскій край заключался между пограничными чертами 1714 и 1742 годовъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, а на правой сторонѣ этой рѣки—между старою Польской и Турецкою границей 1744 г., вмѣщая въ себѣ не менѣе 100,000 квадр. верстъ степнаго пространства *). Теперь постараемся опредѣлить по крайней мѣрѣ приблизительно тогдашнее населеніе этого обширнаго края.

Главное основаніе этого населенія составляли Запорожцы. По берегамъ Днѣпра и его притоковъ, по берегамъ степныхъ балокъ, по опушкамъ не истребленныхъ еще окончательно лѣсовъ, были разбросаны ихъ села и деревни, ихъ хутора и зимовники. Скученные главнѣйше по берегамъ Днѣпра, селитбы Запорожцевъ достигали съ одной стороны Буга, а съ другой, Донца и устьевъ Миуса. Эта и нѣкоторыя другія пустынныя рѣки, впадающія въ Азовское море, были для Запорожцевъ, такъ сказать, заднею дверью, посредствомъ которой они вырывались на морской просторъ, когда Очаковскій паша слишкомъ зорко сторожилъ ихъ со стороны Днѣпровскаго лимана. Хутора и зимовники, гдѣ жили семейства казаковъ и куда они сами прїезжали отъ времени до времени, были уединенные и глухія,

тихія жилища; но у нихъ были селитбы и другаго рода: по Днѣпру и близь устья рѣкъ, впадающихъ въ него, существовали многочисленныя, обширныя запорожскія села; между ними первенствующее значеніе принадлежало Сѣчи, селенію дѣйствительно знаменитому, но незначительному по своимъ размѣрамъ: по офиціальнымъ свѣденіямъ, оно заключало въ себѣ въ 1775 г. только 203 двора, въ числѣ коихъ 66 шинковъ и харчевень*). Сѣчь была, какъ известно уничтожена, но многія другія запорожскія села, подъ новыми названіями, существуютъ и понынѣ; такъ с. Никитино обратилось впослѣдствіи въ Никополь, Новоселица въ Новомосковскъ; Поссовицы въ Екатеринославъ, а Алешки существуютъ и теперь подъ своимъ прежнімъ именемъ.

Какъ же велико было населеніе во всѣхъ этихъ селахъ, деревняхъ, хуторахъ и зимовникахъ? Изъ какихъ элементовъ оно состояло? Для разрѣшенія этого вопроса, естественнѣе всего обратиться къ г. Скальковскому, который специально занимался исторіей Новороссійскаго края и извлекъ изъ мѣстныхъ архивовъ много любопытныхъ въ этомъ отношеніи данныхъ. Къ сожалѣнію, въ сочиненіяхъ этого почтеннаго впрочемъ изслѣдователя, мы находимъ много данныхъ, много цифръ, связать между собой которыхъ очень трудно. Очевидно, онъ бралъ эти цифры изъ разныхъ офиціальныхъ источниковъ, не повѣряя ихъ между собой, такъ что онъ иногда болѣе запутываются, нежели разрѣшаютъ занимающій нась вопросъ. Но мнѣ удалось найти въ здѣшнемъ архивѣ военного ми-

*) Временникъ, изданный Центр. Статистическимъ комитетомъ, 1866 г. Впрочемъ для большей точности, можно замѣтить, что Бахмутскій уѣздъ вошелъ въ составъ Новор. края позднѣе, а Миусскій округъ отдѣленъ отъ него въ пользу Донскаго Войска.

*) См. въ Архивѣ военного минист. въ Москвѣ, донесеніе генерала Текеллія, которому было поручено уничтожить козачье устройство Запорожцевъ.

нистерства свѣдѣнія положительныя и обстоятельныя, а именно вѣдомость о всемъ народонаселеніи Запорожцевъ, какъ собственно казачьемъ, такъ и о разнаго званіи людяхъ, проживавшихъ на запорожскихъ земляхъ, и вѣдомость эта относится къ самому интересному для насъ времени,—ко времени уничтоженія Запорожскаго казачьяго войска, слѣдовательно почти ко времени вступленія Потемкина въ управление краемъ. Изъ этой вѣдомости видно, что всѣхъ казаковъ было въ 1775 г. 14,619 человѣкъ и что кромѣ того на ихъ землѣ проживало крестьянъ и разнаго рода людей обоего пола 45.018 душъ, всего же, съ козаками 59.637. Если же къ этимъ двумъ главнымъ рубрикамъ причислить семейства женатыхъ казаковъ, жившихъ отдельными хуторами и зимовниками, и духовенство, то общее число въ Запорожье выразится цифрою 59.627 д., обосого пола. Свѣдѣнія эти собраны начальниками военныхъ командъ, посланныхъ въ разные поланки (округи) Запорожья и представлены генераломъ Текеллемъ,—на которого, какъ известно, возложено было обращеніе Запорожцевъ въ обыкновенныхъ гражданъ,—на высочайшее имя, слѣдовательно имѣютъ характеръ возможной достовѣрности.

Ко времени вступленія Потемкина въ управление Новороссийскимъ краемъ, въ немъ существовало и другаго рода населеніе, независимо отъ того, которое находило пріютъ подъ бунчукомъ запорожскаго кошеваго атамана. Оно образовалось, въ царствование императрицы Елизаветы, изъ разныхъ заграничныхъ выходцевъ, а главнѣйше изъ Славянъ австрійскихъ и турецкихъ. Около половины XVIII вѣка, въ то самое время, когда въ литературѣ западной Европы раздавались сильные и краснорѣчивые протесты противъ гоненій за-

религіозныя убѣжденія, когда свобода совѣсти была провозглашаема нѣкоторыми изъ государей съ высоты престола, въ Австріи и Польшѣ фанатизмъ католическаго духовенства доходилъ до крайностей, напоминающихъ средніе вѣка. Здѣсь, на востокѣ Европы, вдали отъ великой исторической сцены, католические монахи всѣхъ возможныхъ орденовъ, не смѣя болѣе преслѣдоватъ протестантовъ, упражнялись въ насиливаніи совѣсти православныхъ и униатовъ. Мы знаемъ, какія послѣдствія имѣлъ въ отношеніи Польши образъ дѣйствія ея духовенства; что касается до владѣній императрицы Марії-Терезіи, то между православными, и особенно славянскими ея подданными, обнаружилось стремленіе къ переселенію въ Россію. Въ 1750 г. полковникъ Хорватъ, родомъ Сербъ, заявилъ русскому посланнику въ Вѣнѣ о желаніи своемъ выѣхать въ Россію вмѣстѣ со многими своими родственниками и земляками и образовать изъ нихъ два регулярныхъ полка. Наше правительство охотно приняло этотъ вызовъ и предложило переселенцамъ земли на правомъ берегу Днѣпра, къ сѣверо-западной части Запорожья, вдоль польской границы; Хорватъ нашелъ эти земли удобными и образовалъ первое славянское поселеніе въ Россіи, состоявшее на первый разъ изъ 318 человѣкъ. Примѣру Хорвата послѣдовали многие другие Славяне Австрійской и даже Турецкой имперіи: если вѣрить свидѣтельству тогдашнихъ канцелярій, едва ли впрочемъ строго соблюдавшихъ племенные оттѣнки при записываніи происхожденья новоприбывшихъ, то вслѣдъ за Сербами стали прибывать не только Молдоване, Волохи и Трансильванцы, но Болгары и даже Албанцы и Черногорцы. Вскорѣ между Днѣпромъ, Синюхой и Тясминомъ насчитывалось уже 620 славянскихъ и другихъ выселившихся се-

мействъ; земли имъ было прибавлено къ югу отъ прежней и вѣдь эти земли получили название Новой Сербіи. На южной окраинѣ Новой Сербіи, на Ингулѣ, основана была крѣпость, названная именемъ императрицы и переименованная впослѣдствіи Елисаветградомъ.

Междудѣмъ миграціонное движение южныхъ Славянъ продолжалось. Въ 1752 и 53 годахъ прибыли Сербы Шевичъ и Прерадовичъ и просили земель. Имъ отведено было обширное пространство въ окрестностяхъ Бахмута и по Донцу, которое впослѣдствіи получило название Славяно-Сербіи, и вскорѣ пополнилось новыми переселенцами. Какъ ново-сербскіе, такъ и славяно-сербскіе колонисты образовали военное поселеніе, расписанное на полки и роты. Всего, по свѣдѣніямъ г. Скальковскаго, къ концу пятидесятихъ годовъ считалось такихъ переселенцевъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра 26,163 душъ *) и эта цифра безъ сомненія была бы превзойдена приливомъ новыхъ переселенцевъ, но постоянно возраставшее движение Славянъ изъ Австріи въ Россію встревожило вѣнское правительство. Въ дѣлахъ архива св. Синода я видѣлъ, что оно подало поводъ къ перепискѣ между обоими императорскими дворами, вслѣдствіе чего Императрица Елизавета, связанная тѣснымъ союзомъ съ вѣнскимъ дворомъ, отказалась принимать австрійскихъ подданныхъ, положивъ однако очень удачное начало колонизаціи и истративъ на это дѣло до 700,000 р. **). За то вслѣдствіе вызова нашего правительства, изъ за Польского рубежа стали выходить старообрядцы и другіе русскіе бѣглецы. Въ 1756 году они, а также Малороссіяне, поселенные для работы по воз-

веденію крѣпости Св. Елисаветы, занимали уже 27 слободъ въ окрестностяхъ упомянутой крѣпости, но численность ихъ не известна.

Таковы первоначальные элементы народонаселенія, возникшаго въ Новороссійскомъ краѣ; они состоять, какъ сказано, изъ трехъ главныхъ группъ: изъ Запорожцевъ съ ихъ «подданствомъ»; изъ переселенцевъ Славянъ и изъ разныхъ выходцевъ изъ Польши и внутренней Россіи. Къ этому мы можемъ еще присоединить небольшое число Евреевъ, торговавшихъ въ Сѣчи и впервые допущенныхъ въ число русскихъ подданныхъ. Изъ вышеприведенныхъ цифръ, по первымъ двумъ группамъ, мы находимъ, что итогъ ихъ равняется, кругло говоря, 85—86 тысячамъ; что касается до третьей группы то, ея численность намъ неизвестна, но за то мы находимъ въ «Исторіи Новороссійскаго края» г. Скальковскаго обширную вѣдомость, въ коей значится, что всего, во всемъ Новороссійскомъ краѣ, въ началѣ 1774 г. считалось 158,097 д., обоего пола, — цифра, которую можно признать приблизительно вѣрною. И такъ, вотъ общая цифра населенія, въ годъ вступленія въ управление Потемкинымъ въ краю, который имѣлъ 500 вер. въ длину (отъ Донскихъ гирлъ до впаденія Синюхи въ Бугъ) и 200 в. въ ширину *) (отъ границы 1742 г. до границы 1714 г.). Тогдашній Новороссійскій край довольно близко подходилъ, по пространству, къ нынѣшнимъ Екатеринославской и Херсонской губерніямъ вмѣстѣ, въ коихъ числится, по свѣдѣніямъ центрального статистического комитета 2,534,889 д. Что бы быть точнѣе, мы должны исключить изъ этого числа населеніе Забужской части нынѣшней Херсонской губерніи, въ описываемое время не при-

*) Ист. Новорос. края, I, 43.

**) Зап. Одес. Общ. Ист. и дрѣв., III, 85.

*) Временникъ 1866 г.

надлежавшей Россіи, и въ которой можетъ насчитываться до 300 т. жителей, а за тѣмъ окажется, что въ 92-хъ лѣтній періодъ времени, — со времени вступленія Потемкина въ управление Новороссійскимъ краемъ, народонаселеніе Новороссійского края увеличилось почти въ 15 разъ!

Разумѣется такое колоссальное приращеніе народонаселенія не могло произойти однимъ естественнымъ путемъ, т. е. благодаря малой смертности и большему числу рождающихся. Цѣль моя именно и состоять въ томъ, чтобы изслѣдовать, по возможности, тѣ мѣры, съ помощью коихъ Потемкинымъ были достигнуты такие громадные результаты. Остановимся нѣсколько на этомъ имени. Съ мыслью о Потемкинѣ соединится обыкновенно понятіе о необыкновенно пышномъ вельможѣ, о пресыщенномъ сластолюбцѣ и честолюбцѣ, о человѣкѣ, который чудачить, чтобы разсѣять пожирающую его скучу, — да еще, можетъ быть, о полководцѣ, который прославился болѣе пышностью окружавшаго его двора, нежели военными подвигами. *) «Баловень счастья» и «великолѣпный князь Тавриды», вотъ эпитеты, которые чаще всего сопровождаютъ имя Потемкина. Во всемъ этомъ есть черты дѣйствительно принадлежащія Потемкину, но изъ нихъ не создается полной и вѣрной его нравственной физіономіи; тѣль всегда будетъ односторонне и поверхностно судить о немъ, кто не обратить на него вниманія, какъ на Новороссійского генераль-губернатора. Здѣсь, среди степей, которыя онъ призванъ былъ заселить и вызвать къ жизни, этотъ необыкновенный человѣкъ является во всемъ величіи своего гenія, и во всемъ могуще-

ствѣ своей воли. Грандиозный и нѣсколько фантастический, какъ всегда и вездѣ, онъ здѣсь сбрасываетъ съ себя ту недоступность и ту пышность, которыми онъ окружалъ себя въ Петербургѣ, и ему любо, ему просторно, ему вольно. Судьба сдѣлала его царедворцемъ; но въ придворной сфере, въ которую обстоятельства его бросили, онъ ни къ чему не былъ искренно привязанъ, кромѣ самой императрицы. Сынъ бѣднаго дворяниня, онъ могъ находить пищу своему самолюбію въ томъ, чтобы затѣвать пышностью всѣхъ пышныхъ вельмож Екатерины; но скуча, которую онъ ощущалъ среди этой пышности, была неподдельная; и мысль его и его вкусы были далеки отъ того, что всѣхъ вокругъ него занимало. Вотъ объясненіе его разсѣянности съ которою, по мнѣнію поверхностныхъ наблюдателей, онъ родился, его свое-правія и чудачества; вотъ почему, среди своихъ раззолоченныхъ покоеvъ, онъ являлся часто въ мѣховой халатѣ и въ туфляхъ на босую ногу. Нѣкоторые оскорблялись заставая его въ такомъ нарядѣ: онъ удивлялся ихъ неудовольствію *).

Этотъ мѣховой халатъ и туфли на босую ногу, эти нечесаные волоса, не составляли непріятнаго контраста въ Кременчугѣ, въ Александрѣ-Шанцѣ, на пепелищѣ Запорожскихъ куреней, когда приходили къ нему вѣрный помощникъ его по строительной части Фалѣевъ, или Синельниковъ, или «Федоръ Федоровичъ» (Ушаковъ); — съ этими людьми онъ находилъ о чёмъ говорить, и эти чернорабочіе, но дѣльные люди не обращали вниманія, камердинеромъ ли своимъ или собственными пальцами, какъ говорилъ принцъ де-Линь, былъ причесанъ свѣтлѣйшій. За то и свѣтлѣйшій былъ между ними совершенъ другимъ че-

*) Это было писано въ началѣ 1867 года, по появленіи въ Рус. Архивѣ и Рус. Вѣстнике новыхъ свѣденій о Потемкинѣ.

*) Mém. du c-te Ségur.

ловъемъ, нежели среди вельможъ и дипломатовъ. Въ отношеніи этихъ людей, Потемкинъ откидывалъ въ сторону то высокомѣріе, которымъ онъ ограждалъ себя въ Петербургѣ; простотою въ отношеніяхъ къ своимъ сотрудникамъ, равно какъ и необычайной дѣятельностию, онъ напоминаетъ Петра I. «Много благодаренъ, другъ мой, Михайло Леонтьевичъ, пишетъ онъ своему Данилычу-Фалѣеву, «что трудился въ передѣлѣ поспѣшной фрегатовъ. Усугубь силы свои дабы поскорѣй поспѣли, ибо крайняя въ томъ нужда.» — «Вы не дивитесь, что я ворчу: Богу извѣстно, что силь недостаетъ, вездѣ самому быть нельзя, а все, до малѣйшихъ способовъ отъ меня требуютъ.» «Охъ, батюшка, спѣши съ фрегатами и кораблемъ!» *) «Наши, писалъ Потемкинъ о побѣдѣ адмирала Ушакова надъ Турецкимъ флотомъ, (1790 г.), наши такого перцу Туркамъ задали, что любо. Спасибо Федору Федоровичу.» **) Такъ говорилъ, такъ переписывался Потемкинъ съ сотрудниками своими, съ чернорабочими Новороссійскаго края. Въ этихъ сжатыхъ, горячо набросанныхъ строкахъ видѣнъ не надмѣнныи вельможа, скучающій и праздный, какимъ его изображаютъ иностранцы, встрѣчавшіеся съ нимъ при дворѣ, и какимъ онъ дѣйствительно бывалъ въ Петербургѣ, но первый между работниками великаго дѣла, — воззванія къ жизни щедро одареннаго природою края. Изложить всѣхъ подробностей этого дѣла, — заселенія Новороссіи и ея устройства, — я не въ состояніи, за недостаткомъ нужныхъ для того материаловъ, да этого не возможно сдѣлать, впродолженіи не только одной, но и нѣсколькихъ бесѣдъ. мнѣ кажется, однакожъ, что группируя извѣстнымъ образомъ тѣ мѣры, ко-

торыя были принаты Потемкинъ, въ качествѣ Новороссійскаго намѣстника, мы получимъ возможность, по крайней мѣрѣ, схватить ихъ характеръ, а это, я, полагаю, въ настоящемъ случаѣ, будетъ достаточно.

И преимущества и недостатки тогдашняго положенія Россіи одинаково послужили дѣлу заселенія Новороссійскаго края. Какъ извѣстно, одною изъ главныхъ мѣръ Потемкина, по вступленіи сго въ должность начальника Новороссіи (1775 г.) было уничтоженіе Запорожскаго войска; всѣмъ членамъ знаменитаго «товариства», было предоставлено возвратиться туда, откуда каждый изъ нихъ пришелъ въ Запорожье, или же остаться на мѣстѣ, въ качествѣ частнаго человѣка и на общемъ для всѣхъ жителей края положеніи. Всѣ частные имущество, вромъ нѣкоторыхъ старшинъ преданныхъ суду, были оставлены неприкосновенными; кто владѣль хуторомъ, землею, за тѣмъ эта земля или этотъ хуторъ были укрѣплены; но общая войсковая земля была признана государственною. Войсковые суммы и другія сокровища также обращены были въ казенные. Эти суммы были не маловажны; изъ свѣденій, представленныхъ генераломъ Текеллiemъ *) видимъ, что имѣ было найдено 56,446 р. 82 к. войсковой суммы; у старшинъ конфисковано 74,507 р. 43 к.; кромѣ того въ Сѣчи хранилось принадлежащихъ нѣкоторымъ казакамъ лично 32,976 р. 54 к. Эта послѣдняя сумма оставлена неприкосновенною, но изъ войсковой и старшинской образованъ капиталъ для выдачи ссудъ жителямъ края съ цѣлью поощрять домостроительство и торговлю **). Изъ числа новопріобрѣтенныхъ казенныхъ земель разданы были дачи нѣкоторымъ са-

*) Зап. Одесск. Общ. Ист. и др. т. II.

**) Жизнеоп. адм. Ушакова, Скаловскаго.

*) См. приложеніе. I.

**) Ист. Новор. края, 124.

новникамъ, напримѣръ Потемкину и князю Вяземскому; между ними раздѣлена была самая сердцевина Запорожья: Потемкинъ получилъ земли на правомъ берегу Днѣпра, на протяженіи 16 верстъ по его берегу, вдоль пороговъ, где нѣсколько лѣтъ спустя поселены были менониты *). На земляхъ Потемкина же воодвигся въ послѣдніе годы его управления Николаевъ **).

Мѣсто, на которомъ стояла самая Сѣчь, островъ Хортица, достался князю Вяземскому, вмѣстѣ съ 10,000 десятинъ земли. Подобно этимъ двумъ главнымъ сановникамъ того времени и нѣкоторые другие получили дачи изъ числа бывшихъ войсковыхъ земель. Владѣльцы такихъ имѣній, понимая, что здѣсь не достаетъ только рукъ, чтобы получать съ нихъ огромные доходы, переселяли туда крестьянъ своихъ изъ другихъ губерній ***). Нѣкоторые изъ придворныхъ, желая сдѣлать угодное императрицѣ и Потемкину, покупали въ Новороссійскомъ краѣ фермы и хутора, какъ бы свидѣтельствуя тѣмъ свое сочувствіе его заселенію; такъ графъ Безбородко купилъ близь Херсона небольшой хуторъ, незадолго до путешествія наблюдательного Француза Пейсоннеля, посѣтившаго эти мѣста въ 1784 году. ****) По свидѣтельству того же путешественника, нѣкто Фабри, австрійскій

подданный, завѣдшій первую торговую контору въ Херсонѣ, имѣлъ ферму при слияніи Ингула и Буга (близъ мѣста, где по томъ воздвигся Николаевъ), а Англичанинъ Виллісъ, какъ только былъ присоединенъ Крымъ къ Россіи, пріобрѣлъ на южномъ берегу полуострова имѣніе и, притомъ, говорить Пейсоннель, за такую цѣну, по которой можно пріобрѣсти земли развѣ въ лѣсахъ Америки.

Поощряя пріобрѣтеніе имѣній въ Новороссійскомъ краѣ и переселеніе помѣщичьихъ крестьянъ, правительство переводило туда большія массы крестьянъ экономическихъ. Изъ вѣдомости, представленной генераломъ Текелліемъ, видно, что такихъ крестьянъ было въ 1775 г. 39.895 душъ, а въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, по свѣдѣніямъ г. Скальковскаго, ихъ считалось уже 210.033 д. Много рабочихъ, вызванныхъ для сооруженія городовъ, для строенія кораблей, для проведенія дорогъ, оставались по доброй волѣ въ краѣ, где руки были дороги и спросъ на рабочихъ постоянный. Сюда же охотно шли Московские и иные старообрядцы, — эти прирожденные колонизаторы, эти настоящіе русскіе шонеры. Довольно большое число ихъ поселилось по Днѣпру, другие основали селенія на Молочныхъ Водахъ.

Но говоря о приливѣ народонаселенія, не слѣдуетъ забывать и о его убыли. Многіе изъ прежнихъ жителей Запорожья, въ силу высочайшаго манифеста, пожелали возвратиться въ Малороссію и другія мѣста, снабжавшія выходцами Запорожья. Такое желаніе заявили, по свидѣтельству Текеллія, болѣе 4,000 человѣкъ; другие безъ всякихъ заявлений уходили куда глаза глядятъ. Этотъ генераль еще находился въ Запорожье съ своими войсками, какъ начались побѣги за границу и приняли весьма серіозные размѣры. Преобразованіе,

*) Земли подъ ихъ поселеніями, повидимому, пожертвованы Потемкинымъ; по крайней мѣрѣ колонисты были водворены на его земляхъ при его жизни (1785).

**) Онъ уступилъ подъ Николаевъ, пишетъ Шмидтъ въ своемъ описаніи Херсонской губ., не только землю, но и 532 души принадлежащихъ ему крестьянъ.

***) Г. Скальковскій (Ист. Нов. края 161) говоритъ, что такое переселеніе крестьянъ дозволено было особымъ указомъ: кажется, въ особомъ дозвolenіи на это не было надобности.

****) *Trois m moires historiques et g ographiques, par Peysongne.*

совершенное въ устройствѣ Запорожья, и разореніе Сѣчи горестно отзывались на членахъ славнаго «товариства». По свидѣтельству г. Скальковскаго до 5,000 ч. оставило Запорожье *), но цифра эта довольно произвольна и едва ли число бѣглецовъ можетъ быть съ точностью опредѣлено; въ донесеніяхъ Текеллія, а потомъ и князя Прозоровскаго **), мы находимъ частыя упоминанія о самимъ побѣгахъ казаковъ, но не находимъ числа бѣжавшихъ. Очаковскій паша хвалился, что къ нему перебѣжало до 12,000 казаковъ, а по другимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ для начальникъ края, ушло лишь небольшое число гультаевъ. Во всякомъ случаѣ число людей совершило пропавшихъ для Новороссійскаго края, въ итогѣ было не очень велико. Многіе изъ бѣглецовъ 1775 года возвращались, а съ ними по словамъ г. Скальковскаго, приходило и довольно много Некрасовцевъ. Большой ущербъ населенію края нанесло образованіе Черноморскаго казачьяго войска, составленного, какъ известно, изъ Запорожцевъ. Когда послѣдовалъ вызовъ вступить въ новое казачье товарищество (1792 г.) явилось болѣе 5,500 человѣкъ, пожелавшихъ покинуть родной край, съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться по прежнему казаками ***).

Однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ заселенія Новороссіи были переселенцы изъ заграницы: этотъ край и до сего времени еще пестрѣетъ обращиками всѣхъ европейскихъ племенъ. Первыми по времени, послѣ Славянъ (пришедшихъ въ царствованіе Елизаветы) были Греки, о переселеніи которыхъ мы находимъ любопытныя свѣдѣнія въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и древностей. При на-

чалѣ первой Турецкой войны, при Екатеринѣ, Греки были приглашены принять въ ней участіе, причемъ графъ А. Орловъ писалъ имъ, «что въ счастливомъ окончаніи сего великаго дѣла заключается ихъ честь, мѣда и счастье». Когда же подписанъ былъ мирный трактатъ съ Турцией, Греки, подавшие оружіе противъ султана, пришли въ недоумѣніе и просили Орлова объяснить имъ, въ чёмъ же будетъ заключаться обѣщанная имъ мѣда? Вследствіе этого запроса, «Албанскому народу» было объявлено, что всякий, находившійся въ войсکѣ, сражавшемся вмѣстѣ съ русскимъ, можетъ перейти въ русскую службу съ сохраненіемъ чина, и что имъ будутъ даны способы для перехода въ Россію; тѣмъ же, которые почemu-либо не могутъ немедленно воспользоваться этимъ предложеніемъ, объявлялось, что когда бы они ни пожелали приѣхать въ Россію, они будутъ «приняты и расположены съ тѣми же выгодами и преимуществами, какъ и тѣ, которые отправятся теперь.» Охотники переселиться въ Россію нашлись, и партія Грековъ, подъ начальствомъ капитана Мавромихали, заявила о своемъ желаніи выселиться. Имъ было обѣщано дать нужные средства для «домостроительства,» а также построить имъ церкви и предоставить разбирательство между собою и все внутреннее управление ихъ имъ самимъ; наконецъ дарована была имъ льгота отъ податей на 30 лѣтъ. Въ 1775 г. прибыла первая партія Грековъ; ихъ поселили въ Таганрогѣ, Керчи и Ениколѣ (пріобрѣтенныхъ по Кучук-Кайнарджійскому миру), а впослѣдствіи они были выведены изъ двухъ послѣднихъ пунктовъ и поселены въ Балаклавѣ, гдѣ дарованы были имъ и земли съ освобожденіемъ отъ податей навсегда. Другая партія Грековъ переселилась въ Новороссійскій край изъ Крымскаго полуостро-

*) Ист. Нов. Сѣчи, III, 234.

**) Въ Архивѣ военнаго министерства въ Москве.

***) Ист. Нов. Сѣчи. III, 227.

ва за 4 года до его присоединения къ Россіи. Ихъ вышло не менѣе 20,000 человѣкъ; они были поселены по рр. Калміусу, Кальчику и Калкѣ и вообще по сѣверному берегу Азовскаго моря; Мариуполь есть центральный пунктъ ихъ колоній, точно также какъ Нахичевань есть центральный пунктъ населеній армянскихъ, почти одновременно вышедшихъ изъ Крыма. По свѣдѣніямъ центрального статистического комитета тѣхъ и другихъ выселилось въ Новороссійскій край не менѣе 30,000 человѣкъ.

Въ 1783 г. присоединенъ былъ Таврическій полуостровъ. Очень затруднительно опредѣлить даже приблизительно цифру того контингента, который онъ внесъ въ населеніе Новороссійскаго края. По свидѣтельству Палласа, народонаселеніе Крыма простиравось въ это время до 500,000 человѣкъ; но эта цифра, кажется, очень преувеличена, тѣмъ болѣе, что со времени Кучукъ-кайнарджійскаго мира Турки и Татары стали переселяться изъ Крыма въ Турцию, а Армяне, какъ мы видѣли, въ Россію. Послѣ 1783 г. мусульманская миграція приняла въ немъ огромные размѣры. Германскій императоръ Іосифъ, сопровождавшій Екатерину въ ея поѣздкѣ въ Крымъ, увѣрялъ графа Сегюра, что болѣе двухъ третей населеніе покинуло полуостровъ послѣ его присоединенія. Пейсоннель полагаетъ, что во время его путешествія (1784 г.) тамъ оставалось не болѣе 50,000 человѣкъ. Эта цифра также грѣшитъ, кажется, преувеличеніемъ, но въ смыслѣ, противуположномъ Палласу; по официальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1803 году въ Крыму считалось до 140,000 д. *). Вотъ впрочемъ все, что я могу сказать относительно мусульманскаго населенія, вошедшаго въ чи-
слу жителей Новороссійскаго края.

*) Списки населенныхъ мѣстъ.

Въ февралѣ 1784 г. былъ обнародованъ манифестъ, въ которомъ провозглашалось, что всѣ съ Россійской Имперіей въ дружбѣ состоящіе народы, могутъ производить свободную торговлю въ Херсонѣ, Севастополь и Феодосіи, а также могутъ селиться въ Новороссійскомъ краѣ и вступать въ россійское подданство. Конечно, нельзя было надѣяться, чтобы въ западной Европѣ, въ то время еще не такъ переполненной жителями какъ теперь, нашлось большое количество охотниковъ двинуться въ степи, едва вышедшиа изъ подъ власти Татаръ, если не привлечь переселенцевъ льготами и преимуществами. Справились съ дѣлами о возвращеніи иностранцевъ въ первые годы царствованія Екатерины, и рѣшились дать новымъ выходцамъ тѣ же преимущества. Старый фельдмаршалъ Румянцевъ, другъ порядка и аккуратности, припомнить при этомъ, что онъ видѣлъ во время Семилѣтней войны въ окрестностяхъ Эльбинга и Данцига, въ Пруссіи, селенія менонитовъ и удивлялся ихъ отличному земледѣлію и скотоводству *). Соображая, что для успѣха въ ихъ занятіяхъ прежде всего нужны хорошая почва и обширныя пространства, онъ представилъ императрицѣ обѣ этихъ трудолюбивыхъ людяхъ, и о томъ, что если прігласить ихъ, то они вѣроятно пожелаютъ воспользоваться просторомъ и плодородiemъ Новороссійскаго края. По его представленію отправленъ былъ агентъ въ Пруссію и вывелъ оттуда 1000 душъ нѣмцевъ — менонитовъ, которые получили земли на правомъ берегу Днѣпра и основали нѣсколько колоній вблизи нынѣшняго Екатеринослава. Нѣсколько позднѣе прибыли еще другіе переселенцы изъ разныхъ частей Германіи; съ острова Даго переселилось нѣсколько десятковъ «Шведскихъ» и

*) Исторія Новор. края. 183.

крестьянскихъ семействъ, и основали въ окрестностахъ Бериславля такъ называемую Шведскую колонию. Ученый Шторхъ говоритъ, что въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Екатеринославской губерніи большая половина народонаселенія состояла изъ иностранцевъ-колонистовъ *).

Дѣло колонизаціи шло быстро и энергично; вообще въ теченіи лишь семи лѣтъ, съ 1780 по 1787 г., по распоряженіямъ Потемкина, говоритъ г. Скальковскій въ своей Исторіи Новороссійскаго края раздано 1355 земельныхъ дачъ, на коихъ устроено 758 колоній и водворено 76,147 душъ. Но эта цифра, очевидно, не исчерпываетъ всего приращенія народонаселенія въ краѣ; у того же автора и въ той же Исторіи мы находимъ другія цифры, выражающія общее народонаселеніе края въ 1787 г. Такихъ цифръ двѣ, а именно 688,589 и 744,550. **) Не имѣя данныхъ чтобы рѣшить, которая изъ этихъ цифръ справедливѣе, принимаю круглую, болѣе склоняющуюся къ меньшей изъ этихъ цифръ — 700,000. Но если такъ, то окажется, что послѣ 13 лѣтъ управления Потемкинымъ Новороссіей, въ ней прибыло 600,000 жителей, то-есть прибывало въ годъ почти до 43 т. человѣкъ. Предполагая подобное же приращеніе въ остальные 4 года Потемкинского управления, найдемъ, что въ 1791 г. Новороссія должна была имѣть свыше 850,000 жителей или что къ тѣмъ ста пятидесяти тысячамъ, которые населяли этотъ край въ 1774 г., — прибавилось въ продолженіе всѣхъ 17 лѣтъ управлениѣ Потемкина 700,000.

Это необыкновенно быстрое увеличеніе народонаселенія кажется достаточно опровергаетъ весьма распространенное мнѣніе, будто Потемкинъ строилъ декораціи селе-

ній и сгонялъ народъ издалека, когда Екатерина обозрѣвала Новороссійскій край, чтобы замаскировать его пустынность. Конечно, намѣстничество Потемкина было пустынно въ сравненіи съ нѣкоторыми центральными губерніями; но представляя императрицѣ край, который разоряли систематически и который едва вышелъ изъ-подъ турецкаго владычества, онъ могъ казаться съ гордостью указывать на то, что дѣйствительно сдѣлано, не приѣзжая къ шарлатанству. До него на окончностяхъ края находилось лишь четыре городка: Азовъ, Ростовъ, Таганрогъ и Елисаветградъ; при Потемкинѣ возникли: Херсонъ, Екатеринославъ, Александровъ, Бериславъ, Николаевъ, Павлоградъ, Константиноградъ, Мелитополь, Мариуполь и Нахичевань, и нѣкоторые изъ этихъ городовъ были уже порядочно отстроены; вотъ какъ описывается Херсонъ графъ Сегюръ, сопровождавшій императрицу въ 1767 году: «Мы увидѣли,» пишетъ онъ, «почти уже оконченную крѣпость и казармы на 80.000 человѣкъ, адмиралтейство со всѣми принадлежностями, арсеналъ, заключающій въ себѣ до 600 орудій, два военныхъ корабля и одинъ фрегатъ, снаряженные къ спуску, публичныя зданія, воздвигаемыя въ разныхъ мѣстахъ, нѣсколько церквей прекрасной архитектуры, наконецъ цѣлый городъ уже торговый, съ 2.000 домовъ и лавками, полными греческихъ, константинопольскихъ и французскихъ товаровъ; въ Херсонской гавани стояло до 200 купеческихъ судовъ.» Въ Николаевѣ, только заложенномъ въ 1789 году, состояло въ началѣ 1791 г. всего двадцать шесть домовъ и считалось 147 жителей, а въ концѣ слѣдующаго года было уже 3.300 душъ обоего пола *). Но главное попеченіе Потемкина было обращено

*) Tableau historique et statistique etc.

**) Исторія Новороссійскаго края, 195.

*) Зап. Одесскаго Общ. Ист. и Древн. т. IV.

на Екатеринославъ, городъ, которому онъ желалъ бы доставить первенствующее значение во всемъ южномъ краѣ. «Всемилостивѣшайшая Государыня,» писалъ онъ императрицѣ, «гдѣ же какъ не въ странѣ, посвященной славѣ Вашей, быть городу изъ великолѣпныхъ зданій? А потому я предпріялъ проекты составить достойные сего града названію*). И дѣйствительно, имъ составленъ былъ грандиозный планъ для Екатеринослава (находящійся въ Зап. Одесскаго Общ. Ист. и Древн.), который только смерть помѣшила Потемкину привести въ исполненіе. Въ томъ же изданіи мы находимъ свѣдѣніе о числѣ бывшихъ въ Новороссійскомъ краѣ церквей въ 1775 и 1777 годахъ, по числу которыхъ можно судить о числѣ жилыхъ мѣстъ въ эти два послѣдовательные періоды: въ 1775 году ихъ было 232, а въ 1777 — 345 **).

Край быстро заселялся и въ то же время развивался; земледѣліе возрастило естественнымъ путемъ съ возрастаніемъ народонаселенія. Потемкину хотѣлось, чтобы переселенцы изъ Германіи служили для русскихъ земледѣльцевъ примѣромъ рационального хозяйства; съ этой же цѣлью учреждена имъ земледѣльческая школа (близь Николаева). Онъ старался распространить огородничество и садоводство; за годъ до смерти своей, Потемкинъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы во всѣхъ имѣніяхъ, не исключая и частныхъ, отъ Хортицы до Лимана, по Днѣпру, а равно и по Бугу и по морскому берегу, разводимы были виноградники. Въ Крыму при немъ началось винодѣліе и, по его свидѣтельству, дѣлало большіе успѣхи: «виноградъ венгерскій,» писалъ онъ государынѣ, «въ 1786 г. далъ уже первый плодъ; вино дѣлаютъ лучше

прежнаго; водку французскую гонять лучше настоящей и черезъ годъ конечно большое количество оной будетъ*). Онъ обратилъ вниманіе на разведеніе шелковицы и хлопка, для чего выписывалъ мастеровъ изъ Италии и Греции; улучшеніе породъ рогатаго скота и барановъ тоже не ускользнуло отъ его вниманія; онъ предвидѣлъ какое развитіе можетъ принять овцеводство на обширныхъ степяхъ новороссійскихъ. «Полуденные мѣста Имперіи Вашей,» писалъ онъ императрицѣ, «изобилуютъ руноноснымъ скотомъ почти больше, чѣмъ вся Европа вмѣстѣ; перемѣнивъ шерсть въ лучшую, черезъ способы вѣрные и простые, превзойдутъ въ количествѣ суконъ всѣ прочія государства. Изъ всѣхъ мѣстъ гдѣ лучшіе бараны я выписалъ самцовъ», и проч. Въ архивахъ Новороссійскаго края сохранились контракты съ заграничными садовниками, винодѣлами и другими специалистами, подписанные собственною рукою Потемкина; въ его управлѣніе учредились въ Херсонѣ три иностранныя купеческія конторы, получили развитіе издавна существовавшіе въ краѣ промыслы: соляной и рыболовный; и благодаря всему этому, начала возникать и торговля **). Потемкинъ воспользовался точно также специальностью бывшихъ Запорожцевъ по части мореходства, и когда возгорѣлась вторая Турецкая война, устроенный имъ гребной флотъ игралъ въ ней большую роль.

Но скажутъ: положимъ что Новороссійскій край дѣйствительно быстро заселялся, и что Потемкинъ обнаружилъ при этомъ

*) Рус. Архивъ 1865, 63.

**) Я не имѣю свѣдѣній о торговлѣ Новороссійскаго края съ внутренними губерніями; но въ донесеніяхъ русского посланника въ Константинополь я нашелъ вѣдомость товарамъ, привезеннымъ изъ Новороссійскихъ портовъ въ Константинополь и изъ этого города въ Новороссійскіе порты, за 1782 годъ, Прил. II.

*) Р. Арх. 1865, 393.

**) Зап. Одес. Общ., т. III: «Отрывокъ повѣстіи о Новороссійск. краѣ» 104—117.

много энергии и административныхъ способностей; спрашивается, сооствтвовали ли успѣхи усилия и былъ во всемъ этомъ какая нибудь серіозная цѣль, или же все сводилось къ тому, чтобы показать: вотъ что я могу сдѣлать! На этотъ вопросъ я не колеблюсь отвѣчая: да, страшные усилия и пожертвованія, которыхъ потребовало такое быстрое заселеніе Новороссийскаго края имѣли великую цѣль, и энергія, обнаруженная при этомъ Потемкинымъ служила не тщеславію, а великой идеѣ. Эта идея, м. г., есть такъ называемый Греческій проектъ, идея, которая можетъ быть выражена въ четырехъ короткихъ словахъ: изгнаніе Туровъ изъ Европы, но которая поражаетъ своею необъятностію, какъ только начнешь вникать въ ея подробности и думать о мѣрахъ къ ея осуществленію. Я не скажу, чтобы Греческий проектъ былъ изобрѣтенъ Потемкинымъ; желаніе возвратить Балканскій полуостровъ первоначальнымъ православнымъ его обитателямъ должно было представляться на божиимъ царямъ и святителямъ нашимъ. Первый выразилъ эту мысль практически Петръ Великій, въ возваніи къ Черногорцамъ (безъ сомнѣнія и къ другимъ христіанскимъ племенамъ), предпринимая въ 1711 г. войну противъ Турціи, а потомъ, при началѣ войны 1769 г. точно также выразила ее Екатерина. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ мысль о возвращеніи Балканского полуострова христіанству являлась какъ одно изъ средствъ, вызванныхъ военными соображеніями. Потемкинъ первый вникнулъ во всѣ условия этого гигантскаго предположенія и взялъ на себя осуществить его съ фундамента и до вершины. Этимъ фундаментомъ и было, по моему убѣждению, устройство Новороссийскаго края. Мнѣ не случалось видѣть самаго проекта то-есть изложенія мыслей Потемкина во

всей ихъ общности и я не знаю существуетъ ли подобный актъ; но я замѣчу цѣлый рядъ мѣръ предпринятыхъ по внушенню Потемкина, совершенный подъ его руководствомъ и имѣющихъ очевидную между собою связь. Эта связь, я увѣренъ не случайная и съ этой точки зрѣнія намъ объясняется многое, что иначе не было бы намъ ясно. Принятие подданства Грузіи, напримеръ, безъ связи съ Греческимъ проектомъ легко можетъ представиться дѣломъ тщеславія, прихотью весьма обременительной, потому что въ то время Закавказье отдѣлялось еще отъ Россіи независимыми горскими владѣніями. Но дѣло это получить совершенно иное значеніе, когда мы представимъ себѣ, что чрезъ Кавказскій хребетъ протягивалась рука къ неприкосновеннымъ дотого времени основамъ турецкаго могущества, въ то самое время, когда другая рука готовилась тяжело опуститься на Дунай. Занятіе Крыма и сооруженіе флота на черномъ морѣ то же суть звенья той цѣпи идей, которая называется Греческихъ проектовъ: а если таковы были дѣйствительно виды тогдашней русской политики, то Новороссийскій край долженъ быть составлять какъ бы грудь того исполнителя, который охватывалъ Черное море съ двухъ сторонъ, и крымское ханство весьма естественно должно было представляться «бородавкою на носу», (по выражению Потемкина), которую снять было неизбѣжною необходимости. Историки еще не имѣли возможности изслѣдоватъ всей глубины соображеній Потемкина, но многое даетъ уже намъ разумѣть, что ослабленіе власти султана въ Дунайскихъ княжествахъ, подчиненіе Грузіи, присоединеніе Крыма, Черноморскій флотъ и такъ энергически вызванный къ жизни Новороссийскій край суть части одного плана, звенья одной цѣпи соображеній.

Возбужденные всѣми вышеприведенными средствами силы обширнаго и богатаго отъ природы края не замедлили развернуться и обнаружить благотворное вліяніе на событія. Новороссійскія пустыни, бывшия, во время Миниховыхъ походовъ, величайшимъ изъ затрудненій, какія только представлялись нашимъ войскамъ, принудившія Румянцева, въ войну 1770—74 года, основать свою операционную базу въ польскихъ владѣніяхъ, тринацать лѣтъ спустя уже не была затрудненіемъ; напротивъ: Екатеринославская армія, во время второй Турецкой войны, извлекала изъ Новороссійскаго края существенную помощь, и мѣстное дворянство могло съ справедливою гордостю записать въ протоколъ одного изъ своихъ собраній слѣдующія любопытныя для нась слова:*) Край продовольствовалъ армію не смотря на неурожай и затруднительныя соображенія по случаю прорывавшейся чумной заразы. Во время осады Очакова, продолжавшейся довольно долго, пушки, ядра и снаряды привозились обывателями изъ Кременчугскихъ заводовъ (устроенныхъ при Потемкинѣ). Въ то же время съ неимовѣрнымъ рвенiemъ по деревнямъ перепекались сухари и доставлялись въ армію безденежно. Послѣ взятія крѣпости, собрано было до 10,000 лошадей съ повозками и всѣ почти войска перевезены во внутренность губерніи для зимовки. Кроме того Новороссійское дворянство доставило 4000оловъ, 1000 фуръ и 3000 лошадей для артиллеріи и транспортовъ». Извѣстно, что тяжкія усиія Новороссійскаго края во время второй Ту-

*) Исторія Новор. Края 210.

рецкой войны не былиувѣчаны желааемымъ успѣхомъ: Потемкинъ не имѣлъ большихъ военныхъ дарованій. Но это не даетъ намъ права исключать его изъ числа великихъ государственныхъ людей. Всякій можетъ посудить самъ, какъ широко захватывала мысль его при обсужденіи самыхъ, повидимому, чуждыхъ политикѣй предположеній: замышляя основать въ Екатеринославѣ университетъ съ академіей художествъ, съ училищемъ хирургическимъ и народной школой, онъ писалъ государынѣ: «По сосѣству Польши, Греціи, земель Волошской, Молдавской, и народовъ Иллірическихъ, множество притечетъ юношества обучаться, которые возвратятся съ неизгладимою благодарностью къ вашимъ благодѣяніямъ и привязанностью къ Россіи *). Не безъ связи, конечно, съ задачею, которой онъ посвятилъ свою жизнь, Потемкинъ давалъ греческія имена городамъ, которые основать въ Новороссіи, какъ напримѣръ Херсонъ, Ольвіополь, Маріуполь, Мелітополь и пр.; не безъ цѣли немедленно по присоединеніи Крыма, замѣнены были турецкіе имена Гезлефъ (Козловъ), Кафа, Акмечеть, Актіяръ и пр., древними и греческими: Эвпаторія, Феодосія, Симферополь, Севастополь.... Севастополь, гдѣ рядомъ съ развалинами древняго Херсонеса, съ памятью о св. крещеніи Владимира, возникъ флотъ, который, въ предположеніяхъ Потемкина, долженъ быть когда нибудь принести вѣсть освобожденія ко граду св. Константина **).

*) Р. Архивъ 1865 г., стр. 66.

**) Приложенія къ этой лекціи помѣщены въ концѣ выпуска.

П. Щебальскій.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ГРЕКОВЪ И СКИЕОВЪ БОССФОРА КИММЕРИЙСКАГО.

Мм. Гг.

Посѣтители будущей этнографической выставки найдутъ на этой выставкѣ особое отдѣленіе, состоящее изъ различного рода древностей, открытыхъ въ могильныхъ курганахъ Московской губерніи. Эти древности суть вещи домашняго обихода и разныя принадлежности костюма и туалетныхъ украшеній, преимущественно женскихъ. Трудно съ точностью опредѣлить, какой эпохѣ и какому имени принадлежать эти предметы, и авторъ этихъ раскопокъ, съ скромностью ученаго, сознающаго эту трудность, характеризировалъ народъ, обитавшій нѣкогда на занимаемой нами почвѣ, именемъ курганнаго племени Московской губерніи. Подобными древностями богата обширная поверхность Русскаго царства: множество кургановъ покрываютъ почву Сибири, сѣверъ и югъ Европейской Россіи. Но въ особенности богаты ими сѣверные берега Чернаго моря, Крымъ и Таманскій полуостровъ. Но та неизвѣстность, которая затрудняетъ изслѣдователя сѣверо-русскихъ древностей, здѣсь исчезаетъ: мы знаемъ, что въ названныхъ мною сейчасъ мѣстностяхъ, за много столѣтій

до Рождества Христова, коренными обитателями были Скиѳы.

Къ этимъ Скиѳамъ, въ теченіи двухъ столѣтій, въ 6-мъ и 7-мъ вѣкѣ до Р. Х., стали приходить греческіе поселенцы, тѣснѣмые на родинѣ врагами и политическими партіями, и основывать тамъ колоніи, которыя, благодаря трудолюбію, торговымъ сношеніямъ, смѣщенности и уму пришельцевъ, превратились въ богатые, цвѣтущи города, каковы были Ольвія, Херсонесъ, Пантикалея и Фанагорія. Но новые переселенцы перенесли на дикие берега непріютнаго моря, вмѣстѣ съ своею вѣрою, и свой языкъ и свою цивилизацию: цвѣтущий югъ нынѣшней Россіи, принявший имя Босфора Киммерийскаго, измѣнилъ совершенно свою физіономію. Грубые нравы первобытныхъ жителей смягчила греческая цивилизација. Повсюду, въ городахъ и поселеніяхъ, въ рощахъ и на утесистыхъ мысахъ, возвышались храмы, сооруженные болѣе гуманнымъ богомъ, нетребовавшимъ кровавыхъ человѣческихъ жертвъ, столь обычныхъ у Скиѳовъ. На огромномъ пространствѣ господствующимъ сдѣлался языкъ

греческий, благозвучный, богатый и литературно-высоко образованный. Отъ устьевъ Дуная, по всѣмъ берегамъ чернаго моря, слышалась одна рѣчъ и господствовала здѣсь въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій до временъ византійскихъ, что доказывается множествомъ надписей, тутъ найденныхъ. Всѣ города были заложены по образцу греческихъ, съ правильными улицами, съ акрополемъ, агорою, гимназіями и театрами. Живая и дѣятельная торговля обогащала ихъ. Но что въ особенности отличало греческія колоніи во всѣхъ странахъ мира, было то обстоятельство, что они переносили съ собою на новую родину и свое искусство, этотъ мощный рычагъ цивилизациіи человѣческаго рода. Греческіе художники слѣдовали за переселенцами и ихъ-то произведенія положили окончательно печать эллинизма на ново-завоеванную во имя цивилизациіи страну. Они-то украшали храмы идолами боговъ, площади статуями доблестныхъ гражданъ и частную жизнь безчисленными произведеніями своего искусства. Но отъ этого блеска прошлыхъ дней только одни курганы и могилы Босфора Киммерійскаго сохранили намъ слабое отраженіе. Въ то время какъ города Понта Эвксинскаго исчезли почти безъ сгѣда, скуча земля выдала намъ часть сокровищъ, которыя она хранить въ могилахъ Грековъ и Скиѳовъ Босфора Киммерійскаго. Эти сокровища такъ велики и замѣчательны по своему художественному совершенству (часть ихъ принадлежитъ великимъ временамъ процвѣтанія греческаго искусства отъ Перикла до Александра Македонскаго), что они составляютъ цѣлый, особый музей, единственный въ мірѣ, извѣстный подъ именемъ: Керченского отдѣленія Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербургѣ, потому что большая часть вошедшихъ въ него предметовъ была

найдена въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ. Эти сокровища, тѣсно связанные съ погребальными обычаями народовъ Босфора Киммерійскаго, рассказываютъ намъ, нагляднѣе и подробнѣе всѣхъ историковъ, всю жизнь этихъ народовъ: ихъ нравы и обычаи, ихъ вѣру и обряды, костюмъ и домашнюю жизнь. Но цивилизациѣ такъ тѣсно слия туземцевъ и пришельцовъ, Грековъ и Скиѳовъ, что изслѣдователь не въ состояніи отличить, по однимъ внѣшнимъ признакамъ, могилы Грековъ отъ могилъ скиѳскихъ. При отсутствіи памятниковъ письменности у Скиѳовъ, это даже совершенно не возможно и только изобилие и богатство украденій въ извѣстныхъ гробницахъ ихъ, такъ сказать, азиатская роскошь, заставляетъ предполагать, что онъ принадлежать элиннлизированнымъ Скиѳамъ высшихъ сословій. Съ содержаніемъ этихъ-то гробницъ Босфора Киммерійскаго, съ изящными памятниками греческаго искусства, находимыми на почвѣ нашего отечества и обогатившими не одинъ европейскій музей, я, въ бѣгломъ очеркѣ, познакомлю васъ сегодня.

Погребальные обряды греческаго народа отличались простотою и сдержаннмъ выражениемъ горести, которая особенно характеризуетъ этотъ народъ, столь одаренный тонкимъ чувствомъ мѣры, во всѣхъ проявленіяхъ жизни. У другихъ народовъ древности мы встрѣчаемъ или большую помпу, торжественность погребальныхъ обрядовъ, какъ напримѣръ у Римлянъ или желаніе самымъ яркимъ образомъ выразить печаль, какъ напримѣръ на всемъ востокѣ и въ древнемъ Египтѣ, желаніе, которое тогда доходило до кровавыхъ жертвъ человѣческихъ, напримѣръ въ Этрурии. Отдать послѣдній долгъ усопшему — считалось священною обязанностью не только относительно родственниковъ, но даже и чужестранцевъ.

Эту глубоко-прочувствованную черту въ греческой народной жизни религія возвела въ законъ. Отсюда-то возникъ благочестивый обычай — украсить всѣмъ лучшимъ и дорогимъ усопшаго на его послѣднемъ пути, дать земнымъ его останкамъ почетное погребеніе, считать могилу святынею и предохранить ее отъ всякаго нарушенія и оскорблениія.

Когда кто-либо умиралъ въ Греции (всѣ эти обычаи были перенесены поселенцами и на Босфоръ Киммерійскій), то ближайший родственникъ или другъ тѣмъ выражалъ свою любовь къ покойнику, что закрывали его глаза и уста. Потомъ трупъ обливали, а иногда умащали благовонными маслами, элеемъ и миррою, облекали въ чистыя, тонкія и обыкновенно бѣлые одежды, закрывали лицо покойника покровомъ и голову увѣнчивали вѣнкомъ,—это былъ общій обычай. Вѣнки приносили или присылали родственники и друзья: они дѣлялись изъ цвѣтовъ, которые производило время года. Такимъ образомъ на ложѣ, украшенномъ зеленою и цвѣтами, усопшаго выставляли въ передней комнатѣ, такъ что ноги покойного были обращены къ входнымъ дверямъ. Возлѣ трупа ставили вазы съ благовонными маслами. Родственники, друзья и знакомые окружали ложе и раздавался плачъ женщинъ, обитательницъ дома покойника. Таковы были обычаи общіе для всѣхъ классовъ, предшествовавшіе погребенію. Но гораздо большую роскошь въ изукрашениіи бренныхъ останковъ усопшаго встрѣчаемъ мы въ курганахъ и могилахъ Босфора Киммерійскаго. Вмѣсто густаго вѣнка изъ цвѣтовъ, голову богатыхъ и знатныхъ лицъ увѣшивали золотыми вѣнками, дѣланнмыми изъ тонкаго листового золота. Въ императорскомъ эрмитажѣ хранятся найденные въ керченскихъ гробницахъ отлично сохранившіеся 21 вѣнокъ, не говоря

о большомъ числѣ неполныхъ погребальныхъ вѣнковъ. Подобные вѣнки столь часто встречаются въ гробницахъ этой страны, что, повидимому, составляли обыкновенную принадлежность тамошнихъ похоронныхъ обрядовъ. Но кромѣ этихъ вѣнковъ встречаются и другіе, которыхъ прочность, изящная отдѣлка доказываютъ, что они служили знакомъ отличія, и награды, который носили при жизни, что намъ известно изъ разказовъ древнихъ. Ихъ клали вмѣстѣ съ другими предметами въ гробницу. Извѣстные золотые вѣнки были найдены также въ гробницахъ греческихъ поселенцевъ въ великой Греціи (Южная Италия). Вмѣсто вѣнковъ на голову, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, надѣвали также широкія золотыя повязки, которыхъ средина иногда украшена вправленными рѣзными камнами.

Но этимъ не ограничивался погребальный туалетъ знатныхъ лицъ. Особою роскошью отличаются женскія могилы и ихъ-то богатая обстановка постоянно составляетъ самую богатую жатву музеямъ.

Кромѣ вѣнка и повязки, голова еще нарывалась особыми украшениями. Такъ на головѣ одного женского остова въ Керчи была старинная прекрасно сдѣланная изъ золота связка волосьевъ. Не была ли усопшая жрица великой богини земледѣлія Деметры или Цереры? Уши украшались серыгами, необыкновенно разнообразныхъ формъ и достоинства. Золотыхъ серегъ, найденныхъ въ могилахъ Босфора Киммерійскаго, въ эрмитажѣ множество. Изящество работы, разнообразие украшений, а въ некоторыхъ значеніе сюжета, придаютъ этимъ небольшимъ вещицамъ женскаго туалета важное значеніе и должную цѣнность. Особою изящностью отличаются привѣски къ серыгамъ: игривая фантазія греческихъ художниковъ расточала на этихъ бездѣлушки щедрою рукою свои сокровища. Боль-

шю частю привѣски изображаютъ амуроў и ихъ наслости: то амуроў издѣвавшихъся, то взыхающихъ, то восхищенныхъ, то комедиантовъ. Или привѣскою служить крылатый пегазъ, грозда винограда или извѣстная женская головка. Всѣ недавно читали въ газетахъ, что въ одной изъ гробницъ въ окрестностяхъ Керчи найдены были серги, гдѣ привѣскою служить изображеніе Діаны Таврической, сидящей на оленѣ: судя по фотографіи, иконо видѣнной, это одно изъ изящнейшихъ произведеній греческаго ваянія въ драгоцѣнныхъ металлахъ, и притомъ отдаленной эпохи.

Извѣстно, что въ греческой древности, какъ женщины, такъ и дѣти, носили на шеѣ ожерелья, иногда съ фермуарами. Въ императорскомъ эрмитажѣ золотыхъ ожерелій, съ прекраснейшими привѣсками, открытыхъ въ Босфорѣ Киммерийскомъ, счи- мается болѣе 40. Въ дѣлѣ этой части женскаго туалета древніе любили большую роскошь. Если серги уже отличались тонкою и изящною отдѣльною, то ожерелья, по возможности, превосходять ихъ въ этихъ качествахъ. Привѣски къ ожерельной нити или цѣпочки отличаются, не только изящностью стиля, но изумительной тонкостью работы. Древніе писатели разказываютъ, что ихъ золотыхъ дѣлъ мастера дѣлали колесницы, запряженныя четырьмя лошадьми такой величины, что муха могла покрыть ихъ своими крыльями. Подобный же чудеса миниатюрной работы мы встрѣчаемъ и на привѣскахъ босфорскихъ ожерелій, которыхъ хранятся въ эрмитажѣ: ихъ можно разматывать только въ увеличительное стекло. Даже женщины бѣднейшихъ классовъ носили на шеѣ монисты, которыхъ до насъ дошло большое и разнообразное множество. Они состоятъ изъ стеклянныхъ и сердоликовъ париковъ, масокъ и т. д. Толь-

ко одною принадлежностью женскаго туалета отличались, повидимому, скиескія женщины высшихъ классовъ отъ гречанокъ: скиескія женщины носили на шеѣ толстый золотыи кольца. Великолѣпный образчикъ этого рода шейныхъ кольецъ, прекрасной греческой работы, принадлежавшій неизвѣстной намъ скиескій царицѣ, сохраняется въ эрмитажѣ. Эта царица сверхъ того на груди носила золотые медальоны, большие и малые. На одномъ изъ этихъ медальоновъ изображена голова Минервы Фидія.

По этимъ еще далеко не исчерпывается богатство босфорскихъ могиль. Древніе весьма дорожили своими перстенѣками, которые у нихъ служили не только украшеніемъ, но имѣли и практическое назначение: ихъ употребляли вместо печатей. Вставленные въ золотую оправу драгоценные камни рѣзались величайшими художниками и въ древности имена подобныхъ рѣзчиковъ, Пирителеса и Діоскорида, славились столько же, сколько имена Лизиппа и Апеллеса. Богачи имѣли цѣлые собранія перстней и иные даже носили перстни ежедневно; императорскій эрмитажъ очень богатъ превосходнейшими перстнями, открытыми въ могилахъ Босфора Киммерийскаго: въ немъ считается золотыхъ перстней съ камнями и безъ нихъ болѣе 150. Ихъ иногда носили два, три на пальцахъ. Но въ особенности цѣнятся знатоками тѣ рѣзные камни, на которыхъ вырѣзано имя греческаго художника, ихъ рѣзавшаго. Императорскій эрмитажъ богатъ и такими сокровищами греческаго рѣзца.

По видимому, особую принадлежность костюма внатныхъ Скиѳовъ составляли небольшія золотыи и весьма тонкія бляхи: ихъ носили на одежду, которая вся казалась усыпаною ими. Небольшое отверстіе, находящееся на этихъ бляхахъ, доказываетъ, что ихъ напивали на одежду и судя

по найденному количеству ихъ, можно предполагать, что нѣсколько сотъ бляхъ покрывали одно платье. Бляхи обыкновенно украшены набивными если выпукло рабочанными украшеніями, представляющими крылатыхъ львовъ, женскія фигуры, скиѳовъ, орловъ, чудовищъ, разныхъ боговъ, голову медузы (всѣхъ стилей) и т. д. Скиѳы повидимому заимствовали этотъ родъ украшений у древнѣйшихъ народовъ Азіи. На памятникахъ мы встречаемъ въ такихъ одеждахъ изображенными Вавилонянъ, Персовъ и Фригійцевъ. Отъ послѣднихъ эта мода, кажется перешла и къ Скиѳамъ; едва ли греческие поселенцы Босфора усвоили ее себѣ. Бляхъ найдено вообще несмѣтное число и одна царская гробница доставила ихъ императорскому эрмитажу болѣе 600. Само собою разумѣется, что подобного рода украшения должны были придавать одѣждѣ особенный блескъ и роскошный видъ и вполнѣ соотвѣтствовать полуварварскому вкусу туземныхъ жителей Босфора Киммерійского.

Но самый странный обычай, встречающийся нами въ эллинизованныхъ странахъ скиѳскихъ и древняго востока,—обычай покрывать лицо знатныхъ усопшихъ, кроме покрываля, золотою маскою, вполнѣ передающею черты лица. Въ императорскомъ эрмитажѣ сохраняется маска, найденная въ 1837 г. на женскомъ оставѣ, съ погребеннымъ вѣнкомъ на головѣ, въ одномъ прекрасномъ саркофагѣ. «Вмѣстѣ съ восхищеніемъ мною овладѣло изумленіе, говоритъ счастливый отырвателъ, когда я увидѣлъ въ саркофагѣ оставъ съ золотымъ лицемъ, съ діадемою на головѣ и въ полномъ нарядѣ. Одѣжда была покрыта золотыми украшениями; ткань, которой была покрыта голова, ниспадала до пояса и сохранила свой цветъ. Эта ткань была шерстяная, но едва къ ней прикоснулся воз-

духъ, то все разлетѣлось въ пыль и остались только золотыя блестки.» Мaska изображаетъ черты лица женщины, переступившей тридцатилѣтній возрастъ. Судя по работѣ, это высокохудожественное произведеніе, на которое нельзя смотрѣть безъ восхищенія и изумленія. Художникъ умѣлъ передать все величавое спокойствіе смерти, сохранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальная черты лица и красоту греческаго типа. Подобная же, но менѣе высокой работы, золотая маска была открыта въ Ольвіи. По словамъ Лейarda, даже на эллинизированномъ востокѣ существовалъ этотъ трудно объяснимый обычай: подобныя золотыя маски были найдены въ греческихъ могилахъ въ древней Ниневіи и въ Вавилонѣ. Въ южной Италии, въ городѣ Нола, на одномъ оставѣ была найдена бронзовая маска.

Усопшему тотчасъ послѣ смерти клали въ ротъ мѣнную монету—оболь, для уплаты Харону за перевозъ на лодкѣ черезъ подземную реку Стиксъ. Найдка подобныхъ монетъ иногда можетъ быть очень важна, потому что по нимъ можно определить время гробницы.

Сколько долгое выставленный такимъ образомъ покойникъ оставался въ домѣ—решить трудно, но въ разныхъ мѣстахъ обычай, вѣроятно, были разные. Вообще въ южныхъ странахъ погребеніе слѣдуетъ за кончиною гораздо скорѣе, чѣмъ нынѣ въ обычай въ странахъ сѣвера. Жаркій климатъ юга и условія общественной гигіи требуютъ того. Выносъ или погребеніе обыкновенно происходило въ Аѳинахъ на утро слѣдующаго дня по выставкѣ покойнаго и, по возможности, рано. Ложе, на которое положенъ былъ усопшій, служило въ Греціи вмѣсто носилокъ, на которыхъ усопшаго несли въ послѣднему жилищу. Во время шествія раздавались печальные пѣсни, исполняемыя мужскимъ хоромъ, съ

сопровождениемъ флейтъ. Передъ усопшимъ шли провожатые, сперва мужчины, изъ женщинъ же, по закону Солона, только ближайшія родственницы, а изъ другихъ женщинъ только тѣ, которыхъ были старше 60 лѣтъ. Всѣ были въ траурныхъ одеждахъ, для которыхъ уже въ древности былъ въ употреблениіи черный или сѣрий цвѣтъ. Но главнымъ знакомъ печали служили коротко остриженные волосы. Надъ могилою именитыхъ и заслуженныхъ гражданъ произносили рѣчь. Когда усопшій былъ опущенъ въ землю, то всѣ участники въ печальной процессіи возвращались въ домъ покойника и тамъ, какъ гости усопшаго, сбирались вокругъ пріественного стола, на третій, и въ особенности, на девятый и тридцатый день ближайшіе родственники приносили жертвы надъ могилою, что собственно и составляетъ заключеніе погребальныхъ обрядовъ. Эти жертвы иногда повторялись ежегодно въ день смерти усопшаго. При этихъ посѣщеніяхъ могилу уврашали цвѣтами и лентами. Вообще же время траура нигдѣ въ Греціи не простидалось далѣе четырехъ или пяти мѣсяцевъ.

Въ заключеніе укажу вамъ на различные формы преданія тѣла усопшихъ землѣ. Въ Греціи, во всѣ времена, тѣла усопшихъ или просто предавались землѣ или сожигались на кострѣ и часто обѣ формы встрѣчаются въ одномъ и томъ же семействѣ курганѣ на нашемъ Босфорѣ Киммерийскомъ. Костеръ, сооруженный въ формѣ алтаря, зажигали ближайшіе родственники, обративъ голову въ сторону. Когда огонь костра потухалъ, то его заливали виномъ, и, собравъ прахъ, клали въ бронзовую урну или расписанную глиняную вазу. Вокругъ костра приносились въ жертву овцы и бараны.

Но общеупотребительной формою погре-

бенія было простое преданіе тѣла усопшихъ землѣ. Бѣдныхъ людей хоронили очень просто: рабовъ опускали въ сырую землю, другихъ хоронили въ деревянныхъ гробахъ, болѣе достаточныхъ въ гробахъ изъ кипарисового и другихъ породъ дерева. Деревянныя гроба людей богатыхъ ставили въ мраморные саркофаги. Въ императорскомъ эрмитажѣ сохраниются фрагменты кипарисового гроба, покрытаго просвѣтѣніемъ греческою живописью: въ вѣкѣ до Р. Х. Это древнейшія картины въ мірѣ, писанныя на доскахъ. Деревянные гроба и саркофаги обыкновенно ставились въ склепы, сложенные болѣе частью изъ большихъ каменныхъ плитъ. Надъ подобными склепами насыпалася, болѣе частію, курганъ изъ земли, который своею величиною и искусною выдумкою постройкою всегда указываетъ на степень значенія усопшаго въ жизни. Надъ могилами менѣе знатныхъ лицъ сооружались надгробные камни, украшенные надписями и рельефными изображеніями.

Въ гробу усопшаго окружали множествомъ предметовъ, сосудовъ, вазъ, глиняныхъ статуэтокъ, боговъ и т. д. Неизвѣстно о религіозномъ значеніи иныхъ изъ нихъ, назначеніе большей части было: напоминать усопшему его прошлую, земную жизнь. Такъ дѣтямъ клали въ гробъ любимыя имъ игрушки, женщины — туалетиня вещи, воинамъ — ихъ орудія и т. д. Но особою роскошью обстановки отличаются погребальные склепы громадныхъ кургановъ, окружающихъ городъ Керчь или Пантакашею, столицу Боефора Киммерийскаго. Самыя стѣны и потолокъ уврашались живописью и ваяніемъ. Множество предметовъ домашней жизни окружали, може, на которое покоялся усопшій. На стѣнахъ висѣли одежды, покрыты золотыми бляхами. Ложе обставлялось сосудами, глиняными,

съ превосходившою живописью, бронзовыми и серебряными. Множество вещей, какъ-то: серебряныхъ ложекъ или изъ слоновой кости, веретена изъ дерева или изъ слоновой кости, серебряные подносы, сита, стригала, зернала, чаши, бассейны, фляжки, кувшинчики, пузырьки, изъ стекла, статуэтки боговъ, богинь, людей и даже цѣлья группы—все говорило усомнѣму о радостяхъ жизни на землѣ, все напоминало ему дорогую семью, свѣтъ и солнце....

Ещенонышняго времени громадные, но лишенные драгоцѣнного своего содержанія, курганы окружаютъ древнюю Пантиапею. Извѣстившіе изъ нихъ суть: царскій и золотой курганы. Но самое изумительное по своему богатству и художественному достоинству открытие было сдѣлано близъ Керчи 22 сентября 1831 въ курганѣ, известномъ подъ именемъ: Куль-Оба, что значитъ на татарскомъ языке: холмъ пещера. Татары нѣкогда были господствующимъ народонаселеніемъ Крыма и всѣмъ мѣстамъ дали свои наименія. Вотъ по какому поводу было сдѣлано это открытие. По распоряженію высшаго начальства назначено было доставить въ Керчь отъ 300—400 саженей камня для сооруженія казармъ отставныхъ матросовъ. Камни готовые, отесанные, по обыкновенію тогда добывались изъ кургановъ: что этотъ способъ добыванія служить въ разрушенію историческихъ памятниковъ, тогда и не думали. 19 сентября въ курганѣ Куль-Обѣ, отыскивая подобную каменоломню, открыли могильный склепъ, которого входъ былъ тщательно заложенъ. Сдѣлавъ, 22 числа, сверху дверей, отверстіе, открыватель вошелъ въ склепъ. Вотъ что представилось его глазамъ:

Подъ балдахиномъ, на возвышенномъ ложѣ, въ деревянныхъ саркофагахъ, ле-

жали царь и царица. Митра царя была украшена двумя золотыми повязками. На шей находилось шейное кольцо изъ массивнаго золота. Много золотыхъ колецъ покрывали его руки. Возлѣ него лежало царское оружіе: мечъ съ золотою рукояткою, золотой скипетръ, безцѣнныи щитъ изъ массивнаго золота и золотой наручъ. Голова царицы была украшена точно таюю же митрою, съ превосходными повязками. Шея ея была украшена золотыми кольцами и пятью золотыми медальонами. На обоихъ была одежда, усыпанная золотыми бляхами. Царь и царица были окружены множествомъ драгоцѣнныхъ сосудовъ изъ золота и серебра: въ числѣ ихъ находился одинъ сосудъ, драгоцѣнныи по изображеніямъ Скиѳовъ; музыкальный инструментъ, превосходившій работы съ гравированными на немъ фигурами и электровыи статуэтки, и т. д. Въ то время, пока открыватель съ археологическою точностью описывалъ положеніе каждого предмета, въ Керчи разнеслась вѣсть о неизмѣримомъ кладѣ, открытомъ въ Куль-Обѣ. Уставъ отъ дневныхъ трудовъ, простодушный открыватель (я не хочу называть его имени), покинулъ склепъ, оставилъ его подъ присмотромъ полицейскаго чиновника съ двумя служителями. Ночью толпа грабителей, оттолкнувъ часовыхъ, проникла въ склепъ. Тутъ началась страшная сцена грабежа: похитители безжалостно ломали тѣ предметы, на которые бросалось нѣсколько человѣкъ и дѣлили ихъ между собою. Среди грабежа, они услышали, что каменный полъ, находившійся подъ ихъ ногами, издается глухой звукъ. Каменные плиты были тотчасъ подняты и открыть нижній погребальный склепъ, въ которомъ быть скороменъ предокъ или отецъ斯基ѳскаго царя. Говорить, что эта находка была еще богаче. Когда открыватель на

другое утро явился на мѣсто своей находки, онъ нашелъ весь склепъ опустошеннымъ: все было расхищено и только на полу валялись забытые и растерянные бляхи отъ одѣждъ. Позднѣе, на вѣсъ золота, подъ обѣщаніемъ безнаказанности, удалось скупить часть пожиженныхъ предметовъ,

составляющихъ нынѣ главное сокровище императорскаго эрмитажа. Все прочее было переплавлено. Такъ погибли замѣчательнѣйшія произведенія искусства и исторіи, когда-либо открытые въ недрахъ земли, погибли безъ слѣдовъ для свѣта, погибли для науки.

К. Гёрцъ.

О ЗАКОНАХЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ

И НАЦИОНАЛЬНЫХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТАХЪ

ДОСТАВЛЕННЫХЪ НА ЭТНОГРАФИЧЕСКУЮ ВЫСТАВКУ.

На Олимпѣ, по вѣрованію древнихъ Грековъ, обитали девять музъ, изъ коихъ каждая была покровительницею какой либо науки или искусства,—этихъ могущественнѣйшихъ орудій цивилизаціи. Не смотря на то, что музыка имѣла между ними особую представительницу въ лицѣ Евтерпы, музыка, кажется, пользовалась и общимъ ихъ расположениемъ, чemu слѣдуетъ приписать и происхожденіе ея названія «музыка» отъ общаго ихъ имени «музы». Евтерпа считалась увеселительницею Зевеса, вѣроятно потому, что музыка служила для увеселенія Грековъ: но при настоящемъ ея состояніи она доставляетъ человѣку не однѣ увеселеніе. Она служить ему источникомъ чистѣйшихъ наслажденій, которыя иногда овладѣваютъ всѣмъ его существомъ. Предаваясь ея очарованію почти безсознательно, онъ при этомъ почти не имѣть никакой возможности отдать себѣ отчетъ въ томъ, какая невидимая сила увлекаетъ его изъ міра прозаической дѣйствительности въ совершенно особый идеальный міръ звуковъ, заставляя его на время совершенно забывать о первомъ. Изъ всѣхъ

искусствъ, которая всѣ имѣютъ цѣлію переносить наше воображеніе изъ міра дѣйствительнаго въ міръ идеальный, музыка всего менѣе подчиняется нашему контролю и анализу по неуловимости своихъ образовъ. Кому изъ насъ не приходилось быть подъ обаятельнымъ вліяніемъ хорошо исполненной оперы Донизетти или ораторія Гайдена? Но многіе ли изъ насъ могли себѣ отдать полный отчетъ въ томъ что именно въ этихъ операхъ и ораторіяхъ производить обаяніе? и какимъ образомъ? Анализу свои ощущенія съ этой точки зрѣнія мы легко приходимъ только къ тому заключенію, что обаяніе въ этомъ случаѣ зависитъ, какъ отъ каждого отдельного звука или аккорда звуковъ, такъ — и еще гораздо болѣе — отъ извѣстнаго ихъ сочетанія и послѣдовательности. Хорошее исполненіе той или другой музыкальной пьесы есть дѣло искусства; извѣстная послѣдовательность звуковъ, изъ которыхъ составляются мотивы, и самая композиція мотивовъ есть дѣло творчества, руководимое общими правилами науки всего изящнаго — эстетики; наконецъ сочетаніе звуковъ,

слышимыхъ одновременно и образующихъ своею совокупностю аккорды, составляетъ предметъ гармоніи — науки чисто физической.

Законы гармоніи, какъ и всякой науки физической, такъ точны и опредѣленны, что могутъ быть выражаемы математическими формулами и на ихъ основании могутъ быть производимы вычислениа. Въ этомъ смыслѣ ученіе о музыкальной гармоніи — есть наука точная. Гельмгольцъ, который такъ много участвовалъ въ обработкѣ физической теоріи музыки, что связалъ неразрывно свое имя съ физикою и съ музыкою, такъ выражается объ отношеніи математики къ музыкѣ: «Меня всегда привлекалъ какъ удивительная и особенно интересная тайна тотъ фактъ, что именно въ ученіи о звукахъ — этомъ физическомъ и техническомъ фундаментѣ музыки — оказала такое плодотворное дѣйствіе наука самого чистаго и послѣдовательнаго мышленія — математика. Генераль-басъ есть своего рода прикладная математика. Математика и музыка, самая рѣзкая крайности духовной дѣятельности человѣка, все-таки соединены между собою, помогаютъ другъ другу, какъ будто для доказательства тайной связи между всѣми отраслями дѣятельности нашего духа, — связи, которая заставляетъ насъ предугадывать и въ твореніяхъ художественнаго гenія безсознательная проявленія тайно дѣйствующаго разума.» И я, имѣющій намѣреніе изложить здѣсь физическая основанія музыкальной гармоніи, считаю своимъ долгомъ предупредить моихъ слушателей, что я иногда попрошу ихъ остановить свое вниманіе на самой сухой матеріи — на числахъ. Вообще я долженъ предупредить ихъ, что въ моей бесѣдѣ о музыкальной гармоніи они не услышатъ никакихъ музыкальныхъ тоновъ, которые бы увлекли ихъ въ міръ идеальный, или

разнѣжили бы ихъ воображеніе: напротивъ я имѣю нѣкоторое намѣреніе на то, чтобы пригласить ихъ умъ нѣсколько поработать, надѣясь впрочемъ этою умственнною работою не утомить ихъ вниманія.

Пежде всего остановимъ наше вниманіе на томъ, что такое музыкальный тонъ?

Всякій звукъ, какого бы рода онъ ни былъ, всегда происходитъ отъ быстрыхъ колебаній какихъ либо тѣлъ. Я ударяю этимъ молоткомъ о столъ и вы слышите короткій отрывистый звукъ, который обыкновенно называютъ стукомъ; онъ состоить изъ одновременного сотрясенія молотка и стола, сотрясенія, — можно сказать — одиночнаго, продолжавшагося почти одно мгновеніе. Теперь я провожу по доскѣ пилою и вы слышите рядъ послѣдовательныхъ стуковъ, происходящихъ отъ ударенія каждого зубца пилы объ доску, — стуковъ, которые при медленномъ движеніи пилы могутъ быть слышимы отдельно отъ движения пилы, могутъ быть слышимы отдельно другъ отъ друга, но при быстромъ ея движеніи сливаются вмѣстѣ, производя на насъ особое впечатлѣніе, которое мы называемъ шумомъ. Итакъ шумъ есть уже звукъ сложный, слагающійся изъ множества отдельныхъ стуковъ. Такъ когда листья и вѣтви дерева отъ дѣйствія вѣтра ударяютъ другъ о друга, — когда колеса движущагося экипажа, перекатываясь съ однихъ камней мостовой на другіе, послѣдовательно производятъ объ нихъ рядъ ударовъ, — когда, перегнувъ книгу, мы заставляемъ листья быстро переворачиваться и ударять другъ о друга; во всѣхъ этихъ случаяхъ мы слышимъ шумъ. Отдельные стуки, изъ которыхъ слагается шумъ, неодинаковы между собою и следуютъ не черезъ одинакіе промежутки времени; одинаковыми и равновременными они быть не могутъ по самому способу ихъ происхожденія. Теперь

я беру смычекъ и проводя имъ по діапазону, сдѣланного изъ упругаго вещества—стали, заставляю его сотрясаться: здѣсь всѣ сотрясения его совершенно правильны и однообразны, потому что производятся не дѣйствиемъ нашей руки, а дѣйствиемъ собственной его упругости и вы слышите также сложный звукъ, состоящій изъ множества отдѣльныхъ, быстро другъ за другомъ слѣдующихъ сотрясений; но благодаря этой ихъ правильности и однообразности, звукъ этотъ производить въ насть совершенно особое впечатлѣніе,—впечатлѣніе, называемое музыкальнымъ тономъ.

Строго говоря, очень трудно провести рѣзкую границу между различными родами звука: такъ тоны по способу своего образования всего ближе подходитъ къ шуму. И дѣйствительно болѣе тонкое музыкальное ухо въ состояніи въ шумѣ быстро ёдущей кареты или быстро пылающей пилы различать тонъ, котораго не можетъ замѣтить непривычное ухо. Вотъ нѣсколько деревянныхъ пластинокъ. Если я буду бросать ихъ по одинокѣй на этотъ столъ, то каждая изъ нихъ будетъ производить отдѣльный стукъ; эти стуки небудутъ одинаковы, потому что всѣ пластинки различныхъ размѣровъ, хотя это различие стуковъ при этомъ едва замѣтно. Но я бросаю ихъ скоро одну за другою и притомъ въ извѣстномъ порядкѣ и вы слышите въ этомъ рядѣ стуковъ полную гамму.

Обратимся теперь къ музыкальнымъ тонамъ. Всякому извѣстно, что тоны различаются между собою по высотѣ и всякий легко отличаетъ высокіе тоны отъ низкихъ. Отъ чего же зависитъ это различіе? Я беру упругій стальной прутъ и однимъ концомъ защемляю его въ этихъ тискахъ; я вывожу его изъ его нормального положенія и, отнявъ палецъ, предоставлю его собственной его упругости. Вы видите, что

онъ начинаетъ качаться въ ту и другую сторону: но звука никакаго не слышно. Я переставляю его въ тискахъ такъ, чтобы качающаяся часть его была короче и повторяю тотъ-же опытъ: вы видите, что онъ колеблется быстрѣе, но все же звука никакаго не слышится. Я укорачиваю качающуюся часть его все болѣе и болѣе и вы ясно замѣтаете, что онъ колеблется быстрѣе и быстрѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ слышите музыкальные тоны, которые при этомъ дѣлаются все выше и выше. Итакъ этотъ опытъ ясно показываетъ, что тонъ дѣлается выше и выше по мѣрѣ того, какъ увеличивается быстрота колебаній, или другими словами, чѣмъ болѣе колебаній успѣваетъ сдѣлать звучащее тѣло въ одно и тоже время напримѣръ въ одну секунду. Но этотъ же опытъ намъ показываетъ, что подобныя колебанія происходящія отъ дѣйствія упругости могутъ быть нами ощущаемы какъ звукъ или тонъ только тогда, когда совершаются съ извѣстной быстротою. При началѣ опытовъ съ прутомъ вы видѣли колебанія, тона никакаго не слыхали, и только тогда стала слышанъ тонъ, когда колебанія достигли до извѣстной степени быстроты. Многочисленные опыты показали, что только тогда мы начинаемъ слышать тоны, когда тѣло начинаетъ колебаться съ быстротою не менѣе 32 колебаній въ секунду. Тогда мы слышимъ тонъ ихъ—это самый низкій тонъ органовъ: онъ весьма рѣдко употребляется въ музыкѣ и вы не найдете его на клавишахъ фортепіано: самый нисшій ut фортепіано выше его на цѣлую октаву. Самый высшій ut фортепіано происходитъ отъ 4096 колебаній въ секунду; изъ музыкальныхъ инструментовъ, употребляемыхъ въ оркестрахъ только флейта- николо береть однимъ тономъ выше этого. Тоны выше этого уже начинаютъ производить въ наше мѣсто ухѣ болезненное

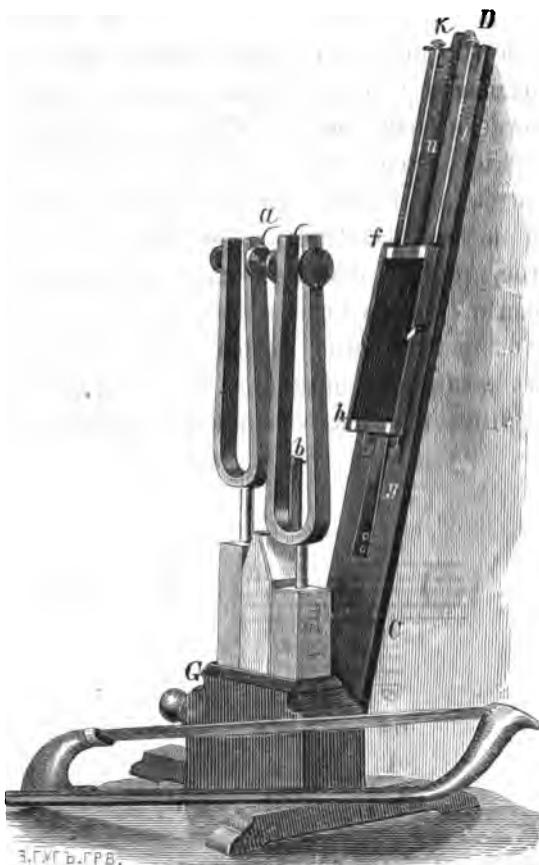
впечатлѣніе, а потому въ музыкѣ не употребительны. Такихъ слышимыхъ, но уже мучительныхъ для уха тоновъ, можно по упоминанію Денре получить еще дѣлая 3 октавы, но ухо страдаетъ подъ ихъ впечатлѣніемъ и съ трудомъ уже отличаетъ между ними интервалы.

Если при самомъ нисшемъ музикальномъ тонѣ звучащее тѣло дѣлаетъ 32 колебанія, то есть ли возможность — подумаете вы — сосчитать число колебаній, соотвѣтствующее высшимъ тонамъ? Умъ человѣческій нашелъ это не только возможнымъ, но даже и не на столько труднымъ, какъ это кажется съ первого взгляда. Есть нѣсколько способовъ опредѣлять числа колебаній; я укажу на самый простой и наглядный.

Числа колебаній можно опредѣлять относительныя и абсолютныя. Вотъ два каммертона; они издаютъ совершенно различные тоны, конечно оттого, что совершаютъ различныя числа колебаній въ секунду. Если я опредѣлю сколько дѣлаетъ колебаній въ секунду каждый каммертонъ, это будутъ абсолютныя числа; если же я раздѣлю большее изъ этихъ чиселъ на меньшее, тогда я узнаю во сколько разъ первое изъ этихъ чиселъ болѣе другаго или — другими словами — узнаю сколько колебаній успѣхъ сдѣлать одинъ каммертонъ въ продолженіи одного колебанія другаго — это будетъ число относительное. Для насъ болѣе важны числа послѣднія, нежели первыя; но я покажу какъ опредѣляются тѣ и другія; и начну съ относительныхъ.

Здѣсь къ одной изъ ножекъ каммертона приклѣплена тонкая, острая изагнутая крючкомъ пластинка фольги (а). Я ставлю каммертонъ въ особый станокъ (G); на доскѣ (CD), соединенной съ стаканомъ внизу шарниромъ, находится рамка (fh), двигающаяся на мѣдныхъ прутьяхъ (k и l), какъ

на рельсахъ; сверху она приклѣплена къ эластической тесьмѣ (n), а внизу удерживается пружиной (q); въ рамку вставлено законченное стекло. Я прислоняю доску

къ станку; тогда винтъ (b) нажимаетъ пружину (q) и рамка, дѣляясь свободно, дѣйствіемъ эластической тесьмы поднимается кверху, проходя мимо остря (a), которое при этомъ чертитъ на закопченномъ стеклѣ прямую линію. Я повторяю этотъ опытъ съ звучащимъ и слѣдовательно дрожащимъ камертономъ и получаю на стеклѣ линію волнообразную, на которой, такъ сказать, записались всѣ его колебанія, которые онъ сдѣлалъ въ то время, пока стекло проходило мимо остря. По числу этихъ зигзаговъ я могу опредѣлить число колебаній.

Здѣсь на этомъ станкѣ укрѣплены два

такихъ каммертона съ остріями. Они изда-
ютъ два различные тона и я, прикрѣпивъ
къ рамкѣ новое законченное стекло, застав-
ляю его проходить заразъ мимо обоихъ
острій. Вы видите, что они дали двѣ вол-
нистые линіи: но волны обѣихъ линій не-
одинаковы; волны одной гораздо мельче,
нежели волны другой. Если мы сосчитаемъ
сколько волнъ той и другой линіи приход-
ится напримѣръ на протяженіи вершка
и потомъ раздѣлимъ одно число на другое,
то это и будетъ ихъ относительное
число. Теперь если я туже рамку застав-
лю пройти мимо острія прикрѣпленного
къ качающему маятнику, то оно также на-
чертитъ на стеклѣ волнистую линію; если

тря по высотѣ тона) абсолютное число перваго каммертона; это и будетъ абсолютное
число втораго.

Подобными способами опредѣлены числа
колебаній, соответствующія различнымъ му-
зыкальнымъ тонамъ. Передъ вами таблица,
въ которой обозначены числа колебаній
соответствующія всѣмъ ut полнаго фортеп-
іано. Самый низкій басовой ut подъ пя-
той чертой соответствуетъ, какъ вы види-
те, 64 колебаніямъ въ секунду, а самый
высокій дикантный ut надъ пятою чер-
тою—4096 колебаніямъ. Весь первый рядъ
чиселъ показываетъ соответствующія имъ
абсолютные числа колебаній. По этому ря-
ду не трудно расчитать и второй, кото-

64	128	256		512	1024	2048	4096
1	2	4		8	16	32	64
ut ₁	ut	ut ₂		ut ₃	ut ₄	ut ₅	ut ₆

маятникъ былъ секундный, т. е. такой, ко-
торый совершаеть свое колебаніе въ се-
кунду, то каждый изгибъ его волнистой
линіи будеть обозначать секунду. Сосчи-
тавъ сколько изгибовъ каждого каммертона
приходится на одинъ изгибъ маятника я
получу для обоихъ каммертоновъ ихъ абso-
лютные числа. Изъ этого видно, что если
я знаю абсолютное число колебаній хотя
одного только каммертона то абсолютное чи-
сло всякаго другаго легко могу опредѣ-
лить, вовсе не употребляя маятника; для
этого стоитъ только поставить его вмѣстѣ
съ первымъ каммертономъ въ становъ и
опредѣливъ его относительное число, умно-
жить или раздѣлить на это послѣднее (смо-

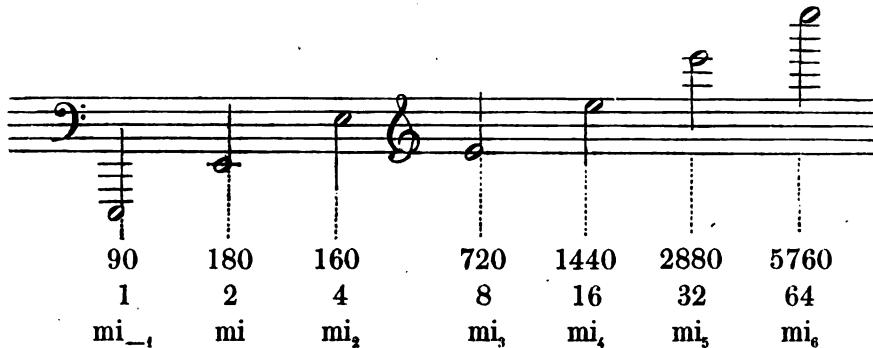
рый показываетъ, по скольку придется колебаній каждого тона на одно колебаніе тона ut—); такимъ образомъ онъ пред-
ставляетъ относительные числа колебаній.
Изъ него вывидите, что въ продолженіи
одного колебанія ut—:

тонъ ut дѣлаетъ 2 колебанія,
 » ut₂ » 4 »
 » ut₃ » 8 »
 » ut₄ » 16 »
 » ut₅ » 32 »
 » ut₆ » 64 »

Однимъ словомъ каждое ut въ сравне-
ніи съ ut, которое октавою ниже его, про-
исходитъ отъ числа колебаній вдвое про-
тивъ него большаго.

Предъ Вами другая таблица, на которой означены числа колебаний, соответствующія всѣмъ тѣ полнаго фортепиано; изъ нея видите, что абсолютные числа колебаний здѣсь другія, нежели для ut, но

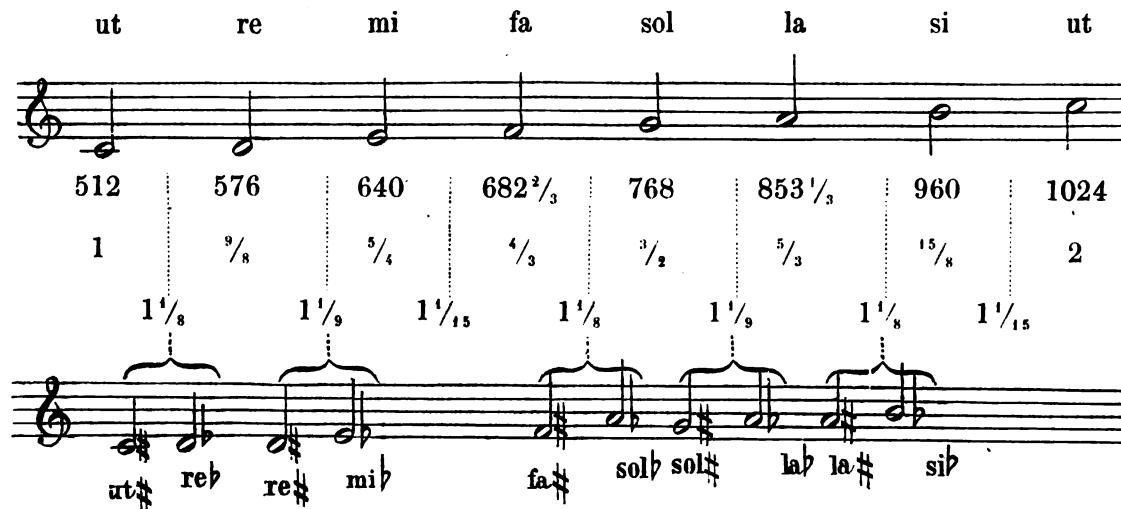
те абсолютные числа колебаний, соответствующія первымъ осьми тонамъ первой дискантовой октавы. Одни изъ нихъ числа цѣлыя, при другихъ есть и дроби и съ первого взгляда между ними не замѣтно ни-

относительныя тѣ же самыя, потому что всѣ тоны составляютъ между собою послѣдовательныя октавы.

Вотъ намъ первое указаніе на законы музыкальной гармоніи. Самое непревычное, самое немузыкальное ухо легко отличаетъ правильность или неправильность строя двухъ тоновъ, существующихъ дать октаву, и причина этого, какъ видите заключается въ весьма простомъ соотношеніи между числами колебаний соответствующихъ этимъ двумъ тонамъ.

какой связи и никакаго простаго отношенія: но, раздѣливъ всѣ ихъ на меныше изъ нихъ 512, мы получаемъ рядъ дробей, которыя помѣщены въ четвертой строкѣ и которыхъ значение весьма просто. Такъ дробь $\frac{3}{2}$, стоящую подъ sol, слѣдуетъ понимать такимъ образомъ, что въ продолженіи двухъ колебаний, соответствующихъ ut, sol успѣваетъ сдѣлать ровно 3 колебанія; поэтому-то эти два тона, взятые вмѣстѣ, производить въ наѣсъ созвучіе, для уха пріятное и весьма мало уступающее

Разсмотримъ теперь составъ гаммы. На этой таблицѣ въ третьей строкѣ вы види-

тому, который мы ощущаемъ, когда слышимъ вмѣстѣ два тона, составляющіе ме-

жду собою октаву. Подобное этому созвучие представляютъ намъ тоны ut и fa , дробь $\frac{5}{4}$, состоящая подъ fa , показываетъ, что въ продолженіи трехъ колебаній тона ut тонъ fa даетъ четыре колебанія. Тонъ la , подъ которымъ стоитъ дробь $\frac{5}{3}$, даетъ уже меньше созвучіе съ ut , потому что, какъ показываетъ дробь, въ продолженіи тѣхъ же трехъ колебаній тона ut тонъ la даетъ пять колебаній, а не четыре, какъ fa . Тоны ge и si , выражаемые такими сложными дробями, взятые вмѣстѣ съ ut производятъ уже непріятное впечатлѣніе на наше ухо, но и въ этомъ непріятномъ впечатлѣніи мы отадимъ предпочтеніе сочетанію ut — ge , передъ ut — si ; дроби, подписанные подъ этими тонами, сей часъ же объясняютъ намъ на чёмъ основывается это предположеніе. Онѣ показываютъ намъ, что въ продолженіи тѣхъ же восьми колебаній тона ut тонъ ge даетъ девять, а si —пятнадцать колебаній. Всѣ эти наблюденія приводятъ насъ къ тому основному выводу, что вся тайна гармоніи звуковъ заключается въ простотѣ отношеній между числами колебаній или—другими словами—въ гармоніи чиселъ. Дѣйствительно приведенные примѣры достаточно ясно доказываютъ, что чѣмъ проще отношенія между числами колебаній какихъ либо тоновъ, тѣмъ пріятнѣе впечатлѣніе производимое ими на наше ухо.

Всѣ эти восемь тоновъ гаммы соотвѣтствуютъ бѣлымъ клавишамъ фортепіано; но вы знаете, что кромѣ этихъ бѣлыхъ клавишъ на фортепіано есть еще и черные, которые называются діезами и бемолями, или по русски—полутонами. Почему же эти черные клавиши помѣщены не между каждыми двумя бѣлыми а только между нѣкоторыми, такъ что между восемью бѣлыми помѣщается только пять черныхъ? Неужели это зависѣло отъ про-

извола фортепіанного мастера или отъ укоренившагося обычая? Чтобы отыскать физическое основаніе для разрешенія этого вопроса, я опять прошу вѣсть обратить вниманіе на нашу таблицу. Если мы раздѣлимъ число колебаній, соотвѣтствующее какому либо тону, на число колебаній, соотвѣтствующее тону, ему предшествующему, то получимъ число, которое называется интерваломъ, и которое можетъ намъ дать понятіе о величинѣ промежутка между двумя соседними тонами. Пятая строка таблицы представляетъ намъ именно эти интервалы. Вы видите, что всѣ эти интервалы изображаются единицею съ дробью; но дроби эти неодинаковы. Здѣсь во 1-хъ три интервала—какъ вы видите, изображаются единицею съ дробью $\frac{1}{8}$; они самые большие и называются въ музыкѣ—тонъ-мажоръ. Во 2-хъ два интервала, выражаемые единицею съ дробью $\frac{1}{9}$; они немного менѣе первыхъ и называются—тонъ-миноръ. И тѣмъ и другимъ соотвѣтствуютъ діезы. Наконецъ въ 3-хъ два интервала, которыхъ величина выражается единицею съ дробью $\frac{1}{15}$; они значительно менѣе предыдущихъ и потому называются полутонъ-мажоръ; они діезовъ не имѣютъ. Дѣйствительно въ интервалахъ ti и fa , si и ut нѣть черныхъ клавишей, во всѣхъ же прочихъ, какъ большихъ,—есть діезы или полутоны.

Неравенство интервалловъ хорошо известно всѣмъ играющимъ на скрипкѣ: на скрипичной струнѣ, называемой басокъ и при нормальному строѣ дающей ut_3 , мы получаемъ ge_3 , ti_3 и fa_3 , нажимая ее указательнымъ, среднимъ и безымяннымъ пальцами лѣвой руки; но для этого мы разставляемъ пальцы на различныя разстоянія, такъ что промежутки между ними неодинаковы. Для получения ti и fa мы такъ близко ставимъ пальцы другъ къ другу,

что между ними не остается никакого промежутка, тогда какъ при остальныхъ тонахъ между ними остаются значительные промежутки.

Гамма, изображенная на таблицѣ и состоящая только изъ основныхъ тоновъ, называется діатоническою; если же мы включимъ въ нее и полутоны, то она называется хроматическою, что въ русскомъ переводе означаетъ цветную гамму. Это название она получила отъ того, что при старинномъ способѣ обозначенія тоновъ буквами полутоны обозначались тѣми же буквами, какъ и ближайшіе ихъ тоны, съ той только разницей, что эти буквы писались красными чернилами. Кроме того первая гамма называется мажорною въ отличие отъ минорной, которую не

зывается квінтою отъ латинского quinque пять; такое созвучіе даетъ тонъ съ своимъ пятымъ тономъ. Когда отношеніе чиселъ колебаній равно $\frac{4}{3}$, это называется квартой; таковы ut и fa, ge и sol, mi и la. Созвучіе тоновъ, имѣющихъ отношеніе $\frac{5}{4}$ и $\frac{6}{5}$, называются терцъ-мажоръ и терцъ-миноръ. Наконецъ созвучіе трехъ или четырехъ тоновъ, называется аккордомъ, когда числа ихъ колебаній представляютъ между собою простыя отношенія, т.-е. легко выражаемыя малыми и близкими числами. Аккордъ ut₃, mi₃, sol₃, ut₄ даетъ очень хорошее созвучіе потому что отношеніе между числами колебаній его тоновъ выражается рядомъ небольшихъ и близкихъ чиселъ 4, 5, 6, 8, какъ это видно изъ таблицы; онъ называется со-

ut ₃	mi ₃	sol ₃	ut ₄	ut ₃	fa ₃	la ₃	ut ₄	la ₃	ut ₄	mi ₄	la ₄
1	$\frac{5}{4}$	$\frac{3}{2}$	2	1	$\frac{4}{3}$	$\frac{5}{3}$	2	$\frac{5}{3}$	2	$\frac{5}{2}$	$\frac{10}{3}$
4	5	6	8	3	4	5	6	10	12	15	20

трудно получить изъ первой, если присоединить къ ней слѣдующую высшую октаву тоновъ и изъ обѣихъ взять восемь тоновъ отъ одного до другаго, т.-е., отъ la₁ до la₄.

Различные роды созвучія носятъ въ музыкѣ различныя названія. Когда тоны происходятъ отъ совершенно одинакового числа колебаній, это называется унисономъ, т.-е. одновзвучіемъ. Когда число колебаній одного тона ровно вдвое болѣе числа колебаній другаго, это октава отъ латинскаго слова octo восемь; каждый тонъ дасть такое созвучіе съ слѣдующимъ осмымъ. Когда отношеніе между числами колебаній изображается дробью $\frac{3}{2}$, какъ напр. ut и sol, mi и si, то ихъ созвучіе на-

вершеннymъ аккордъ-мажоромъ. Пріятенъ также для ука аккордъ la-mineur; онъ состоитъ изъ la₃, ut₄, mi₄ и la₄; относительные числа колебаній его тоновъ представляютъ рядъ 10, 12, 15 и 20. Но самое простое соотношеніе между числами колебаній представляетъ аккордъ ut₃, fa₃, la₃ и ut₄; въ немъ какъ, вы видите изъ таблицы, числа колебаній даютъ весьма простой рядъ 3, 4, 5 и 6. Созвучіе вѣдьсь такъ ясно и простота чиселъ такъ замѣчательна, что, по мнѣнію Бозція, звуки четырехъ струнъ лиры, изобрѣтенней Меркуріемъ, составляли именно этотъ аккордъ.

Музикальные тоны могутъ быть получаемы чрезвычайно разнообразными способами, а потому чрезвычайно разнообраз-

ны и самые музыкальные инструменты и по устройству, и по формѣ, и по материа-
лу, изъ котораго они приготавляются. Я
сейчасъ перейду къ ихъ описанію, но пред-
варительно считаю необходимымъ замѣтить,
что, каковы бы они ни были, законы му-
зыкальной гармоніи остаются одни и тѣ же,
потому что они относятся только къ чис-
ламъ колебаній, а не къ способамъ, ка-
кими онъ производятся. Такъ одинъ и тотъ
же тонъ мы можемъ получить посред-
ствомъ нѣсколькихъ десятковъ музыкаль-
ныхъ инструментовъ и какимъ бы обра-
зомъ онъ ни получался, число колебаній
будетъ одно и тоже. Правда ухо наше
весьма легко различаетъ въ этихъ тонахъ
разницу и тонъ, полученный флейтой, ни-

пальцемъ и утущите ея звукъ, послѣ того
вы долго еще будете слышать хотя слabo
цѣлый аккордъ тоновъ, очень согласныхъ
между собою и которыхъ прежде вы не
слыхали, потому что тонъ струны заглу-
шать ихъ. Эти-то второстепенные тоны и
называются гармоническими обертонами
главнаго. Они происходятъ отъ того,
что дрожанія указанной струны черезъ
дрожанія воздуха передаются другимъ стру-
намъ. Не трудно отыскать гармонические
обертоны всякаго тона: повторяя предыду-
щій опытъ, прикосновеніемъ пальца поста-
райтесь отыскать тѣ струны, которые
пришли въ дрожаніе отъ звука основнаго
тона; тоны, на которые эти струны на-
строены, и будутъ гармонические обертоны.

ut _₂	ut _₃	sel	ut _₄	mi _₄	sol	si _₄	ut _₅	re _₅	mi _₅
256	512	768	1024	1280	1536	1792	2048	2304	2560
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

когда не смѣшиваетъ съ тономъ скрипки
или фортепіано: но это различіе, называе-
мое тэмбромъ и которое Гельмгольцъ
назвалъ цвѣтомъ звука, зависитъ не отъ
числа колебаній, но отъ многихъ слож-
ныхъ условій, между которыми главное
место занимаютъ: видъ колебаній и обер-
тоны, обыкновенно сопровождающіе глав-
ный тонъ.

Изученіе видовъ колебаній потребовало
бы у насъ много времени, а потому я
ограничусь только сообщеніемъ понятія
объ обертонахъ. Откройте крышку вашего
фортепіано или рояля и поднявъ педаль,
слегка ударьте по какой-нибудь струнѣ
пробковымъ молоточкомъ: она тотчасъ из-
дастъ свой тонъ. Прикоснитесь къ ней

Предлагаемая таблица представляетъ
гармонические обертоны ut_₂; вы видите,
что обертоны происходятъ отъ чиселъ ко-
лебаній въ 2, 3, 4, 5.... и т. д. разъ боль-
шихъ противъ основнаго тона; поэтому
между обертонами входятъ и высшіе его
октавы. Гельмгольцъ показалъ, что оберто-
ны всегда сопровождаютъ основной тонъ,
хотя они и ускользаютъ отъ нашего вни-
мания, и что упражненіемъ не трудно прі-
учить ухо къ тому, чтобы оно всегда ихъ
замѣчало: по его учению тэмбръ главнымъ
образомъ зависитъ отъ того, какіе обер-
тоны сопровождаютъ основной тонъ.

Но отъ какихъ бы причинъ не зависѣть
тэмбръ, нѣть никакого сомнѣнія, что онъ
представляетъ собою явленіе въ высшей

степени сложное, и, если наше сознание не затрудняется пониманиемъ его, то причина этого лежить въ организации нашего уха, которое по своей сложности не уступаетъ самыемъ сложныемъ музикальнымъ инструментамъ и котораго устройство основано на однихъ началахъ съ ихъ устройствомъ. Только благодаря своему устройству и сложности тѣхъ физиологическихъ процессовъ, которые въ немъ происходятъ, ухо не только свободно отличаетъ различные музикальные тоны, имъ ощущаемые, но и легко въ нихъ узнаетъ тѣ способы, которыми они произведены.

Способы получения музикальныхъ тоновъ чрезвычайно разнообразны: такъ въ органыхъ трубкахъ тоны получаются вслѣдствіе колебанія столбца воздуха, въ нихъ заключающагося; во многихъ таѣ-называемыхъ духовыхъ инструментахъ они получаются вмѣстѣ и колебаніемъ воздуха и колебаніемъ стѣнокъ трубъ или упругихъ пластинокъ, образующихъ отверстіе, чрезъ которое входитъ воздухъ; въ фортепіяно, гусляхъ, гитарѣ, скрипкѣ тоны получаются дрожаніемъ тонкихъ, упругихъ и натянутыхъ нитей или проволокъ, называемыхъ струнами; въ гармоніи, они получаются дрожаніемъ упругихъ язычковъ; въ нѣкоторыхъ инструментахъ — дрожаніемъ упругихъ деревянныхъ или стеклянныхъ пластинокъ или перепонокъ. На этомъ основывается классификація инструментовъ на духовые, струнные и проч. Я не имѣю здѣсь ни намѣренія, ни времени подробнѣ описывать инструменты въ правильно организованныхъ оркстрахъ; точно также я не намѣренъ описывать національные инструменты всѣхъ народовъ: но я имѣю намѣреніе обратить здѣсь ваше вниманіе на тѣ національные инструменты, которые получились изъ разныхъ странъ комитетъ русской этнографической выставки, и которые теперь

находятся передъ вашими глазами. Я считаю эту такъ сказать предварительную музыкальную выставку вовсе не лишнею въ виду того, что эти разнообразные національные инструменты, будучи по необходимости расположены каждый при томъ племени, которому принадлежать, будутъ по всей вѣроятности разбросаны по всей выставкѣ и при множествѣ другихъ не менѣе интересныхъ предметовъ, легко ускользнуть отъ вашего вниманія: здѣсь же я имѣю полную возможность остановить и даже сосредоточить ваше вниманіе на любомъ изъ нихъ.

Знаменитый Саваръ, посвятившій такъ много изученію музикальныхъ инструментовъ съ физической точки зрѣнія, дѣлить все инструменты на простые и сложные, смотря потому имѣютъ ли они особыя приспособленія для усиленія звука или нѣтъ. Это дѣленіе не совсѣмъ удобно уже и потому, что неравномѣрно: музикальныхъ инструментовъ относящихся ко второй группѣ гораздо болѣе нежели къ первой. Съ другой стороны оно оказалось недостаточнымъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ затруднило самого Савара. Такъ онъ затруднился тѣмъ, куда причислить весьма распространенный у насъ варганъ, котораго одинъ экземпляръ доставленъ комитету Его Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ изъ Нижегородской губерніи вмѣстѣ съ другими предметами, употребляемыми Черемисами, а другой экземпляръ подъ именемъ дромбуле, сербско-хорватскій, присланъ Феликсомъ Лаемъ. Онъ состоитъ изъ твердой желѣзной пластинки, согнутой наподобіе кольца, оканчивающагося вилкой, между концами которой помѣщается тонкая упругая стальная пластинка, оканчивающаяся крючкомъ и приводимая въ дрожаніе пальцемъ. Какъ видите по устройству этотъ инструментъ принадлежитъ къ разряду простыхъ и звукъ имъ издаваемый очень слабъ. Но

по способу употреблениі онъ сложный; потому что его употребляютъ прикладывая къ зубамъ, причемъ звукъ, какъ вы слышите значительно усиливается: здесь резонансный ящикомъ служитъ внутренняя полость рта и воздухъ, въ немъ находящійся. Этотъ инструментъ былъ весьма распространенъ въ великороссийскихъ губерніяхъ въ особенности тогда, когда въ нихъ еще мало была известна гармонія, которая безъ сомнѣнія имѣеть передъ варганомъ много преимуществъ. Несмотря на недостаточность классификаціи Савара мы будемъ ея держаться и прежде всего опишемъ инструменты простые.

Сюда относится алеутскій кастаньетъ; онъ состоитъ изъ деревянного обруча съ крестообразною распоркою; какъ къ обручу такъ и къ распоркѣ привѣшено множество клювовъ птицы, называемой топорокъ. Взявъ этотъ инструментъ за распорку и встрахивая его мы получаемъ шумъ, который не производить никакого тона и только служить доказательствомъ жалкаго состоянія музыкального вкуса и искусства у Алеутовъ.

Къ этой же категоріи относятся два инструмента, употребляемые при буддійскомъ богослуженіи и присланные изъ Забайкальской области исправляющимъ должность главнаго ламы Монголо-бурятскаго духовенства ламою Банчиковымъ; это Сельнимы и Хонъ-ха. Сельнимы, по нашему тарелки, по китайски тамъ-тамъ, состоять изъ бронзовыхъ кружковъ съ углубленіемъ въ срединѣ. Звонкость бронзы, изъ которой дѣлаются сельнимы, зависитъ какъ отъ ея состава, такъ и отъ способа ея обработки, которая въ Китаѣ доведена до замѣчательнаго совершенства. Разнообразия способы прикосновенія одной тарелки о другую, можно получать отъ сельнимовъ чрезвычайно разнообразные звуки. Строго говоря сель-

нимы не могутъ быть отнесены къ простымъ инструментамъ, потому что углубленіе ихъ значительно усиливаетъ звукъ: если его заклеить бумагою, звукъ значительно ослабляется. Хонъ-хо — бронзовый колокольчикъ съ очеромъ, которымъ ударяютъ въ хонъ-хо; оба украшены изображеніемъ богини Дары.

Изъ сложныхъ инструментовъ даемъ первое мѣсто струннымъ. Въ нихъ различные тоны получаются и различною длиною струнъ и различною ихъ толщиною и наконецъ различною степенью натяженія. Самые звуки извлекаются или посредствомъ смычка, или ударами особыхъ палочекъ или завѣдываніемъ струнъ пальцами, ногтями пальцевъ и даже особыми крючками, прикрепленными къ нимъ. Изъ смычковыхъ инструментовъ весьма замѣчательенъ кобызъ, котораго вы видите здѣсь пять экземпляровъ разныхъ размѣровъ; этотъ инструментъ весьма употребителенъ у Киргизовъ сибирскихъ и оренбургскихъ. Онъ весьма походить на скрипку и отличается отъ нея во 1-хъ формою своего резонанснаго ящика, напоминающею собою наши деревянные ковши, такъ какъ онъ выдолбленъ изъ цѣльнаго куска дерева и открыть спереди; и во 2-хъ тѣмъ, что имѣеть только двѣ струны. Смычекъ своею формою напоминаетъ лучекъ; онъ состоять изъ тонкой согнутой круглой палочки, концы которой связаны пучкомъ конскихъ волосъ натягиваемыхъ пальцами руки, его держащей. Струны также свиты изъ пучка конскихъ волосъ; онъ подперты кобылкою очень оригинальной формы, утвержденной на пузырѣ, которымъ затянута нижня часть резонанснаго ящика: тщательность отдѣлки и установки кобылки доказываетъ, что Киргизы знаютъ цѣну этой важной принадлежности скрипки, которой физическое значеніе уяснилъ только Саваръ своими изслѣдованія-

ми. По всей вѣроятности кобызъ; равно какъ и скрипка, произошли отъ одного первообраза кеменгей, одного изъ древнѣйшихъ смычковыхъ инструментовъ арабскихъ, втораго изображеніе вы видите на экранѣ *).

Изъ инструментовъ, въ которыхъ звуки извлекаются зацѣпленіемъ струнъ пальца-ми, вы видите здѣсь три экземпляра думбры, употребляемой Киргизами и Калмыками: это двухсторонная балалайка, съ двумя жильными струнами и съ ладами сдѣланными также изъ струнъ, которыми для этой цѣли перевязанъ въ разныхъ мѣстахъ грифъ. По всей вѣроятности думбра и балалайка происходятъ отъ египетской лютни, на которой впрочемъ, какъ вы видили на представляемомъ рисункѣ, играли посредствомъ шарика, водя имъ по струнамъ также, какъ наши Великоруссы водятъ по струнамъ балалайки ногтями пальцевъ. Болѣе совершеннымъ инструментомъ этого рода представляется тамбура сербско-хорватская: она имѣеть болѣе правильную форму, съ четырьмя струнами изъ тонкой стальной проволоки и съ ладами устроенными весьма правильно; звукъ тамбуры нѣжный, пріятный. Два экземпляра, полученные комитетомъ, указываютъ на то, что размѣры тамбуры бывають различные. Корельский (изъ Олонецкой губ.) инструментъ кандала имѣеть вѣнѣніе очерченіе небольшой арфы; но струны (изъ мѣдной проволоки) натянуты на резонансномъ ящи-кѣ съ крестообразнымъ прорѣзомъ. Всѣхъ струнъ 13, очевидно они составляютъ полную хроматическую гамму; но строй ихъ также, какъ и всѣхъ другихъ струнныхъ инструментовъ, доставленныхъ комитету, намъ неизвѣстенъ, потому что всѣ струны во время перевозки по необходимости по-

теряли строй и многія даже порвались. Кандала, какъ народный инструментъ, намъ кажется весьма замѣчательнымъ; и своею формою и устройствомъ она напоминаетъ намъ вунклъ, присланный комитету гр. Тышкевичемъ: этотъ весьма древній литовскій инструментъ съ восемью желѣзными струнами. На подобномъ же резонансномъ ящи-ке натянуты струны въ чувашскихъ гусляхъ, доставленныхъ изъ Ядринскаго уѣзда Казанской губерніи; струны на немъ кишечные, и ихъ 34, онъ расположены также какъ струны фортепіана, длина ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ниже тонъ. Совершенно особый видъ имѣеть ятага, инструментъ употребляемый оренбургскими Киргизами; онъ представляетъ длинный квадратный въ сѣченіи ящикъ на верхней сторонѣ котораго натянуто семь мѣдныхъ струнъ, изъ коихъ каждая подперта особою кобылкою; съ боку ящика представляется состоящимъ изъ двухъ неравныхъ частей, соединенныхъ подъ тупымъ угломъ на верхней сторонѣ его, сдѣлано много круглыхъ прорѣзовъ. Осетинская арфа состоитъ изъ продолговатаго четвероугольного ящика, съ одного бока котораго придѣлана наклонно деревянная планка; между планкой и ящикомъ натянуто 12 струнъ, сдѣланныхъ изъ скрученныхъ конскихъ волосъ. Всѣ деревянныя части украшены рѣзьбой особаго стиля и покрыты лакомъ; въ одномъ мѣстѣ ящика помѣщено весьма оригинальное прибавление; это кружекъ съ маленькимъ рѣзнымъ оленемъ, и двумя лошадками, которые прыгаютъ вѣроятно въ тактъ музикѣ при легкомъ нажатіи пальца на особую пуговку.

Къ инструментамъ, въ которыхъ струны издаются звуки отъ удара особыми палочками принадлежитъ грузинскій инструментъ, присланный также Кавказскимъ Вспомогательнымъ Комитетомъ, называемый десяплинто. Онъ состоять изъ де-

*) Экземпляръ кеменгя имѣется теперь въ «Дашковскомъ этнографическомъ музѣѣ».

ревяннаго ящика, имѣющаго видъ трапеци, хорошо отдѣлннаго и покрытаго инкрустацими изъ перломуутра; на верхней части его параллельно средней линіи этой трапеци натянуты тонкія мѣдныя струны — по четыре струны для каждого тона, всего 18 рядовъ; каждыя четыре струны подперты особою кобылкою, такъ что каждая часть, отдѣляемая кобылкою даетъ свой особый тонъ. Слѣдовательно всѣхъ тоновъ этотъ инструментъ имѣеть 36. Каждая струна приврѣслена къ особому волку и натягивается мѣднымъ ключемъ, совершенно похожимъ на фортепіанній. На конецъ звуки извлекаютъ посредствомъ ударенія о струны особыми рѣзными палочками, весьма замысловатой формы, сдѣланнныи изъ орехового дерева.

Форма и устройство его очень хорошо напоминаютъ намъ арабскій инструментъ канунъ, въ которомъ для каждого тона натянуто было по три струны; но разница здѣсь въ томъ, что на этомъ инструментѣ, котораго изображеніе вы видите на экранѣ, играли какъ на цитрѣ посредствомъ плектрумъ; это искусственные ногти, сдѣланнныи изъ очищенаго гусинаго пера и приврѣслаемые къ концамъ пальцевъ посредствомъ колецъ, способъ этотъ и теперь употребляется при игрѣ на цитрѣ. Десятилінито имѣеть очень пріятный тембръ; онъ принадлежитъ къ древнимъ грузинскимъ инструментамъ и въ настоящее время уже довольно рѣдокъ въ Грузіи.

Инструментовъ, изъ которыхъ звуки извлекаются ударами по упругой перепонкѣ, Комитетъ получилъ не много: сюда принадлежитъ кынгырыкъ и дамара, употребляемые при буддійскомъ богослуженіи. Кынгырыкъ большой діаметромъ, но не высокій барабанъ, обтянутый съ обѣихъ сторонъ пузыремъ; по немъ ударяютъ особой палачкой, на концѣ которой находит-

ся мягкий шарикъ, обтянутый кожей. Дамара — это маленький барабанчикъ, имѣющій видъ двухъ сложенныхъ сердецъ; въ нему приврѣслены двѣ длинныи и широкія пестрыя ленты, вѣроятно имѣющія какои нибудь религіозный смыслъ, и два короткихъ шнурка съ твердыми шариками на концахъ. Взять его за ленты и встряхивая особымъ манеромъ достигаютъ того, что шарики ударяютъ объ перепонки производя звуки, отдѣльно неимѣющіе никакого музыкальнаго характера. Сюда же принадлежать: хесе шаманскій бубенъ, по которому ударяютъ палочкой, называемой тобарь, и пензеръ бубенъ самойдскій, по которому ударяютъ палочкой, обтянутой оленевой шкурой. Хесе, какъ видите, громадныхъ размѣровъ и весьувѣшенъ множествомъ жѣлезныхъ побрякушекъ, отчего вѣсь его довольно значителенъ: по множеству побрякушекъ онъ вполнѣ гармонируетъ съ одеждой шамановъ, которая по множеству всевозможныхъ привѣсковъ, безъ сомнѣнія обратить ваше вниманіе на выставкѣ. На пензерѣ приврѣслено нѣсколько мѣдныхъ колокольчиковъ и колецъ.

Покончивъ съ инструментами струнными и перепончатыми, перѣходимъ къ классу самому обширному — инструментамъ духовымъ. Самые простые изъ нихъ тѣ, въ которыхъ звуки производятся сотрясеніемъ губъ; сюда принадлежать лигавка, употребляемая подъясанами (по Бугу), — труба, длиною аршина въ два, обвитая берестою; на нее весьма похожа, только нѣсколько длиннѣе, другая труба, присланная изъ Виленской губерніи. Къ этому же разряду принадлежитъ голинъ-бурэ, длинная мѣдная труба конической формы съ значительнымъ раструбомъ на концѣ, употребляемая при буддійскомъ богослуженіи. Сюда же должна быть причислена цыбызга, употребляемая Киргизами и Калмыками; по

присланнымъ образцамъ вы видите, что она дѣлается или мѣдная съ серебряными украшениями, или деревянная, точеная, или тростниковая, и въ этомъ случаѣ обтягивается баранымъ пузыремъ. Она открыта съ обѣихъ сторонъ; на узкомъ концѣ ея сдѣлано три четвероугольныхъ отверстія. Вставляя ее широкимъ концомъ въ лѣвую сторону рта, вдуваютъ въ него воздухъ и оставляя правую часть полуоткрытою, производятъ его въ тоже время особаго рода на свистываніе. Въ тембрѣ этого инструмента, слышится смѣсь тэмбровъ волынки и флейты и звуки его какъ будто представляютъ подражаніе шелесту листьевъ или травы подъ дуновеніемъ степнаго вѣтра: вообще тембръ цыбызги совершенно оригинальный, неимѣющій кажется ничего подобнаго въ оркестровыхъ инструментахъ. Башкирская музыка на цыбызгѣ, которую намъ удалось слышать, очень пріятна и мелодична, хотя и своеобразна. Не менѣе оригиналъ употребляемый башкирами способъ закрыванія и открыванія звуковыхъ отверстій цыбызги; онъ совершенно отличъ отъ способа употребляемаго на флейтѣ и напоминаетъ собою рисунокъ одного барельефа, встроеннаго на какомъ-то египетскомъ памятникѣ, и котораго изображеніе вы видите здѣсь на экранѣ.

Къ разряду духовыхъ инструментовъ, снабженныхъ дрожащими язычками, принадлежитъ: бирбинія, употребляемая въ Литвѣ; эта небольшая, деревянная дудочка, оканчивающаяся разширеніемъ, имѣеть четыре звуковыхъ отверстія. Хорватская дудочка составлена изъ двухъ вдвигающихся другъ въ друга трубочекъ, изъ которыхъ въ одной устроенъ язычекъ, а въ другой сдѣлано пять звуковыхъ отверстій; такое устройство даетъ возможность измѣнятьстрой инструмента. Пишакъ, тоже хорватскій инструментъ; эта свирѣль имѣ-

еть шесть звуковыхъ отверстій и значительный раструбъ для усиленія звука. Диپле—оттуда же, состоить изъ двухъ свирѣлей въ родѣ предыдущей, сдѣланныхъ изъ одного куска дерева; на одной свирѣли четыре, а на другой пять отверстій. Всѣ эти инструменты даютъ возможность измѣнятьстрой даже на цѣлый тонъ и только бирбинія имѣетьстрой постоянный. Изъ буддійскихъ инструментовъ къ этому разряду принадлежитъ деревянная труба бишкуръ, съ мѣднымъ мундштукомъ и мѣднымъ раструбомъ; отверстія, служащія для произведенія тоновъ (числомъ), сдѣланы въ деревянной части; она употребляется при богослуженіи.

Волынки, по способу произведенія звуковъ принадлежать также къ язычковымъ инструментамъ и разнятся отъ многихъ изъ нихъ только тѣмъ, что имѣютъ при себѣ особые резервуары для воздуха, дающіе возможность получить непрерывные потоки звуковъ. Волынокъ здѣсь вы видите нѣсколько экземпляровъ: чуашская волынка представляетъ собою самую простую форму; она состоитъ изъ бычачьего пузыря, къ которому прикреплена одна трубка, служащая для вдуванія въ пузырь воздуха, и другая съ язычкомъ и звуковыми отверстіями, имѣющая нѣкоторое сходство съ кларнетомъ. Гайда, такъ называются словацкія и болгарскія волынки, представляютъ собою устройство гораздо болѣе сложное: въ нихъ резервуаромъ служить козья шкура (вѣроятно отсюда и название гайда, коза), и для произведенія различныхъ тоновъ служатъ двѣ трубки, подобныя кларнетамъ со многими звуковыми отверстіями. Словацкая гайда, какъ вы видите, особенно замѣчательна по своимъ украшениямъ, между которыми особенно выдается изображеніе козьей головы. Къ язычковымъ инструментамъ при-

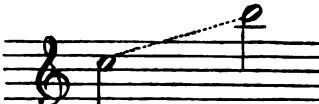
надлежать и три губные гармоники сербско-хорватскія, присланные Ф. Лаемъ; они достаточно распространены и у насъ, а потому я, не останавливаясь на нихъ, замѣчу только, что сербско-хорватскія гармоники короче нашихъ великорусскихъ.

Послѣдній разрядъ, которымъ мы заключимъ нашу бесѣду, разрядъ флейтовыхъ инструментовъ, имѣть довольно много представлений. Этотъ родъ инструментовъ отличается такимъ устройствомъ своего дульца, что воздухъ въ него вдуваемый, встрѣчая острый край инструмента, разрѣзается имъ и приходя въ колебательное состояніе, издаетъ звукъ. Самый простѣйшій видъ этихъ инструментовъ представляютъ намъ глиняныя свисталки, которые получены комитетомъ только изъ Царства Польскаго, не смотря на то, что въ нашихъ великоруссійскихъ губерніяхъ нѣть ни одной почти горшечной лавки, где не нашлось бы этихъ свисталокъ. Ихъ устройство вѣроятно всѣмъ хорошо известно, а потому останавливаться на нихъ я считаю излишнимъ; но не могу не замѣтить, что весьма было бы интересно собрать всѣ тѣ формы, въ которыхъ встрѣчается этотъ вполнѣ народный инструментъ. Господствующая форма свисталокъ въ великоруссійскихъ губерніяхъ — это утка, но въ Царствѣ Польскомъ, какъ видно изъ присланныхъ образцовъ, имъ даютъ даже и форму женщины.

Скаудутась, литовскій инструментъ, состоящий изъ двѣнадцати отдельныхъ трубочекъ, съ одного конца закрытыхъ, а съ другого срѣзанныхъ съ двухъ сторонъ наискось. Каждая трубочка издаетъ только одинъ тонъ, а всѣ вмѣстѣ даютъ полную хроническую гамму.

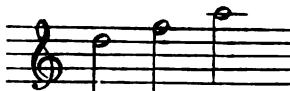
Должно сожалѣть, что комитету не доставлено свѣдѣній о способѣ ихъ употребленія; такъ какъ размѣръ трубочекъ умень-

шается вмѣстѣ съ повышеніемъ тона, и если ихъ связать въ рядъ по порядку тоновъ, то они представлять собою совершен-

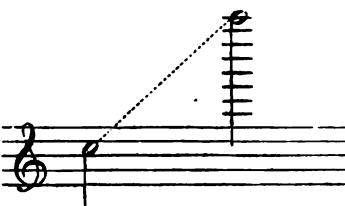
ное сходство съ тою флейтой, съ которой обыкновенно изображаютъ пана.

Другая литовская флейта лумжѣзе, съ настоящимъ органнымъ дульцемъ, снабжена свинцовыми наконечниками; онъ имѣть только два звуковыхъ отверстія и потому натуральная гамма ея ограничивается только тремя тонами. Одинъ изъ двухъ присланныхъ образцовъ и мѣсть, даетъ слѣдующіе три тона

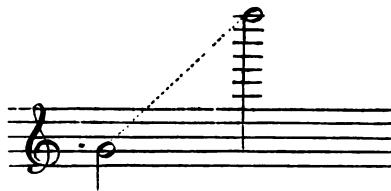
усиливая дутье не трудно получить тѣ же тоны двухъ высшихъ октавъ; впрочемъ послѣдніе производить на ухо уже весьма не приятное впечатлѣніе. Другой изъ присланныхъ образцовъ даетъ звуки на полтона выше.

Малороссійская сопилка, доставленная изъ Змievскаго уѣзда Харьковской губерніи, есть родъ деревянной флейты съ органнымъ дульцемъ; въ ней 6 звуковыхъ отверстій, которые при различномъ закрываніи и различной силѣ дутья даютъ почти всѣ тоны отъ

употребляется преимущественно пастухами-мальчиками.

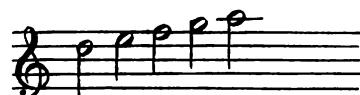
Ближайшее съ иею сходство и по устройству и по употреблению имѣть флейта подлясская; она также имѣть шесть отверстій, дающихъ почти полный рядъ тоновъ.

Сербская флейта отличается отъ предыдущихъ только своей натуральной гаммой, которая состоитъ изъ слѣдующихъ тоновъ

Къ этому же отдылу принадлежитъ сербско-хорватскій инструментъ фургуле, который иногда называется двойкой, а у Болгаръ — двойницей и даже почему-то — глушницей. Это родъ двойной флейты, сдѣланной изъ одного куска дерева, на которомъ посредствомъ раскаленного желѣза сдѣланы различныя характеристическая украшенія; правая изъ двухъ флейтъ имѣеть четыре, а лѣвая три звуковыхъ отверстія, которая также продѣланы раскаленнымъ желѣзомъ. Одинъ изъ присланныхъ образцовъ имѣеть натуральную гамму изъ слѣдующихъ тоновъ, другой имѣеть всѣ

звуки тономъ выше. Усиливая дутье, не трудно получить тоны выше на одну и двѣ октавы. На древнихъ египетскихъ памятникахъ встречаются подобные двойные инструменты. Инструментъ, который вы видите на экранѣ, есть древній арабскій, ко-

торый носить название аргула; можно кажется безъ ошибки предположить что Хорватская фургуле происходитъ, отъ него и отъ него получила свое название.

Вотъ всѣ тѣ музыкальные инструменты, которые получены комитетомъ выставки: хотя онъ, на основаніи сдѣланныхъ ему сообщеній, ожидаетъ еще значительного пополненія этой коллекціи, но во всякомъ случаѣ въ ней очевидно будутъ и значительные этнографические проблемы. Но даже и на основаніи того, что здѣсь находится передъ вашими глазами, не трудно вывести некоторые заключенія. У всѣхъ народовъ, къ какимъ бы темнымъ историческимъ эпохамъ они не принадлежали, въ какихъ бы недоступныхъ для цивилизациіи пустыняхъ они ни обитали, мы всегда можемъ встрѣтить свою національную музыку и свои національные инструменты. Мнѣ вѣрится, что какъ музыка, такъ и музыкальные инструменты народа носятъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ окружавшихъ и окружающихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ совершилось историческое развитіе народа. Въ характерѣ національной музыки мы видимъ точическое оживотвореніе орографическихъ и климатическихъ условій мѣстности, имъ занимаемой и тѣхъ историческихъ судебъ, подъ вліяніемъ которыхъ выработался его настоящій характеръ и бытъ. Такимъ образомъ, по общимъ законамъ всего существующаго, въ исторіи музыкального развитія каждого цивилизованнаго народа мы легко узнаемъ общую исторію музыки и съ другой стороны въ музыкальномъ искусствѣ народа, находящагося на низкой степени цивилизациіи, мы легко узнаемъ тѣ же фазы, какія встрѣчались въ раннія эпохи развитія народовъ цивилизованныхъ.

Все это указываетъ на то, что музыка составляетъ необходимый элементъ человѣческой живни, необходимость котораго обу-

словливается самою человѣческою организацію. Изученіе устройства органа слуха приводить насъ къ убѣждѣнію, что въ немъ все устроено такъ, чтобы мы могли не только воспринимать всякаго рода звуки, но различать ихъ и съ совершенною отчетливостію передавать ихъ нашему сознанію. Въ этомъ не большомъ по своимъ размѣрамъ, но въ высшей степени сложномъ

аппаратѣ совмѣщены всѣ условія для того, чтобы дать намъ возможность наслаждаться совокупностію и послѣдовательностью звуковыхъ впечатлѣній и изученіе какъ устройства его, такъ и дѣятельности заставляетъ насъ изумляться премудрости творческой руки, его создавшой, не менѣе какъ и при изученіи самаго дорогаго намъ органа, — органа зреія.

Алексѣй Владимірскій.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

При рапортѣ на Высочайшее имя генералъ-поручика Текеллія отъ 29 августа 1775 г. приложена вѣдомость имѣніемъ и зимовникамъ бывшаго Запорожья и какое число въ нихъ душъ *).

По правую сторону Днѣпра.

г. Сѣчъ:

Церковь.....	1
Архимандритовъ	1
Іеромонаховъ и діаконовъ	13
Ихъ служителей	7
жителей { старшинъ	112
козаковъ	991
разночинцевъ	74
	<hr/> 1.198

Зимовниковъ.... 763

Въ нихъ у промысловъ холостыхъ козаковъ..... 8.684

Поланокъ	5					
Въ нихъ деревень..	18					
» церквей..	5					
Поповъ и дьяконовъ	20					
Козаковъ { холостыхъ	371	женъ	дѣтей		итого.	
женатыхъ	790	793	859 м.	658 д.	3.100	
Поселянъ земледѣльцевъ и служителей	2.565	2.256	2.690	2.239	9.690	
Итого въ зимовникахъ и деревняхъ..	12.430	3.046	3.469	2.697	21.385	
А всего на правой сторонѣ....						
Днѣпра	13.628	3.049	3.489	2.897	23.063	

По лѣвую сторону Днѣпра.

Монастырей.....	2					
Въ нихъ монаховъ	38					
Поланокъ	5					
Зимовниковъ.....	838					
Деревень	27					
Церквей.....	10					

*.) Нѣкоторые итоги этой вѣдомости не вѣрны, но я не счелъ себя въ правѣ исправлять ее, не имѣя данныхъ чтобы судить, гдѣ заключаются ошибки, впрочемъ незначительныя.

	женъ	дѣтей		итого.
	31	29	30 м.	28 д.
Поповъ и дьяконовъ	31	29	30 м.	28 д.
Старшинъ	85			
Козаковъ { холостыхъ	1.143			
женатыхъ	2.448	1.878	2.548	2.060
Поселанъ, земледѣльцевъ и служителей .	8.720	5.352	6.690	5.499
				26.201

А всего на лѣвой сторонѣ

Днѣпра	12.460	7.259	9.268	7.587	36.574
А всего	26.088	10.308	12.757	10.484	59.637
Изъ нихъ желаетъ выйтіи въ Мазороссію					4.108
Остается					55.531

Въ томъ же дѣлѣ, изъ котораго мы извлекли эту вѣдомость, находятся и другія любопытныя данныя. Такъ напримѣръ вотъ свѣдѣнія о суммахъ, найденныхъ въ Сѣчи:

Войсковыхъ	56.446	p. 82 к.
Старшинскихъ	74.507	> 43 >
Казачьихъ	32.976	> 54 >

а всего . . . . . 163.932 p. 89 к.

Слѣдующая вѣдомость даетъ понятіе о богатствѣ нѣкоторыхъ старшинъ; по сдѣланной официальномъ образомъ описи оказалось у атамана, писара и суды слѣдующее количество скота:

У атамана Колышевскаго

Лошадей	650	штука.
Рогатаго скота	1.085	>
Овцъ и козъ	14.045	>

У суды Головатого

Лошадей	167	штука.
Рогатаго скота	362	>
Овцъ и козъ	1.034	>

У писаря Глобы

Лошадей	253	штука.
Рогатаго скота	676	>
Овцъ и козъ	12.063	>

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Генеральная табель привезенныхъ изъ Россіи въ Константинополь
и вывезенныхъ отсюда въ Россію россійскими купцами товарамъ,
съ начала 1782 по 1783 годъ.

А.

Пуд.	Фун.		Руб.	Коп.	
I.					
10.562	—	Привезенные изъ Россіи въ Константинополь на россійскихъ и на турецкихъ купеческихъ судахъ Чер- нымъ моремъ и сухимъ путемъ товары.	39.311	10	
16.912	—	Разнаго пушнаго товару на	31.681	60	
217	21	Шаюсной икры	44.710	5	
3.705	—	Боровъяго масла	1.138	55	
76.712	8	Банату смоленаго	7.872	—	
5.767	9	Банату бѣлаго	76.730	73	
1.418	18	Желѣза разнаго сорта	13.473	18	
519	31	Желѣза листоваго	4.007	33	
1.810	—	Гвоздей желѣзныхъ	1.150	98	
610	—	Чашекъ желѣзныхъ	3.720	—	
3.305	—	Сала свѣчнаго	1.830	—	
20.741	3	Свѣчъ сальныхъ	4.165	—	
660	—	Веревокъ смоляныхъ	19.804	80	
3.360	—	Веревокъ бѣлыхъ	1.977	80	
1.998	20	Воску желтаго	3.566	—	
44	20	Шерсти баарней	2.003	50	
18	—	Белужины соленой	210	51	
271	—	Хвостовъ лошадинихъ	126	—	
15	—	Гривъ лошадинихъ	621	60	
15	—	Пражи льняной	75	—	
950	—	Вазиги	37	50	
35	—	Окороковъ	Миса соленаго	1.077	8
128	—	Сыру	39	95	
54	12½.	Щетины	1.104	—	
3	30	Зубовъ рыбыхъ	2.636	—	
1	35	Бешляковъ (?) крымскихъ	150	—	
1	20	Янтарю	900	—	
1.661	—	Нефти	10	—	
1	—	Пеньки	5.396	20	
21.390	—	Клею рыбаго	12	—	
8	—	Табаку листоваго	21.890	—	
9	25	Ревеню	400	—	
310	—	Чаю зеленаго	652	60	
		Анису	430	90	

		Руб.	Коп.
847 штукъ.	Полотна парусного	8.518	74
69 >	Камлоту английского	1.164	—
8.460 арш.	Пестриди	1.916	90
317 >	Полотна затрапезного	228	76
664 >	Полотна салфеточного	81	12
55.216 >	Полотна	2.743	50
2.200 >	Хращу	82	—
3.605 >	Сукна толст. русского	506	75
500 >	Сукна польского	450	—
600 >	Крашенины	42	—
180 >	Набойки	45	—
295 штукъ.	Юфей красныхъ	1.658	50
55 >	Ковровъ русевинъ	84	—
23 >	Бурокъ татарскихъ	34	50
80 >	Еланечь сукна толстого.	96	—
1.310 >	Платковъ носовыхъ	455	—
6.229 >	Кожъ воловыхъ	13.019	25
270 >	Кожъ козловыхъ	94	50
36 >	Кожъ подошвенныхъ	25	20
3.399 >	Мѣшковъ порожнихъ	237	87
6.100 >	Рыбы вялой	278	50
1.153 >	Скоблей	437	70
112 >	Циркулей	22	40
25 >	Тоноровъ	8	75
475 >	Долотъ	95	—
18 >	Якорей	312	—
28 >	Кроватей желѣзныхъ	420	—
20 >	Колать (?) желѣзныхъ	18	—
1.199 >	Балыковъ	695	15
320 чет.	Четверт. муки пшеничной	460	—
808 >	Четвер. ячменю	1.696	80
4	Чапрака польскихъ шитыхъ золотомъ и серебромъ	300	—
	Наличными деньгами.	2.760	—
	Итого всѣхъ товаровъ привезено	337.398	12

II.

Вывезенные изъ Константинополя въ Россію на российскихъ и на турецкихъ купеческихъ судахъ, и сухимъ путемъ российскими купцами товары:

Кон- тори.	Очи.		
	1.119.620		
	67.550		
	4.250		
	210.206		
	158.700		
	10		
	584		
	50		
	4.177		
	1.735		
	8.937		
	823		
	200		
	Разныхъ Архипелагическихъ винъ	45.832	90
	Вина Кипрского	15.007	—
	Водки	481	87 $\frac{1}{2}$
	Соку лимонного	8.649	51 $\frac{1}{2}$
	Уксусу	2.632	74 $\frac{1}{2}$
	Тирняку	48	—
	Сахарныхъ закусокъ	494	89 $\frac{1}{2}$
	Медовыхъ закусокъ	7	50
	Миндalu	1.101	73 $\frac{1}{2}$
	Корки апельсинной	115	27 $\frac{1}{2}$
	Финиковъ	897	33
	Орѣховъ	65	43
	Кофе французского*	211	20

Конт.	Окн.		Руб.	Коп.
	189	Фиде (?)	45	99
	90	Сыру голландского	54	—
8.148		Оливокт.	504	30
	80	Каракатицы	45	60
39.550		Масла деревянного	9.492	—
	90	Крупъ перловыхъ	22	95
	72	Кимину (?)	12	96
	41	Мастики	25	20
5.191	12	Изюму	19.806	15
1.125	—	Коринки	6.750	—
2.739	—	Винныхъ ягодъ	9.031	57 ¹ / ₂
5.845	—	Рожковъ	4.867	8 ³ / ₄
415	20	Красокъ разныхъ	5.349	90
82	5	Орѣховъ чернильныхъ	1.561	83
49	34	Бумаги хлопчатой	1.350	60
	80	Пряжи бумажн. бѣлой	151	20
8.021		Пряжи бумажн. красной	17.760	82 ¹ / ₂
	76	Губки морской	84	60
	1	Шафрану	16	80
	1	Алое	120	—
8		Нашатырю	480	—
15		Буку	29	25
436		Ладану	8.624	40
140		Сахару песочного	756	—
30		Сахару головного	486	—
808.000	вяз.	Винныхъ ягодъ	3.407	10
160	квадр.	Кисели набойчатой	144	—
727	штук.	Пестряди бумажной	965	40
1.180	>	Полотна бумажн.	1.302	—
120	>	Полотна бумажн. крашен.	138	—
200	>	Полотна толстого	120	—
100	>	Полотна александрийск.	180	—
80	>	Полотна антиохийскаго	192	—
903	арш.	Сукна французск	1.202	55
120	арш.	Лейпцигскаго	360	—
500		Колпаковъ бумажныхъ	148	50
31		Утиральниковъ бумажныхъ	14	88
441		Мидкалевъ жемчугу	3.369	30
1.353 ¹ / ₂ ,		Мидкалевъ, золота сученаго	186	—
	12	Разныхъ шелковыхъ товаровъ	11.073	37 ¹ / ₂
	272	Платковъ кисейныхъ	28	80
	48	Кофейниковъ мѣдныхъ	132	—
150	бут.	Сафьяновъ	77	40
664	>	Лаванды	20	25
180	>	Водки унгарской	26	40
430	>	Бальзаму изъ дерев. масла дѣлан.	29	70
100	>	Французск. сладкой водки	25	80
40	>	Фронтиньку	12	—
100	>	Малаги	9	—
3.000		Бут. порожнихъ	3	60
52.000		Померанцевъ свѣжихъ	10	50
10.000		Лимоновъ свѣжихъ	201	60
10	боч.	Апельсиновъ свѣжихъ	60	—
10	>	Рому англійскаго	60	—
		Рому французск.	05	25

		Руб.	Коп.
10 боч.	Можжевельнику.	24	—
1 >	Сельдей.	9	—
22 ящик.	Французской сладкой водки.	396	—
20	Одъиль бумажныхъ.	96	—
1.000	Чашекъ кофейныхъ глиняныхъ.	12	—
10.650	Трубокъ глиняныхъ.	73	80
100	Трубокъ пленковыхъ.	24	—
864	Трубокъ голландскихъ.	11	88
940	Чубуковъ.	30	—
7	Каминовъ мраморовыхъ.	147	—
25	Четокъ номерандовыхъ.	3	62 $\frac{1}{4}$,
40	Мѣховъ для раздуванія огня.	7	20
80	Пиловъ.	24	—
80	Карафиновъ хрустальныхъ.	13	20
116	Стакановъ хрустальныхъ.	15	27
325	Зеркаль разной величины.	837	60
1	Лексиконъ наукъ.	102	—
12 паръ	Манжетъ французск. шитыхъ.	43	20
36 >	Чулокъ французскихъ шелковыхъ.	140	40
36	Простыней французскихъ.	64	80
12 паръ	Штановъ французскихъ вязанныхъ шелковыхъ.	57	60
100	Метелокъ.	6	50
600	Огнivъ.	5	40
4	Сервиза фаянсовыхъ англійскихъ.	310	89
18	Кушаковъ перстяныхъ.	86	40
1	Чашка цуншевая фарфоровая съ блюдомъ.	7	20
4	Короты (?) табаку французского.	10	80
6	Свинцовокъ табаку французского.	3	60
3	Коробокъ французскихъ фальшивыхъ цвѣтовъ.	39	60
1	Пологъ шелковой шитый золотомъ и разными шелками.	498	—
	Разныхъ мелочей.	780	—
	Наличными деньгами.	180	—
	Итого всѣхъ товаровъ вывезено.	190.561	22 $\frac{1}{4}$
	а привезено на	337.398	12
	Перевѣсь привезенныхъ превосходитъ вывезенныхъ.	146.836	89 $\frac{1}{4}$

Б.

Въдомость обращавшимся въ торговлѣ купеческимъ судамъ, какъ въ Константинополь пришедшимъ, такъ и отсюда въ Россію:

а) Прибывшимъ сюда.

1. Подъ россійскимъ флагомъ:

Изъ Херсона	8
> Таганрога	18
> Еникале	2
Итого	28

2. Подъ турецкимъ флагомъ россійскихъ купцовъ:

Изъ Херсона	12
> Таганрога	10
> Крыма	7
> Абазы	1
> Тамани	1
Итого	31

б) Отсюда отошедшимъ.

1. Подъ россійскимъ флагомъ:

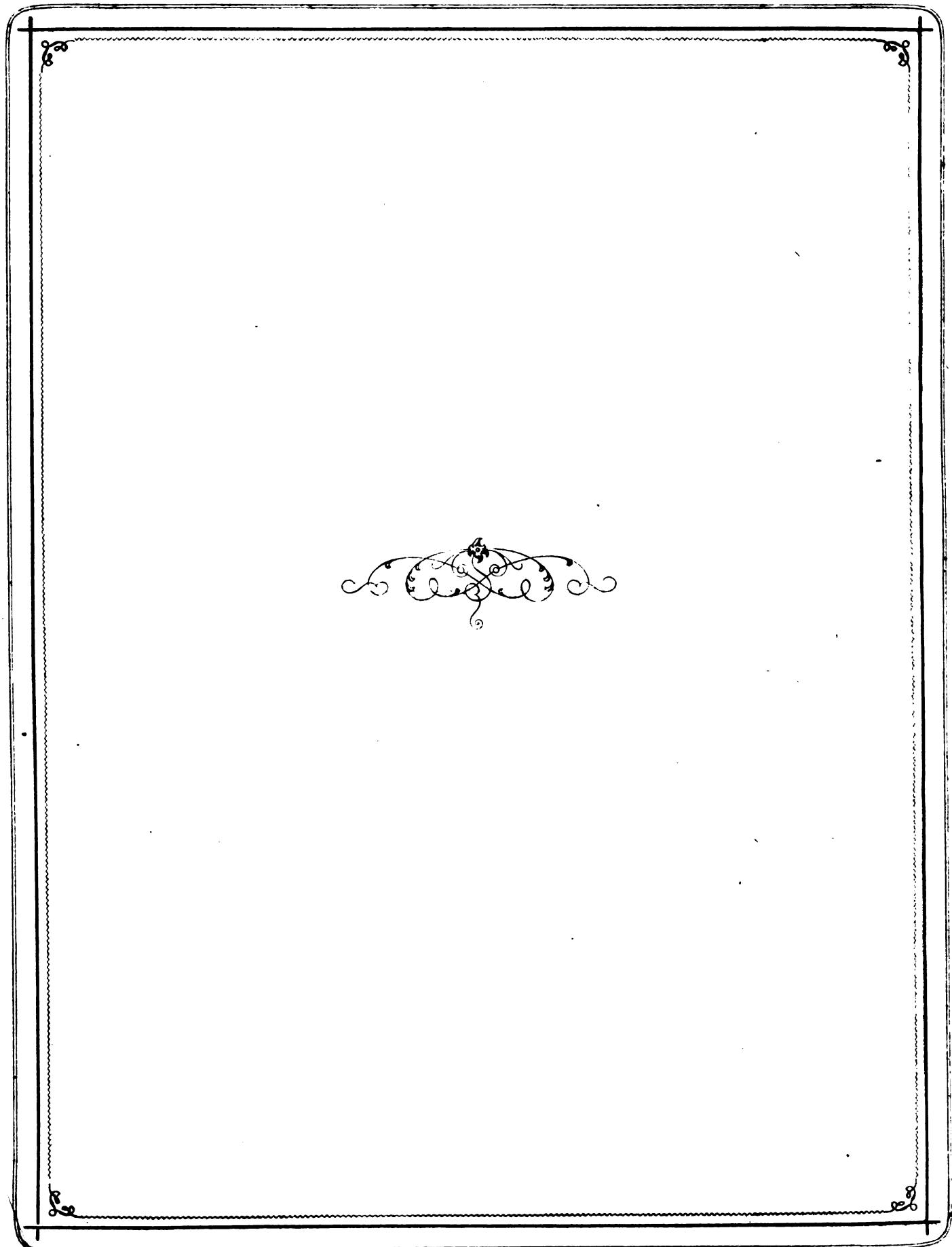
Въ Херсонъ	13
> Таганрогъ	16
> Керчь	2
Итого	31

2. Подъ турецкимъ флагомъ съ товаромъ россійскихъ купцовъ:

Въ Таганрогъ	22
> Херсонъ	26
> Еникале	1
Итого	49

3. Турецкихъ съ товаромъ подданныхъ порты:

Въ Херсонъ	3
> Таганрогъ	1
Итого	4

19.1878.

Transferred to Peabody
Museum, March 1933.

СБОРНИКЪ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХЪ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ
СТАТЕЙ
о России и странахъ ей прилежащихъ,

издаваемый

В. А. ДАШКОВЫМЪ,

Директоромъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ, Почетнымъ членомъ Императорскаго
Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Императорскаго Общества Испытателей
природы, Императорской Академіи Художествъ и членомъ другихъ ученыхъ обществъ.

КНИГА I.

МОСКВА.

1868.

ИЗВѢСТИЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ.

АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ.

Томъ VII

—
ТРУДЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА КНИГА I.

**This book is not to be
taken from the Library**

